

Мария Гинзбург Лес великого страха

Мир Мандры –

Текст книги предоставлен автором <http://www.litres.ru>
«Гинзбург М. Лес великого страха: фантастический роман»: Лениздат; СПб.; 2008
ISBN 5-9942-0096-4

Аннотация

Крыло боевых ведьм «Змей» должно выполнить опасное и ответственное поручение – доставить важный груз через лес, кишящий гигантскими пауками, партизанами и опасными тайнами, в которые можно проникнуть, но лучше ни с кем не делиться.

Да и выйти из леса совсем не так легко, как войти...

Мария Гинзбург ЛЕС ВЕЛИКОГО СТРАХА

Автор выражает признательность за помощь при создании романа:

Толику Семенову , программисту из Великого Новгорода

Скиллу , оружейных дел мастеру из далекого Омска

Фангу

А также йотуну Скади – за то, что она есть.

ПРОЛОГ

На верхней ступеньке лестницы, ведущей на галерею, Карина замерла. Остановился и

следовавший за ведьмой Равенн. Мужчина стоял так близко, что Карина чувствовала жар его бедер. Ведьма обернулась. Внизу, в общем зале гостиницы, бродячий певец исполнял балладу о прощании королевы Ниматэ и ее возлюбленного, серого эльфа Тинкарабана:

Я не купался ни в золоте, ни в крови
А лишь в теплом чужом море,
О да, чужом, но очень теплом
Я не заставлял краснеть ТириССу,
А лишь девушек – иногда,
Когда был слишком смел

Руки Равенна легли на талию ведьмы. Тепло его ладоней чувствовалось сквозь атлас, дорогая ткань льнула к телу. Обычно Карина одевалась в лен и хлопок. А сегодня днем, прогуливаясь по рынку Келенборноста вместе со Светланой, она увидела на прилавке чудесное платье, расшитое стразами. Атласная далматика была слишком дорогой не только для боевой ведьмы, но даже и для старшей крыла, которой была Карина. Ведьма пококотничала с охранником. Парень охотно откликнулся. Он не знал, что флирт с ведьмами останется для него приятным пустячком только благодаря счастливой случайности. Крыло «Змей» вылетало из Келенборноста на задание следующим утром, но ведьмы отказались от своей любимой игры сразу по прибытии в Лихой Лес. Подписанный больше ста лет назад пакт о добровольном присоединении к Мандре не сделал родину темных эльфов частью империи. Он превратил Лихой Лес из нейтральной территории во вражескую. Собственно, именно поэтому крыло «Змей» и оказалось здесь. Боевые ведьмы умели различать дела и развлечения, и война была для них первым, а не вторым. Развлечение же, придуманное для небесных воительниц старшей крыла, заключалось в следующем. В Карину, как и в любую из ее ведьм, легко было влюбиться. Чем тяжелее становилась от страсти голова кавалера, тем легче – его карман. Украшения, память о многочисленных романах, ведьмы вкалывали в рукава своих форменных курток. Самой дорогой и разнообразной коллекцией обладала Карина. После признания в любви, как правило пылкого, ведьмы немедленно расставались с ухажером. И только сегодня утром Карина рассказала Светлане, как целительнице и подруге, о причинах, толкавших ее на столь жестокую забаву. Целительница выдвинула весьма занимательную догадку по этому поводу, но возможность проверить ее на практике представилась бы не скоро – вряд ли бы крылу «Змей» удалось покинуть Лихой Лес до вересеня.

Когда на смех из лавки появился хозяин – полный сюрк с острой, как клинок, бородой – ведьмы двинулись дальше. Услышав сзади топот ног, Карина повернулась, разминая пальцы для заклинания. И увидела охранника. Как она успела узнать, его звали Равенн. В руках он держал платье.

– Спасибо, не стоит, – пробормотала Карина. – Это слишком дорогой подарок.

– Берите, – улыбнулся Равенн. – Мустафа мне кое-что должен. Немного, но достаточно, чтобы я мог подарить платье женщине, которая мне понравилась.

Светлана толкнула ее в бок.

– В нем вы будете смотреться гораздо лучше, чем в боевой форме, – тихо закончил он.

Равенн опустил платье на руки Карины – ведьма выставила их перед собой, чтобы пучок Чи получился направленным, да так и забыла их убрать. Карина смотрела, как Равенн уходит.

– И я должна его отпустить, – пробормотала ведьма.

– Зачем же? – сказала Светлана.

– Я же сказала, – произнесла Карина. – Мы не будем играть с мужчинами в Лихом Лесу.

– Но мы ведь еще не на задании, – тихо сказала подруга. – Возможно, дело совсем не в твоём дурном характере. Но я должна увидеть...

– Равенн! – крикнула Карина.

Мужчина обернулся.

И вот сейчас он стоял позади ведьмы в темной, узкой галерее, и его руки замерли на ее талии. Они не скользнули ни вверх, к низкому вырезу атласного платья, ни вниз, к бедрам Карины. И это было хорошо – ведьма ненавидела, когда ее хватали за задницу. Равенна тоже заворожила мелодичная и грустная баллада. Он явно годился на большее, чем кувырки в постели. «Тинкарабан хотя бы знал, за что платил», мрачно подумала ведьма. – «Но если Света права и мой характер здесь ни при чем... За что приходится платить мне?».

Я не пачкал неба жирной копотью горящих селений
Но пачкать котлы мне доводилось
Доводилось и чистить – песок для этого вполне подходит
А теперь говорят, что есть вещи, которые смывает лишь
кровь,
И их должна смыть моя кровь,
Кровь Серого Ворона
Внука тех, кто насытил воронов Шумы...

Ярость, горечь и ненависть к себе смешались в душе Карины, и этот коктейль был очень неприятен на вкус. Ведьма положила голову на грудь Равенну. Мужчина наклонился и поцеловал ее в шею.

– Потом... после всего... – прошептала Карина. – Уходи, прошу тебя. Я буду... Это будет некрасиво... И опасно для тебя. Уходи!

Равенн поднял лицо. К облегчению мандреченки, в его карих глазах не было ни насмешки, ни недоверия.

– Я еще не сошел с ума, чтобы спорить с боевой ведьмой, – сказал он. – Спасибо, что предупредила.

Карина мысленно застонала от бессилия и отчаяния. Воины, маги, торговцы и чиновники, мандречены, полане и сюрки – всех своих мужчин ведьма уже не помнила. Точно помнила только, что среди ее любовников не было сидхов. Но помощник сюркистанского купца оказался лучше многих. С таким мужчиной можно было бы встретить старость...

– Песня кончилась, – сказал Равенн.

Парочка двинулась по галерее. На стенах висели магические светильники в виде стилизованных веточек рябины. Гостиница, где ведьмы должны были провести время перед вылетом на заказ, так и называлась – «Гроздь рябины». Она считалась лучшей в Келенборносте. В гостинице Карина впервые в жизни столкнулась с таким серьезным зверем, как централизованный водопровод, и была весьма рада знакомству. Обычно ведьмы останавливались в дешевых гостиницах, а то и вовсе разбивали бивак рядом с пунктом назначения, чтобы не тратиться лишний раз и не кормить гостиничных клопов. Но в этот раз счета за постой оплачивал заказчик. А уж о клопах в «Гроздьях рябины» и речи идти не могло.

Карина вытащила ключ из небольшой сумочки на поясе. Равенн, чтобы не терять зря времени, перебросил толстую черную косу ведьмы на грудь и провел языком по той впадинке на шее, которого у любого человека находится сразу под затылком. Ведьма промахнулась мимо скважины.

– Дай-ка мне, – сказал Равенн и взял ключ из рук женщины.

Карина поцеловала его в губы. Он ответил. Их языки сплелись. Когда борьба ведьмы с поясом Равенны была близка к победе Карины, парочка ввалилась в номер. Мужчина закрыл дверь. Ведьма проворно сбросила платье. Равенн повернулся к ней и замер. Карина нетерпеливо повела плечом. В окно светила луна, и мужчина должен был увидеть ее во всей красе.

- В чем заминка? – спросила ведьма мягко.
- Жду команды, – хрипло ответил он.
- Команда.

Усталый Равенн провел рукой по рассыпанным волосам Карины.

- Кошку так свою гладь, – сказала она злобно. – Она, может быть, от этого кончит.

Он отдернул руку.

– А я – нет, – продолжала ведьма, поднимаясь на локтях. Мужчина удивленно посмотрел на нее. В том, что Карина испытала оргазм, и не один, сомневаться было сложно. – И лучше всего тебе и трахать кошек – у тебя как раз пиписка в размер подходит. А не для женщин! У некоторых язык длиннее...

Равенн понял. Он встал с кровати и начал одеваться.

– И гибче, – распалялась ведьма. – Твердый, как бревно! Уж лучше бы у тебя член был таким!

Мужчина толкнул дверь номера, на пороге обернулся. В прямоугольнике света, падавшего с галереи, Карина видела скулу и четкий профиль. И знала, что видит Равенна в последний раз.

– Найди хорошего мага, – сказал он спокойно. – И дай ему столько серебра, сколько он попросит.

– А тебе, часом, не нужно заплатить? – закричала ведьма. – Во сколько ты ценишь ублажение одной телки? Хотя, по правде, платить здесь не за что!

Она схватила с прикроватной тумбочки вазу и метнула ее в мужчину. Равенн пригнулся. Ваза, встретившись с косяком, разлетелась на осколки. Он вышел и тихонько притворил за собой дверь. Именно это добило Карину. Если бы Равенн обругал ее и захлопнул бы дверь так, что по комнате прошел бы звон, ведьме было бы легче. Она уткнулась лицом в подушку и тихонько завывала.

Дверь, ведущая в ванную комнату, отворилась. Негромко скрипнули половицы. Карина ощутила у себя на голове мягкую, теплую ладонь.

- Этот мужчина прав, – сказала Светлана. – На тебе чары, Карина.

Ведьма перекатилась на спину, отвернулась. Она не хотела, чтобы подруга видела ее заплаканное лицо. Карина редко плакала, но по опыту знала, что в такой момент нет ничего хуже сочувствующего собеседника. Обычно ведьме удавалось загнать слезы внутрь и быстро успокоиться, но если рядом находился кто-нибудь, кто жалел ее, дело заканчивалось истерикой. Впрочем, желающие посочувствовать боевой ведьме находились не так уж часто.

– Хвост Ящера, – выругалась Карина и села. – Но почему же Анастасия не заметила этих чар?

Первая целительница крыла «Змей», Анастасия, прошла с ведьмами почти всю войну и погибла во время захвата Долины Роз. Светлану прислали на замену из Горной Школы позже. Она покачала головой, на которой уже свернулся змей шлем-косы. Рыжий хвостик мазнул по лицу Карины.

– Мы, оборотни, видим то, что недоступно человеческому взгляду, – сказала Светлана. – У тебя после оргазма искривляются каналы разума и чувственности. Но даже я не могу увидеть силу, которая является причиной этого.

- Значит, Чи Земли, – пробурчала подруга. – Ну, хоть что-то...

Она приобняла Светлану за плечи и ловким, хотя и нежным движением опрокинула целительницу на кровать.

– Ты много чего еще увидела, – сказала ведьма прочувствованным баском. – Тебе понравилось?

Света засмеялась.

- О да...

На эльфийское писало, удобное и аккуратное, молодая актриса себе не заработала.

Мечтой Мадлен было выкупить себя и сестру, и тратить деньги на дорогие мелочи актриса не могла. Но сейчас она пожалела о собственной экономности. Документ, который будет держать в своих руках император Мандры, пришлось писать обыкновенным гусиным пером, которое царапало бумагу, а кляксы так и норовили соскользнуть с его кончика. Стол в беседке, где уединилась Мадлен, шатался, и из-за этого буквы выходили неровными. Актриса рассеянно подумала, что владение грамотой сродни умению биться на мечах. Обучив человека, никогда уже не узнаешь, на кого он поднимет меч; навык – это то оружие, которое нельзя ни отобрать, ни потерять. Рейнекке, импресарио труппы «Лисята», обучил ее грамоте для того, чтобы растянуть фазу ухаживания – милые любовные записочки очень способствуют этому, а львиную долю подарков от пылких кавалеров Мадлен отдавала Рейнекке в зачет собственной стоимости. А сейчас актриса писала прошение... да нет, не прошение, поправила себя Мадлен, донос она писала. И если бы старый Лис узнал об этом, он бы горько пожалел о том дне, когда ему пришла в голову мысль обучить свою приму грамоте.

Мадлен поправила выбившийся из прически золотистый локон, макнула перо в замызганную чернильницу, и продолжила:

«... – его настоящее имя. Довожу до сведения вашего величества, что этот опасный негодяй разыскивается в графстве Боремия за совершение следующих преступлений...»

В парке, окружавшем летнюю эстраду Кулы, деловито жужжали пчелы. Над городом сгущались сумерки, вкрадчивые и обманчивые, как любовные речи.

«...зверское убийство крестьянки Брюнгильд Зоббер из деревни Фогельхаус в окрестностях города Азнабрюка...»

Грудь, бок и низ живота отозвались тупой болью. Хотя вот уже одиннадцать лет, как болеть у Мадлен было нечему.

«...доведение до сумасшествия благородной дворянки Дианы фон Зильберфухс...»

Актриса размяла затекшую кисть и продолжила:

«...убийство Кримхильды, единственной дочери графа Боремии Фридриха Смелого ...»

Колокола на ратуше начали вечерний перезвон. Гость, ради которого Мадлен сегодня призвала свой Цин и вспомнила правила приготовления декоктов, должен был вот-вот появиться.

«В настоящее время Хаген фон Татцельберг проживает в таверне „Золотой единорог“ на площади Трех Воинов под именем...», торопливо дописывала актриса.

Мадлен услышала шаги и узнала обладательницу этой легкой, пружинистой походки. В беседке появилась Инга. Сестра была младше Мадлен на семь лет, но уже сейчас выглядела старше актрисы.

– Все готово, – сказала Инга. – Он пришел. Ждет тебя в гримерке.

Сестры обменялись улыбками. Безрадостными, холодными и злыми.

Мадлен никогда не думала, что когда-нибудь в жизни займется доносительством. Раньше ей приходилось писать только небольшие диалоги для своих героинь в пьесах, сочиняемых Лисом для увеселения благородной публики. Но даже ненависть к человеку, который разрушил ее жизнь, не могла заставить Мадлен унизиться до анонимного доноса. Актриса поставила свою подпись, подула на листок, чтобы чернила высохли быстрее.

– Может, все-таки не надо, – сказала она задумчиво.

– Неужели ты простила его? – удивилась Инга.

Мадлен покачала головой. Тяжелая золотая коса выскользнула из-за плеча, упала на грудь.

– Нельзя простить того, кто убил тебя, – сказала актриса. – Но я боюсь, вдруг он... вдруг он отомстит.

Ее зеленые глаза остановились на лице сестры. В них были те же самые непонимание и ужас, что и давней ночью, когда хлестал дождь, и соседи притащили Мадлен домой. Она была почти прозрачной – вся кровь вытекла из трех огромных ран, пока тело несли.

– Он изгнанник, – твердо сказала Инга. – Уголовник в бегах. К жрецам Прона он не

пойдет, а если захочет сделать какую-нибудь магическую гадость, Лис почует.

Мадлен сложила листок вчетверо и отдала сестре. Они обнялись. Спускаясь по ступенькам в сад, актриса ощутила аромат лука – словно ее опять избрали Луковой Королевой. Хотя здесь, на берегу теплого моря, в саду среди смокв и оливковых деревьев этот запах никак не мог быть реальным, он обрушился на Мадлен с такой силой, что у нее зачесались глаза. На миг актрисе показалось, что она снова стоит на помосте перед весело гудящей толпой, улыбаясь и чуть не плача от запаха висевшей у нее на груди огромной луковой гирлянды. «Кто бы знал, что мне придется всю жизнь вот так», подумала Мадлен. – «С улыбкой на лице, жмурясь от слез...». Она глубоко вздохнула, но как всегда, не почувствовала вкуса воздуха. Мадлен улыбнулась и пошла к сцене.

Инга же направилась к выходу из парка. Письмо следовало опустить в черный ящик на дверях Имперской Канцелярии, а находилась Канцелярия на другом конце Кулы.

I

Самым ужасным временем суток для Халлена была середина ночи. Темнота обступает, забивает рот, и растворяет в себе мысли, желания, нерожденные крики. В шорохе ветвей или скрипе половиц слышатся странные голоса и звуки. Словно стеклышки из разбитого калейдоскопа, перед глазами Халлена крутились обрывки прошлого. Незначительные мелочи – погремушка, выпавшая из руки младенца, когда стрела разнесла ему череп. Игрушка ударилась о каменный пол с неожиданно громким звуком и покатилась, грохоча... Синие глаза мандречена с неправильными, круглыми зрачками. Рот, разинутый в беззвучном крике. Ресница, прилипшая к щеке человека. Когда Халлен вогнал стрелу в раскрытый рот, ресницу стряхнуло со щеки. А после той ночи, когда мертвая мамаша обезглавленного младенца попыталась забраться к нему в постель, эльф купил лислор в первый раз.

Днем Халлен знал, что эти голоса – шепот его памяти. Но ночью это знание не могло заставить мертвых замолчать. Халлен знал, что нужно сделать. Надо вытащить из кармана куртки мешочек, распустить завязки, вытряхнуть на ладонь немного темного порошка и отправить его в рот. Ощутить на языке привычную горечь, наслаждаться ею, и наблюдать, как отступает холодный ужас, как уходит дрожь, как высыхает противный липкий пот.

Халлен встал, взялся за висевшую на крючке куртку, но в карман не полез. Он надел куртку и вышел из номера. Таверна «На Старой Дороге» была построена по общему для всех эльфийских гостиниц принципу. На первом этаже – большой зал, кухня, отдельные кабинеты и небольшое количество номеров. Основная часть номеров находилась наверху. Двери номеров выходили в коридоры, а те, в свою очередь, на большую галерею, опоясывающую весь второй этаж. Попасть с галереи на первый этаж можно было по широкой лестнице с резными перилами. Эльф решил спуститься вниз и выпить чаю, а так же поговорить с хозяйкой таверны, если удастся. Другого выхода он для себя не видел. В самые рискованные вылазки, в самую опасную разведку первым добровольцем всегда был Халлен. Лучник надеялся, что мандреченская стрела или секира найдут его раньше, чем дрожь в пальцах помешает ему стрелять.

Но случилось иначе.

Халлен миновал две или три двери, остановился перед нишей в стене, где стоял вазон с сухими цветами. Над вазоном висел магический светильник. Эльф провел пальцами по тонким стеблям. На миг ему сдавило грудь. Вчера ночью лучник столкнулся здесь с командиром своего отряда – принцем Рингрином. Лислор пробуждает удивительные желания. Эльфу захотелось посмотреть на сухие цветы в вазоне... цветы, чьи ломкие стебли напоминали Халлену собственное тело. Хотя он знал, что с такими зрачками, как у него тогда, лучше никому не попадаться на глаза, он не смог устоять перед искушением.

Разговор командира с лучшим снайпером отряда был коротким.

– Раньше или позже это происходит с каждым, – сказал Рингрин. – Тебе надо было вернуться в родную деревню, а не лислор жрать. Женился бы... и брал в руки лук только

тогда, когда идешь на белку или куницу.

Халлен молчал. Эльф не смог объяснить командиру, что он не хотел однажды увидеть рядом с собой на постели вместо жены посиневшее, раздувшееся тело мертвой мандреченки – и разрубить ее на куски, как мясник разделявает свиную тушу.

– И тебе есть куда вернуться, – сказал Рингрин. – Ты ведь из Моркоторех?

Халлен кивнул.

– Моркоторех – это же сердце Ежовского края, и мандречены не сунут туда своего носа... А теперь ты можешь идти, куда хочешь. Хоть в Моркоторех, хоть в кузницу Аулэ. Но только не с нами.

– Рингрин... – пробормотал Халлен. – Я...

– Что «я»? Больше не будешь? Я тебе не верю. Ах, Халлен, Халлен... Мы же с тобой Мир Минас брали... Я рассчитывал на тебя. Я думал пойти вместе с тобой и Вильваринном. Что же теперь делать...

– Возьми кого-нибудь у друидов, – едва слышно ответил лучник. – Они тоже знают, как вести себя на тропе. Многие Ежи отдают друидам детей на воспитание, а война идет уже сто пятьдесят лет. Некоторые детки должны сейчас быть очень взрослыми; сколько можно под крылышком у нянек сидеть?

– Это мудрый совет, – сказал Рингрин. – Я так и сделаю. Прощай, Халлен.

Отряд Рингрина покинул таверну прошлым утром. Гоблин Магнус, хозяин таверны, передал Халлену пять золотых далеров – принц не смог бросить лучника совсем без денег. Днем Халлен помог гномице Хэлл по хозяйству – наколот дров, наносил воды, и на ужин ему тратиться не пришлось. Но тот голод, что томил Халлена, невозможно было утолить свинными ножками, тушенными в капусте, и пивом эту жажду было не залить. Заветный мешочек лучника был еще наполовину полон, пяти далеров хватило бы еще на два таких мешочка... но что потом? Старый сморщенный гном, у которого Халлен брал лислор в Бьонгарде, давно намекал, что ему нужен телохранитель.

Рингрин недавно сказал: «Мы партизаны, а не наемники». Партизаном Халлен уже не был; но и становиться наемником не желал.

Нежный поцелуй на ночь – вот все, чего он теперь хотел.

Выйдя на лестницу, эльф увидел теплый глаз ночника над стойкой. Суккуб Морана, легендарная хозяйка таверны, сидела за стойкой и читала какую-то книжку.

Таверна находилась на холме, в полукилометре от того места, где от Мен-и-Наугрим отделялась дорога на Бьонгард. Много столетий холм пустовал. Но несколько веков назад отец королевы Ниматэ решил воспользоваться стратегическим расположением холма для контроля над дорогой. Строительство башни шло тяжело – работники таинственным образом исчезали, постройка все время рушилась. Едва работы были закончены, здание задрожало и рассыпалось, оставив неровно торчащие зубцы фундамента. Когда пыль осела, эльфы увидели женщину ослепительной красоты. Она вольготно расположилась на одном из обломков.

– Это моя земля, – сказала она ошеломленным строителям. – Здесь никогда не будет построек смертных.

Суккуб жила в развалинах дозорной башни. Но, как и все женщины, Морана испытывала большую тягу к комфорту. Практичный Магнус нашел способ заставить суккуба изменить свое мнение насчет построек на ее холме. Теперь Моране в поисках пропитания не приходилось летать в Бьонгард. Путники были рады возможности отдохнуть, от холма до Бьонгарда был еще целый день пути. И право же, небольшая приятная слабость была ничтожной платой за безопасный ночлег и сытный ужин.

Когда эльф увидел суккуба, у него потеплело в груди. Морана могла оказаться здесь случайно. Но Халлену показалось, что она ждала его – хозяйка таверны умела предвидеть будущее. Когда эльф начал спускаться, суккуб оторвалась от чтения и взглянула на него.

– Что пишут? – спросил Халлен.

Морана посмотрела в книжку и прочла с выражением:

– «Она укусила его за нижнюю губу. Их языки сплелись, как змеи...»

Эльф замер на нижней ступеньке лестницы. Он-то думал и гадал, как подойти к Моране со своей просьбой! А она уже все знала.

– Желание клиента – закон, – промурлыкала суккуб.

Глаза Мораны вдруг вспыхнули во мраке, как две искры.

– Но если ты все еще хочешь умереть героем, пойдй открой ворота. К нам гости... А я пока поставлю чайник.

Халлен сделал шаг к выходу из зала, и только тогда кто-то застучал в ворота изо всех сил. Во дворе закурлыкала потревоженная горгулья.

Энедика дернула Тавартэра за край куртки.

– Да хватить уже барабанить, – пробормотала эльфка. Тавартэр опустил руку. – Спят они... Давайте оставим ее здесь и пойдем дальше.

Энедика решила, что ночью никто из мирных эльфов не пойдет по дороге, выводящей из Бьонгарда на Старый Тракт, а уж мандречены – и тем более. Встреча с партизанами других отрядов была бы эльфам только в радость. Отряд Энедики выступил на закате солнца. Энедика рассчитывала выйти на Старый Тракт часам к пяти утра. Но уже светало, а Ежи добрались еще только до таверны Мораны.

– Правильно, положите ее и пойдем, – подхватил Нифред.

Нифред, самый сильный маг отряда Энедики, был трусоват и не думал скрывать этого. К месту и не к месту он цитировал изречение Марфора: «Лучше быть живым воином, чем мертвым героем». Но сейчас по молчанию остальных Энедика чувствовала, что они согласны с Нифредом.

– Опустите ее на землю, – добавила командирша, обращаясь к Мирувормэлу и Руско. – Вот, чуть левей, чтобы ее воротиной не задело, когда утром откроют.

Эльфы поспешно выполнили ее приказ – всем хотелось убраться отсюда как можно быстрее.

Энедика склонилась над девушкой, которую партизаны нашли на дороге – и не решились оставить там. На незнакомке был кожаный брючный костюм, которые вошли в моду в этом году. У самой Энедики был точно такой же – брюки, расширяющиеся от колена, и приталенная курточка до середины бедра, с широким поясом и вычурной пряжкой. Только костюм Энедики был темно-красного цвета. Эльфка думала, что на костюме такого цвета кровь не будет бросаться в глаза. Но на черной куртке незнакомки крови тоже не было видно, хотя она была пропитана ею вся. Энедика осторожно коснулась шеи девушки в раскрытом воротничке. Эльфка надеялась нащупать пульс. И он был – медленный, но сильный. Несмотря на то, что кожа девушки была холодна, как придорожный камень утром. Впрочем, девушка была холодна уже тогда, когда партизаны наткнулись на нее.

Энедика увидела свет магического шара над воротами – кто-то шел открывать их. Рядом с шаром летела горгулья.

– Поздно, – прошипела эльфка и попятилась.

Неизвестно, какую команду она отдала бы в следующий миг своим партизанам – Нифред очень надеялся, что это было бы отрывистое: «Рассыпья!», которое означало, что они должны исчезнуть в ближайших кустах. Но тут раздался скрип, и правая половина ворот открылась. Энедика ожидала увидеть коренастого гоблина. Но за воротами обнаружился высокий худой эльф. Хотя они последний раз виделись три года назад, партизанка его сразу узнала.

– Халлен! – воскликнула она обрадовано. – Как хорошо, что ты здесь! Мы тут кое-кого принесли... для Мораны... ты передай ей, а мы пойдем, сам знаешь, сейчас дорога только по холодку...

Халлен на протяжении речи эльфки рассматривал лежащую на земле девушку. Обычную, ни чем примечательную девушку, кроме одного. Грудь ее насквозь была пробита колом, который торчал из-под левой лопатки еще сантиметров на сорок. Затем он перевел

взгляд на гостей. Иглы на головах Ежей колыхались под ветром.

– Хаел, Энедика, – сказал Халлен. – Я думаю, тебе лучше самой показать ее Моране.

– Мы здесь ни при чем! – горячо заверила партизанка и попыталась прикрыть торчащий из спины кол широким рукавом. Тавартэр уставился за спину Энедики с изумленным видом. – Когда мы ее нашли, так уже было!

– Почему же вы не бросили ее? – раздался сзади холодный и хорошо знакомый голос. – Не оставили подышать на дороге?

Энедика выпрямилась и увидела Морану. Тавартэр как раз заметил ее, когда она проявлялась – хозяйка таверны в совершенстве умела телепортироваться, и любила появляться в самых неожиданных местах. Выражение лица суккуба было крайне неприятным.

– Мы подумали, может, она твоя родственница, – обреченно сказала эльфка.

– Нам не хотелось бы иметь тебя в кровниках, Морана, – добавил Тавартэр.

– Родственница? – удивилась Морана. – У меня нет родственников, которые валяются ночами на дорогах.

– Посмотри во рту, – ничего не выражающим голосом сказал Нифред.

– Посвети, Халлен, – попросила суккуб.

Эльф опустил магический шар ниже, чтобы осветить лицо девушки. Морана присела на корточки, раздвинула губы. Халлен отметил про себя, что зубы у незнакомки отличные, просто великолепные, и подумал, что перед ним эльфка, над которой поглумилась мандреченская солдатня. А потом эльф увидел клыки незнакомки, и они были слишком велики даже для человеческой женщины.

И они были испачканы кровью.

Халлен остался равнодушен к увиденному. Гораздо больше вампирских клыков его пугали детские погремушки, катящиеся по полу, и ресницы, слетающие со щек. Однако Халлен оценил мужество Энедики. Каждый эльф слышал в детстве сказки о вампирах, и в конце мама обязательно добавляла: «Но в Железном Лесу они не водятся». И вот, наткнувшись среди ночи на недобитого вампира, Энедика заставила Ежей притащить его в таверну.

Суккуб приподняла веко девушки. Что уж она там разглядела, Халлен не понял, но когда Морана заговорила снова, голос ее дрожал от ярости:

– Идиоты... Она же перерожденная...

– Отнести ее в таверну? – спросил Халлен.

Морана кивнула.

– И вы проходите, дорогие гости, – сказала суккуб. – У нас чайник как раз согрелся, есть пироги с черникой...

Энедика поняла, что это не то предложение, от которого можно отказаться. Эльфы подняли девушку, Халлен – подмышки, Тавартэр – под коленки, и двинулись по двору. Партизаны последовали за ними. Когда все ввалились в таверну, на большом столе в дальнем углу уже приветливо мерцал светильник, стоял пузатый медный чайник, чашки и блюдо с пирогами. Ежи занялись пирогами, а Морана – вампиркой, которую эльфы донесли до ближайшего номера.

Боль, тлевшая в груди раскаленным угольком, вдруг вспыхнула ярким пламенем. Сташи закричала и рванулась, уже зная, что бесполезно. Она ударила локтями и коленями обо что-то твердое и открыла глаза.

– Тише, – услышала она мягкий голос. – Сейчас все пройдет.

Сташи обнаружила себя сидящей на полу рядом с кроватью. На фиолетовом шелке покрывала висела золотая виноградная плеть. Рядом извивалась столь же причудливая россыпь темных брызг. Увидев эти пятна, вампирка пришла в себя окончательно. Сташи посмотрела на свою грудь. Кола там уже не было. От него осталась только дыра в куртке, через которую прошел бы кулак стоявшего рядом с вампиркой эльфа. У него была прическа

Ежа и форма мандреченской дивизии Серебряных Медведей – зеленая куртка с серебряным трилистником на плече и черные штаны. Сташи поняла, что сошла с ума и терять ей, в принципе, больше нечего. Однако нападать на эльфа вампирке не хотелось. Боль почти прошла, и только сильно зудела кожа между грудями – верный знак последнего этапа регенерации. Но Сташи чувствовала себя еще слишком слабой. Яд успел распространиться по телу, вампирку лихорадило. Если бы эльфы догадались вытащить кол раньше...

Сташи завывала и, по паучьи перебирая руками и ногами, попятилась к кровати, привычно обнажив зубы. Эльф побледнел, но с места не сдвинулся. Сташи начала потихоньку стаскивать покрывало, наматывая его на руку. Если бы удалось набросить покрывало на противника, когда он кинется на нее...

– Морана, скажи ей, – пробормотал Еж хрипло.

Теперь вампирка заметила, что они с партизаном в комнате не одни. Из-за плеча Ежа в мандреченской форме выглядывала эльфка в красной куртке, тоже партизанка, судя по скрученным в иглы волосам. За столом сидел чудовищно худой, словно мумифицированный заживо, эльф, и держал в руках обломки кола. На столе перед ним лежал нож-тесак. Очевидно, им эльфы перепилили кол, прежде чем вынимать его из тела раненой. Рядом с худым эльфом обнаружилась невысокая блондинка в сером платье. Ее аура показалась Сташи странной. Вампирка вчиталась в хитрое плетение энергетических каналов.

– Тебе не причинят вреда, успокойся, – сказала тем временем блондинка. – Как тебя зовут?

– Ты тоже вампирка? – спросила Сташи изумленно.

– Ну, почти, – отвечала та. – Я – суккуб.

Сташи раньше не доводилось встречать суккубов. Она слышала, что суккубы относятся к вампирам снисходительно, как к буйным младшим братьям. Сташи поняла, что здесь ей ничто не угрожает. После стольких неудач вытащить счастливый билет!

– Меня зовут Морана, я хозяйка таверны «На Старой Дороге», – продолжала суккуб. – Ты не могла бы убрать клыки? Тавартэр принес тебя сюда, и не заслужил столь гастрономической улыбки.

Сташи сейчас не смогла бы втянуть клыки, и вместо этого плотно сжала губы. Заметно расслабился не только Тавартэр, но и облегченно вздохнула партизанка в красной куртке. Только эльф, сидевший за столом, не обратил на это никакого внимания. Вампирка заметила, что кожа у него изрезана морщинами, словно эльфу было лет шестьсот. Он смотрел перед собой пустым взглядом и вдруг сжал в руках кол. Суккуб положила руку ему на плечо, и эльф посмотрел вокруг себя с искренним изумлением.

– Пока отдохни здесь, – сказала Морана вампирке. – Мне нужно идти к гостям. Вот ключ, можешь закрыться.

Она положила на стол ключ с витой головкой.

– Хорр-рошо, – заикаясь от удивления, ответила Сташи.

И только когда дверь номера захлопнулась, вампирка поняла, что это все – правда, а не предсмертный бред. Она сняла куртку, стащила через голову разорванную блузку, сбросила штаны и повалилась на кровать.

Морана уговорила Энедику и ее партизан отоспаться днем в таверне, а вечером идти дальше. Уже светало, и командирша Ежей согласилась. Энедика не желала днем отираться в окрестностях Бьонгарда – тут частенько появлялись мандреченские патрули.

Суккуб ушла размещать гостей по номерам, и в зале остались только Халлен с Энедикой. Тавартэр на прощание бросил на эльфа колючий, цепкий взгляд. Халлену этот взгляд доставил горькую радость. Эльфа недаром прозвали Халленом, то есть «верзилой», хотя он казался высоким только своим сородичам. Эльфы Фейре или даже мандречены сочли бы его мужчиной обычного среднего роста. А сероволосый и сероглазый Тавартэр был из нандор, и поэтому превосходил Халлена в росте почти на полголовы.

Энедике всегда нравились рослые мужчины.

Халлен познакомился с Энедикой во время штурма Мир Минаса. Тогда все Ежи Железного Леса впервые собрались в одном месте. Халлен помнил тот хищный восторг, который охватил их после победы. Они пировали на площадях, заваленных трупами людей и эльфов. И у какой-то стены, скользкой от крови и черной от гари, Халлен овладел Энедикой. После этого они не встречались. Но, судя по тому, как Энедика обрадовалась, увидев его сегодня, у эльфки сохранились о Халлене самые приятные воспоминания. Он же при мысли о том, что у Энедики сейчас нет любовника в отряде, испытал холодное отчаяние. Халлен больше не мог быть для Энедики ни инструментом для наслаждения, ни помощником, никем... Еще сегодня ночью он думал о смерти только как о способе избавления от бесконечной муки, в которую превратилась его жизнь. Увидев Энедику, Халлен вспомнил, что жизнь не всегда была такой. Однако ни вернуть, ни исправить уже ничего было нельзя.

А вот поухаживать за Энедикой еще было можно. Тем более, что во время их стремительного романа Халлен не успел этого сделать.

Эльф сходил на кухню и взял с печи теплый чайник взамен опустошенного Ежами. Когда он вернулся, Энедика задумчиво теребила бахрому на скатерти. Рядом с ней на лавке спала горгулья. Газдрубала, а звали ее именно так, всегда нервничала, когда в дом заходили незнакомые ей гости. Горгулья обычно сидела рядом и с тревогой наблюдала за их поведением. Аппетита это гостям не добавляло, но подобную процедуру действительно приходилось вытерпеть всего один раз. Пока Ежи уминали ранний завтрак, Газдрубала успела убедиться в их мирных намерениях и заснула, утомленная.

Халлен наполнил чашку Энедики, придвинул ее к эльфке.

– Благодарствую, – ответила она.

– Пирожок возьми, – сказал Халлен.

Эльфка взяла сиротливо лежавший на огромном блюде последний пирог – им оказалась витушка с маком и изюмом. Халлен увидел, что эльфка собирается разломить витушку пополам, и сказал:

– Не надо, Энедика, я не голоден.

– Что-то непохоже, – ответила эльфка, покосившись на него. – Ты выглядишь так, как будто сейчас год Железной Стужи ...

Так называли особенно холодную зиму, случившуюся лет двести назад. Тогда земля промерзла так, что на ней ничего не уродилось. Темным эльфам приходилось есть размоченную березовую кору, печь хлеб из лебеды и заниматься прочими кулинарными изысками, вроде супа из крапивы.

Халлен выставил на стол прихваченную в кухне миску с пирогами, чтобы убедить Энедику.

– Откуда ты здесь? – спросил он, чтобы сменить тему.

– За две недели до Мидаёте я вспомнила, что уже сто лет не была в Бьонгарде, – ответила эльфка, жуя. – И мне захотелось на карнавал... ах, Халлен, я уже сто лет не надевала шелкового платья! Но тебе этого не понять. Риск не такой уж большой, последние полгода мандречены не проводят войсковых операций. Зато я слышала, как смеется Тавартэр – он встретил в Бьонгарде своих родичей...

– Да, говорили, что Армия Мандры скоро покинет Железный Лес, – кивнул Халлен, не желая углубляться в разговор о Тавартэре. Но необходимо было признать, что партизану очень повезло. Нандор жили на самом северо-востоке Железного Леса, на берегу залива Полумесяца. Их крайне редко можно было увидеть где-нибудь еще, кроме дельты Гламанта. Халлену хотелось бы знать, почему Тавартэр вообще подался в Ежи.

– Мы тоже приехали на карнавал, – продолжил Халлен. – Рингрин с ребятами двинулись к Морранту, как только узнали, что случилось в Куле. Хотелось бы знать, какой улюдок на это подписался...

Энедика ахнула и выпустила пирожок.

– Они к вам тоже приходили?

– Кто?

– Такой, с бородавкой?
– Да, – кивнул Халлен. – Я был с Рином на переговорах. Он отказался, сказал, что мы партизаны, а не наемники. Значит, они обращались и к тебе?

Эльфка кивнула.

– Я их тоже послала, – произнесла она. – А ты почему здесь?

– Загулял, – ответил Халлен.

– Я своих тоже неделю собирала по кабакам, – понимающе кивнула Энедика. Сморщившись, она добавила: – Это ужасно, мы стали пить, как мандречены... И все из-за войны. Хочется расслабиться, отрешиться от всего – и из-за этого мы потихоньку превращаемся в нацию алкоголиков.

«И лислореров», подумал Халлен, но вслух вместо этого сказал:

– Утром сегодня собирался идти догонять. Тропы-то я знаю.

– Пойдем с нами, – сказала Энедика.

Им было по пути – отряд Энедики контролировал северные подступы к Ежовскому краю, тогда как отряд принца охранял юг.

– А пойдем, – ответил Халлен. – Мне совершенно все равно, с кем вместе стрелять по мандреченам, лишь бы лук не рассыхался от простоя...

Эльфка улыбнулась.

– Можно спросить тебя еще кое о чем? – осведомился Халлен. – Почему ты подобрала вампирку? Вряд ли бы Морана узнала, что это вы проходили мимо сегодня ночью.

– Костюм этой девушке шил тот же портной, что и мне, – ответила Энедика.

Она наклонилась к эльфу и продолжала свистящим шепотом:

– Старый Инглер – кожемяка... И когда я увидела ее там, на дороге, мне вдруг показалось, что если я сейчас не помогу ей, то умру так же, как она – в этом же костюме, с разорванной грудью, и никто, никто не поможет мне. Все равнодушно пройдут мимо.

Энедика смотрела на него сверху вниз глазами, полными слез. Но как бы эльфка ни была напугана видением, о котором рассказывала, думала она сейчас совсем о другом.

«Что ты скажешь, если поймешь, почему я так быстро узнала тебя сегодня? Ведь мы не виделись три года», думала партизанка. – «И почти два года из них я смотрела в такие же глаза, как твои, только на очень маленьком личике... Ты был не самым лучшим из моих любовников, Халлен, но ты подарил мне то, чего не смог никто другой. Самой высшей радостью, которую я испытывала в жизни, я обязана тебе, это совсем не безумный трях у крепостной стены, когда я разодрала себе всю задницу. Но вы, мужчины, такие непредсказуемые существа. Тавартэр может рассердиться, ты можешь потребовать права на ребенка. Я скажу тебе перед тем, когда мы расстанемся. Я хочу довести отряд до заимки, и мне совсем ни к чему в команде два петуха, расфуфыривающие хвосты друг перед другом».

Как бы слаб ни был Халлен, от близости женского тела кровь ударила ему в голову... и еще кое-куда. Женщины последнее время интересовали его все меньше и меньше. Он наблюдал за смертью собственного темперамента с отстраненным любопытством наблюдателя. Но когда Энедика прижалась к нему, оказалось, что это просто были не те женщины. Халлен не знал, как ответить ей. Но уж ни в коем случае не теми словами, которые первыми пришли на язык:

«Не только Морана, оказывается, обладает даром предвидения. Да, ты спасла себя, когда помогла вампирке. Я даже знаю, на чью жизнь будет обменена твоя. Я с радостью погибну за тебя, и не потому, что люблю. Хотя и это тоже. Просто мне пришла пора умереть. О боги, я счастлив умереть за ту, в чьих глазах я навсегда останусь великолепным Халленом, Халленом – ликующим с руками по локоть в крови, Халленом – убийцей мандречен. Тот Халлен теперь превратился в кожаный мешок с костями, но тебе совсем необязательно знать об этом ...».

Он сказал:

– Мне тоже иногда видится... разное. Не принимай близко к сердцу.

Халлен усмехнулся и добавил:

– Надо принять закон, запрещающий воевать больше ста лет подряд. Иначе к тому дню, когда война закончится, в Железном Лесу не останется ни одного эльфа в здравом уме.

– Надо бы, – согласилась Энедика. – Но кто сможет принять закон, которому подчинятся Ежи? Разве что Рингрин.

– Кстати, он уже думает об этом, – сообщил Халлен и налил себе чаю.

Обоз должен был покинуть Келенборост так, чтобы этого никто не заметил, и поэтому выступали затемно. Наемникам отвели первый фургон из пяти. Когда оси повозки тоненько заскрипели, Крюк растолкал Гёсу, а сам вместе с остальными остался дрыхнуть в тепле. Гёса выпрыгнул на дорогу, поежился от утреннего холода и проснулся окончательно.

– Затяни клапан, комары налетят, – напутствовал его Крюк сквозь многоголосый храп.

Гёса затянул шнуровку и двинулся в обход фургона. Тот ехал медленно, и обогнуть его не составило никакого труда. Гёса вскарабкался на свое место рядом с возницей. Кроме крыла боевых ведьм и десятка экенских наемников, для охраны каравана были наняты три сидха-проводника. Один из них сейчас и правил повозкой. Благодаря сидхам удалось избежать превращения каравана в расцвеченную факелами процессию. Темные эльфы видели ночью ничуть не хуже, чем днем, благодаря своим вертикальным, как у кошек, зрачкам. Гёса завернулся в плащ и задремал. В высоте зашумели ветви деревьев. Экен понял, что обоз вступил в Лихой Лес. Наемник решил все-таки досмотреть грубо прерванный сон, и ему это удалось. Гёса вернулся в объятия благосклонной и нежной гурии. Когда загомонили птицы, экен душевно распрощался с гурией и открыл глаза. На караван пока никто не нападал, но в любой момент мог явиться начальник экспедиции, капитан Арга, и проверить несение службы.

Тьма таяла, сменяясь серыми сумерками, прозрачными и таинственными. Гёса покосился на спутника. Стало достаточно светло, чтобы наемник мог рассмотреть проводника. Он оказался совсем не похож на высоких светловолосых богатырей – северных сидхов, с которыми экен сталкивался в узких пограничных ущельях М’Калии. Этот сидх был примерно одного роста с Гёсой, но более изящного телосложения. Ледяные эльфы носили волосы до плеч, впору косы заплетать – а многие и заплетали над ушами тоненькие косички, как бабы. Проводник был пострижен коротко, но неровно – более длинные пряди торчали из его прически во все стороны. Гёса хмыкнул. Партизан Лихого Леса называли Ежами за то, что они склеивали волосы в длинные, тонкие иглы. Возница сменил лук Ежа на нелегкую службу проводника совсем недавно, его волосы еще не успели отрасти. Это окончательно расположило к нему Гёсу. Экен участвовал и в битве за Долину Роз, и в Порисском прорыве, и на его счету скорее всего было не меньше мандречен, чем у проводника.

– Фи ди эрвайзих хир¹? – тихо спросил сидх.

– Чего? – буркнул Гёса.

– Извини. Я подумал, что ты из нандор, – сказал проводник. – Как тебя зовут?

– Нет, я из Баррии, – сказал наемник. – Это кантон Экны в Драконьих горах. А кличут меня Гёсой.

Сидх улыбнулся, показал зубы без клыков.

– Ринке, – представился он. – А нандор – это имя одного из наших племен, а не название местности. Ты не похож на мандречена, поэтому я и спросил.

– Ночью все кошки серы, – пожал плечами Гёса.

Мощные дубы сменились нежными березками. Лучи солнца, которые были не в силах пробить узорную крышу листвы дубов, немедленно выскочили просеку, осыпали проезжих теплыми поцелуями. Гёса глянул на березки, наморщился. Черно-белые полосы на стволах живо напомнили ему арестантские робы.

– Ты жил в Драконьих горах, – сказал Ринке. – А у вас там драконы есть?

¹ Как тебя сюда занесло? (язык авари)

– Есть, – сказал Гёса. – И химмельриттеры на гросайдечах тоже заглядывают.

– К нам тоже залетели один раз, – заметил сидх.

– Зачем это? – удивился Гёса. – У вас тоже драконы водятся?

Разрушитель Игнат создал гросайдечей для того, чтобы патрулировать границы Драконьей Пустоши и избавить Боремию от набегов драконов.

– У нас – нет, – недобро усмехнулся проводник. – А вот в Мандре – да. Черное Пламя послал химмельриттеров сжечь наш лес, лет десять тому назад.

– И что? – с интересом спросил Гёса.

– Видишь дорогу? – Ринке махнул рукой налево.

Наемник увидел узкую просеку, отходящую от основной дороги и круто сворачивающую в лес. Экен подумал о том, что гросайдечи, должно быть, были в Лихом Лесу зимой. Сейчас даже самая маленькая огненная ящерица не смогла бы протиснуться между пышными кронами.

– Здесь они все и остались – и химмельриттеры, и гросайдечи, – сообщил проводник. – Мертвые, в ловчей яме.

– А я и не знал об этом, – усмехнулся наемник. Покосился на Ринке и добавил:

– Черное Пламя мертв, но Искандер не отменил его указа о присоединении Лихого Леса к Мандре. Твои родичи режут мандреченских солдат и вообще кого попало, а ты помогаешь врагам... Почему?

– У нас нет смертной казни. Того, чьи преступления особенно впечатлят родичей, изгоняют из леса, – спокойно ответил сидх. – Я больше не могу жить в Айзернвальде.

– Ты опять забыл, – перебил его наемник. – Я не знаю вашего языка.

– Так мы называем нашу страну. Если перевести на мандречь, получится «Железный Лес».

– Железный? – переспросил экен. – Не «ужасный»?

– Да, тэлеры называют наш лес Эрин Лагален, что означает Лес Великого Страх, – согласился проводник. – А мандречены перевели это как «Лихой Лес». Но на самом деле наш лес – Железный.

– Почему вы так называли его? – удивился Гёса.

Ринке пожал плечами:

– Просто так называется, и все. Так вот, я больше не могу жить в Железном Лесу.

Эльф вытянул лошадку вожжами, криво улыбнулся и закончил:

– Но и без него тоже не могу.

С середины вересня яд пауков терял свою смертельную силу. Гоблины исчезали, забивались в свои подземные норы. Орки становились вялыми. Всех тварей Лихолесья охватывало тягостное оцепенение, предвестник мертвого зимнего сна. Когда крылу «Змей» предложили сопровождать караван, Карина задумалась, а почему обоз идет в Бьонгард не зимой, а в разгар лета, на пике активности чудовищ. Капитан Арга, старший по обозу, объяснил ведьме, что зимой в Лихолесье дорог нет. Еще десять лет назад можно было добраться из Келенборноста в Бьонгард по санному пути, но теперь старая эльфийская тропа, которой пользовались для этого, пришла в совершенно ужасное состояние.

Старшая крыла «Змей» взяла с собой в первую разведку звеньевых – Зарину и Марину. Остальные ведьмы плыли в воздухе над караваном. Карину поразила густой, насыщенный запахами воздух. Ведьма уже и забыла эту смесь ароматов подорожника, ромашки, звездочной травы и мокрого дерева, хотя родилась и выросла в станице среди лесов Нудайдола. На миг мандреченке показалось, что она снова гуляет в окрестностях Пламенной в поисках трав, которые приказала ей собрать ее наставница, старая станичная ведьма. Карина жадно втянула воздух носом, уловила особый оттенок в дыхании Лихого Леса, странный и даже неприятный, и наваждение исчезло. Ведьма смотрела на лес – и Лес смотрел на чужаков под своими сводами, но враждебно ли? Карина прикрыла глаза, расслабилась и попыталась уловить ауру места. В Горной Школе это называлось

«ментальным сканированием» и позволяло обнаружить присутствие противника раньше, чем он оказывался в зоне видимости.

Полосатые спинки крохотных кабанчиков, таких и милых и смешных – и их мамаша, жуткая, как крепостной таран... Лилии, бледные, как лицо покойника, покачивающиеся на черной поверхности болот... Железо, много ржавого железа...

Ведьма нахмурилась. В северной части леса жили только темные эльфы, но они не занимались кузнечным ремеслом. На северо-востоке Лихолесья, в горах Эммин-ну-Фуин, находились принадлежавшие гномам рудники, и они могли спроецировать этот образ. Но Карина знала свои способности и сомневалась, что она может достать так далеко. Ведьма попробовала еще раз.

Спутанные ветви плакучей ивы... Кряжистый, развесистый дуб... Такие же развесистые рога лося ... Старый флюгер, помятый и ржавый, крутится под порывами ветра и немилосердно скрипит при этом... Красные гроздья рябины, горькие до тех пор, пока их не ударит первым морозом. Красные, как капли крови, плоды тиса – и голая, мертвая земля у подножия дерева... Цепь, огромная, чудовищная, ржавая цепь, которая тянется прямо из сердца леса, отравляет его...

Карина потрянула головой. Ветви дубов сплелись над дорогой, превратив ее в тоннель с зелеными бархатными стенами. «Ты думай о том, как ты воевать будешь», раздался в голове Карины насмешливый, скрипучий голос, чрезвычайно напоминавший голос ее наставницы Кертель. – «А о чужих цепях еще будет время позаботиться». Проход над тропой являлся туннелем, в которых, как известно, воздушный бой особенно сложен. Однако крыло «Змей» состояло из опытных ветеранов, и Карина не сомневалась, что они доведут обоз до Бьонгарда в целостности и сохранности.

Назвать дорогу «тропой» у Карины не поворачивался язык – по ней могли пройти два фургона в ряд, и по бокам еще осталось бы достаточно места для всадника. Арга солгал; дорогой можно было воспользоваться и зимой. Карина не знала, что за груз они сопровождают. Размер оплаты не располагал к любопытству. Но старшая крыла уже все поняла. Крыло «Змей» находилось в Куле, когда сгорел Приморский квартал, а злополучную надпись на императорском дворце Карина успела увидеть своими глазами, прежде чем ее стерли. «Надо будет в Бьонгарде подзадержаться», решила Карина. Крыло «Змей» являлось малым – в нем было всего одиннадцать ведьм. Оно было создано для дерзких вылазок и штурмов. Последние три года, как закончилась война, ведьмам приходилось охранять караваны и участвовать в карнавалах. Можно было сказать, что караван везет в Бьонгард петарды и шутихи к скорому торжеству. И ведьмы никогда не отказывались поучаствовать в празднике.

– Снижаемся, – скомандовала Карина звеневым. – Осмотр на месте.

Ведьмы спикировали. Старшая крыла перегнулась с метлы и потрогала дорогу. Она была вымощена каким-то черным материалом, очень гладким, плотным и ровным. Ни одного стыка Карина не заметила.

– Рассказывают, раньше тропа ползла сама собой, подобно гигантской змее, – фыркнула Зарина. – Надо было лишь встать на нее... Сказочники эти сидхи, каких еще поискать!

– Это не сказка, – возразила Марина. – Помнишь, нас из Мир Минаса везли в урочище Плакун?

– Марина, у меня была пробита голова – что я могу помнить?

– А, ну да, это же мы вас с Ириной тогда и везли... Мы шли по Старому Тракту, и он двигался, именно так, как ты говоришь – полз потихоньку, как большая змея. Но сейчас, говорят, и он остановился.

Зарина недоверчиво покачала головой.

– Возвращаемся, – сказала Карина. – Марина, ты на дежурство за четвертым фургоном, мы останемся во главе каравана.

Крюка разбудили голоса. Через раскрытый полотняный клапан в задней стенке фургона заглядывало солнце. Экен узнал голос Гёсы, которому отвечали два женских. Крюк решил сменить напарника. Наемник нащупал меч рядом с собой, пристегнул ножны к поясу. Экен высунулся из фургона и нос к носу столкнулся с пепельноволосой ведьмочкой. Она следовала за повозкой на уровне двух-трех аршин над дорогой, почти впритык к заднему борту. Небесная воительница разложила между рогами метлы косметику и красилась, держа в руке крохотное зеркальце. В тот момент, когда взлохмаченная голова Крюка появилась из фургона, ведьма подводила левый глаз. Увидев экена, она вздрогнула от неожиданности. Жирная черная черта пошла через щеку к носу.

– Что же вы, госпожа боевая ведьма, не держите дистанцию, – сказал Крюк весело. – Если бы фургон остановился, вы бы влетели прямо ко мне в спальню.

– Размечтался, – усмехнулась ведьма. – Вы, экены, ведь даже целоваться не умеете.

– Не «не умеете», а «нельзя», – поправил ее наемник. – Да, есть такая тура в Соране.

Ведьма облизала палец и стала стирать черную полосу с лица. С первого раза небесной воительнице это не удалось, и она снова приоткрыла рот, чтобы смочить палец.

– Разрешите мне? – сказал Крюк.

Ведьма усмехнулась и кивнула. Экен взял ее за руку и начал медленно облизывать пальчик. Он остановился, только когда добрался языком до запястья.

– А как же тура? – севшим голосом спросила она.

– Ну... на каждое мое движение языком приходится по два неверных, от которых я очистил землю, – ответил наемник. – Не считая сидхов. Я думаю, Баррах мне это зачтет.

Ведьма усмехнулась:

– Сабрина.

– Яндар, – представился экен.

– Подержи пожалуйста зеркало, Яндар.

– Друзья зовут меня Крюком. Я могу подержать твоё зеркальце, – ответил экен. – Но не будет ли тебе удобнее в фургоне? Там есть место, где расположиться.

Он приглашающим жестом откинул клапан. Ведьма чуть приподняла метлу и влетела в фургон.

Марина полетела в конец обоза, а Карина и Зарина снизились и зависли по сторонам от первого фургона. Метлы, разгоряченные полетом, рвались вперед. Хозяйки успокоили их легкими касаниями и заставили приноровиться к неторопливой поступи лошадей. На козлах сидели двое – мужчина с хищным экенским носом и сидх-проводник. Сидх правил. Экен шутливо отдал честь и сказал:

– Гёса, Танзор Смерти.

«Подходящее имя», подумала Зарина одобрительно. «Гёссан» на экенском означало «поющая сталь». Наемник тоже смотрел на ведьму во все глаза. По приказу Арги ведьмы сменили свою обычную голубую летную форму на желто-зеленую, чтобы стать незаметными в лесу. Зарина дополнила ансамбль, вплела в шлем-косу зеленые нити и украсила прическу желтыми бусинами. Но густых черных бровей и горбатого носа, как две капли воды похожего на нос экена, ведьма спрятать не могла. Да и не собиралась.

– За просмотр, между прочим, деньги платят, – сказала Зарина по-экенски.

Наемник усмехнулся:

– Да, столько я еще не заработал, – и отвел взгляд.

– А вас как величать, прекрасные воительницы? – спросил сидх.

Ведьмы представились.

– Ринке, – сообщил проводник.

Карина навидалась и мертвых, и живых ледяных эльфов на своем веку, но темного эльфа видела впервые. И он ей, пожалуй, нравился. В его манере одеваться не было сводящего скулы франтовства, которое так раздражало мандречен в ледяных эльфах – как гласила издевательская поговорка, «без маникюра сидх не воин». Куртка проводника из

красных, зеленых, желтых и коричневых кусочков замши удачно имитировала разноцветное летнее платье Лихого Леса. Ледяные эльфы часто ходили в бой с драгоценными ожерельями на шее и перстнями на всех пальцах рук, и Карина, как опытный мародер, находила этот обычай весьма полезным. Но на Ринке из украшений был только серебряный браслет с хрустальной вставкой на левом запястье.

Гёса глянул на дорогу. Преграждая путь, там лежало серо-зеленое бревно высотой под брюхо лошади.

– Смотрите! – воскликнул экен.

Ринке натянул поводья, останавливая фургон. «Засада!», мелькнуло у Зарины. «Надо же, не успели на два перестрела от Келенборнота отъехать», чувствуя привычный холодок, подумала Карина. – «И вот они, Ежи...». Гёса уже вытаскивал за меч, но сидх прижал его руку своей. Проводник смотрел на свой браслет и хмурился. Экену показалось, что бревно чуть шевельнулось. Он присмотрелся и понял, что так оно и есть. Зеленые зигзаги на стволе медленно смещались от правой стороны дороги к левой.

– Что это? – вполголоса спросил экен.

– Наверно, у братишек ужик из террариума сбежал, – тихо ответил сидх.

Но на этот раз никто не смеялся. Ведьмы смотрели на огромную змею, как замороженные. «У него ведь шкура толстенная небось, как у дракона», лихорадочно соображала старшая крыла. – «Из пращи не пробьешь...». Другого оружия Карины не было – не полагалось. Во время штурмов она не высаживалась на стены, а поддерживала своих ведьм сверху, сбрасывая бомбы. Из-за необходимости поднимать в воздух корзину для бомб ее метла была другой породы, более мощная, но и более неповоротливая. «Да и от меча Заринкиного мало проку будет», мелькало у Карины. – «Огненный шар только если бросить...». Ринке попробовал связаться с мандреченкой мысленно и убедился, что ведьма глуха к телепатии, как оглобля. Сидх положил руку на плечо старшей крыла – мандреченка летела совсем рядом с повозкой. Карина сердито-недоуменно посмотрела на проводника. Ринке жестом показал, чтобы она наклонилась к нему, что ведьма и сделала.

– Лети назад, – прошептал он ей в ухо, ощутив терпкий аромат ее духов. – Передай, что все должны остановиться и молчать!

Ринке отпустил ведьму. Карина поднялась над крышей фургона, поманила Зарину за собой.

Мандреченская мудрость гласила: «Сколько волка не корми, он все в лес смотрит». В Боремии она звучала так: «Оборотень не живет в доме». Начальник каравана, капитан Арга, был родом из Боремии, и при размещении подчиненных по фургонам помнил эту пословицу. Проводникам он выделил места в третьем по ходу обоза фургоне – в самой середине каравана. Оттуда сложно было бы улизнуть незамеченными – во втором расположился сам капитан, а в четвертом ехали старшая крыла «Змей» и целительница.

Вилли проснулся от толчка и понял, что обоз почему-то остановился.

– Тебе пора на смену, – сказал Лайруксал.

– А почему не тебе? – угрюмо спросил Вилли.

– Мне сейчас там нечего делать. Вот если тролли появятся, или пауки... Вы ж не знаете, как с ними обращаться, – ответил тот, демонстративно зевнул и отвернулся к стене.

Вилли поднялся, прижал его коленом к лежанке. Лайруксал захрипел и задержался. Вилли схватил его за волосы на затылке и потянул на себя.

– Ты, друидский выкормыш, – произнес он тихо. – Я вижу, ты не понимаешь, кто ты здесь и зачем. Объясняю. Я дрался с мандреченами и ел тролльчатину. А ты в сытости и тепле друидским штучкам учился. Но зря ты думаешь, что теперь поедешь на нас с Рином, как блоха на собаке. И дежурить будешь, и миски мыть... Ясно?

Лайруксал мученически закатил глаза. Вилли отпустил его. Лайруксал перевернулся лицом к нему, потирая грудь.

– Вы столько дрались с мандреченами, что стали похожи на них, – с трудом переводя

дыхание, сказал Лайруксал. – Только мы сохранили истинный дух темных эльфов... Миски мыть – это в Армии Мандры дедовщиной называется.

Вилли замахнулся, но услышал телепатемму пролетающей над фургоном ведьмы:

«Проводник просит всех заткнуться и помолчать!»

– Что за... – пробормотал он.

Позабыв про Лайруксала, он накинул куртку. Вилли расстегнул клапан на выходе и спрыгнул на дорогу.

Лайруксал проводил его взглядом затравленного хорька.

Вилли едва успел вывернуться из-под копыт черного сюркистанского жеребца – это Арга бешеным галопом промчался в начало каравана. Судя по всему, капитан даже не заметил, что чуть не затоптал одного из проводников. Над головой Вилли прошуршали плащи, две тени будто бы огромных летучих мышей легли на дорогу. Эльф проводил боевых ведьм взглядом – они, наоборот, летели в хвост колонны – и торопливым шагом двинулся к голове обоза. Сидх привычно слушал лес, щурился, когда на лицо ему падали солнечные лучи.

Причина остановки каравана могла быть только одна. Арга, замыкавший процессию, пришпорил своего жеребца. Капитан был уже около второго фургона, но знакомого лязга мечей пока не слышал. Не мелькали и огненные шары, которыми боевыми ведьмы обычно забрасывали атакующих. Наоборот, две ведьмы промчались в конец каравана быстрее, чем он успел их окликнуть. Из фургона, мимо которого проезжал Арга, высунулась рыжая ведьма. Ее разбудила резкая остановка, и она бросилась выяснять, в чем дело, не теряя времени на такие мелочи, как поиск одежды. Заметив капитана, ведьма отсалютовала ему мечом. Круглые груди, позолоченные солнцем, подпрыгнули от резкого движения. Заметив взгляд Арги, ведьма кокетливо прикрыла их свободной рукой, и он увидел чудовищные скобки шрама на предплечье. Капитан осадил жеребца.

– Что случилось? – спросил он.

Рыжая ведьма пожала плечами. Капитан отвел глаза.

– Бревно поперек дороги, – сообщила подлетевшая ведьма. – Или огромная змея, Зарина передавала нечетко. Сидх-проводник потребовал, чтобы мы остановились и наблюдали тишину.

Арга послал жеребца вперед. Но сейчас он предпочел ехать шагом.

Галоп лошади и эрекция всадника – вещи трудно совместимые.

Начальник каравана подоспел через минуту после того, как огромный хвост втянулся в заросли.

– Почему остановились? – спросил Арга, посмотрев на пустую дорогу.

Ринке перевел взгляд с еще колыхающихся кустов на капитана:

– Пропускаем шнейка, господин Арга.

Капитан оглянулся по сторонам:

– И где же он?

Сидх махнул рукой на кусты.

– Уполз, господин капитан.

– Можно продолжать движение?

Ринке кивнул и хлестнул вожжами по крупу. Фургон стронулся с места. Капитан ехал рядом.

– На что похожа эта тварь? – спросил Арга.

– На огромную змею, господин капитан, – ответил Гёса.

Арга покачал головой.

– Вы же обещали... – начал он, обращаясь к Ринке.

– Обещал, – сказал сидх необычайно серьезно. – Я обещал, что доведу обоз до

Бьонгарда, и вы не увидите ни одного тролля, если будете слушаться меня и других проводников. И троллей мы пока не встречаем. Но лес – это лес, господин капитан. Здесь всякое может быть. Кстати, вечером я хотел объяснить всем правила поведения в лесу.

– Я помню, – ответил капитан. – После ужина будет самое время, я думаю.

На дорогу легли две тени – это вернулись Карина с Зариной.

– Но кое с чем я до вечера ждать не могу, – сказал Ринке, заметив их. – Я вас очень прошу больше не летать в разведку, госпожи ведьмы.

Карина озадаченно посмотрела на капитана. Арга угрюмо кивнул.

– Хорошо, – пробормотала ведьма.

Дорога из светлого березняка вошла в угрюмый ельник. Из-за фургона появился взъерошенный со сна сидх – второй из проводников.

– Это Вилли, – представил его Ринке. – Слушайтесь его, как меня.

Вилли забрался на козлы и взялся за поводья, а Ринке слез с подводы и направился в конец обоза.

– Пойду-ка и я своего напарника разбужу, – сказал Гёса и последовал за сидхом. – Хватит Крюку дрыхнуть...

Они вместе с Ринке двинулись вдоль фургона. Железные обручи, на которые был натянут тент, распирали полотно подобно ребрам, делая повозку похожей на неизвестное, но очень исхудавшее животное.

На пол фургона упала полоса света. Лайруксал зажмурился и пробурчал:

– Аккуратнее. Некоторые здесь спят. Чего и тебе советуют.

Но Ринке не стал ложиться. Он вытащил из-за тюков с грузом свой походный мешок, присел на ближайший из них и достал записную книжку в черном кожаном переплете и эльфийское стило. Изящный инструмент был мечтой любого школьника – он не оставлял клякс даже в самых неумелых руках и не нуждался в чернилах. Пристроив книжицу на колене, Ринке черкнул пару строк и глубоко задумался. Лайруксал наблюдал за ним сквозь ресницы.

– Стихи о прекрасной ведьме? – осведомился Лайруксал. – Помни, что к слову «любовь» в мандречи есть только одна рифма – «кровь».

– Я не силен в комбинировании ударных и безударных слогов, никогда этим не занимался и вряд ли займусь, – отмахнулся Ринке. – Но все комбинации графиков движения на дороге помню наизусть. Мы сейчас чуть не наехали на шнейка. Я записал время и дату его появления, только и всего.

Лайруксал резко сел. Одеяло свалилось на дощатый пол фургона.

– Надеюсь, вы не прикончили его? – воскликнул сидх.

– Успокойся, конечно же нет. Почему он здесь? – задумчиво спросил Ринке. – Так далеко от холмов... Они ведь никогда из них не выходят!

– Он ведь живой, наш лес, – сказал Лайруксал. – Зря вы относитесь к его обитателям как к механическим куклам, каждая из которых движется по строго заданной траектории в назначенное время.

– Помолчи, друид, – поморщился Ринке. – Я эти песни уже слышал много раз. Если бы не таблицы графиков, по Железному Лесу сейчас ходили бы только эти механические куклы. А графики, позволь тебе напомнить, написаны кровью. Моих и твоих родичей.

Лайруксал поджал губы. Ринке закрыл записную книжку, убрал ее в мешок. Сидх растянулся на тюке, сунул под голову мешок и заворочался.

– Кто бы мог подумать, что спать на золоте вовсе не так уж приятно, – со смешком сказал Ринке. – Лайруксал, дай одеяло.

Друид молча подал ему одеяло. В центре дешевая шерсть была обезображена выпцветшим штампом Армии Мандры. Ринке расправил одеяло, натянул его на себя и закрыл глаза.

Мерно стучали колеса. По полотняному верху фургона плыла причудливая сеть теней.

– И как ты себе объясняешь появление здесь шнейка? – спросил друид.

– Или начался новый цикл, что вряд ли, – ответил Ринке, не открывая глаз. – Все возможные циклы давно изучены... Или Черный Камень сошел с ума от старости, что более вероятно. Ему ведь больше восьми веков.

– Я вижу, тебя пугает подобное предположение, – нервно усмехнулся Лайруксал.

Ринке глянул на друида в упор:

– А тебя – нет?

Гёса поворочил палкой в костре. К зеленому мосту ветвей над головами путешественников взметнулся сноп искр. Экен покосился на сидевшего напротив Ринке и спросил:

– Можно так? Не набегут тролли?

Сидх заулыбался и отрицательно покачал головой. После ужина Арга сказал, что сейчас Ринке объяснит всем правила поведения в лесу. Правил оказалось немного: не отходить от каравана. Ни вперед, в разведку, ни назад. С дороги сходить только вместе с проводниками. И, наконец, не шуметь. Гёса еще тогда сказал, что поход очень напоминает ему перегон по этапу, путешествие при движущейся тюрьме. После ужина охрана каравана разошлась – кто на посты, кто отдыхать, кто набираться сил перед ночным дежурством. У костра кроме проводника и наемника остались только Карина с Зариной. Старшая крыла сидела на походном матерчатом стульчике, который прошел с хозяйкой всю гражданскую войну. Ринке лежал на земле рядом с мандреченкой, завернувшись в плащ, и курил трубку. Гёса с Зариной расположились с другой стороны костра и пекли в углях картошку.

Сидх обратился к Карине:

– Мы сегодня очень рано остановились. Вы найдете, чем занять своих ведьм, госпожа старшая крыла?

– Давай оставим «господ» и «сударей», – предложила мандреченка. – Нам два месяца хлебать кашу из общего котла. Карина – этого будет достаточно. Договорились, Ринке?

Проводник кивнул.

– А насчет занятий вечером... Ты хочешь что-то предложить? – спросила ведьма.

– Пока еще не стемнело, они могут сходить за черникой, – ответил сидх. – А Вилли поохранял бы их.

– Черника – это хорошо, – заметила Зарина. – Можно будет сделать взвар.

– Давай завтра, – сказала Карина. – Сегодня девочки подгоняют форму. Нам выдали новую, а ее всегда надо немного ушить, чтобы она сидела по фигуре.

– Завтра так завтра, – согласился сидх.

– Слушай, а я вот что заметил, – сказал Гёса, обращаясь к Ринке. – Вдоль дороги столбики натканы, с цифрами.

– Я тоже видела, – вставила Зарина. – Мы проехали столбик с числом «двадцать два», прежде чем остановиться.

– Это все видели, – лениво сказала Карина. – Ваша эльфийская верста короче нашей саженой на десять.

– Наша мера расстояния называется километр, – ответил Ринке и добавил с интересом: – Откуда такая точность, насчет десяти саженой? Я чувствую дорогу ногами, но вы ведь летели...

Карина фыркнула:

– Ты очень необычно сказал. Чувствовать дорогу ногами...

– Я сделал ошибку? – спросил Ринке.

– Да в общем нет, – ответила Карина. – Можно сказать и так. Очень образно получилось, очень точно. А откуда я знаю про десять саженой – метла считает, сколько она пролетела, и показывает это число в саженях на руле. Ты здорово говоришь по-нашему, где ты научился?

– Я жил в Бьонгарде, а там всегда было много мандречен, – ответил Ринке.

– У вас тропа размечена, – терпеливо продолжал Гёса. – Зачем?
– А в Экне не размечают дороги? – удивилась Карина. – В Мандре размечают.
– Но не все же, – возразил Гёса. – Так почему у вас расстояние на дороге размечено?
Ринке замялся.

– Я не смогу этого объяснить, – признался он. – Это связано с нашей магией, с детьми Мелькора.

– Ладно, не рассказывай, – махнула рукой Карина.

– Вы только что из столицы, – сказал Ринке. – Поделитесь новостями, а то сидим в своем лесу и не знаем, что в мире делается.

«Ты наверняка знаешь, что произошло в Куле», думала Карина. – «Ты догадываешься, почему мы – экен, сидх и боевые ведьмы оказались здесь, на старой лесной дороге, все вместе... Что ты хочешь услышать? Проклятия в адрес твоих родичей? Или ты хочешь узнать, что думают мандречены о последней дерзкой выходке Ежей? Изволь!».

– Из последних новостей разве что пожар. Две недели назад, в канун праздника Купайлы, кто-то поджег Приморский квартал в Куле, – сообщила Карина. – Почти всего его жители погибли – кто сгорел заживо, кто отравился дымом...

– Вашему народу всегда нравились костры, чем больше, тем лучше, – спокойно заметил Ринке. – Это же так забавно! Искорки...

– На следующий день на стене императорского дворца появилась нарисованная сажей черная стрела, – продолжала Карина. – И подпись: «Хочешь потушить свой город – потуши Лихой Лес!»

– Как-то измелывали твои родичи, Ринке, – заметил экен. – Раньше с grosайдечей валили, теперь – баб и детей...

– А мы никогда и не были высокими, Гёса, – ответил Ринке. – Но мы, темные эльфы, умеем видеть лес за деревьями. Сколько тебе заплатили за эту прогулку? Кстати, Карина, как тебе и твоим подругам понравилось в «Гроздьях рябины»? Знатная гостиница, говорят. Я вот там ни разу не останавливался. Не по карману.

Проводник картинным жестом похлопал себя по бедру. Алый блик отскочил от прозрачного кругляша на его браслете. Ведьма успела заметить темные фигурки внутри хрустальной вставки.

– А можно посмотреть твой браслет? – спросила Карина. – Он такой необычный...

– Да что ты мелешь, Ринке? – рассердился Гёса. – Ты что, думаешь, что это я поджег? Или ведьмы?

– Нет, – сказал проводник.

Сидх сел и протянул ведьме руку с браслетом, чуть поддернул рукав. Ведьма взяла его запястье в свои ладони. Ринке покосился на Карину. Зрачки сидха сузились в вертикальные полосы. Но ведьма успела заметить в глазах сидха легкую, хотя и добродушную насмешку до того, как сочная зелень затопила радужку. Насмешку, которая всегда появлялась в глазах сидхов при виде людей, будь то голубые глаза ледяных эльфов или нечеловеческие глаза эльфов темных.

– Я думаю, что это-то кто-то из ваших генералов, который боится лишиться хлебной должности, – продолжал Ринке. – Ваш имперский маг еще весной грозился сократить воинский контингент в Железном Лесу до одной дивизии. Оттого Ежи и попритихли, думается мне. И вот вы получили ответ... Но не от нас.

Гёса покачал головой. С остальными соседями мандречены замирились уже десять лет назад. Только война с партизанами Лихого Леса, доставшаяся в наследство от правления Черного Пламени, тянулась и по сей день, высасывая из казны кучу денег и взамен принося в дома мандречен «черные письма». Но, видимо, император Искандер считал, что вид из Трандуиловых Чертогов стоит того.

– Может, Ринке и прав, – сказала Зарина. – Но кто бы ни поджег тот квартал, его соплеменники или кто из генералов – это не по-байнаххски! Нельзя убивать детей и женщин!

– Ой ли, Зарина? – усмехнулся Ринке. – Для того, кто умирает, смерть всегда

одинакова.

– А для того, кто убивает – нет, – возразил Гёса.

– Если убить человека на улице, то тебя казнят, – сказала Карина, разглядывая браслет – А если на войне – то наградят.

Она повела плечом – так, чтобы Ринке заметил на плаще три желто-черные нашивки в виде двойных зубцов. Но сидх давно заметил их. И знал их значение.

Ведьма тихо ахнула. Хотя украшение ни капли не походило на тяжелые серебряные луковицы, которые ей доводилось видеть раньше, она вдруг поняла, что это.

– Хвост Ящера, это же часы! – воскликнула ошеломленная Карина. – Да, правду говорят, что гномы Эммин-ну-Фуина самые искусные в мире... Но зачем тебе в лесу часы?

– И у Лайруксала такие же, – сказала Зарина.

При этих ее словах Гёса наклонился к углям – возможно, чтобы поворошить картошку, а возможно, чтобы скрыть недовольную гримасу. Ринке закусил губу и напряженно посмотрел вверх, словно ответ был написан золотыми солнечными рунами на темно-зеленом пологие леса.

– Это тоже связано с нашей магией, – сказал он наконец.

– Что-то у вас куда ни плюнь, всюду магия, – проворчал экен.

– Эти часы означают, что я могу быть командиром отряда, – пояснил Ринке.

– А, знак высокого положения, вроде графской диадемы, – сообразила Карина.

– И ты командовал отрядом? – спросила Зарина.

– Не похоже? – усмехнулся сидх.

– Ты очень тихий для командира, – возразила экенка.

Ринке пожал плечами:

– В нашем лесу не выживают те, кто громко кричит. А командир – это тот, кто умеет выживать так хорошо, что может научить этому других, разве нет?

Экенка только покачала головой.

– Давайте лучше обсудим теорию убийства, – сказал Ринке. – Практики нам всем здесь хватает. Расскажите о ликах смерти, которые вы видели. Я думаю, что Танцору Смерти есть что рассказать. А уж ведьме, награжденной орденом Радагаста второй степени...

Он коснулся нашивок на плече Карины – легко и почти нежно. Ведьма только вздохнула. Ей не нравились сидхи, не нравились мужчины маленького роста... но с Ринке было интересно.

– Есть очень большая разница не только как убить, но и кого! – сказала Зарина.

– Убийство – это акт власти над жизнью, – произнес Гёса. – Я думаю, Карина хотела сказать именно это, когда говорила об убийстве на площади города и в бою...

– Да! Где тебя научили так хорошо думать, в медресе? – изумилась мандреченка.

– В Вергийском университете, – ответил Гёса. – Я почти закончил там юридический факультет.

– А можно узнать, почему не закончил? – тихо спросила Зарина.

– Меня позвала Музыка, – сухо ответил Танцор Смерти. – Так вот, в мирное время власть над жизнью людей себе присваивает государство, которому они принадлежат. И каждый убийца – уже мятежник, потому что пытается присвоить себе эту власть.

– Ты хочешь сказать, что убийц судят именно за это? – уточнил Ринке. – За попытку мятежа?

– Их судят за глупость, – презрительно сказала Карина. – Любой, кто хочет убивать людей, должен принести армейскую присягу.

– А тот, кто хочет убивать эльфов? – с интересом спросил Ринке.

– Он должен надеть на рукав шеврон Чистильщика, – ответила Карина. – И готово дело!

– Всякого рода заговорщики и революционеры хотят того же самого, – продолжал Гёса. – Они хотят иметь власть, то есть хотят иметь возможность убивать.

– Не согласен, – заметил Ринке. – Лайтонд убил Черное Пламя, чтобы завладеть

Эрустимом.

– Да, но после гибели Черного Пламени от Мандры отделилась не только Фейре с Сюркистаном, – возразила Карина. – Тайнериды, все эти князья Захолустские и бароны Трех-Выморочных-Деревень, разве о Мандре они думали, когда пошли против Искандера? Да ни разу не думали они о Мандре! О себе они думали, спали и видели императорский венец! Они хотели иметь власть и больше ничего!

– То есть, как говорит Гёса, они хотели убивать, – заметила Зарина. – Иметь возможность убивать безнаказанно.

Экен с благодарностью кивнул ей и продолжал:

– Вы носитесь с вашим лесом как с писаной торбой. Вы, темные эльфы, тоже хотите править на своей земле сами. Сами хотите решать, кого убивать здесь, а кого миловать.

– Тебе не приходилось видеть на ярмарках механические игрушки? – сказал сидх. – Кукол, воинов, пауков? С ключиком в спине?

– Видел, – сказал Гёса. – Гномовская работа. Если их завести, они поднимают руку, ходят, куклы открывают свои глазищи, а пауки шевелят лапами... И что?

– Куклы двигаются благодаря внутреннему механизму, шестеренки там, пружины... Один мой друг думал так же, как ты. Он был среди тех, кто убил химвельриттеров. Он говорил, что тогда мы убили не людей. Мы сломали шестеренку огромного механического паука – вашего государственного механизма. Но, понимаешь, это все аллегории. Может быть, идейно все так и есть, но друг другу противостоят живые люди. Один из тех химвельриттеров оказался родным братом моего друга.

– Хорошо, что не твоим, – усмехнулась Зарина. – Теоретики... Как бы вы запели, если в Приморском квартале оказались ваши братья!

– Те, кто поджег Приморский квартал, поняли, любая война – это война идей, а не личностей, – ответил Ринке. – Я думаю, что любого мандречена можно взять за рукав, отвести в сторонку и поговорить. Любой нормальный человек скажет: «Война – это страдания и смерть. Мне война не нужна». И ты удивишься, но темные эльфы думают так же. Однако с целым народом договориться нельзя. Но можно заставить механического паука двигаться иначе. Не имеет смысла ломать его деревянные лапки. Надо по-другому сцепить его внутренние шестеренки. То же самое можно сделать и с тем огромным пауком, что сидит на шее у мандречен. Можно убить сотню химвельриттеров – им на смену из Цитадели придет новая сотня. Те, кто поджег Приморский квартал, хотели обратиться напрямую к пауку. Но немного не рассчитали толщину его панциря. Надо было сжечь не квартал, а полгорода. И тогда оставшиеся в живых завывали бы: «Да выгоните взашей Искандера, у нас не хватит денег заплатить жрецам за похороны! Оставьте вы этих проклятых темных эльфов в покое, пусть сидят в своем лесу!».

В наступившей тишине Ринке принялся неторопливо выколачивать трубку о лежащее рядом полено.

Мандреченка подумала, что сидх прав. Еще она подумала о том, что впереди у них еще много-много таких вот вечеров у костра, во время которых будет испечен не один мешок картошки. Много-много дней путешествия под зелеными сводами. За это время ее ведьмы, сидхи и экены успеют перезнакомиться и подружиться между собой, десять раз помириться и поругаться. И, хотя Ринке заверил, что если караван будет идти так, как прикажут проводники, они не увидят ни одного тролля до самого Бьонгарда, Карина предчувствовала горько-соленый вкус совместных битв, и не только с врагами. Но и тех мучительно приятных битв, что ведутся противниками разного пола в постели. Мандреченка не сомневалась, что, несмотря на строжайший запрет, завяжется и пара-тройка дорожных романов...

И ей были приятны эти мысли. Последнее время крылу «Змей» не приходилось работать в команде с кем-то еще. Этот заказ, как вдруг поняла Карина, напомнил ей войну. Тогда боевые ведьмы действовали сообща, рука об руку с артиллеристами и пехотинцами. Юность Карины прошла на войне, и сейчас ведьма первый раз в жизни поняла, что такое ностальгия. Мандреченка прекрасно понимала, что мирное время гораздо лучше и спокойнее

военного. Однако на миг она вновь ощутила сладкое безумство дерзких штурмов, ночных высадок под дождем и поняла, что это – самое лучшее, что было в ее жизни. Карина знала, что раньше или позже откажется от метлы и станет простой станичной ведьмой, или же станет преподавать в Горной Школе, передавая опыт следующим поколениям ведьм. Но впервые при мысли об этом ощутила горечь, предвестницу тоски, с которой она была обречена вспоминать свою молодость. «Мы выросли на войне и теперь всегда, везде будем стараться построить полевой лагерь», подумала ведьма и чуть улыбнулась.

– Поговорили, и будет, – сказала она. – Давайте картошку есть, если она еще не сгорела.

– А и правда, – сказала Зарина.

Гёса выкатил из золы несколько картофелин. Зарина подала одну из них Карине. Ведьма окутала руки Чи Воды, чтобы не обжечься, и начала чистить обгорелую шкурку.

Ринке проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел лицо Вилли, зеленоватое в неверном свете магического шара.

– Арга поднял караван! – прохрипел друг.

Ринке и сам это уже понял по мерному покачиванию фургона и ритмичному поскрипыванию колес.

Капитан все-таки осуществил свое намерение.

Первые десять дней похода прошли спокойно и тихо, словно путники гуляли по главной площади Келенборноста, а не двигались через глухие дебри Лихого Леса. Арга решил, что проводники зря едят свой хлеб и вообще, только мешают движению. То среди ночи поднимут всех и гонят, словно за ними мчится сам Локи, то до полудня заставят валяться в лагере... Никакой дисциплины. Вчера за ужином он высказал свои мысли Ринке. Эльф ответил, что собирается привести обоз в Бьонгард, а не в пасть паукам, и поэтому и дальше намерен устанавливать порядок движения так, как считает нужным, и завтра обоз тронется с места только после того, как солнце поднимется на две ладони над лесом.

Но обоз двинулся гораздо раньше.

Ринке сел, взглянул на часы, и сказал:

– У нас есть десять минут. Вилли, где наши кольчуги?

Вилли вытащил из-под тюков походный короб. Мифриловые колечки мелодично зазвенели, когда эльф извлек оттуда кольчугу.

– Останови караван! – взвизгнул Лайруксал. – Они же разделают детей Мелькора на гуляш!

– Ты преувеличиваешь, – пожал плечами Ринке. – Экены пустят троллей на эскалопы, только и всего.

Лайруксал горестно вскрикнул.

– Никогда не ел эскалопов из тролльчатины? – осведомился Ринке, натягивая кольчугу. – Знатная штука, скажу я вам. Только больно уж вонючая, тролли жрут что попало...

– Ринке, я тебя умоляю! – Лайруксал чуть не плакал.

– Сам иди разговаривай с этим по уши деревянным ослом, – огрызнулся Ринке. – Кольчугу только надень.

Лайруксал выхватил из рук Вилли кольчугу, кое-как натянул ее и выпрыгнул из фургона. Вилли вопросительно смотрел на Ринке.

– А мы поговорим кое с кем другим, – сообщил друг. – Найди-ка мне тарелочку с яблочком, что нам в Келенборносте выдали.

Выданный коммуникатор оказался дешевой поделкой из тигрового глаза. Ринке пристроил розовое в черных прожилках блюдце у себя на коленях и катнул шарик, весьма отдаленно напоминавший яблочко. Шарик описал круг и остановилось. Центр блюдца засветился. В нем появилось породистое лицо с тяжелым подбородком, в который безжалостно врезался высокий воротник с серебряным шитьем. Эльф изумленно уставился

на человека, с которым его связало магическое блюдце. Ринке узнал мандречена, а тот его, слава Мелькору – нет.

– В чем дело? – осведомились из блюдца.

– Я снимаю с себя ответственность за операцию, – ответил эльф. – Капитан Арга отказывается выполнять мои указания по распорядку движения каравана. Это приведет нас либо на вертел к троллям, либо в шахты к гоблинам, но одно я могу сказать точно – до Бьонгарда обоз не дойдет.

– Да вы, сидхи, совсем не имеете никакого понятия о субординации! – заорали из блюдца. Ринке рефлекторно отшатнулся – изо рта говорившего летели слюни. – Вы что, решили, что будете командовать караваном? Арга – старший по званию, и вы можете давать ему рекомендации! Рекомендации, я сказал! А никакие не указания! Вам ясно? Выполняйте!

Блюдечко потухло – говоривший разорвал связь.

– Дурак он, – примирительно сказал Вилли. – И бородавка у него на губе. Видать, принцессу в болоте искал, а она простой жабой оказалась. И еще он на этого похож, ну, помнишь... Ну этих мандречен к Илу. Бери манатки и айда в лес, больше тут делать нечего.

Ринке отрицательно покачал головой.

– Рин, от нас ведь даже костей не останется, – пробормотал Вилли.

Эльф наморщил нос.

– Тут еще можно поиграть, – сказал он. – Мандреченам не нужно, чтобы обоз дошел до Бьонгарда... А нам нужно. Ну, скажем, не совсем до Бьонгарда...

Эльф усмехнулся.

– Надо же как получилось. Ладно... Попробую я связаться с еще одним человечком...

Ринке ослабил завязку на своем походном мешке, который использовал вместо подушки, вытащил записную книжку и стило. Перелистнув несколько страничек, эльф нашел, что искал. Ринке аккуратно перенес четыре мандреченские руны на поверхность каменного яблочка. Получилось кривовато – эльф писал на мандречи первый раз в жизни. Ринке подул на шарик, чтобы чернила высохли быстрее, и катнул его снова.

На этот раз нижнюю часть блюдца заполнило изображение черного лакированного дерева. Ринке догадался, что коммуникационный шар лежит у мага на столе. Все остальное место занимали женские ноги – стройные икры и безвольно обвисшие ступни. Ринке сглотнул. Вилли тупо рассматривал черный кровоподтек, охватывающий почти всю икру. Женщина была подвешена над столом. Расстояние между пальцами ее ног и поверхностью стола не превышало и дюйма. Если бы она хотела остаться в живых, ей достаточно было встать на цыпочки. Но женщина не хотела.

Или не могла.

– Имперский маг Крон? – неуверенно спросил Ринке.

Изображение резко дернулось в сторону, превратившись в смазанные полосы. В блюдце появилось мужское лицо.

– Слушаю вас, – сказал Крон.

Светлана и Карина летели рядом со вторым фургоном. Ведьмы завесили над ним магический шар, чтобы осветить дорогу. Фургоном правил командир наемников, Рамдан. Рядом с ним на козлах сидели еще двое экен, Ахмет и Махмуд. Ахмет водил пальцем по причудливым завитушкам на ножнах своего меча, который он положил себе на колени. Махмуд спал. Тишина леса была вязкой и не располагала к разговорам. Казалось, что слова растают во мраке, обступавшем дорогу со всех сторон. Вдруг из него появился Лайруксал. Если бы Светлана не была профессионалом, эльф собрал бы лицом стальные рейки с развернутого хвоста ее метлы. Но Светлана была профессионалом. Она сдала чуть влево и вверх, прижимаясь к боку фургона.

– Куда это так спешит наш проводник, – задумчиво пробормотала Света, глядя вслед удаляющемуся белому пятну.

Услышав ее голос, Махмуд открыл глаза. Рамдан зевнул и почесал подмышку.

– Да хоть бы они и вовсе в лес ушли, проводники эти, – сказал экен. – Толку от них, как от козла молока... и без сидхов доберемся. На этой дороге до самого Бьонгарда развилок нет, уж не заблудимся.

– Это точно, – поддержал Ахмет. – Меня этот задавала уже достал... Эти деревья на костер не ломай, потому что они слишком маленькие. Эти не трогай, потому что – редкая порода. Ему только волю дай – сидели бы на привалах при свете гнилушек и грызли бы сухпай.

– А давайте подшутим над этим придурочным сидхом какую-нибудь шутку, – предложил Махмуд.

– Какую? – оживился Ахмет.

Махмуд не успел поделиться своей задумкой – в разговор экен вмешалась боевая ведьма.

– Я бы вам этого не советовала, – холодно сказала Карина.

Махмуд посмотрел на нее с выражением лица: «заткнись, женщина, когда джигиты разговаривают».

– Это почему же? – спросил он угрюмо. – Вы что ль, заступитесь за него, госпожа боевая ведьма?

– Вряд ли ему понадобится мое заступничество, – усмехнулась мандреченка. – Сидхов Лихого Леса боятся даже их соплеменники. Все – и серые, и ледяные, и даже звездные... Говорят, магия лесных сидхов могущественна, но мрачна, и берет свое начало от сил зла.

– Насчет сил зла не знаю, – заметила Светлана. – Что есть зло, что есть добро? Но почти все некроманты, которые приходят учиться в Зойберкунстшуле – темные эльфы.

Это произвело впечатление. Наемники примолкли.

– Темные эльфы, авари, как они сами себя называют, имеют власть над пауками, орками и всеми тварями Лихолесья, – закончила Светлана.

– Авари, – задумчиво повторила Карина. Любая из боевых ведьм бегло говорила на языке врагов и смогла бы перевести столь простое название. – Отказавшиеся... От чего же они отказались?

– Мы не отказались. Мы не согласились, – раздался из темноты голос Ринке.

Карина обернулась. Сидх, очевидно, уже долго шел рядом с повозкой и слышал большую часть беседы.

– Мои предки отказались пойти за светом звезд, – продолжил сидх. – Они были материалистами. Но ты не права насчет нашей магии. Мы, темные эльфы, – самые слабые маги среди всех Детей Старшей Расы.

– Интересно, почему так? – спросила Светлана.

Карина промолчала. Слабо поблескивающая мифриловая кольчуга на Ринке подтвердила самые худшие опасения старшей крыла «Змей». Еще ни разу за все время пути старшая крыла «Змей» не видела успехов на проводниках.

– У нас говорят, что магия – это кровь злых богов, которая отравила эльфов, – как ни в чем не бывало ответил Ринке. – Восемьсот лет назад, в Дни Наказания за Гордость Разума, она лилась с неба. Почти вся кровь пролилась над Мертвой Пустыней. На земле кровь стала ядовитой пылью. Ветром пыль занесло в Истлу, немного в Нудайдол, а на севере накрыла земли Фейре. А до Железного Леса дошло совсем мало этой пыли, и поэтому мы такие слабые маги.

Мандреченке ничего больше не оставалось, как поддержать тему.

– И в наших хрониках написано нечто похожее. Там говорится, что после того, как Ярило одолел Змея, тот упал за Стеной Мира, – сказала Карина задумчиво. – И там все сгорело, стало Мертвой Пустыней. А от удара поднялось столько пыли, что мгла застлала солнце на несколько лет. И шли дожди, от которых люди болели...

Впереди закричали, сверкнули голубые огненные шары. Деревья по сторонам от головного фургона вспыхнули.

Звеньевая Ирина крайне отрицательно относилась к ранним побудкам. Ведьма обычно брала ночные дежурства, а днем отсыпалась. Караван, по словам Ринке, назавтра должен был сняться с места ближе к обеду, и Ирина согласилась поставить на прикрытии свою тройку. Но Арга решил иначе, и ведьмы вот уже час болтались в воздухе. До рассвета еще было далеко, метла шла медленно и ровно, и Ирина задремала в седле. Ее разбудил дикий вопль. Ирина открыла глаза и увидела Лайруксала. Сидх подпрыгивал у стремени и пытался вырвать из руки капитана факел.

– Бросьте сейчас же! – кричал он.

Арга свободной рукой вцепился проводнику затрещину, и сидха отбросило к обочине. Но и там Лайруксал не успокоился.

– О Мелькор, да что же вы делаете! – простонал он.

Приподнявшись на локтях, сидх завопил:

– Вы всех нас погубите! Они же идут на свет, как мотыльки...

Лошади нервно всхрапнули. То ли речь Лайруксала на них так подействовала, то ли почуяли кого-то в лесу. Ведьма всмотрелась в черные кусты в поисках мотыльков, встречи с которыми так боялся проводник. Пока что самые жестокие схватки конвой каравана вел с комарами, и мотыльки внесли бы приятное разнообразие в этот скучный поход.

– А иди ты, – сказал Арга.

– Что? – переспросил ошеломленный сидх.

– Вали отсюда, говорю, пока факелом по морде не получил, – произнес капитан. – Без вас справимся.

На обочине мелькнул красный колпак. Ирина вздрогнула, увидев его. Низенькая фигура метнулась наперерез, отбрасывая гротескную тень. В следующий миг дорога закишела телами. Первым коричнево-зеленая волна накрыла Лайруксала. Брина и Тана, ведьмы тройки Ирины, опомнились раньше звеньевой. Два голубых огненных шара, разбрасывая сверкающие брызги, полетели в лес по обеим сторонам дороги почти одновременно. От магического огня деревья вспыхнули, как вымоченная в нефти пакля. Раздался вой, запахло паленым. Арга наотмашь ударил факелом. Гоблин, вцепившийся в его стремя, взвыл и отвалился. Но он успел перерезать подпругу и в своем падении увлек капитана за собой.

А нападавший в красном колпаке был уже у лошадей и замахивался. Гоблин намеревался разнести своей булавой череп ни в чем не повинной лошадке. Сидевший на козлах экен – а это был Гёса – привстал, вытаскивая из-за пояса кинжал. Ирина услышала короткий свист. Гоблин бросил булаву и вцепился в собственную шею. Ведьма увидела рукоятку кинжала в его пальцах, из-под нее короткими толчками била кровь. Гёса выхватил меч и спрыгнул на дорогу. Экен опрокинул лезущего на козлы гоблина и добил его коротким ударом.

«Не Ежи», мелькнуло у Ирины. Партизаны бы не стали выходить на дорогу. Ежи бы просто расстреляли караван, не спускаясь с деревьев. «О Ярило и Ладос, не Ежи! Гоблины! Всего лишь гоблины!», подумала звеньевая и выкрикнула обездвиживающее заклинание. Ведьмы подхватили его. Экен успел снести голову еще одному врагу и отрубить руку другому, прежде чем подействовала сплетенная ведьмами сеть. Гоблины повалились на дорогу, словно сброшенные с доски шахматные фигурки.

Когда подоспели Рамдан с еще двумя наемниками, Карина, Светлана и Ринке, все уже было кончено. Арга как раз перерезал глотку последнему гоблину. Деревья по бокам дороги превратились в обугленные кольца и потухли, дальше магическое пламя не пошло.

Рамдан внимательно осмотрел место схватки.

– Слабаки, – заключил экен презрительно.

– Я про них слышал, – сказал Гёса, поднимая с дороги мятый красный колпак. – Эти гоблины свои шапки кровью мажут...

Экен нахлобучил колпак на голову трупа. Рамдан с Махмудом взяли мертвого гоблина за руки-ноги и выбросили тело с дороги. Труп задел обугленное основание тополя, и дерево

рассыпалось пеплом. Гёса и Махмуд оттащили к обочине еще два тела, мешавших проезду.

– А где Лайруксал? – спросил Ринке.

Кусты на обочине зашевелились, из-под них выкарабкался Лайруксал. Щека у сидха была расцарапана, под глазом наливался синяк. Больше в схватке никто не пострадал. Арга поймал своего коня и на поводу повел его в конец колонны. Гёсе капитан поручил нести седло.

– Ринке, Лайруксал – продолжать движение, – скомандовал он перед уходом.

Лайруксал успокаивал дрожащих лошадей, гладил мокрые бархатные морды и что-то шептал в подергивающиеся уши. Ринке запрыгнул на козлы и сказал, не глядя на Аргу:

– Господин капитан, свяжитесь с имперским магом Кроном. Он очень хотел побеседовать с вами.

Арга оглянулся через плечо. На лице его застыло смешанное выражение недоумения и страха. Ринке вытянул лошадей вожжами, и обоз тронулся.

Труп гоблина остался на обочине. Уродливое лицо было разрублено пополам, кровь запеклась на дурацком красном колпаке. Один глаз вытек, а другой, холодный и застывший, глядел, казалось, прямо на идущего мимо Гёсу.

Светало.

Дверь кабинета была обита черной кожей. Искандер смотрел на прорезанное в центре двери окошко, забранное стальной заслонкой, на серебряные гвоздики, торчавшие из обивки, и слушал доклад Эмнера.

– Шесть дней назад господин имперский маг вызвал для допроса мещанку Таубер, обвиняемую в нарушении закона о раздельном существовании разумных рас, – невыразительным голосом сообщил секретарь Крона. – Четыре дня спустя они заказали ужин в кабинет. Господин Крон и мещанка Таубер посетили душевую...

Искандер отвлекся о мыслях о том, как же ему открыть эту дверь. Большую часть дверей в своей жизни он высадил тараном, но сейчас нужно было добиться того, чтобы Крон открыл ему сам.

– Здесь есть душевая? – спросил император.

– Так точно, ваше величество, – ответил Эмнер. – Чтобы мастера пыточных дел могли помыться после работы... После чего господин имперский маг и мещанка Таубер не покидали кабинета. Вы понимаете, ваше величество, есть ряд бумаг, которые я могу подписать вместо господина Крона. Но сейчас поступило большое количество дел, принятие решения по которым выходит за рамки моей компетенции. Очень неловко было беспокоить вас сразу по возвращении из Ринтали, я слышал, что переговоры были очень напряженными, но...

– Я понял, – сказал Искандер. – На двери стоит какой-нибудь магический экран или Крон услышит меня, если я просто его позову?

– Насколько мне известно, такой экран есть, но является односторонним, – сказал Эмнер. – Никто не может услышать, что происходит в кабинете господина имперского мага, но ему слышно, что происходит в коридоре. До определенной степени, конечно.

– Крон! – крикнул Искандер. – Это я! Открой, ты мне нужен!

Секретарь имперского мага и император Мандры уставились на дверь в ожидании ответа. Некоторое время ничего не происходило. Затем раздался шорох и железное бряцание – изнутри подняли щеколду. Дверь бесшумно приоткрылась, меньше чем на четверть. Искандер и секретарь Крона почувствовали запах из кабинета одновременно, и этот запах был знаком им обоим.

В кабинете находился труп, и человек этот умер не вчера.

– Вы свободны, Эмнер, – сказал император.

Тот прищелкнул каблуками и удалился. Искандер дождался, пока сутулая фигура Эмнера скроется за поворотом коридора, толкнул дверь и вошел. Император думал, что Крон стоит за дверью, но мага там не оказалось. Искандер понял, что Крон поднял щеколду

магическим пассом, не подходя к двери. Император почувствовал, что на лбу у него выступает холодный пот. Искандер остановился на пороге и спросил:

– Ты ранен? Где ты, Крон?

Тут император увидел мага. Крон оказался на диване у дальней стены, спиной к двери. Услышав голос Искандера, маг зашевелился.

– Он опять тебя мучает? – пробормотал Крон и поднялся с дивана. – Сейчас...

Пока имперский маг пересекал кабинет, Искандер смотрел на труп женщины, лежавший на диване. Трупные пятна перемежались с синяками. Но тело было не настолько изуродовано, чтобы император его не узнал.

Крон обнял Искандера. Тот усилием воли сдержал себя, чтобы не отшатнуться. Император прикинул на глазок, что мешанка Таубер, подбадриваемая пинками, спустилась в чертоги Ящера дня два тому назад. И судя по запаху, все время, прошедшее после ее смерти, Крон провел, обнимая труп и теперь сам пах, как покойник.

– Не здесь, – твердо сказал император.

Маг опустил голову, так, словно хотел оглянуться на труп. Искандер взял его за руку и сказал мягко:

– Пойдем. Ты здесь уже ничего сделать не можешь.

Имперский маг глубоко вздохнул и направился к выходу. Искандер последовал за ним, боясь выпустить его руку. Но все же ему пришлось это сделать, когда Крон захлопнул дверь и полез в карман за ключами от кабинета. Имперский маг не глядя вставил нужный, закрыл на два оборота, и они двинулись по коридору. Вдоль стен, выкрашенных в зеленый цвет неприятного оттенка, стояли обшарпанные стулья для посетителей. Крон запнулся об один из них и чуть не упал. Он успел ухватиться за висевшую на стене доску с приказами, с другой стороны его схватил за локоть Искандер. Император почувствовал, что Крона бьет дрожь. Маг повернулся и неожиданно спросил:

– Но почему так, Искандер?

Император предполагал, что в той или иной форме этот вопрос ему будет задан. Что это за «так» Искандеру доложили сразу по прибытии из Ринтали. Он прикинул несколько вариантов ответа, пока добирался до Имперской Канцелярии, но сейчас запнулся, не зная, что ответить. Больше всего ему хотелось сказать: «Тебе просто не повезло». Но Искандер вдруг понял, что Крон придет в ярость от его сочувствия. Однако маг уже справился с собой. Он зашагал дальше, избавив императора от необходимости отвечать. Сразу за поворотом обнаружился Эмнер, такой же чахлый и невыразительный, как фикус в кадке, рядом с которым стоял.

– Эмнер, выдайте тело родственникам Таубер, – сказал Крон на ходу. – И проветрите в моем кабинете.

Секретарь склонился в полупоклоне.

– Будет исполнено, господин имперский маг. Когда я могу подойти к вам? Накопилось очень много бумаг на подпись...

Синие глаза Крона никогда не двигались, словно имперский маг был слеп. Но Искандер уже научился улавливать незаметные для других жесты, которыми обычный человек сопровождает движения глаз. Если бы речь шла о нормальном человеке, сейчас можно было бы сказать, что Крон покосился на императора. Маг разрывался между двумя делами, которыми необходимо было заняться.

– Лучше будет, если ты сделаешь это сейчас, – сказал Искандер.

Эмнер немедленно раскрыл папку из серой кожи, которую держал подмышкой, ловко извлек из камзола эльфийское писало. Крон быстро подмахнул несколько листов, лежавших сверху. Наморщившись, разорвал на куски два следующих и бросил их на пол. Мельком проглядев документ, оказавшийся в папке последним, имперский маг сказал:

– А этот дундук... начальник штаба... Он не знает, что сначала надо пройти аттестацию по схеме номер восемь?

– Господин Крон, так полковник Маковец и просит не о назначении его на должность

командующего по борьбе с сепаратизмом в лихолесском секторе, а как раз о направлении его на необходимую для этого аттестацию. После того, как бывший командующий, генерал-лейтенант Хляндик с домочадцами погиб при пожаре в Приморском квартале, я по вашему приказу объявил конкурс среди сотрудников для замещения этой должности.

– А, ну да, – проворчал Крон и что-то стал быстро писать.

Заглянув через его плечо, император увидел:

«Удовл. Удержать 20 % оклада за неправильный подбор кадров для операции „Хрустальное яйцо“».

Крон поставил руны своей подписи и вернул секретарю писало. Эмнер захлопнул папку.

– Благодарю вас, господин имперский маг.

Когда они отошли на такое расстояние, чтобы секретарь не мог их слышать, Искандер сказал:

– Лихо ты управляешься... А что это за «Хрустальное яйцо»?

– Ты просил меня подготовить ответ сидхам на поджог Приморского квартала, – ответил Крон. – Я и отправил в Бьонгард парочку-другую... аргументов для будущего спора.

Искандер хмыкнул, но промолчал.

Гёса несколько секунд смотрел в застывшие глаза мертвого гоблина. Почему-то ему вспомнились глаза самого первого гоблина, убитого охранниками обоза. Хотя с того дня прошло только две недели, экену казалось, что обоз плетется по лесу уже год или два. Гёса поднял руку и почувствовал, что куртка подмышками разошлась по швам.

– Заринка, одолжишь иголку с ниткой? – спросил он у стоявшей рядом ведьмы.

Зарина устало кивнула. Экен перешагнул через труп и чуть не поскользнулся на кровавой требухе. Гёса сорвал с обочины мощный лопух и протер клинок. Из кустов доносились голоса экен – Рамдан, Махмуд и Ахмет ловили разбежавшихся лошадей.

– Как я не люблю лес, – с отвращением пробормотала Зарина. – Один шайтан знает, кто ждет нас в следующих кустах...

– То ли дело горы! – заметил Гёса. – В Баррии есть такие ущелья, что их могут удержать два подростка, если у них есть с собой хотя бы один зефар на двоих...

Ведьма устало улыбнулась и кивнула.

– Поднимаем, девочки! – крикнула Карина.

Нападавшие опрокинули два первых фургона. Ведьмам предстояло поставить их на колеса. Зарина метнулась вверх, чтобы помочь подругам.

– На счет раз! – продолжала старшая крыла «Змей». – Три!

По фургону, лежавшему на боку, забежали голубые огоньки Чи ведьм.

– Два!

Огоньков становилось все больше и больше. Они сплелись в магическую сеть. Внешне она ничем не отличалась от рыбацкой, за тем исключением, что эта сетка светилась синим светом.

– Раз!

Фургон дрогнул и оторвался от земли, становясь на колеса. С него сползли два тела, оставив на тенте длинный красный след.

Экен отбросил испачканный лопух. Придирчиво осмотрел клинок, наклонился и сорвал еще травы. Гёса покосился на Ринке – тот стоял неподалеку, и лениво ковырялся мечом в развороченных внутренностях огромного паука. И так невысокий, рядом с монстром проводник казался крохотным, игрушечным. Сидх напомнил Гёсе бронзового солдата, которого он в детстве выменял у соседского мальчишки. Мертвый паук был похож прохудившийся бурдюк с кефиром, из которого торчали переломанные спицы огромных ног. Белая с прозеленью кровь растеклась по всей дороге. Но когда паук был еще жив, то есть минут пять назад – тогда он вывалился на дорогу из леса, бодрый и полный сил – то показался наемнику воплощением самого Иблиса.

И расправился с ним именно этот игрушечный сидх.

Под сводами леса царила страшная духота. Последние три дня выдались очень жаркими, а воздух под зеленым листовым пологом был совершенно неподвижен. Гёса и Рамдан сидели рядом на козлах третьего фургона. Рамдан правил. Гёса высморкался в два пальца. Его рубашка от пота промокла насквозь, прилипла к телу, и теперь наемник чувствовал холод кольчуги. Половина отряда ходила в соплях по этой же причине. Рядом с фургоном летела Карина. Все трое молчали – жара разморила так, и не было сил даже разговаривать. Да и о чем было говорить?

Конечно, не о том, что за последние три дня караван продвинулся вперед не больше чем на десять верст – а до первого нападения обоз проходил такое расстояние за полдня. Теперь гоблины и тролли посыпались на караван, как из дырявого мешка. Они выскакивали из кустов утром, в сумерках. Падали с деревьев среди бела дня словно переспевшие желуди, прямо на головы конвою каравана. Подкрадывались ночью... Охрана обоза отражала атаки одну за другой. Нападавших всегда было немного, и, как выяснилось, гоблины были жутко трусливы. Но вчера людям впервые пришлось столкнуться с неповоротливыми гигантами – троллями. Лайруксал обучил всех воинов в караване заклинанию, от которого тролль ненадолго застывал, подобно статуе. Крюк и Брига не успели выкрикнуть его, запутались в незнакомых словах. На выручку экену пришла Сабрина, метнула огненный шар и пару заклинаний вдогонку. Видимо, какое-то из них все же подействовало, поскольку ведьме удалось вырвать экена из лап тролля. Но монстр успел зацепить Сабрину. Ведьма и экен теперь ехали в пятом фургоне вместе с другими ранеными. Последний фургон каравана уже начал потихоньку превращаться в лазарет. Брига погибла – первая из ведьм, которая осталась в лесу навсегда. Соратницы не смогли успокоить ее духа и установить по мандреченскому обычаю деревянную стрелу над ее могилой. Тролль смял Брину в кровавый комок и размазал его по деревьям вдоль дороги на протяжении четырех саженей. И небесные воительницы понимали, что вряд ли духу Бриги долго придется грустить и прогуливаться меж дубов и берез в одиночестве.

Разговор на эту тему не имел смысла потому, что вчера вечером между Кариной и Рамданом уже все было сказано. И Арга очень встревожился бы, узнай он хоть половину беседы ведьмы и экена. Караван до сих пор шел туда, куда хотел капитан, только потому, что ни Карине, ни Рамдану не удалось вчера поговорить с Ринке – сразу после ужина проводники ушли в свой фургон.

Но сейчас сидх появился рядом с фургоном – неслышно, как он это умел. Гёса увидел его и понял, что Ринке идет рядом с фургоном уже минут пять. Появление сидха было верным знаком того, что скоро придется драться – из всех остальных экен Ринке выбрал Рамдана и Гёсу для того, чтобы они его прикрывали в бою. Выбор был понятен – они были наиболее сильными Танцорами Смерти среди наемников. Гёса и Рамдан успели заметить, что Ринке каждый раз сходит со странными соперниками – то с главой нападающих, то с самым хилым из гоблинов, то и вовсе с ничем не примечательным. Но всегда, схватившись с намеченной жертвой, сидх побеждал. А атакующие тут же обращались в бегство.

Гёса пихнул Рамдана локтем в бок. Прежде чем общаться с ведьмой, Рамдан поделился с ним своими мыслями о судьбе каравана. Гёса знал, что надо использовать так кстати подвернувшуюся возможность переговорить с проводником.

– Садись, – предложил Рамдан сидху.

Ринке взобрался на повозку.

– Выпался? – спросила Карина, тоже заметив его.

Тот улыбнулся и кивнул.

– Что же это вашим троллям никто не рассказал в детстве сказок про то, что свет солнца обращает их в камень? – мрачно продолжала ведьма.

Ринке засмеялся:

– Зато их мясо можно есть.

– Кожаные ремни тоже можно есть, если хорошенько их выварить, – пробурчал Гёса. – В Даарнийской крепости, помню...

– Где? – переспросил Ринке.

– Я там сидел, – пояснил экен.

– Я что спросить-то хотел, – произнес Рамдан. – Троллям от нашего Танца ни жарко, ни холодно. Ты не знаешь, почему?

– Нет, – покачал головой сидх. – Но у вас же есть какие-то правила... На какие виды живых существ Танец Смерти не влияет?

– Да в том-то и дело, – ответил Рамдан. – Танец Смерти не действует только на мертвых, или на вещи – камни, воду. То есть получается, что тролли – мертвые.

– Для мертвецов они слишком быстро двигаются и соображают, – пробурчал Гёса. – Хотя ходячих мертвецов я видел раньше. Там же, в Даарне. Пропишут тысячу двести палок – и прогоняют сквозь строй. А это верная смерть, но очень дооо-лгая...

Глаза Ринке расширились – он понял, на что намекает экен. Движение каравана последние трое суток очень напоминало варварский метод казни, описанный Гёсой. Но сидх промолчал.

– Я схожу в фургон, рубашку сухую надену, – добавил Гёса и спрыгнул с козел.

Не успел он скрыться за краем тента, Рамдан сказал:

– Ринке, давай повернем назад.

Сидх задумчиво посмотрел на него и перевел взгляд на Карину.

– Мы согласны, – произнесла мандреченка. – Я вчера посоветовалась с девочками.... Только Арга должен остаться в живых.

После первого нападения Арга связался с Кроном. После этого капитан орал на троих проводников так, что листва дрожала на дубах. Ринке понял, какую ошибку совершил, связавшись с вышестоящим начальством. Арга не уважал стукачей. Вот уже три дня проводники и капитан вообще не разговаривали.

– Конечно, мы его не тронем, – кивнул Рамдан. – А то под трибунал будет некому идти.

– Ребята, это все здорово, – произнес Ринке. – Но это бесполезно.

– Почему же, хвост Ящера? – воскликнула мандреченка.

– Тише, – сказал Рамдан.

– Нет никакого смысла возвращаться, – пояснил сидх. – Сзади нас, грубо говоря, тоже стоят солдаты с палками, которыми будут бить нас по спине.

– А ты... ты никак не можешь договориться с этими... солдатами? – осведомилась Карина осторожно. – Вы же в Лихом Лесу все друг друга знаете, наверно.

– Могу, – сказал Ринке. – Я вчера предлагал капитану. Мне надо отлучиться от обоза. Но Арга ни в какую. А сегодня уже поздно, я не успею дойти.

– Одного он тебя не отпустит, – согласился Рамдан. – А мне нельзя пойти с тобой? Я ж не мандречен. Мне ваши партизанские секреты неинтересны.

– А еще можно Свету попросить, она и тебя отнесет, и Рамдана. Она свяжет вас таким заклинанием, что Рамдан никогда никому не расскажет, что видел, – добавила Карина.

– А на ведьм это заклинание не действует? – тихо спросил Ринке.

– Почему же, действует, – ответила мандреченка.

Сидх молчал. Рамдан молчал тоже.

– Ты хочешь, чтобы с тобой кто-то из девочек пошел? – догадалась старшая крыла «Змей». – Так говори, не стесняйся. Я прикажу любой, у нас это быстро, без вольностей...

– Не сомневаюсь, – сказал сидх. – Но кто сможет приказать тебе, Карина?

– Ах вот как, – пробормотала озадаченная ведьма. – Да, конечно, Ринке, я пойду с тобой.

– Благодарю, – ответил Ринке.

– Вы скажите Арге, а я за Светланой летаю, – сказала Карина.

Ведьма поднялась над фургоном и умчалась в хвост обоза – целительница была в последнем фургоне, у раненных.

– Гоблины! – закричали впереди.
– Тпру! – крикнул Рамдан и натянул вожжи.
Засверкали огненные шары. В начало каравана над головами экена и сидха промчались ведьмы.

– Шайтан, опять, – закричал Рамдан. – Как они надоели...
Сидх глянул на часы и сообщил:
– В этот раз будет кое-что новенькое.
– Ты меня пугаешь, – мрачно ответил командир наемников.
– Где Гёса? – спросил сидх. – Прикроете меня?
– Само собой, – сказал Гёса, появляясь из-за фургона.
Ринке хмыкнул:
– Сменил рубашку?
– А как же, – с независимым видом ответил экен.
– А штаны запасные у тебя есть? – осведомился сидх. – Могут пригодиться.
– Не обосрись, не дожدهшься, – хмуро ответил Гёса, и в этот момент на дорогу вышел паук.

Экен не видел его ног – он видел только огромное мохнатое тело, нависающее над передним фургоном. Стальные отблески магических шаров на его передних лапах. Россыпь горевшим алым глаз на голове.

– Крученный Иблис, – пробормотал Гёса и попятился.
– Режь поводья, Крюк! – закричал Ринке. – Ему нужны лошади!
Паук взмахнул лапой в воздухе, и ведьмы бросились врассыпную. Чудовище подхватило первый фургон, подбросило в воздух. Лошадей там уже не было – Крюк успел перерезать поводья. Из фургона выпала темная фигурка и улетела куда-то в лес.

– Бейте его файерболлами! – орал Ринке.
Ведьмы услышали его. Вспыхнули файерболы, запахло паленой шерстью. Сидх обернулся к экенам, изумленно смотревшим на происходящее.
– Прикройте же меня! – крикнул он.
– Да, прости, – пробормотал Рамдан.

Гёса и Рамдан привычно закрутились. Во время Танца экены превращались в черные воронки, в которых исчезало все живое. Ринке двинулся между Танцорами Смерти по коридору из мертвой силы. Эльф шел по нему не в первый раз, до сих пор не мог отделаться от ощущения, что заживо спускается в Подземный мир. В каком-то смысле это так и было. Иногда эльф видел лица Рамдана или Гёсы – серые, плоские, похожие на дешевые маски. Ринке старался не думать о том, что Рамдан, грубый и резкий, но при этом изумительно игравший на зурне, сейчас превратился в эту серую, дрожащую пленку, которая отделяет эльфа от мира живых. Ринке видел ужас на лице гоблинов, которых затягивало в Подземный мир. В стенах коридора мелькали изломанные зигзаги молний. Сами стенки казались прозрачными. Лес через них виделся серым, а кровь – белой. Метрах в двух от паука Ринке вытащил арбалет и взвел его. Сидх махнул рукой экенам привычным жестом, обозначавшим – «далее я сам».

Не успели Гёса и Рамдан приобрести человеческий облик, как гоблины бросились на новых противников. Ринке подбежал под брюхо пауку – ему не пришлось даже нагнуться. Чудовище щелкнуло жвалами и стало подниматься на задние лапы, но было поздно.

Ринке поднял руку с арбалетом и выстрелил почти в упор, в огромное брюхо, нависавшее над макушкой эльфа.

Рамдан и Лайруксал впрягали лошадей в фургон, который поднимали ведьмы. Теперь небесные воительницы поднимали второй. Махмуд и Ахмет держали в поводу фыркающих лошадей.

– Что же пауки здесь жрут, когда по дороге никто не едет? – спросил Рамдан у Лайруксала.

– И два! – донеслось с неба.

– Раньше по тропе было сильное движение, – ответил тот и поправил повязку на голове. Через грязный бинт проступила кровь. – Вот пауки и прочие... существа привыкли рассматривать ее как скатерть – самобранку.

Ринке перестал ковыряться мечом во внутренностях паука и неожиданно рявкнул:

– Это все ваши друидские сказочки! Мы попали в схему!

Лайруксал моргнул, покосился на наемников и угрюмых ведьм, и сказал нервно:

– Давай обсудим это в Бьонгарде.

– Мы не дойдем до Бьонгарда, – очень спокойно и четко произнес Ринке. – Мы все сдохнем у первого шнейкхюгеля.

Сидх смачно харкнул на дорогу, развернулся и двинулся в конец обоза. Второй фургон поднялся в воздух, неприятно ухнув чем-то внутри. Ринке остановился переждать, пока уляжется поднятая повозкой пыль и перестанут мерцать голубые огонечки магической сети. На сидха из-за фургона вышел Арга. Ринке начал забираться влево, собираясь обойти повозку с другой стороны, но капитан преградил ему дорогу.

– Извини меня, Ринке, – с трудом произнес Арга. – Я ошибся. Что нам теперь делать?

– Бросьте, Арга, – вяло ответил Ринке. – Я принимаю ваши извинения, если это вам так важно. Но это уже не имеет никакого значения. Кости-то наши все равно будут лежать вперемешку.

Над дорогой зависла гробовая тишина. По лицам экенских наемников Арга понял, что они отлично слышали слова сидха. Капитан поднял глаза. Ведьмы сгрудились в воздухе над караваном. В тесном пространстве под крышей зеленого туннеля они напоминали замерший перед атакой пчелиный рой. Они висели не так высоко, чтобы не разобрать реплику Ринке. Капитан сглотнул и сказал:

– Хорошо, иди. Но возьми кого-нибудь с собой.

Ринке поднял голову, ища глазами Карину.

– Света отнесет сидха, – сказала мандреченка. – А я пойду с ним.

– Вылетайте немедленно, – сказал Арга, даже не пытаясь скрыть свое облегчение.

Светлана начала спускаться по крутой спирали. Ринке выдернул из ближайшего трупа копьё.

– И ты не скажешь мне, куда вы пойдете и как ты собираешься остановить это безобразие? – осведомился капитан.

Ринке улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Я так и думал, – пробормотал капитан. – Когда вас ждать обратно?

– Завтра к обеду, – ответил сидх. – Если я не вернусь, вас поведут Лайруксал и Вилли.

Лагерь Ежей Энедики находился в глубине Железного Леса, а первая партизанская заимка, на которой всегда можно отдохнуть – чуть южнее Мертводья. До заимки можно было добраться двумя способами. Первый, наиболее безопасный, был таким: пересечь Старый Тракт в том месте, где дорога из Бьонгарда соединялась с ним, и идти лесом, по набитым зверями тропам, все время держа на юго-восток. Рингрин, возвращаясь со своими партизанами с праздника, выбрал именно этот путь. Принц очень спешил, а рядом с заимкой находился телепорт, через который его отряд мог попасть на свою территорию.

Энедика же выбрала второй способ, менее удобный, менее быстрый, но более полезный. Ее отряд двигался в сторону Эребора параллельно Старому Тракту с тем, чтобы в удобном месте перейти его, пересечь Мертводье по хорошо известному пути, и оказаться на заимке. Мимо партизан проезжали все купеческие караваны, спешащие в Бьонгард. Ежи не трогали их, но смотрели, считали, запоминали.

В день, когда Энедика решила пересечь Старый Тракт, она отправила в разведку Халлена и Тавартэра. Они пробежали вперед около четырех километров и наткнулись на обоз. Эльфы залегли в кустах, считая подводы.

– Хлеб везут, – сказал Тавартэр.

– Это первый обоз с зерном, который мы видим, по-моему, – откликнулся Халлен.

– А корабли с зерном всегда приходят из Полы примерно в это время, – согласился нандор. – Это самые первые ласточки, чтобы оказаться сейчас здесь, они должны были из Эребора в начале июля выйти.

Халлен и сам это знал. Ему было скучно лежать, глотая пыль от проходивших мимо подвод, и хотелось поговорить с товарищем. В грохоте множества колес никто не услышал бы их голосов.

– Энедика прикажет нам уничтожить его, – сказал Халлен.

– Нет, – возразил Тавартэр. – Нас всего одиннадцать, а тут не меньше пятидесяти человек охраны...

Он махнул рукой на рослого мандречена, ехавшего между телегой и обочиной дороги, и подозрительно посматривающего на лес.

– Энедика обещала мне, что атакует, только если увидит Армию Мандры на марше, – добавил Тавартэр. Нандор запнулся, поняв, что сказал слишком много.

– А я думал, я один одержим идеей умереть в бою, – насмешливо произнес Халлен.

Нандор покосился на него:

– А в чем причина твоей одержимости? Я вот не собираюсь умирать.

– Я заметил... Я болен, Тавартэр, – ответил темный эльф. – Я умираю.

– Чем ты болеешь? Это заразно?

Халлен открыл рот, чтобы соврать про опухоль, которая пожирает его тело изнутри, но вдруг передумал. Стыд стал для его иссушенной души столь же непозволительной роскошью, что и любовь. Перед отъездом из таверны Халлен истратил все деньги, что у него оставались, на два мешочка лислора. Теперь от них оставалась лишь половина в последнем мешочке. Эльф знал, что когда порошок закончится – а это должно было случиться скоро – ему останется только умирать в окружении собственных чудовищ. Но Халлен надеялся, что ему уготован не столь мрачный конец и пророчество Мораны сбудется.

– Нет, не заразно, – ответил он. – Я умираю от лислора.

– Мне так и показалось, – спокойно сказал Тавартэр. – Я однажды видел такого, как ты. Бывшего лучника. Он ковылял по деревне, брался за любую работу, но был слишком слаб, чтобы заработать много.

– И что? Он умер?

– Не скажу, – усмехнулся нандор. – Но неужели ты думаешь, что твоя палка, усохшая теперь, когда-то была столь хороша, что сейчас Энедика рискнет жизнью всех нас – только для того, чтобы ты умер под мечом солдата, а не в судорогах, воя и катаясь по земле, не отличая день от ночи, а друзей – от соседних деревьев?

– Что-то ты разговорился... Продолжай, – тусклым голосом сказал Халлен.

Будь у Тавартэра чуть больше опыта общения с лислорерами, он бы замолчал. Но ревность ударила в голову нандору, и поэтому не заметил нехорошего огонька, заплывавшего в глазах темного эльфа.

– Зря надеешься, – закончил Тавартэр. – Энедика умеет различать отношения и...

Он не успел договорить. Халлен вдруг оказался сверху, и колено темного эльфа прижимало грудь Тавартэра к земле, а руки сжимали горло.

– А теперь послушай, что я тебе скажу, – прошепел Халлен. – Пока мимо нас проходили обозы с тряпками и вином, Энедика не тронула их и пальцем. Потому что они означали много красивых платьев и веселья. А этот обоз означает не только румяные круглые булки. Он означает и румяные круглые морды мандреченских солдат, которые будут рыскать по всему Железному Лесу в поисках нас...

– Отпусти... – прохрипел Тавартэр. – Задушишь, псих...

Халлен разжал руки и слез с него. Нандор чувствовал, как Халлена бьет дрожь. Бывший лучший лучник отряда принца плакал.

– Прости, – сказал Тавартэр.

– Заткнись, – ответил темный эльф.

Когда они вернулись к отряду, выяснилось, что Халлен лучше знал характер своей случайной подруги, чем нандор, болтавшийся с ней по лесу последние пять лет. Едва услышав про обоз с зерном, Энедика приказала Нифреду, самому сильному магу из отряда, залечь с одной стороны Тракта, а сама с остальными Ежами затаилась с другой. С одной стороны жирную колбаску обоза должны были напиговать стрелы, а с другой – поджарить магия Нифреда.

В Лихом Лесу кишели не только гоблины и пауки, но и звери с более пышной шкуркой – куницы, бобры и выдры. На севере водились даже соболи, чей мех так к лицу дамам. А вот рожь и пшеница в Лихолесье росла плохо. Мустафа знал, что если он успеет на ярмарку в Эреборе первым, то сможет взять отборную рожь за бесценок. И он успел. Деньги у него были – сюрк удачно распродал в Келенборности шелка и сукно. Мустафа присоединился к купеческому обозу, шедшему в Бьонгард с похожим грузом – овсом, рожью и картофелем. Мясо в Бьонгарде ценилось дешевле хлеба. Мустафа собирался обменять свой товар на бобровые и соболиные шкурки, а так же приобрести чудесные изделия лихолесских гномов – изумительной точности крохотные часы и другие механические игрушки, до которых хозяева Эммин-ну-Фуин были большие мастера. Купец рассчитывал на хорошую прибыль, которую почти перевешивал один, но очень значимый риск.

Имя этому риску было – Ежи.

Однако партизаны в последнее время почти не показывали носа из своих тайных схронов, и Мустафа вместе с другими купцами в караване думал скоро увидеть башню Светлого Всадника, что стояла при въезде в столицу Лихолесья.

Но он ошибся.

В то утро Равенн ехал между телегой и обочиной. Воин и сам не знал, почему сегодня выбрал эту сторону дороги. Обычно он ехал вместе с другими охранниками купеческого обоза справа от телег, где было гораздо больше места – на Старом Тракте свободно могли разъехаться четыре боевые сюркистанские колесницы.

Но этот необычный выбор и спас Равенна, когда правую сторону обоза охватило голубое пламя, а люди начали кричать и извиваться, как насаженные на крючок червяки. Три или четыре стрелы вонзились в бок лошади Равенна. Она дико заржала и встала на дыбы, сбросив всадника. Равенн скользнул под телегу и вцепился в днище. Повозка проехала еще немного и встала – впряженный в нее мерин разделил участь лошади Равенна. В воздухе висели крики умирающих людей и яростное ржание раненных лошадей, свистели стрелы. Справа несло паленым, но Равенн не стал вертеть головой в поисках источника запаха. Он прижался к шероховатым доскам. Воин распластался, как раздавленная лягушка, изо всех сил стараясь стать плоским и незаметным. На дороге стало тихо – на какой-то краткий миг. Равенн решил одним коротким броском преодолеть расстояние до призывно колыхавшейся на обочине травы, но услышал голоса.

Ежи, расстрелявшие караван, вышли на Старый Тракт. Сначала наемник подумал, что партизаны хотят поживиться. Запахло подгоревшим хлебом, и Равенн понял, что Ежи решили уничтожить обоз. Воину не хотелось ждать, пока огонь доберется до телеги, под которой он прятался. Он выждал момент, когда все партизаны, судя по голосам, находились с другой стороны от обоза и не могли его видеть. Мандречен присел на корточках под телегой, царапая макушкой облепленное засохшей грязью днище. Равенн услышал шаги и застыл. Он увидел полы алого бархатного кафтана, когда-то роскошного, но теперь очень сильно засаленного, и не менее потертые кожаные брюки. Наемник знал, что маг способен учуять человека по колебаниям ауры, и привычным приемом, которому обучали всех мандреченских солдат, очистил мысли. Затем в поле зрения Равенна появились руки Ежа – тот развязывал пояс. Партизан извлек из штанов свое хозяйство, размеры которого оказались весьма скромными, и начал мочиться на колесо.

Теплые брызги отлетали на лицо и руки наемника, но он не шевелился.

И даже ни о чем ни думал.

С высоты полета метлы леса Нудайдола выглядели огромным зеленым морем. Лихой Лес же показался Карине похожим на мохнатого зверя. На родине ведьмы росли в основном лиственные породы деревьев, а в этой части Лихого Леса преобладали ели и сосны. Впрочем, ей некогда было внимательно изучать местность, над которой они пролетали. На непривычно легкой метле Карина чувствовала себя неуверенно. Лайруксал потребовал, чтобы ведьма не брала с собой бомб, мотивируя это тем, что ничего страшнее лесного пожара в летнюю жару быть не может. Да и меч, висевший на левом боку Карины, хоть и не сильно, но все же сбивал баланс.

– Далеко еще? – не оборачиваясь, спросила Светлана у Ринке. Ее мощная метла имела запасное сиденье, предназначавшееся для выноса раненного с поля битвы. На нем сейчас и расположился сидх.

– Ответ положительный, – сказал Ринке.

– А то вон уже Бьонгард видно.

Целительница махнула рукой, указывая направление. Карина перевела взгляд. К северо-востоку от путешественников из-под зеленого брюха леса выглядывали башни и шпили.

– Если это Бьонгард, почему тогда не заметно Старого Тракта? – засомневалась мандреченка. – Может, это какой-нибудь другой город?

– Это мираж, от жары. Приземляйся, Светлана, – хрипло ответил Ринке. – Дальше мы пойдем пешком.

Ведьмы переглянулись. Для того, кто оказался в небе в первый раз в жизни, сидх держался сносно. Но, судя по голосу, полет дался Ринке нелегко.

Светлана и Карина снизились, дали небольшой круг над сосновым бором, высматривая подходящую для приземления прогалину. Вскоре ведьмы уже стояли на усыпанном сухими иголками склоне. Карина слезла с метлы, с наслаждением вдохнула насыщенный, чуть горьковатый запах сосен. Ведьма хлопнула метлу по стальному вееру руля и произнесла заклинание. Метла исчезла. Карина проверила, легко ли выходит меч из ножен. Ей не приходилось пользоваться этим оружием со времени обучения в Горной Школе, и это не добавляло уверенности ведьме. Светлана стояла рядом со своей метлой и наблюдала, как сидх пытается отстегнуться от сиденья.

– Помочь? – спросила целительница.

Ринке отрицательно покачал головой, воткнул копьё в мох. Сидх взялся за пряжку двумя руками и справился с ней сам. Затем перекинул ногу через стальную ось метлы, схватился за копьё и встал. Выставив руки, как слепой, он на негнущихся ногах добрел до ближайшего дерева. Ринке обнял сосну как родную. Целительница не стала отсылать свою метлу, поскольку собиралась возвращаться. Метла воспользовалась случаем подразмяться на свежем воздухе.

– Тебе нехорошо, Ринке? – забеспокоилась Карина, глядя на взъерошенный черный затылок.

Сидх обернулся. Лицо у него было бледнее обычного, на виске билась жилка. К скуле прилип кусочек коры. Карине вдруг захотелось коснуться этого лица, убрать приставшую кору. Она представила гладкую кожу у себя под руками и почувствовала, как у нее теплеют кончики пальцев.

– Мне очень хорошо, – доверительно сказал Ринке. – Мне всегда хорошо, когда я твердо стою на чем-нибудь, а не болтаюсь в воздухе.

Он подмигнул ведьмам. Они облегченно засмеялись.

– Что ж, теперь давайте я свяжу вас заклятиями, – сказала Светлана.

Сидх повернулся спиной к сосне, но отойти от дерева не решился. Он тяжело привалился к желто-коричневому стволу. Карина встала рядом и взяла Ринке за руку. Ладонь сидха оказалась горячей и твердой. Целительница прищурилась, сделала пасс руками. У Карины чуть закружилась голова – Светлана переплетала каналы их жизненной энергии.

– Умрет Карина, умрет и Ринке, – нараспев проговорила Светлана. – Жизни ваши связаны, в бою и в празднике, в пути и в отдыхе. О том знает Ящер и Ладо, Ярило и Могота.

Мандреченка стала смотреть на метлу, резвящуюся в высоте, между ветвей сосен. Целительница шевелила руками в воздухе перед собой, словно заплетала невидимую косу.

– Все, что Карина здесь узнает, все в могилу с собой унесет, ни с кем ни словечком не поделится, – продолжала Светлана.

По затылку Карины стукнула увесистая шишка. Ведьма скривилась, схватилась за голову. Целительница нахмурилась. Ринке тихонько сжал руку ведьмы, призывая к молчанию и собранности во время ритуала.

– Когда нога Карины старой эльфийской тропы коснется, так и развяжутся узы смерти и жизни, и будет свободен Ринке и умрет тогда, когда его призовет Ящер, но не ранее.

Теперь надо было закрепить чары. Человек, не умеющий управлять волшебной силой, не чувствовал в своей ауре и присутствия чужой Чи. Но маг всегда, даже неосознанно, пытался разрушить сеть, накинутаю на него.

– Добровольно ли ты, Ринке, связываешь себя этой клятвой?

– Да, я, Ринке, связываю себя этой клятвой добровольно, – ответил сидх.

– А ты, Карина, добровольно ли связываешь себя этой клятвой?

Ведьма повторила формулу.

– Вот и все, – сказала целительница. – Ну, я полетела.

Светлана залихватски свистнула. Метла откликнулась на ее зов и спустилась к своей хозяйке. Между рогов руля застряла шишка. Метла наклонилась к рукам Светланы.

– Как тебя угораздило, – пробормотала целительница, осторожно вынимая шишку.

Метла качнулась из стороны в сторону – «нет».

– Ах, это подарок, – сказала Светлана. – Спасибо, спасибо. Ты очень заботишься обо мне.

Целительница погладила метлу по рогам, оседлала ее и пристегнулась. Шишку она положила в карман куртки. Верхушка шишки торчала из него, словно в кармане сидел маленький ежик.

– До встречи, Света, – сказал Ринке.

Ведьма помахала рукой, потянула руль на себя и свечкой пошла вверх. Карина проводила ее глазами, пока силуэт подруги не скрылся за ветвями деревьев.

– Пойдем, – сказал сидх и выдернул из земли копьё.

Ринке забросил копьё на плечо и двинулся вперед. «Как коромысло несет», подумала Карина, глядя на него. Ведьма улыбнулась такому неожиданному, мирному сравнению.

Вскоре сухие иглы под их ногами сменились пружинистым мхом. Появились зеленые кружева черники и земляники. Карина шла рядом с Ринке, удивляясь собственному спокойствию и расслабленности. Вокруг нее был самый опасный лес в обитаемом мире. Рядом с ней шел чужак, предавший свою расу, а ведьме было весело и уютно, словно она гуляла рядом с родной станицей. Неожиданно Ринке остановился, положил свою ладонь на рукав мандреченки. «Началось», мрачно подумала Карина, и потянулась за мечом. Ринке отрицательно покачал головой и прижал палец к губам. Ведьма застыла неподвижно. Она заметила яркое пятно в двадцати аршинах впереди и едва удержалась от восхищенного вздоха.

Взрослый лис в яркой оранжевой шубке неторопливо появился из кустов, плавно продефилировал между сосен и исчез в зарослях можжевельника. Путников он не заметил.

Ринке двинулся дальше. Пройдя несколько шагов, он обнаружил, что ведьмы рядом нет, и обернулся, перекидывая копьё в правую руку.

Карина, присев на корточки, собирала чернику.

– Сейчас, сейчас, – пробормотала она.

Ведьма поднялась, отправила в рот пригоршню ягод и подошла к сидху.

– Угощайся, – сказала Карина, протягивая Ринке полную ягод ладонь.

Он взял несколько штук, аккуратно отправил в рот.

– Благодарствую, – ответил сидх. – Ты очень хорошо идешь. Почти бесшумно.

Из уст темного эльфа это было более чем весомой похвалой. Карина улыбнулась:

– Я жила в лесной деревне.

Брови Ринке поднялись удивленным домиком.

– Да, сидх, у нас тоже бывают такие деревеньки, не только у нас, – произнесла мандреченка. – Десять-пятнадцать дворов, крошечные поля, отвоеванные у леса, и лес, лес кругом – на пятеро суток пути. Мне нравилось бродить по нашему лесу. Нравится и ваш лес...

Ринке заметил серебристую нить, медленно спускавшуюся с дерева, но ничего не успел сказать. Нить коснулась щеки ведьмы. Карина подняла руку и смахнула ее.

Ринке бросился на ведьму, сбил ее с ног и прикрыл собой. Сидх упер копьё в землю тупым концом и глянул наверх.

Энедика приказала сжечь зерно, а так же мертвецов – лучники мандречен успели прикончить пятерых партизан, прежде чем сами утонули в буре стрел. Пока Ежи обкладывали трупы своих товарищей тюками с зерном и поджигали его, Нифред решил отлить на колесо. Халлен в это время рассматривал труп возницы на соседней телеге. Стрела пробила череп, опрокинула тело на спину и пригвоздила к передку. При падении с головы воина слетела шапочка. Она зацепилась за стоявший на телеге ящик и повисла, трепыхаясь на ветру. Обычная мандреченская шапочка из выкрашенной в синей цвет кожи с вышивкой по краю – треугольники, ромбы, квадраты. В центре каждой фигуры был нашит крохотный черный агат той же формы. Очевидно, возница использовал головной убор в качестве амулета – черные агаты, как известно, заставляют сворачиваться кровь в ранах. Но это ему не помогло.

Халлен, забавляясь, нахлобучил шапку себе на голову. Торчавшие во все стороны пучки волос, которые Ежи склеивали разогретым в пиве воском, чуть примялись.

– А тебе идет, – заметил Нифред.

– Дешевка, – презрительно заметил Халлен и бросил шапочку себе под ноги.

– Помог бы лучше, – пробурчал Мирувормэл, снимая с телеги мешок с зерном.

Невысокий, но мощный толстяк даже не вздрогнул, взвалив его себе на плечи, хотя судя по размерам мешка, там находилось не меньше двух пудов зерна. Мирувормэл развернулся, чтобы отнести мешок к началу обоза, и почти полностью закрыл обзор Халлену. Он увидел только, как Нифред нагнулся. И отлетел от телеги, словно получив увесистого пинка. Между Нифредом и Мирувормэлом мелькнул темный силуэт. Толстяк дико заорал и опрокинулся назад.

Халлен стиснул лук и поднял руку к заплочному колчану. Что-то свистнуло перед его носом. Еж сначала удивился, тому, что не может нащупать в колчане ни одной стрелы, но тут увидел свою руку. Она висела на остатках рукава, и кровь лилась в придорожную пыль. Еще не чувствуя боли, Халлен поднял глаза и увидел перед собой мандречена в серой куртке и окровавленным мечом в руке. Эльф бездумно пробормотал обезболивающее заклинание. Халлен произнес формулу верно, да только потоки собственной Чи, искривленные лислором, последнее время становились все меньше и меньше подвластны ему. Часть боли все же просочилась в мозг, и темному эльфу этого хватило, чтобы рухнуть на колени, как подкошенному.

– Руби! – заорал Халлен. – Что ты стоишь, убей меня, тварь, я не хочу больше мучаться!

Но человек не стал добивать эльфа. То ли мандречен принял вопль Халлена за мольбу о пощаде, то ли решил, что однорукий лучник уже не опасен для него. Повернувшись, мужчина бросился к лесу.

– Ах ты дрянь! – яростно заорал Халлен.

От него убегала обещанная Мораной возможность умереть героем, а не от передозы. Эльф бросил бесполезный лук, который все еще зачем-то сжимал, вытащил из колчана

стрелу и метнул ее вслед убегавшей фигуре, как дротик. Перед тем, как завалиться в лужу собственной крови, Халлен увидел, что стрела впиалась туда, куда он хотел – в икру мандречена. Человек вскрикнул, но не остановился, чтобы вытащить стрелу. Хромая, он упорно двигался к краю дороги.

Сапог Мирувормэла стремительно набросился на Халлена. Еж еще успел подумать, что толстяк никогда не моет ноги, уткнулся носом в залитое кровью мягкое голенище и потерял сознание.

Тавартэр увидел, как Нифред упал, взмахнув руками с нелепо скрюченными пальцами – маг пытался бросить заклинание, но не успел. За краем телеги скрылись Мирувормэл и Халлен. Под аккомпанемент их воя мандречен серой тенью метнулся к краю дороги. Тавартэр выхватил лук и наложил на него стрелу. Еж не слушал воплей раненных товарищей – если кричат, значит, будут жить. На самом краешке сознания холодной змеей проскользнула мысль о Нифреде – стонов мага не было слышно. А потом осталось, как всегда – только стрела, крепко сжатая в пальцах, привычная тяжесть лука в другой руке и мишень, в которую надо попасть. Мандречен хромот, что сильно облегчало задачу. Человек обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть две стрелы, летевшие в него. Энедика, как Тавартэр, успела добраться до своего лука. Тавартэр не раз шутливо препирался с командиршей, предлагая бросить свой маломощный зефар и перейти, наконец, на последнюю новинку гномов – стальной химдиль.

Но Энедика всегда попадала в цель, независимо от марки лука.

Сидх застегнул пояс и переступил с ноги с ногу. Партизан решил проверить, а не сидит ли кто под телегой. Он не был в этом уверен, иначе не полез бы в пыль и грязь, а сразу ударил бы своей Чи. Но Ежу не хотелось тратить свою магическую энергию зря.

Равенн ждал, пока перед ним покажутся глаза сидха. После этого мандречену предстояло двигаться очень быстро. В щели между днищем телеги и дорогой появилось плечо, подбородок....

Дальше события развивались стремительно.

Меч со свистом вышел из ножен. Равенн ухватился за тупую нижнюю треть клинка обеими руками и воткнул его в живот сидха, как копье. Сопротивление оказалось неожиданно сильным, на какой-то бесконечно долгий миг наемнику показалось, что он слышит серебряный звон мифрила – на Еже могла оказаться кольчуга. Но нет. Причина заминки была в том, что дешевый клинок из мягкой стали затупился после последней стычки в эреборском трактире. Равенн собирался направить края клинка сегодня вечером.

Кровь потекла по мечу. Из левого угла рта сидха тоже показалась тонкая струйка крови. Равенн нажал еще раз и услышал хруст ломаемого позвоночника. Наемник уперся рукой в край телеги и рванул меч на себя, выдирая его из тела. Клинок уже был весь мокрый, и рука Равенна чуть не соскользнула. Сидх ударился головой о борт повозки. Безвольное тело осело назад, открыв наемнику путь. Мандречен перехватил меч за рукоять и выскочил из-под телеги.

Равенн вырос среди бесконечных лугов Великого Междуречья. После этого наемник повидал и выжженную солнцем сюркистанскую степь, и мрачную Стену Мира. Самое угнетающее впечатление на него произвели непроходимые леса восточного Нудайдола. Другими словами, воин никогда не любил лес, и лес платил ему тем же. Но сейчас молодые дубки за обочиной дороги казались мандречену самым красивым и желанным зрелищем в мире, потому что они означали жизнь.

Равенн не глядя рубанул по ноге толстяку с мешком зерна на плечах – сидх стоял к нему спиной. Но когда он с воем упал на колени, оказалось, что за ним стоит еще один Еж. В одной руке он уже держал лук, а второй тянулся за стрелой в заплочный колчан. Меч наемника перерубил руку партизана чуть выше локтя, когда между его пальцами и черно-белым оперением стрелы оставалось не больше дюйма. Из разорванного рукава брызнула

кровь, полетели белые осколки костей и розовые сухожилия. Еж упал на колени и только тогда заорал, глядя на остатки руки. Равенн крутанул меч в руке, прицеливаясь снести голову сидху, но тут краем глаза заметил еще трех партизан с другой стороны повозок. Один из них смотрел на мандречена, раскрыв от ужаса рот, а вот двое других уже вытаскивали из чехлов луки.

Наемник бросился бежать.

Паршивец, которого он в спешке не прикончил, всадил Равенну стрелу в ногу. И как он сумел? Десять аршин, которые отделяли мандречена от края Старого Тракта, превратились для воина в десять верст. Наемник волочил ногу, стрела шевелилась в мышцах при каждом движении, окатывая его болью, от которой темнело в глазах.

Равенн услышал тихий свист и понял, что дубков он не достигнет уже никогда. Он повернулся. Он желал не столько встретить смерть лицом в лицу, сколько умереть быстро и без мучений. Наемник был наслышан о любимой забаве Ежей – утыкать стрелами тело жертвы так, чтобы она превратилась в огромного ежа. Но надеялся, что партизаны слишком напуганы его неожиданным появлением и слишком разозлены криками товарищей, чтобы сыграть с ним в эту игру.

Первая стрела пробила Равенну грудь, вторая вошла в живот. Наемник согнулся, но устоял, моля Ящера об одной-единственной стреле в собственном глазу.

Он смотрел, как высокий Еж в зеленом мундире Серебряных Медведей накладывает на тетиву своего лука следующую стрелу. Лук партизана странно блестел, будто был сделан не из тиса или можжевельника, а из стали. Вдруг Равенн понял, что это не лук, а нестерпимо сверкающие на солнце позолоченные купола – четыре маленьких и один, самый крупный, в центре. На его шпиле красовались крест и полумесяц. Наемник вспомнил, где он уже видел похожую эмблему – над Храмом Красной Змеи в Келенборносте. Нет, над храмом была змея, обвивающая чашу...

Бедро взорвалось болью, эхом ему откликнулось развороченное плечо.

Последнее, что увидел Равенн, была боевая ведьма, с которой он закрутил в Келенборносте романчик, а потом еле унес ноги. Карина спала на траве, завернувшись в желто-зеленый плащ.

Ящер услышал просьбу наемника – пятая стрела вошла точнехонько в левый глаз Равенна, хотя Тавартэр целил в шею.

Перед глазами Карины мелькнула зеленая рубаха Ринке. Ведьма ткнулась носом в черничник и только тогда поняла, что сидх уронил ее на колени и прижимает к земле. Карина отняла лицо от травы. Мандреченка потянула меч из ножен, но его, как назло, заклинило. Все вокруг потемнело. Из земли с треском выросли мохнатые черные колья. Ведьма подняла глаза и увидела в трех аршинах от своего лица огромный волосатый бурдюк, весь в морщинах и складках. В следующий миг она поняла, что это брюхо гигантского паука, и ее чуть не вырвало. Чуть левее головы Ринке виднелось блестящее от яда жало, изогнутое, как сюркистанский ятаган, и почти такого же размера. Карина наконец вытащила меч и замахнулась, но Ринке перехватил ее руку.

– Не надо, – сказал сидх. – Все уже кончено.

Ведьма увидела, что копье Ринке упирается в хитиновую грудину паука. Вокруг наконечника расплывалось алое пятно. Сидх выдернул копье.

– Как ты убил его? – спросила Карина. – Может, покажешь его слабое место и мне? В заклинании говорилось о том, что если умру я, умрешь и ты; ну, а как ты умрешь первым и я останусь одна в твоём лесу?

Ринке ничего не сказал, но на четвереньках пробрался к голове паука и поманил Карину рукой. Ведьма подползла к нему.

– Видишь это пятно? – спросил сидх, указывая на алый круг на груди паука.

Карина кивнула. Сейчас, вблизи, она поняла, что это не кровь чудовища. Круг был слишком ровным. Он напоминал огромную пуговицу на черном фраке. Слева от алого круга

Карина заметила синюю и зеленую пуговку поменьше, а справа – желтую и оранжевую.

– Если попасть по красному, паук замрет, – сказал Ринке. – Минут на двадцать. Вполне хватит, чтобы убратся так далеко, чтобы он нас не почуял и не смог догнать.

Мандреченка задумчиво посмотрела на часы на запястье сидха, потом на остальные «пуговицы» на брюхе паука и спросила:

– А эти разноцветные кружочки?

Ринке одобрительно улыбнулся. Подняв копье, он коснулся синей вставки на хитиновой кольчуге паука. Три левые задние левые лапы чудовища, которые Карина поначалу приняла за колья, поднялись, зависли в воздухе. Ведьма моргнула.

– Через две минуты они опустятся сами, – сообщил Ринке и ткнул в зеленое пятно.

За спиной Карины что-то стукнулось об мох. Мандреченка вздрогнула, обернулась – хотя вертеться в замкнутом пространстве было ох как неудобно – и увидела, как раздвинулись огромные жвалы на безвольно склоненной голове.

– Желтое пятно поднимает правые ноги, – сказал сидх. – А оранжевое убирает жало. Но чтобы попасть по ним, нужен некоторый навык. Так что я бы тебе советовал всегда бить в красное.

– Я поняла, – пробормотала Карина.

Ринке улыбнулся и спросил:

– Тебе все еще нравится мой лес?

– Вот уж не знаю почему, но он мне больше напоминает давно не стриженный парк, – задумчиво ответила мандреченка. – А эти пауки – словно игрушки какого-то великана. Он разбросал их здесь и забыл...

Ринке уважительно хмыкнул и сказал:

– Этого великана звали Аулэ, он был нашим богом ремесел... Ты права. Они с Мелькором создали гоблинов, троллей и пауков. Но Аулэ не забыл о своих детях, а погиб. Мы поклялись, что будем присматривать за ними.

– Понятно, – произнесла ведьма и добавила задумчиво: – А ведь ты спас мне жизнь. Когда между Мандрой и Лихим Лесом будет мир, приезжай ко мне в гости, можешь вместе с Вилли. Я обычно зимую в станице Пламенной. Погуляем по нашему лесу. На медведя сходим, из берлоги поднимем... Не подумай, что я хвастаюсь, но все же наши медведи побольше ваших пауков будут.

Сидх улыбнулся, чуть наклонил голову. Этот церемонный жест под брюхом едва не сожравшего их паука, в дебрях Лихого Леса должен был смотреться смешно – но у Ринке это получилось очень естественно.

– Почту за честь, – ответил он. – Нам пора идти.

Сидх ловко вылез из-под паука. Ведьма последовала за Ринке. Взглянув на чудовище со стороны, мандреченка почувствовала противную слабость в коленках. Лапы паука были длиной почти с нее саму, а тело чудовища по размеру превосходило двух лошадей.

– Сейчас выберемся на просеку, там будет безопаснее, – угадав ее мысли, сказал Ринке и положил копье на плечо. – Звери ее обходят, по старой памяти.

Вода в ванне казалась зеленой от добавленной в нее соли.

– Посидеть с тобой, пока ты купаешься? – предложил Искандер.

– Боишься, что я вскрою себе вены? – спросил Крон.

– Есть немного, – признался император.

– Не бойся.

Искандер вышел из ванной и притворил за собой дверь. Императорские покои, как и вся восточная часть дворца, были построены еще Владимиром Солнце. Они сразу не понравились Искандеру из-за своей пышной отделки и росписи на стенах, изображавшей славные деяния Тайнеридов, к которым нынешний император Мандры не имел никакого отношения. Едва въехав, император приказал сбить лепнину и побелить стены. Во дворце Тайнеридов императору больше всего нравились покои княжича Алексея – маленькие и

уютные. Но их Искандер отдал Крону. А эти покои подавляли Искандера своими размерами. Для того, чтобы пересечь спальню, императору надо было сделать не меньше тридцати шагов. Для человека, который провел большую часть своей жизни в походной палатке, такая спальня была слишком велика. Хотя род Гургенидов, из которого происходил император, считался не самым последним среди знатных семей Мандры, таких огромных покоев не было даже в их родовом гнезде, крепости Аль-Шассин. Сам Искандер бывал в Аль-Шассин всего один раз, на похоронах деда. Ибрагим ибн Всеволод преставился, когда будущему императору Мандры едва исполнилось пять лет. Искандер вынес из той поездки весьма неприятные воспоминания, но не печаль о дедушке, которого почти не знал. Маленький мальчик потерялся в пиршественном зале, когда нянька улизнула в сад на свидание с местным конюхом. Так что если бы не вопрос престижа, Искандер никогда бы не поселился здесь.

Он устроился в кресле у окна, взял со стола колокольчик и позвонил.

– Подай нам позавтракать что-нибудь, – рассеянно сказал император явившемуся на зов лакею. – Отнеси одежду Крона в прачечную и принеси чистую смену.

Лакей собрал разбросанные на кровати брюки и рубаху мага в охапку и удалился, бесшумно ступая по толстому ковру. Форменную куртку из черной кожи он не забрал. Взгляд Искандера зацепился за нашивку на левом рукаве, изображавшую фиолетовый колокольчик с четырьмя раскрытыми лепестками – эмблему Чистильщиков, нового отдела при Имперской Канцелярии. Руководил им Крон, и это был тот случай, когда служба создается под руководителя. Первое дело Чистильщиков очень дурно пахло, и если бы император меньше доверял своему магу, подразделение по борьбе за чистоту расы было бы распушено сегодня же, не просуществовав и месяца.

Но Искандер доверял своему магу.

Слуга принес завтрак, но император даже не заметил его появления. Искандер рассеянно смотрел на площадь перед дворцом, по которой суетливыми муравьями спешили редкие прохожие. Поднос, на котором дымилась джезва с кофе и подмигивал оранжевым бочком апельсин – для императора, и фарфоровые судки, откуда пахло тушеной в бобах говядиной – для имперского мага, был торжественно и ловко водружен на ореховый столик, украшенный богатой резьбой. Второй прислужник, стоявший со стопкой одежды в руках, негромко кашлянул. Искандер посмотрел на него.

– Куда прикажете положить костюм господина имперского мага? – спросил слуга.

– Повесь на стул, – сказал император.

Слуги покинули покои. Искандер выпил кофе, подождал еще немного и крикнул:

– Иди есть.

Когда император решил, что за шумом воды маг не разобрал его голоса, обнаженный Крон появился в дверях. Волшебник посмотрел на сервированный стол, и щека его дернулась. Украшавшие стол фигурки бегущих зверей и птиц, любовно выточенные ветви с крохотными листочками и выглядывающими из-за них птицами всегда нравились Крону. Да и перекусить бы совсем не помешало. Мага остановило совсем другое. Волшебник прошел к постели и лег на нее.

– **Он** не приходил ко мне уже больше месяца, – сказал Искандер. – Я хочу просто позавтракать с тобой.

Крон повернулся в его сторону, и император увидел, что маг улыбается – очень некрасивой улыбкой.

– А я хотел бы не только позавтракать, – сказал Крон.

– Нет.

– Сандро, пожалуйста.

Когда Крон проснулся, Искандер сидел в кресле, курил и читал какую-то бумагу. Услышав, как маг недовольно зашевелился, Искандер отложил документ, притушил трубку и открыл окно. Употребление наркотиков лишало магов их дара. Крон был магом Воздуха, и

табачный дым был для него тем опаснее, что портил легкие, которыми маг впитывал Чи.

– Спасибо, – сказал Крон. – Просто я вот так же с одним человеком... помылся... позавтракал... а когда я проснулся, она уже умерла. Повесилась на своей косе.

– Не дожدهшься, – сказал император. – Да и косы у меня нет.

– Я хотел изменить последовательность событий, – ответил маг. – Ванна – тушеное мясо – труп...

Крон встал. Искандер смотрел, как он одевается. Когда маг закончил со своим туалетом, император жестом указал Крону место за столом. Волшебник вежливо кивнул и присел. Крон снял крышку с судка, взял ложку и запустил ее в остывшие уже бобы. Искандер взял апельсин и принялся его чистить. Крон жевал мясо и смотрел, как оранжевые завитки падают на стол.

– На Старом Тракте разграблен караван. Он шел из Эребора в Бьонгард, вез зерно, – сказал император. – Никто не выжил, а напоследок партизаны сделали «Ежа».

– Давно? – спросил Крон с набитым ртом.

– Только что сообщили, – сказал Искандер и кивнул на документ, который все еще лежал на столе. – Ты предлагал замириться с Ежами. А они вон что вытворяют...

Маг проглотил и возразил:

– Если бы сделали так, как я хотел, караван бы дошел до Бьонгарда в целости и сохранности. И тому человеку не пришлось бы превратиться в утыканный стрелами комок мяса.

– Съезди, разберись.

– Ты не хочешь меня видеть после всего, что я натворил? – спросил Крон спокойно. – Ревнуешь? Зачем ты вообще дал мне возможность изменить тебе?

– Та верность, когда у человека нет выбора, ничего не стоит, – ответил император. – Я хотел, чтобы он у тебя был. Я буду только рад, если ты найдешь себе кого-нибудь. Не век же тебе со мной мучаться.

– Да я не очень мучаюсь, вообще-то, – сказал маг. – Но почему ты хочешь отослать меня из Кулы?

Прежде чем ответить, Искандер несколько мгновений смотрел на занавеску, которую колыхал ветер.

– Видишь ли, я тоже убил женщину, которую любил. Свою жену, – сказал император наконец. – Точнее, не я... Тогда **он** пришел в первый раз.

Искандер посмотрел Крону в глаза и сказал дрогнувшим голосом:

– У нас было двое детей. Они мешала ему. И я убил их... всех троих.

Крон обнял его за плечи, прижался лицом к шее императора.

– Да мы с тобой, Сандро, прямо два самых несчастных человека в Мандре, – сказал он, и голос его прозвучал глухо.

Искандер криво улыбнулся. На глазах его выступили слезы. Крон выпрямился, свободной рукой взял с тарелки тост и макнул его в подливку.

– Так ты после этого открыл Лайтонду ворота замка Черного Пламени? – поинтересовался маг и захрустел поджаристой корочкой.

– Да, – сказал император. – **Он** овладел мной. Но не суть. Мне кажется, тебе сейчас будет тяжело ходить по тем же самым улицам, где... Съезди. Никого не поймаешь, так хоть проветришься.

– Моего дядю тоже как-то послали в Лихой Лес, – пробормотал маг себе под нос. – По делам службы...

Крон крайне редко говорил о своих родственниках, и Искандер тут же наострил уши.

– Он там здорово проветрился, – продолжал маг. – Тело так и не нашли...

– Ну, так-то не надо уж, – сказал император. – Просто осмотришь и сразу можешь возвращаться назад.

Искандер разломал апельсин протянул половину Крону.

– Ты прав, – задумчиво сказал Крон. – Пожалуй, я метнусь до Лихого Леса. Вот сейчас

прямо и выдвинулся.

Он поднялся со стула, дожевывая тост.

Просека оказалась прямой, как стрела. По обочинам она заросла лопухами и чертополохом. Кое-где выглядывали белые пушистые парики созревших одуванчиков и желто-синие цветы зверобоя. За цветами вставал жиденький лес, осины да ивы. Серые четырехгранные столбы располагались с двух сторон тропинки строго друг напротив друга, через равные промежутки саженей в двадцать. У подножия одного из столбов Карина увидела белые фарфоровые кругляши с дыркой в середине. Ведьма не ощутила на фарфоре никакой магии. Очевидно, артефакты выдохлись от старости.

– Можно, я возьму? – спросила Карина, указывая на белый кругляш.

Сидх пожал плечами. Ведьма выкатила артефакт ногой из зарослей крапивы, где он поблескивал, подняла с травы и сунула в карман. Они двинулись дальше. Ринке молчал, молчала и мандреченка, время от времени сдувая со лба взмокшую от пота челку. На просеке здорово припекало, а порывы ветра, иногда касавшиеся лица, не приносили облегчения. Ветер был теплым и пах гнилью, илом и бодягой. Эти запахи были не из тех, что могли понравиться Карине. Сидх остановился – копьё было почти в полтора раза длиннее его самого, и тащить его было крайне неудобно. Ринке переложил копьё с одного плеча на другое и покосился на ведьму.

– Мы прошли уже километра четыре, – сказал он. – А ты произнесла всего три слова. Я удивлен.

Ведьма улыбнулась и спросила, указывая на столб:

– Что это? Зачем они здесь? Из чего они сделаны?

– Раньше на этих столбах висела стальная паутина, – ответил сидх. – От нее исходила магия, опасная для всего живого, и поэтому нити подвесили так высоко. Теперь стальные нити изъела ржа, а столбы остались.

Карина задумчиво посмотрела вперед, затем перевела взгляд на Ринке.

– А мы движемся от центра паутины или, наоборот, к нему?

– Верно второе, – сказал сидх.

Ведьма покачала головой.

– А ты уверен, что паук, который бегал по этой паутине, издох? – осведомилась она. – Вряд ли ты достанешь до пуговичек на его брюхе даже своим копьём.

Ринке чуть улыбнулся:

– Издох, издох.

Карина недоверчиво вздохнула, и они зашагали дальше. Растительность по сторонам стала совсем уж чахлой, под ногами захлюпало. Впрочем, Карина сразу догадалась, что просека приведет их к болоту.

– Вызови метлу, – сказал Ринке. – Я знаю проход. Но там есть места, которые не выдержат твой вес. Если тебя начнет засасывать, я не смогу тебя вытащить, мне просто не хватит сил. Мы оба погибнем, и обоз не спасем.

– А нам далеко идти? – спросила Карина.

– Не очень, – ответил сидх.

Ведьма развела руки, пробормотала коротенькое заклинание и щелкнула пальцами. В воздухе возникла ее метла, приплясывающая от нетерпения. Карина оседлала метлу, пристегнулась, и взлетела вдоль столба в его верхушке. Высота столба оказалась чуть больше четырех мерных саженей. Карина снизилась и повела метлу в пол-аршине над тропинкой. Еще через версту лес выстрелил арьберггардом чахлых елочек и рассыпался закорючками кустов. Ведьма и сидх оказались на болоте, простиравшемся за оком. Топь напомнила Карине Гниловранскую трясину, через которую ей пришлось как-то раз идти вместе с наставницей. Продвижение существенно замедлилось – Ринке проверял дорогу перед собой копьём, как шестом.

Впереди, примерно в двух верстах, Карина заметила башню. Постройка казалась

сделанной из четырех все уменьшающихся кубиков и сильно завалилась на бок. Ведьма предположила, что здание до сих пор не рухнуло только потому, что его первый этаж ушел в болото, которое теперь и удерживало башню от падения. Стрельчатые окна на каждом из трех ярусов были слишком велики для того, чтобы постройка была военным сооружением. Штукатурка во многих местах отвалилась, обнажив темно-красную основу здания. Издалека казалось, что это стоит шатающийся от усталости раненный великан, с которого во время пыток в нескольких местах содрали кожу. Впечатление усиливалось круглым куполом со шпилем, венчавшему башню подобно шлему. Чуть левее башни Карина увидела холм, покрытый лесом.

– Видишь холм? – спросил Ринке.

Карина кивнула.

– Вот туда мы и идем.

– Понятно, – пробормотала ведьма. – Ты знаешь, я когда слышала о том, что у партизан нет единого центра управления, никогда не верила этому. Вон, даже у гоблинов и троллей, этих тупых тварей, он есть, – мандреченка махнула рукой в сторону холма. – Так неужели Ежи обходятся без главнокомандующего? И что будет, когда мы придем? Ты отдашь им меня на ужин?

Сидх засмеялся, но ничего не сказал.

– Что это значит? – спросила ведьма мрачно. – Я угадала?

– И да, и нет, – ответил Ринке. – Гоблинами, троллями и пауками управляет Черный Камень, и мы действительно идем к нему. Я попробую с ним договориться... Но он не ест девушек.

– А что ты еще можешь сказать, – вздохнула Карина. – Но имей в виду, я невкусная. Дерьма слишком много, да и мясо жесткое у меня. Тебе надо было Рамдана взять...

Сидх хмыкнул, оперся на копьё, и ловко перепрыгнул с кочки на кочку. Его сапоги уже были порядком измазаны грязью, россыпь темных брызг украшала рубаху. Ринке напомнил ведьме лягушонка.

– Я слетаю, посмотрю на башню? – спросила ведьма.

– Мы пройдем мимо нее, так что спешить незачем, – ответил он. – Держись рядом со мной, пожалуйста. Мы здесь не одни...

Мандреченка с опаской посмотрела на свое блеклое, размытое отражение в темной воде, на бледные пряди водорослей.

– Кто живет в этом болоте? – спросила она.

– Кроме лягушек и змей, в Квалмэнэн никого нет, – ответил Ринке. – Но в старой звоннице, которая тебе так приглянулась, вполне могли поселиться звери и покрупнее.

«А ведь и правда, колокольня», сообразила ведьма. Мандреченка повела плечом, сердясь на свою недогадливость. Карина подумала про себя, что дело скорее всего не в загадочных хищниках – на лягушках и змеях рост не нагонишь – а в нежелании Ринке раскрывать перед мандреченкой тайны этого места. А в том, что оно полно тайн, ведьма не сомневалась. Как знать, что еще, кроме звонницы, пережевало и поглотило болото? Но Карина не стала спорить.

– Квалмэнэн, – задумчиво повторила она. – Мертводье.

Ринке заплюхал по грязи дальше. Копье выходило из жижи со сладострастным чмоканьем. Когда они приблизились к колокольне, ведьма уже потеряла к постройке всякий интерес. Но три раза облетела башню, разглядывая ее и все сильнее удивляясь сходству с теми звонницами, что возводили в своих городах мандречены. Ведьма видела внизу фигурку Ринке, но не услышала привычного всхлипывания, с которым трясина каждый раз расставалась с шестом. Сидх стоял на месте. Карина спикировала, опасаясь, что сидх промахнулся мимо тропки и его уж засосало по пояс. Но ее страхи не оправдались. Ринке отдыхал, стоя на твердом месте и опираясь на копьё.

– А кто построил эту колокольню? – спросила ведьма.

Сидх чуть помедлил с ответом.

– Не знаю, – сказал он. – Когда темные эльфы пришли сюда, здесь было озеро. Эта колокольня торчала из воды. Когда вода ушла, севернее поднялся целый город. Точнее, то, что от него осталось. Ты его увидишь, мы будем проходить мимо.

– Светлояр, – прошептала Карина и вдруг засмеялась.

Ведьма перевесилась с метлы, нагнулась к самому плечу сидха.

– Никому из мандречен не рассказывай об этом городе, – сузив глаза, проговорила она. – Ясно? Многие ищут этот... утонувший город. У нас есть легенда о Светлояре, древней столице Мандры. Тот город стоял на берегу озера. К нему подступили враги – сидхи или сюрки, в каждой местности рассказывают по-разному – окружили и предложили жителям сдаться. Но Артем, сидевший там князь из Тайнеридов, отказался, и приказал своему магу затопить город вместе с жителями. Ночью город ушел под воду, а утром изумленные враги увидели на его месте гривы веселых волн. Говорят, что в полнолуние мертвые воины выходят на берег и убивают всех, кто окажется на их пути – они принимают странников за врагов, из-за которых им пришлось очутиться под водой. Еще рассказывают, что найти дорогу в город может только тот, кто чист душой. Светлояр считают географическим центром нашей страны. Смекаешь, к чему я веду?

– Смекаю, – сказал сидх угрюмо и перебрался на следующую кочку, за которой тянулись заросли осоки. Из них выметнулся рой донельзя обрадованного гнуса.

Карина скороговоркой выпалила заклинание и сложила пальцы в сложном жесте. Вокруг путников взметнулись и опали голубые молнии, запахло озоном. Рассеянная мошка крутилась столбом на месте, где только что была добыча. Ведьма и сидх оказались внутри небольшой сферы, двигавшейся вместе с ними.

– А вы, люди, намного практичнее нас, – восхитился Ринке. – Сколько живем – так все страдаем от этих мелких кровопийц. Подари заклинание.

– Призываешь свою Чи и говоришь: «Гнус, гнус, не по себе ты выбрал кус», а потом бросаешь Чи рассеянным веером, – ответила Карина. – И не забудь добавить, когда последняя капля Чи сорвется с твоих пальцев: «Сеть, иди за мной». А то создашь непробиваемый для мошки оазис посреди болота, но ведь тебе-то от этого не будет легче.

– Спасибо, – сказал сидх.

– Спасибо не булькает, – заметила ведьма.

Во всем обитаемом мире было известно про национальную валюту мандречен, и это была совсем не гривна.

– Ну нет у меня с собой водки, – хмыкнул Ринке. – Когда дойдем до таверны Магнуса, я тебя угощу.

– Да ладно, я пошутила, – сказала ведьма. – Ты сказал «вода ушла»...Вы осушили болото, что ли?

Ринке поторкал копьём кочку перед собой. Убедившись в ее надежности, сидх прыгнул туда.

– На юге Квалмэнэн перегорожено плотиной. Было, – ответил он. – В те времена здесь находилось большое озеро, его глубина местами превышала шесть метров. Эта плотина – и есть тот паук, остатки чьей сети мы с тобой видели в лесу. Внутри плотины находился огромный стальной барабан. Вода, проходила через плотину и крутила его, и появлялась та волшебная сила, о которой я говорил тебе.

– Те, кто построил плотину, использовали Чи Воды, – пробормотала ведьма.

– Вряд ли, – ответил сидх. – Когда разбирали дамбу, нашли много замурованных тел. Считают, что ее создал Мелькор или некроманты, его последователи.

Путники выбрались из тени от колокольни, и сразу стало душно. Болото парило, страшно воняя при этом. Но эльф уже принялся, а ведьма была так довольна тем, что ей удалось разговорить Ринке, что не обратила на запах никакого внимания.

– Расскажи мне про ту волшебную силу, что рождалась в стальном барабане, – попросила Карина. – Мне кажется, что это была не Цин... И про то, как вы разрушили плотину. Зачем вы это сделали?

– Мы не разрушали, – ответил Ринке. – При плотине был смотритель, тоже из темных эльфов. Барабан мог вырабатывать волшебную силу, пока его крутит вода, то есть вечно. Но стальная паутина, которая когда-то охватывала весь Лихой Лес, со временем сгнила. Этой силой питались многие артефакты – ящики, в которых всегда холодно, светильники, замки и много чего еще. Они просто развалились от старости.

– Я слышала про Ящики Холода, – сказала ведьма задумчиво. – Но думала, что это сказки... А почему же вы не починили их? Вам их подарил Мелькор, и вы не знали, как они устроены?

– Сейчас уже нет, а раньше знали, – ответил Ринке. – Но чтобы починить их, нужны были материалы, которые мог изготовить только Аулэ в своей кузнице. А он погиб во время Наказания за Гордость Разума. И вот, когда стальная паутина сгнила, друиды затеяли поход к Квалмэнэн. Я не очень-то люблю наших друидов, признаться, но тогда они были правы. Плотина раньше или позже рухнула бы, и тогда затопило бы всю юго-восточную часть Железного Леса.

За разговором путники оказались уже на полпути к поросшему лесом холму. Сидх нагнулся над кочкой. Когда он выпрямился, в его ладони были крупные желтые ягоды – морошка.

– Не побрезгуй угощением, прекрасная ведьма, – сказала Ринке самым серьезным тоном. Но глаза его смеялись.

– Благодарствую, – сказала Карина и взяла немного, оставив и сидху.

Ринке высыпал ягоды в рот, прожевал и двинулся дальше. Тропинка здесь выходила на более-менее твердую почву. Сидх двинулся по ней, помахивая копьем. Примерно наполовину оно было облеплено глиной и просто грязью, к наконечнику прилип пучок травы.

– С друидами увязался и родной брат смотрителя плотины, – продолжал Ринке. – А им был мой дед. Он уговорил брата остановить волшебный барабан и спустить воду.

Сидх и ведьма достигли подножия холма. Склоны его поросли густым ивняком, а на плоской, словно срезанной ножом верхушке шумел сосновый бор.

– Слезай со своей метлы, – сказал Ринке. – Дальше пойдем пешком.

Карина приземлилась и отослала метлу. Ведьма озадаченно огляделась – казалось, ивняк стоит сплошной стеной, прохода в нем видно не было. «Как, интересно, сидх попрется через эти заросли со своим копьем», подумала Карина. Ринке разрешил ее сомнения. Он повернулся спиной к холму и метнул копьё. Далеко оно не улетело. Просвистев над осокой, копьё тяжело рухнуло в воду и исчезло.

– Прошу, – сказал сидх и раздвинул кусты.

Карина последовала за ним. Ведьма продиралась по склону, медленно стервенея – веточки цеплялись за рубаху и лезли в волосы, за ворот сыпались какие-то жучки. Меч с каждой секундой становился все тяжелее и так норовил зацепиться за какой-нибудь особо неудобный сук. Да и сидх к тому же вел не прямо вверх, а по широкой спирали. Когда путники обогнули холм и оказались на другой его стороне, Ринке понял по ее яростному сопению, что мандреченка уже на грани бешенства. Сидх выбрался на небольшую площадку, свободную от растительности, подал Карине руку.

– Вот мы и на месте, – сказал Ринке.

Ведьма заметила в склоне холма черный рот пещеры, прятавшийся за зелеными усами бузины.

– А где Черный Камень? – спросила она, оглядываясь.

– Там, – ответил Ринке, указывая на пещеру. – Он не любит чужих... Подожди меня здесь. Я быстро обернусь.

Ведьма покачала головой. С одной стороны, мандреченку очень обрадовало, что ей не придется лезть в пещеру, очень похожую на ловушку. С другой стороны, у пещеры мог быть второй выход, через который Ринке улизнул бы незамеченным. Конечно, она могла улететь, эльфийскую тропу мандреченка с воздуха нашла бы...

– Скажи мне, – произнесла она, колеблясь. – Но почему ты помогаешь нам? Ты не попросил у Арги денег за дополнительные услуги, а вряд ли сразу в контракте было оговорено, что ты будешь нас спасать от тупости и гордости капитана. Ты знаешь, что мы везем... Гёса говорит, что родичи изгнали тебя, но ведь это еще не повод так стараться для врагов... Почему?

– Эта война бесполезна, – ответил Ринке. – Все равно из Кулы с Бьонгардом не управишься. Если бы мы входили в состав вашей империи, торговать было бы легче. Пошлины были бы меньше... и мы жили бы лучше. Я не вижу ничего страшного в том, что Железный Лес считался бы провинцией Мандры. Но кроме темных эльфов, в лесу живут еще и серые. Их родичам в Фейре не нравится, что в Трандуиловых Чертогах стоит мандреченский гарнизон. Это они помогают Ежам... оружием, продовольствием. Но сами не воюют. Они поддерживают идиотов-друидов, которые вопят об исконной независимости Железного Леса, и скоро тут каждая елка будет полита кровью. Но мы не оборотни, которые могли жить только в лесу. Лесом можно было бы торговать; на освободившихся территориях можно было пасти овец, у нас на севере есть одна очень хорошая порода. А мандречены убивают не только серых эльфов – вы убиваете и нас. Серым эльфам наплевать на это; у них только в Ливрассте пятьсот тысяч живет. А нас, темных эльфов, всего три миллиона. И с каждым годом нас становится все меньше. Я надеюсь, что товар, который мы доставим в Бьонгард, будет использован с умом. Ваш император умеет воевать. Я хочу, чтобы партизаны проиграли и война наконец закончилась бы. Так будет лучше для всех.

Он усмехнулся и добавил:

– Вот за эти мысли меня и изгнали.

– Не думала, что ты так искренне ответишь, – сказала Карина задумчиво. – Спасибо. Но я слышала, что принц Рингрин возглавляет один из отрядов Ежей...

– Да, – кивнул Ринке. – Видишь ли, пользуясь военной неразберихой, мандреченские купцы отхватили себе много рудников на юге – и вывозили уголь по дешевке. А как они разрабатывали шахты... Они рвали нашу землю, ничуть не заботясь о том, что останется после. Но пока отряд принца существует, уголь из Железного Леса вывезти не получится. Ну, ты перестала думать, что я сейчас выведу из пещеры зеленопузое чудовище и скажу ему – «Угощайся!»?

Ведьма засмеялась и кивнула. Сидх вступил под своды пещеры. Сначала Карина еще видела светло-зеленое пятно его рубашки, а потом и оно пропало в темноте. Ведьма взобралась на нагретый солнцем камень, вызвала метлу, извлекла из корзины плащ и завернулась в него. Меч Карина немного выдвинула из ножен и положила так, чтобы он был под рукой.

– Метнись-как до земли и обратно, – приказала она своей метле.

Та выполнила маневр и вернулась к хозяйке. Карина проверила показания высотомера. Вход в пещеру находился на высоте в четыре мерные сажени. «До того, как сидхи спустили воду, этот проход находился под водой», поняла ведьма. – «Они нашли ее только после того, как остановили плотину...». Но все эти догадки не имели сейчас значения. Имело значение только то, сможет ли Ринке договориться с Черным Камнем и отвести беду от каравана. Метла Карины резвилась, выделявая в воздухе немыслимые пируэты. «Вот так бы лихо – да по команде», лениво подумала мандреченка. Ведьма глянула вперед, к горизонту и увидела развалины.

Город, много веков прятавшийся под водой, лежал в двух-трех верстах к востоку от холма. Карина стала рассматривать изъеденные силуэты зданий. Самой высокой постройкой в мертвом городе оказался огромный пятиглавый храм, возвышавшийся над квадратными коробками домов. В мареве – болото парило – изображение дрожало, двоилось. Мандреченка видела то провалившиеся купола, похожие на помятые палицами шлемы, то нестерпимо блестящие на солнце золотые главы собора. Ведьме показалось, что она слышит призрачный перезвон колоколов. Карина передернула плечами.

Она и сама не заметила, как пригрелась и заснула.

Светлана скучала. Ментальное сканирование показало, что лес пуст на две версты вперед. Пока она летала с Кариной и Ринке, Ирина успела побывать в лапах паука, а Ундина – крепко получить по го ребрам дубиной от тролля. Целительница обработала раны и теперь висела в воздухе рядом с четвертым фургоном. Фургон с ранеными плелся в хвосте обоза – нехорошо. Случись что, не отобьются ведь. Надо было, наверное, поискать капитана и предложить ему переместить подводу с ранеными в середину обоза. Но общее чувство обреченной усталости, пропитавшее эфир над караваном, передалось и Светлане. Стало совершенно очевидно, что если сидх и старшая крыла «Змей» не успеют предпринять что-нибудь из ряда вон выходящее, пророчество Ринке о лежащих вместе костях сидхов, экен и мандречен сбудется уже к вечеру следующего дня. Думать об этом не хотелось, и Светлана вернулась мыслями к своему прошлому. Прошлому, которое она ЗНАЛА, но никак не могла ВСПОМНИТЬ. Доктора объясняли, что так будет продолжаться довольно долгое время. Но знать и помнить – совершенно разные вещи. Светлане очень хотелось, чтобы книга ее памяти кроме черных закорючек рун расцветилась еще и картинками. Так, она ЗНАЛА, что познакомилась с Гюнтером Штернхерцем на лугу в Зойберкунстшуле, и, собственно, благодаря Гюнтеру стала целительницей. Но ни самого луга, ни тем более черт лица химмельриттера вспомнить не могла никак, хоть и старалась. Светлана бездумно разглядывала желто-зеленый узор ветвей вокруг себя. Очевидно, причиной пробуждения памяти и послужило монотонное мелькание листьев, которое ввело ведьму в транс. Она вдруг увидела...

Себя. В Зойберкунстшупе. Тогда Светлана еще не была ведьмой, тогда ее и звали-то совсем иначе...

Девушка пришла на луг, чтобы поваляться по росе.

Над лугом висели седые пряди тумана, запутавшегося в деревьях. Оборотень с наслаждением ощущала запах мокрой земли и леса, видела сочную зелень травы. Девушка сбросила одежду. Ей всегда нравилось перекидываться. Превращение можно было сравнить с тем чувством, которое испытываешь, когда долго сидишь на одном месте, согнувшись над магическим трактатом или любовным романом, а затем наконец встаешь с места и с наслаждением потягиваешься. Лисичка хлестнула себя хвостом по бокам и принялась кататься по траве. Выразить восхитительное чувство, которое она испытала в этот момент, человеческим языком было невозможно. Ни в одном человеческом языке нет слов для описания тех чувств, что дает мокрая шубка. Для всех оттенков запахов луговых трав и только-только пробуждающихся цветов. Тумана, выглядевшего таким мягким, а на ощупь оказавшегося мокрым.

На границе луга появился высокий силуэт. Лиса узнала человека, хотя до этого момента боги хранили Светлану от встреч с Вольфгангом фон Штернхерцем. Оборотни называли его Бёзмюлем – ходячей мельницей несчастий. До того, как была объявлена охота на оборотней, Вольфганг сватался к старшей сестре Светланы и по обычаю присылал свой портрет.

Лисица бросилась на врага, не раздумывая.

Зверь не имеет шансов в схватке с человеком, поэтому лисы, кроме тех, что больны водобоязнью, никогда на людей и не нападают. Но оборотень имеет очень большое преимущество над человеком, даже магом. Более удачное строение каналов позволяет оборотням преобразовывать Чи быстрее и лучше, чем даже эльфам.

Штернхерц попытался, закрывая лицо руками. Воздух вокруг него задрожал – маг колдовал, и колдовал очень мощно. Очевидно, он пытался выставить вокруг себя магический щит. Светлана попыталась остановиться, проехала по скользкой траве, и ткнулась мордой в горячий чешучайтый бок. Дракон, в которого неведомо как превратился Штернхерц, насмешливо покосился на девушку золотисто-огненным глазом...

Нежданный визитер оказался не самим Бёзмюлем, а его сыном Гюнтером. Он прибыл в

Зойберкунстшуле для того, чтобы маги изучили его. Обратни Боремии умели принимать разные облики, но человека, который мог бы превращаться в дракона, раньше не встречалось. Если бы удалось выяснить, благодаря какому генетическому выверту Гюнтер обладает этой способностью, можно было надеяться «очеловечить» остальных драконов – старинных и очень беспокойных соседей оборотней.

Химмельриттер так же решил освоить магический курс «Врачевание огненных тварей». Основы этого курса больше века назад заложил еще Разрушитель Игнат. Светлана знала, что великий мандреченский маг преподавал в Зойберкунстшуле некромантию, но о лечении grosайдечей услышала впервые. Девушка записалась на лекции, чтобы проводить вместе с любовником больше времени, и не пожалела. Курс оказался зубодробительным, но и очень увлекательным. По сравнению с ней анатомия человека была что коротенькая сказка, рассказанная на ночь, рядом с сагой.

У Светланы был возлюбленный из магов, учившихся в Зойберкунстшуле. Но незадолго до появления Гюнтера у них с Хагеном случилась размолвка... нет, не размолвка, а отвратительный, ужасный скандал. Светлана наморщилась, пытаясь вспомнить, из-за чего. Левый висок отозвался тупой болью. Ведьма встряхнула головой и отказалась от попыток. Как говорила Варвара, наставница по травам в Горной Школе, сколько не дергай яблоньку за веточки, деревце быстрее не вырастет.

За день до появления Гюнтера в Зойберкунстшуле Хаген, так и не помирившись с подругой, направился в далекую деревушку на преддипломную практику. Сначала Светлане хотелось только отомстить; вот так и получилось, что ее первым мужчиной стал не тот, кого она любила всем сердцем, а заезжий химмельриттер, к тому же сын ее кровного врага. Хаген все не возвращался; да и ни какого сравнения с Гюнтером он не выдерживал, страсть всегда делала Хагена мучительно скованным. Светлана полюбила тело химмельриттера – длинное, гибкое, горячее. Она сосредоточилась на этом воспоминании, сил сдерживая рвущийся из горла крик. Вот уже много лет мужские тела не вызывали у ведьмы ничего, кроме отвращения и ненависти. А теперь Светлане хотелось изменить свое отношение к ним, и она обрадовалась возможности, предоставленной так вовремя вернувшейся памятью.

Сквозь человеческую ипостась любого оборотня всегда проглядывала его звериная суть. И если Светлана научилась скрывать ее, чтобы выжить, то у Гюнтера никогда не было такой необходимости. Обратни все еще находились вне закона в Боремии, но химмельриттеры всегда стояли НАД законом. Младшему Штернхерцу нечего было опасаться, и в каждом его движении, ленивом и плавном, во взгляде его серых глаз, чувствовался змей – мудрый и холодный, хотя огнедышащий и еще очень юный.

И Светлана поняла, за что она любит Хагена – и будет любить его всегда. Как и он ее.

За воспоминание о ночи в лесу, полной факелов, криков, лая собак и смертельного страха. Каждый из них был одинок в ту ночь, но такая ночь была в жизни их обоих. И за это понимание она до сих пор была благодарна Гюнтеру.

Ведьма снова задержала улыбку прошлого, удивительное и восхитительное чувство благодарности и уважения, а не презрения к мужчине.

Возможно, легкое, спокойное отношение химмельриттера к любви и жизни объяснялось тем, что он никогда не бежал по ночному лесу один, оставив за собой растерзанное тело отца или матери. Но Гюнтера фон Штернхерца, хоть он и родился и провел всю жизнь под защитой имени отца и стен Цитадели, нельзя было назвать ручным зверем. Светлане показалось, что Гюнтер чуть пришепetyвает – словно бы из-за раздвоенного языка, которым обладают все змеи. Когда она сказала ему об этом, химмельриттер усмехнулся и ответил, что еще не совсем оправился от недавнего ранения в горло, повредившего голосовые связки. Шрама на шее не было, и девушка сообразила, что Гюнтера ударили магией.

– И сколько же драконов ты убил? – спросила Светлана.

– Не знаю, – признался он. – Но участвовал в ста двадцати боевых вылетах.

Гораздо позже, став боевой ведьмой и тоже разменяв свою первую сотню боевых

вылетов, Светлана поняла, что опыт насилия, совершенного тобой, тоже меняет душу – но иначе, чем насилие, совершенное **над** тобой. И тогда же она почувствовала, что нельзя считать первое лекарством от второго, и что тех, кто пережил унижение и боль, возможность нанести ответный удар иногда опьяняет слишком сильно. А для Гюнтера схватка всегда была лишь игрой, где он мог оказаться ловчее, сильнее и быстрее – а мог и не оказаться.

«О Водан, как хорошо, что перед смертью мне вспоминаются те солнечные дни, полные покоя и счастья», подумала ведьма. – «Как мало, в сущности, в моей жизни было дней, ради которых стоило жить. Если все сложить – месяц, не больше. Вот почему так?».

Однако воспоминания омрачала некая тень, маячившая, подобно облачку на горизонте. Ведьма снова погрузилась в воспоминания, смутно надеясь поймать эту черную кляксу. Она уже догадывалась, что скрывается в ней. Доктора сказали, что Светлана сможет считать себя полностью здоровой, только когда полностью вспомнит о...

О том, что произошло, когда Хаген вернулся в Зойберкунстшуле.

Караван вышел на открытое место, и поляна была залита солнцем. Светлана вздрогнула и прищурилась. В траве яростно стрекотали кузнечики. Две скалы в противоположном конце поляны, оплетенные дикой лозой, сразу не понравились ведьме. Идеальное место для засады, тем более что дорога проходила между ними.

«Почему Марина не пошлет кого-нибудь проверить, что там?», недовольно подумала целительница.

В следующий миг разведка стала ненужной – обитатель холма показал себя во всей своей красе.

Над обугленными останками купеческого каравана засиял ярко-голубой шар. Солдаты шарахнулись врассыпную. Благодаря алым мундирам они казались Крону, смотревшему на них сквозь пелену магической сферы, семечками граната, по которому кто-то сильно стукнул кулаком. Кокон, сплетенный из Чи, лопнул. Водопад голубых искр обрушился на толстяка, оказавшегося рядом с местом появления имперского мага.

– Лейтенант Худой, второй отдельный корпус дивизии Алых Кобр, – приложив руку к высокой шапке, отрапортовал мандречен. Крон хмыкнул. Внешность лейтенанта являла собой полную противоположность его фамилии.

– Прибыли из Эребора, как только стало известно, что Ежами уничтожен купеческий обоз, – продолжал Худой. – Нападение имело место около суток назад, судя по состоянию тел.

– Вольно, – сказал маг, отломил от апельсина дольку и отправил ее в рот. «А мне все ж таки не удалось разорвать эту проклятую последовательность – вода-еда-труп», подумал имперский маг и усмехнулся.

Лейтенант стряхнул уже начавшие гаснуть искры с обшлагов.

– А где чучело, которое для нас смастерили Ежи? – спросил Крон.

– Прошу за мной, господин имперский маг, – ответил Худой.

Они прошли вдоль черных скелетов повозок. Ежи были здесь совсем недавно – Крон видел ниточки Чи, спутанные в разноцветную паутину, уже потускневшие, но все еще хорошо заметные. Две синие, красная, коричневая и голубая. Два мага Воды, один маг Огня, по одному Земли и Воздуха. Судя по толщине линий, самый сильный волшебник из партизан тянул на четвертый магический класс, остальные были магами третьего–второго. Больше всего Крона обрадовало то, что его антагонист – маг Земли, которому Крон, как маг Воздуха, противостоять не мог – оказался волшебником всего лишь второго класса. Сам имперский маг буквально месяц назад защитился на пятый магический класс.

– Вот оно, – сообщил лейтенант.

Они остановились перед чудовищным бурым комком, из которого подобно иглам в шубке ежа торчали стрелы с разномастным оперением. Кроме обычного для эльфов трехстороннего оперения из черных и белых перьев имперский маг заметил и серые ленточки пергамента. Ежи пользовались стрелами и мандреченского производства.

– Они явно не испытывают недостатка в стрелах, – произнес Крон и положил в рот последнюю дольку. Худой не удержался и шумно сглотнул слюну. Апельсины армейскими фуражирами в Бьонгард не поставлялись, а апельсиновые деревья если и росли в Лихом Лесу, то примерно в то же время, когда на берегах Залива Вздыбленного Льда цвел миндаль.

– Так точно.

– Стрелы выдернуть, забрать с собой, – приказал Крон. – Сделать надпись на каждой: «За...» Как его звали?

Он махнул рукой в сторону обезображенного труп.

– Господин имперский маг, именного медальона у него не было, – сообщил Худой. – Но удалось снять с шеи серебряную подвеску в виде руны Радуги-Дороги.

– Значит, Радагаст, – сказал Крон.

Худой не стал возражать, хотя ему, как и имперскому магу, было отлично известно, что многие путники носили эту руну в качестве дорожного оберега.

– Написать на каждой стреле «Ответ Радагаста» и раздать нашим лучникам, – приказал Крон.

Как звали погибшего, уже сложно было узнать. Но как зовут мандреченского бога войны, Крон помнил.

– Так точно, господин имперский маг, – почтительно ответил лейтенант.

– Когда закончите здесь, возвращайтесь в Эребор, – сказал Крон.

Маг направился к обочине дороги. Туда, куда уходила разноцветная коса ниточек Чи Ежей.

– А вы? – пробормотал Худой. Мандречен надеялся, что волшебник прикроет их во время возвращения в город. – Вы разве не с нами?

Имперский маг посмотрел на него через плечо. Лейтенант побледнел.

– И еще одно, – сказал Крон. – Ради всех богов, Худой, смените фамилию.

– Так точно, – пробормотал лейтенант.

Волшебник легко, без разбега перемахнул придорожную канаву и скрылся в зарослях малины.

Герцоги Кулы вели свое происхождение от купца по прозвищу Котинька. Черное Пламя уничтожил всех Тайнеридов, которые могли бы претендовать на трон, и поставил правителем Кулы человека, в верности которого он мог быть уверен. Вчерашний раб, смекалистый и шустрый, заработавший свое состояние на торговле рыбой, был именно таким человеком. Самой дорогой частью наследства Котиньки была флотилия рыбацких лодок, каждое утро выходивших в море и вечером возвращавшихся с уловом. Котинька отказался поселиться во дворце Тайнеридов, который, по правде сказать, был самым древним форпостом Кулы и поэтому находился на окраине столицы. Да и после переворота дворец находился в удручающем состоянии. Котинька построил себе замок на другом берегу Нудая, недалеко от торговой площади. Гербом его потомков стал кот в герцогской короне, крепко сжимающий в зубах тунца.

Звеньевая Марина, младшая дочь герцога Кулы Бронилада, обычно чувствовала себя именно кошкой – ловкой, бесстрашной, удачливой. Однако вчера она поняла, что пришла и ее пора быть тунцом. А когда Карина умчалась в лес вместе с сидхом, назначив Марину старшей крыла, дочь герцога ощутила, как острые зубки судьбы сомкнулись на ее горле, проткнув чешую. Марина был честолюбива, и ей всегда хотелось командовать не парой ведьм, а всем крылом. Карина, видимо, догадалась об этом и вручила ей бразды правления в самой неудачной и тяжелой для крыла ситуации – чтобы Марина потеряла авторитет в глазах небесных воительниц. И фургон, в котором ехали боевые ведьмы, последний в обозе, превратившийся в лазарет почти сразу после того, как Карина покинула крыло «Змей», очень способствовал этому. Марине пришлось поставить на патрулирование даже целительницу, едва Светлана вернулась и осмотрела раненных – иначе середина обоза оставалась оголенной. Марина и ее звено летели над головным фургоном, и мысли дочери герцога были

безрадостны, как лужи на дорогах осенью. Марина не сомневалась, что Ринке не собирается спасать обоз. Он мог сделать это, только договорившись со всеми командирами отрядов гоблинов – а если Ринке был в состоянии договориться с гоблинами, то гораздо логичнее им было объединиться и отбить обоз. А старшую крыла Ринке заманил в лес, чтобы прикончить. И труп Карины уже остыл, надо думать.

А гоблины вместе с Ринке ждали за очередным поворотом.

Между тем, если взмыть в небо прямо сейчас, набрать высоту и лететь на по компасу строго на юг, то к завтрашнему утру ведьма оказалась бы над морем, рядом с Кулой. Найти после этого столицу было плевым делом – воды Нудая окрашивали море в красный цвет, и темный след был хорошо заметен с воздуха на протяжении четырех верст от побережья.

Марина передернула плечами.

Она понимала, что эти мысли ей нашептывает Переруг, а так же собственная злость, страх, усталость и беспомощность. Но не это понимание останавливало ведьму в выполнении столь простого и эффективного маневра.

Герцог Бронилад спрятал бы свою дочь от волхвов Ящера – они, а не волхвы Прона, разбирали все дела, касающиеся боевых ведьм. Но если бы было доказано, что Марина бросила свое крыло на погибель, все ее счета в банках, куда перечислялась доля платы по заказам, выполняемых крылом, были бы заблокированы, а деньги изъяты Горной Школой для собственных нужд. Если же сказать мертвой, деньги изымут точно так же. Заработанное боевой ведьмой могла получить только она сама, либо ее наследники, которых ведьмы редко успевали завести.

Правнучка портового раба сохранила его практичность.

Лес перед ведьмами расступился. Пока фургоны ехали по поляне, Марина без всякого интереса смотрела на два покрытых зеленью утеса в ее дальнем конце. Теперь стало видно, что эльфийская тропа пересекает гряду лесистых холмов. Дорога ныряла в прохладную мрачность ущелья между утесами, и надо было, конечно, проверить, нет ли там засады...

Марина повернулась к Инне, чтобы послать ее в разведку, но тут краем глаза уловила движение над холмами.

– О Ярило, помоги нам! – в ужасе завопила Инна.

Заржали лошади. У последнего фургона, еще не успевшего выехать из-под вековых сводов, зазвенели мечи и засияли вспышки боевых заклинаний.

Звеньевая глядела на верхушку холма и злорадно улыбалась.

С этим чудовищем не смогла бы справиться даже Карина.

Вопль Крюка вырвал Ирину из горячего разноцветного марева:

– А, шайтан! Реванш, реванш! Чтобы я с тобой еще раз за карты сел!

Ведьма открыла глаза и увидела экена. Крюк, бормоча под нос ругательства, снимал штаны. Лежавшая рядом с Ириной Сабрина тихонько засмеялась. С другой стороны от прохода Ирина увидела Ундину. Мощную грудь белокурой ведьмы охватывала повязка не первой свежести. Бoremка спала, разметавшись на грязном тюфяке.

Звеньевая зажмурилась – по кишкам словно проползла холодная змея. Даже из битвы за Мир Минас крыло «Змей» вышло с меньшими потерями. Ирина считала, что смерть Брины на ее совести. Сабрина попала по собственной глупости, послушавшись Карину и вступившись за наемника, который сейчас скидывал портки.

А вот Ундина и она сама были ранены в небе.

После того, как Карина поручила командование крылом Марине. То есть меньше чем за полдня потери в крыле превысили потери за десять дней пути.

Ирина открыла глаза и увидела на бочонке между тюфяками колоду замусоленных карт, горку монет и брошь с дымчато-серым кошачьим глазом, которую сразу узнала – это был один из талисманов Сабрины. Видимо, от скуки раненные решили перекинуться в карты, а сидх оказался удачливее остальных партнеров.

– Оставь, – сказал Вилли Крюку. – Не нужны мне твои штаны.

Экен застегнул их, сел, осторожно вытянув загипсованную ногу. Он сломал ее, когда паук вытряхнул его из фургона. Собрав рассыпанные карты, Крюк стал тасовать колоду. Вилли сполз со своего тюфяка, и, хватаясь за деревянные ребра фургона, добрался до выхода. Несмотря на всю свою ловкость в обращении с топором, сидх не успел увернуться, когда раненный гоблин впился зубами ему голень. Гоблин хотел перегрызть сухожилия, и это ему почти удалось. Расстегнув клапан, сидх тяжело осел на пол и вытащил из кармана куртки трубку.

В бедро Ирины словно вцепился волк, в глазах у нее потемнело. Ведьма стиснула зубы. Ирина вспомнила приближающуюся лапу паука – тонкую, отливающую сталью. Звеньевая бросила метлу вверх и в сторону, а потом была вспышка боли и тьма. Сабрина услышала тяжелый вздох подруги и повернулась.

– Больно? – сказала она сочувственно. – Сейчас, Иришка...

Ведьма сделала привычный пасс рукой. Несколько простейших обезболивающих заклинаний были известны любой боевой ведьме. Ирину отпустило.

– Что со мной? – спросила она.

– Паук распорол тебе бедро, – ответила Сабрина. Ведьма постаралась произнести это бодро, почти беспечно.

Вряд ли Сабрина помнила фразу из учебника, которая сейчас всплыла в голове Ирины:

«В том случае, если потери – ранеными или убитыми – составляют три ведьмы для малого крыла и четыре – для полного, крыло необходимо отстранить от дальнейшего участия в боевых действиях или, если это позволяет структура потерь, ввести в состав крыла новое звено».

Ирина была звеньевой именно потому, что смогла сдать тактику – на троечку. Сабрина не сдавала этот предмет вообще. Сейчас ее серых глазах застыло какое-то странное выражение, смесь тоски, боли и усталости. Ирине случалось видеть такое выражение прежде, на лицах воинов, над которыми ведьма заносила свой меч, и она знала, что это означает.

Обреченность. Покорность судьбе – и знание, что следующий подарок Моготы будет последним.

Ирине частенько доставалось от старшей крыла – за несоблюдение формы одежды, за слишком рискованные маневры. И иногда у ведьмы мелькала мысль, что Карина берет на себя слишком много. Легко быть старшей крыла и командовать всеми, думалось звеньевой. Но сейчас ведьма отчетливо осознала, что если бы старшая крыла не умчалась в дебри Лихого Леса вместе с Ринке, она, Ирина, не лежала бы здесь.

– Света зашила тебя и улетела на патрулирование, – продолжала Сабрина.

«Этого тоже делать было нельзя», мрачно подумала Ирина. Марина уже доказала, что не владеет тактикой лесного боя. Боевых ведьм этому почти не учили, но при Карине крыло «Змей» как-то выкручивалось. А теперь, если Светлану убьют – гоблины ли, тролли ли, или пауки – никто не сможет помочь раненым. Ни самой целительнице.

Вилли набил трубку и закурил, выпуская причудливые колечки дыма через открытый клапан. Ирина увидела черную полосу дороги и растрепанные зеленые кудри берез. Ведьмы ехали в последнем фургоне каравана. Пока большая часть крыла была боеспособна, это было оправданно, но сейчас, когда здесь остались одни раненные, вряд ли они смогли бы отбиться в случае нападения. Арга, видимо, забегался и не успел переставить походный госпиталь в середину каравана.

Ведьме страстно захотелось на свежий воздух, в небо... В этом желании было много здравого смысла – небесные воительницы черпали Чи из Воздуха, а здесь, в фургоне, превращенном в лазарет, вообще не было воздуха, как показалось в этот миг Ирине. Был только густой, почти осязаемый запах пота, старой крови, и жирный дух асептической мази. Ведьма на миг ощутила прилив физической зависти к Вилли – сидх хотя бы мог подползти к клапану и вдохнуть полной грудью сладкий лесной воздух, а ей и это было не под силу.

И в небо Ирина не смогла бы подняться ближайший месяц.

То есть скорее всего, уже никогда.

Если только Карина и Ринке не остановят прохождение каравана «сквозь строй», как назвал это Гёса.

– Во что играете? – спросила Ирина.

– В «пять листов», нас Вилли научил, – сказала Сабрина.

Ведьма снова покосилась на сидха. Маленький, смешной, вечно растрепанный проводник вызывал симпатию у звеньевой. Вилли был необычным сидхом. Его излюбленным оружием был не лук, а топор. И проводник обращался с ним так, что руки и уши соперников только и отлетали.

– А, я тоже умею, – произнесла Ирина. – Как же ты так, Крюк? По-моему, здесь при любой раздаче выиграть можно.

– Если партнер не щелкает клювом, то вполне, – выразительно поглядев на Сабрину, сказал экен. Та смущенно улыбнулась.

– Возьмите меня в компанию, – попросила Ирина.

Наличие четверых игроков позволяло сыграть двое на двое.

– Возьмем, конечно, – сказал Крюк. – Хоть одну партию сыграем нормальную, а не укороченную.

– Вилли, сдвинь, – обратился экен к сидху, видимо, позабыв о своем обещании больше никогда не играть с ним в карты. Тот отрицательно покачал головой:

– Побьете ведь.

– Не побьем, – сказала Сабрина.

Вилли посмотрел на свое запястье, где у него, как и у Ринке, красовался браслет с часами.

– Ребята, да я наигрался уже, – сказал проводник. – Сыграйте хоть разок вдвоем.

– Зачем же, – раздался бас Ундины. – Я тоже умею в «пять листов».

– Проснулась, соня, – улыбнулась Сабрина.

Крюк протянул карты Сабрине. Ведьма сдвинула. В «пяти листках» каждый игрок стремился набрать очки, которые он заявлял в начале игры исходя из пришедших к нему карт, а в задачу «мытаря» помешать ему в этом. В случае недобора все, поставленное на кон, переходило к мытарю. Сначала эту роль выполнял Вилли, и еще никому, кроме него, не удалось положить себе что-нибудь в карман. Приходилось в основном доставать. В случае игры пара на пару выигрыш переходил к компаньонам, набравшим заявленное количество очков.

– Ну, кто меня в пару возьмет? – поинтересовался наемник.

– Конечно, я, – ответила Сабрина.

Ундина протерла заспанные глаза.

– Обед еще не приносили? – спросила она.

Ирина отрицательно покачала головой. Ундина вздохнула.

– А тебе лишь бы умять чего-нибудь, – поддразнивая, сказала Сабрина.

– А как же, – бодро ответила Ундина. – Война – войной, а обед – по расписанию!

– Ты-то как здесь оказалась, подруга? – спросила Ирина.

– Видишь, вон, дротик валяется? – мотнув головой в сторону выхода, мрачно сказала Ундина.

Сабрина помогла Ирине сесть, подвинув под спину подушку. Крюк раздал. Несколько секунд игроки молчали, оценивая свои карты. Был слышен только скрип колес, шелест невидимого из фургона леса под ветром, да легкое причмокивание пускавшего колечки Вилли. Ирине пришла неожиданно хорошая карта. Ведьма подозрительно глянула на экена, но прочесть по его лицу что-нибудь было решительно невозможно. Крюк сложил карты стопочкой в ладони. Это уменьшало возможности просвечивания рубашек карт с помощью магии, поскольку в этом случае можно было разобрать значение только самой нижней.

– На что играем? – деловито спросила Сабрина.

– На пайку, – тут же ответила Ундина. – Жрать охота просто невозможно.

- Я тебе отдам свою и так, – сказала Сабрина. – Что-то нет аппетита.
- Нет, просто так играть неинтересно, – возразил Крюк.
- Что, опять на раздевание? – вздохнула Сабрина. – Но ты ведь все это уже видел.

Ирина прислушивалась к перепалке, к ниточке боли, снова задержавшей бедро, как кукловод дергает марионетку. Звеньевая решила терпеть до последнего – пока не придет Светлана, не заварит зверобоя пополам с беладонной. Ирина знала, что обезболивающие настои вызывают привыкание. Но обезболивающие заклинания, если применялись постоянно, отупляли еще сильнее.

Ведьма глянула на отрешенное лицо Вилли. Сидх смотрел на дорогу так, как будто чего-то ждал. Вряд ли проводник ожидал увидеть на дороге актерскую труппу «Лисята». Труппа сейчас гастролировала в Куле. До того, как покинуть столицу, Ирина со своим звеном ходила почти на все выступления – ей очень нравились постановки. Но вряд ли Вилли надеялся увидеть на дороге и живую лису. Звери обычно избегают троп, проложенных разумными существами, и обычно придерживаются своих дорог – они более безопасны.

А вот караван не мог свернуть с эльфийской тропы, хотя всем уже было ясно, что ведет она не в Бьонгард, а в чертоги Ящера.

– А я на это могу смотреть хоть сто раз – и все равно с удовольствием, – возразил Крюк.

– Да, но тогда ты будешь подыгрывать Ире с Диной, – заметила Сабрина. – Ладно, давайте на пайку, а то мы так до вечера не начнем. Пятьдесят.

Ирина сделала незаметный знак левой рукой. Правила запрещали партнерам разговаривать и связываться телепатически, но в обход этого правила была придумана целая система знаков. Их слабость была в том, что знаки мог заметить и наблюдательный противник.

– Пятьдесят три, – заглянув в свои карты, сказала Ундина.

Сабрина и экен переглянулись.

– Маловато будет, – улыбаясь, сказал Крюк. Ундина открыла было рот, но наконец правильно истолковала взгляд Ирины.

– Пятьдесят три, – с нажимом в голосе повторила бoremка.

– Принято, – откликнулся экен. – Сабра, заходи.

Зашлепали карты. Низкая ветка задела крышу повозки. Причудливая тень показалась ведьме похожей на огромную летучую мышь, и Ирина невольно вздрогнула.

– Меня вот что удивляет, – задумчиво сказала звеньевая, забирая взятку. – Гоблины всегда нападают на первый фургон, бешено бьются, потом уходят. Неужели им неизвестно, как уничтожаются колонны?

Сидх, выколачивавший трубку о бортик, при этих словах пристально посмотрел на звеньевую.

– Это известно даже мне, – согласился Крюк. – Останавливают первую и последнюю фуру, а потом добивают остальных. Но Гёса правильно сказал – они хотят измотать нас. И им это удастся – вон, в лазарете уже половина конвоя... Ундина, если еще раз так призывно облизнешься, я тебя укушу, честное слово.

Ведьма зарумянилась. Она подавала знак Ирине, но поскольку в карты играла не так уж часто, жест получился неуклюжим.

– Положи карты, Крюк, – ничего не выражающим голосом сказал Вилли.

Экен, да и остальные игроки посмотрели на сидха. Тот убирал трубку в карман. В свободной руке у Вилли обнаружился дротик.

– Ты чего? – удивился экен.

– И возьми меч, – так же спокойно сказал сидх. – За нами пришли те, кому известны азы стратегии...

В распахнутом клапане фургона мелькнула кожаная куртка и растопыренные мохнатые лапы.

– Гоблины! – закричала Сабрина.

Ирина отстраненно подумала, что именно его тень она видела на крыше фургона – гоблин сидел на ветке и ждал, пока повозка проедет, чтобы спрыгнуть. И могла почуять вибрации его Чи. Но не почуяла.

– Гони, Рамдан! – во весь голос закричала Ирина. Экен услышал ее – фургон дернуло вперед.

Светлана, оторопев, смотрела на огромного змея. Тело монстра поднималось из пещеры на склоне скалы неторопливо, даже величаво. Зверь словно хотел дать людям полюбоваться на то, что их убьет. Чешуя пылала под солнцем так, что когда змей изгибался, становилось больно глазам. Изгибался... Ведьма очнулась, дернула метлу в сторону. Змей завился петлей и бросился на караван.

Загрохотали сбитые чудовищем фургоны, заржали лошади. Взметнулась пыль. Сзади закричали. Загрохотали разрывы файерболов. Чешуйчатый бок появился из клубящейся пыли перед самым носом Светланы. Ведьма даже увидела узор на коже зверя – желтые и синие треугольники. Треугольнички замелькали так быстро, что слились в одну зеленую полосу.

Чудовище поднималось, чтобы ударить караван снова.

Светлана увидела, что звено Марины стало набирать высоту, уходя с дороги. Целительница поняла, что Марина хочет бросить караван. Светлана опомнилась и подлетела к Зарине. Экенка, единственная из своего звена все еще могла держаться на метле. Рядом с ней висела в воздухе Стана, последняя боеспособная ведьма из звена Ирины. Зарина и Стана, открыв от изумления рты, смотрели на чудовище.

– Прикройте меня! – крикнула Светлана экенке.

Она опасалась, что ведьмы не выполнят ее приказа. Что они последуют за звеном Марины, которое уже разворачивалось над поляной на безопасной высоте – тройка перестраивалась, чтобы лететь на юг.

Глаза экенки блеснули. Она неразборчиво выругалась на родном языке и выхватила меч.

– Оставь! – крикнула ей Светлана. – Это не поможет! Файерболоми бей!

Целительница послала метлу ввысь, к морде змея. Зарина и Стана поднялись вслед за ней.

– А как можно убить дракона, Гюнтер?

Химмельриттер расхохотался – громко, от души. Светлана фыркнула и бросилась прочь из комнаты, но Гюнтер ловко поймал подругу и усадил на колени, хотя девушка и отбивалась.

– Если окажешься одна против дракона, – проговорил химмельриттер в промежутках между поцелуями. – Постарайся пробить ему основание языка. Стрелой, мечом, копьём – все равно чем. Его начнет рвать, и некоторое время зверю будет просто не до тебя. И ты успеешь убежать...

– Но ведь это так... неблагородно, – пробормотала Светлана.

Гюнтер пожал плечами:

– А бою нет ничего благородного. Драка она и есть драка. Пойдем на наш луг. Я покажу тебе, куда надо попасть.

И он показал.

Перед глазами Светланы мелькнул белый треугольничек на темной коже. Ведьма находилась под самой челюстью змея, там, где огромная кость крепилась к черепу. А жива она до сих пор была потому, что Зарина и Стана вились вокруг чудовища, как мухи. Разница заключалась только в том, что мухи не бросались бы в змея огненными шарами. Светлана взялась за меч обеими руками и выставила его перед собой. Метла наклонила рога и кинулась вверх. Ведьма почувствовала сопротивление, когда меч коснулся шкуры, и на миг

ей показалось, что оружие сейчас соскользнет, не причинив монстру никакого вреда. Змей зарычал.

Светлана увидела темную полосу трещины в шкуре, побежавшую в разные стороны от меча. Трещина все расширялась, и вот во все стороны брызнула кровь. Ведьма дернула меч, но неудачно – оружие застряло в шкуре, и при рывке его вырвало из рук Светланы. Она вцепилась в рога метлы, уходя от закрутившегося змея. Но чудовище успело задеть метлу своим могучим телом, и она, потеряв поток от сильного толчка, вошла в плоский штопор и стала падать. Где-то сбоку промелькнули три огненные искры – Марина с ее ведьмами поняли, что им не уйти, и тоже решили встретить смерть в бою.

«Ну вот и все», думала Светлана, глядя на несущиеся ей навстречу верхушки деревьев.

В последней попытке выйти из пике ведьма потянула рога управления на себя и нажала педаль управления хвостом. Но рычаг оказался сломан.

– Растопырь хвост, дура! – закричала Светлана метле.

Крюк схватил меч и распорол тюк, на котором сидел. На пол со звоном посыпались мечи. На дешевых черных ножнах были грубо наляпаны желтым изображением солнца – символа Армии Мандры. Экен подхватил два клинка и сунул мечи Сабрине и Ирине.

Вилли, не оборачиваясь, метнул дротик через плечо. К восхищению Ирины, сидх попал, и мертвый гоблин рухнул на дорогу. Но из-за деревьев уже бежали его живые родичи, вопя и размахивая тесаками. Крюк, цепляясь за ребра раскачивающегося фургона, поковылял к выходу – прикрыть Вилли. В фургон полезли жуткие волосатые рожи. Сидх отрубил одному из гоблинов руку, ударил второго ногой в лицо.

– «Звездчатка» и «огненные вши», – приказала Ирина, разминая пальцы. Звеньевая с отчаянием глянула на ведьм. – Сможете, девочки?

При ранении власть любого мага над каналами собственной Чи ослабевала, не говоря уже о способности втягивать и преобразовывать волшебную силу стихий.

Крюк снес голову одному из нападающих, и тут фургон качнуло так, что экен чуть не выпал на дорогу – Рамдан нещадно нахлестывал смирных лошадок и заставил их перейти на рысь. Вилли едва успел подхватить Крюка. Повозку потрянуло особенно сильно, Ирину приложило бедром о стену фургона. Звеньевая скользнула в черную, теплую мглу, но усилием воли удержала себя на поверхности.

– А чего же нет, – процедила Сабрина, поднимая руки для заклинания. Ундина с трудом развела руки.

– Пригнитесь! – крикнула Ирина.

Вилли и Крюк повалились на колени. Затылок сидха обдало жаром, когда сияющий шар пронесся над их головами. Ирина удовлетворенно смотрела, как падают гоблины, чьи головы разбило звездчатками – пучками Чи очень мощной направленности, как по лицам остальных врагов разбегаются алые жучки – «огненные вши». Снаружи донеслись крики ужаса, фургон накрыло огромной тенью, сорвало тент. Повозка завалилась набок. Перед Ириной веером пронеслись захватанные дамы и валеты, искаженное от боли лицо Сабрины, башмаки Крюка, желтое солнце на черных ножнах. От свежего воздуха у ведьмы закружилась голова.

– Ну вот и все, – услышала она над ухом голос Вилли.

Ирина обнаружила себя вместе с сидхом в придорожной канаве. Вилли крепко обнимал ведьму, прижимая своим телом в земле. Слева над грудой тюков подобно двум разозленным змеям дрожали острия двух мечей и торчали хвостики пепельно-серой и белой шлем-кос ведьм. Между Ириной и тюками, прямо в центре дороги, оказался Крюк – его придавило тем самым бочонком, на котором ведьмы и наемник играли в карты. Дюжий гоблин подхватил бочонок, отшвырнул его. Ирина подняла руки для заклинания, и тут боль, притаившаяся в бедре, как охотник в засаде, снова набросилась на нее. Ведьма застонала и опустила руки.

Крюк больше не мог танцевать, но в Купели Вахтанга его обучили не только этому. Наемник сгреб рассыпавшиеся по дороге куны и ногаты, и метнул пригоршню мелочи в лицо

противнику. Тот схватился за лицо, и экен ударил его мечом в живот. Гоблин рухнул. Сабрина и Ундина, выскочив из-за тюков, отпугнули остальных гоблинов парой огненных шаров, подхватили Крюка и затащили за импровизированную баррикаду.

– Да святится имя и расширение Твое, – срывающимся голосом пробормотал Вилли, глядя вперед. – Да придет Прерывание Твое и да будет воля твоя и бейсик наш насыщенный дай нам; и прости Ринке дизассемблеры и антивирусы его, как копирайты прощаем мы...

Ирина глянула вперед по ходу каравана, туда, куда смотрел сидх. Лес в этом месте расступался. Дорога проходила между двумя крутыми утесами. Гоблины загнали обоз к самому входу в узкое ущелье. Над верхушкой левого холма покачивался из стороны в сторону огромный столб – словно какой-то великан-шутник выдвигал из-под земли огромный сияющий леденец.

– Что это? – пролепетала ведьма. Ничего подобного она в своей жизни не видела.

– Это шнейк, – прервал свою молитву Вилли. – Змей холма, по-вашему.

Вокруг шнейка, как мухи, кружились ведьмы крыла «Змей». Огненные шары разбивались о кожу змея безобидными искорками. Ирина поняла, что первым толчком чудовище и опрокинуло их фургон.

– Ты сейчас молился богу смерти? – спросила ведьма.

– Повелителю гоблинов, орков, пауков и шнейков – всей этой дряни, – ответил сидх. – Чтобы он помог Ринке. Чтобы остановил их!

– Я буду молиться вместе с тобой, – сказала Ирина.

Вилли пожал плечами и продолжал:

– И не введи Ринке в фаталеррор, но избавь его от зависания, ибо Твое есть адресное пространство, порты и регистры...

– Помоги Ринке, о Ты, – пробормотала Ирина. Сидх мешал мандречь с родным языком, и ведьма побоялась исказить смысл молитвы неправильным произношением.

Змей изогнулся петлей. Огромное тело снова устремилось к каравану.

– Пусть полный и окончательный Гамовер придет чуть позже... – срывающимся голосом произнес Вилли.

– Да, прошу тебя, о Ты! – догадавшись о значении незнакомого слова, с чувством выдохнула Ирина.

Тень чудовища накрыла их.

– Во имя контрола, альта и святого делета, всемогущего ресета во веки веков, ретерн!

Линии Чи Ежей становились все ярче. Бледно-розовая ниточка следа того из сидхов, который пользовался магической энергией огня, стала красной, когда Крон прошел, по своим ощущениям, чуть меньше двух верст. Маг определил скорость движения отряда по известной всем волшебникам Формуле Цветности, выведенной Разрушителем Буровеем. Если он не ошибся в расчетах, партизаны опережали своего преследователя верст на десять.

Учитывая, что с момента нападения на караван прошло никак не меньше двух дней, Ежи двигались очень медленно. И Крон узнал, почему, когда выбрался на полянку, густо поросшую клевером. Трава был истоптана и помята, ветки ближайших деревьев обломаны. От двух молодых кленов остались только косо срезанные пеньки. Охапки веток с резными листьями валялись тут же.

На руках у Ежей был как минимум один тяжелораненый. Тонкие ветки пошли на лубки, а клены пришлось срубить, чтобы сделать носилки.

Крон скинул с себя одежду. Куртка оказалась усеяна черными зубчиками чертополоха. Волшебник оглянулся в поисках подходящего места и нашел его – большое, почти до самой земли дупло в стоявшем на краю полянки старом дубе. Маг аккуратно свернул одежду и опустил сверток в дупло. Волшебник на миг представил себе, как удивится какой-нибудь Еж, обнаружив посредине родного леса тайник с формой Чистильщика, и улыбнулся. Кожа покрылась мурашками. Крон предпочитал думать, что из-за невесть откуда налетевшего порыва ветра. Маг закрыл глаза. Он не делал того, что собирался сейчас предпринять, уже

больше пятнадцати лет. Большой необходимости не было и сейчас – Крон и на двух ногах нагнал бы партизан к вечеру, в крайнем случае к следующему утру.

Но магу внезапно захотелось сделать это – до зуда, до тошноты.

На миг Крона охватил паника – ему показалось, что у него не получится.

И тогда мир изменился. Он стал черно-белым, но потеря красок с лихвой возместилась феерией запахов, обрушившихся на мага.

Волшебник ткнулся носом в траву, слизал засохшую кровь. Хорошо знакомый, но давно позабытый вкус прогнал по телу Крона волну возбуждения. Шерсть на загривке встала дыбом.

На поляну веселыми прыжками выбежал заяц. Увидев волшебника, он серой молнией прыснул прочь, только сверкнули белые пятки. Крон проводил его ленивым взглядом. Он никогда не убивал ради забавы, а сейчас он был сыт.

Крон хлестнул себя хвостом по бокам и неторопливо потрусил через поляну.

Ринке двигался вдоль левой стены пещеры, придерживаясь за нее рукой, чтобы не потерять направление. На пятьдесят втором шаге от входа, как и сотни раз до этого, он нащупал небольшую нишу. Эльфу вспомнилось детство, когда эта потайная арка находилась на восемьдесят пятом шаге. Ринке вошел в нее и провел рукой по правой стене. С тихим свистом опустилась перегородка, отделявшая нишу от остальной части пещеры. Как забрало на рыцарском шлеме, в который раз подумал эльф.

Мысли знакомыми и успокаивающими. Как раз спокойствия ему сейчас и не хватало. Ринке доводилось подчинять Черный Камень себе и раньше, но первый раз от этого зависела его жизнь. Раздался монотонный гул, по лицу Ринке скользнул воздух. Эльф почувствовал, что опускается вниз. Когда гул прекратился, он громко сказал:

– Дизассемблер!

Когда-то давно Ринке думал, что это имя бога, которому посвящено это тайное святилище. Вспомнив об этом, эльф улыбнулся в темноте. Стена перед ним поднялась с негромким вздохом. Ринке пошарил рукой стене, нажал на круглый тумблер. Раздался щелчок. Под потолком вспыхнули два неярких прямоугольника, освещая гладкие белые стены подземного зала и черный каплевидный нарост у противоположной стены.

Черный Камень, повелевавший всеми тварями Железного Леса, был невелик – до пояса взрослому темному эльфу. Мандречен или даже серый эльф принял бы нарост за сталагмит, несмотря на стоявшее перед каменным грибом одноногое, как стульчик у барной стойки, кресло. Половодье приносит и более странные вещи, особенно в Квалмэнэн.

Ринке приблизился к Черному Камню и присел перед ним на корточки. Прищурившись, эльф внимательно осмотрел артефакт. То, что искал Ринке, находилось в левой нижней части выступа. Выдавленный в камне кружочек с вертикальной палочкой внутри, и красный прямоугольничек рядом. Эльф надавил на кружочек. Ничего не произошло. Ринке нажал сильнее. Никакого эффекта. Эльф выпрямился и ударил по кружочку ногой.

Раздалось громкое «бип», потом откуда-то из глубины подземелья донеслось тихое грустное завывание. Но Ринке смотрел не на расчерченную светящимися линиями, подобно шахматной доске, верхнюю поверхность артефакта, а на огромного серебристого паука, появившегося на стене. Изображение было трехмерным и весьма правдоподобным. Если бы эльф не знал, что это искусная картинка, он бы уже сломя голову выбежал из пещеры.

Ринке сел в кресло, положил ладонь на консоль. На стене проступило изображение крохотной ладони в металлической рыцарской перчатке с оттопыренным указательным пальцем. Эльф привычным движением пошевелил ладонью, перчатка на стене повторила его движения. В то время, когда его сверстники мастерили луки и выяснили между собой, кто круче, Ринке проводил дни и ночи в этом прохладном подземном зале вместе со своим отцом. Тот в совершенстве умел управлять Черным Камнем, и обучал этому же сына.

Эльф пошевелил ладонью и переместил перчатку в третий левый глаз паука в верхнем

ряду. Ринке два раза нажал указательным пальцем на плотную пружинистую поверхность, и паук на стене исчез, сменившись длинным списком на белом фоне. Последний раз темные эльфы обманывали Черный Камень более двадцати лет назад, а сейчас снова надо было залить в его мозг немного дурмана. Ринке нашел изображение желтого кофра, подписанное «**profiles**», и снова два раза стукнул ногтем. В открывшемся перечне сидх передвинул перчатку-указатель к названию «**autoexec.cfg**», и на этот раз нажал на консоль мизинцем. Справа от названия выскочила табличка с целым списком, прочесть который Ринке мог, но значения слов не понимал. Эльф знал, что нужно перейти на третью сверху строку и снова щелкнуть мизинцем, а в новом списке выбрать голубой квадратик с волнистой линией на верхней грани и двумя параллельными прямыми в центре. Ринке выполнил необходимую последовательность, и стена заполнилась множеством букв. Эльф первый раз глянул на светившиеся под его руками квадратики с изображениями букв и некоторыми их сочетаниями, нашел тот, в котором алым горело “**Ctrl**” и нажал его, правой рукой нажимая находившийся в другом углу консоли “**End**”.

Когда Ринке был совсем маленьким, он часто размышлял над тем, что язык создателей артефакта очень похож на его родной – они, как и темные эльфы, использовали вместо рун тот же фонетический алфавит. Тогда же Ринке и понял преимущество рун над буквами – он мог прочитать все надписи, но если сочетание звуков «Alt», «Insert», и «Shift» имело смысл и в родном языке сидха, то «Delete» и “PgDN” были его лишены. А если бы на квадратике была изображена руна, то Ринке произнес бы ее иначе, чем создатели артефакта – но смысл руны он бы понял.

Вертикальная черная палочка замигала в левом нижнем углу стены, над самым Черным Камнем. Ринке набрал выученную наизусть строку:

setvar de_console_password

Пальцы с непривычки свело судорогой. Эльф размял кисть и закончил:

= schringe-des-tNodes.

Ринке снова пошевелил ладонью, добиваясь, чтобы рыцарская перчатка перескочила на коричневый квадратик, расположенный в левом верхнем углу стены. Квадратик располагался на третьем месте после изображения крохотного листка бумаги с оторванным правым верхним углом и открытым желтым кофром. Когда перчатка оказалась там, где хотел эльф, Ринке снова два раза стукнул указательным пальцем. Затем перевел перчатку в правый верхний угол и два раза стукнул по красному крестику, находившемуся там. Но для того, чтобы эльф смог управлять происходящим на старой тропе, надо было намазать пару ложек сладкой лжи еще в одном месте. Ринке вернулся к первому списку названий, и нашел в нем **input.cfg**, точно также открыл его и перешел в конец текста.

Эльф быстро наступал:

bindzeigen_console

И опять повторил манипуляции с коричневым квадратиком и красным крестиком. Оказавшись в главном списке, Ринке перешел к названию **eisernwald5.2** и два раза тронул консоль указательным пальцем правой руки. Во всю стену снова мелькнуло изображение серого паука устрашающих размеров. Но на этот раз на нем ехал верхом эльф с кошачьими глазами, которые полыхнули зеленым светом. На стене замигала надпись:

ВЫБРАТЬ МИССИЮ

Под ней находился длинный, потрясающий воображение даже темного эльфа, список названий, вроде «*Падение Раздола*». Ринке всегда хотелось узнать, что это за Раздол и где он находится. Но отец строго-настрого запретил ему заходить в эту миссию, сказав, что таким образом Ринке снова вызовет к жизни страшное чудовище – Ангмарца. Темный воин на своей ужасной летучей твари патрулировал небо над Бьонгардом, когда там жила Разрушительница Пчела, и эльф хорошо его помнил. Помнил, и как Ангмарец умед драться. Гигантские пауки по сравнению с ним казались безобиднее мышей. Эльф выбрал «*Хоббит и гномы на старой тропе*». Ринке доводилось встречать в Железном Лесу пауков, гоблинов, орков, мандречен, полан, ледяных и серых эльфов, но вот с хоббитами ему столкнуться не

довелось. Впрочем, темный эльф не особенно сожалел об этом, полагая хоббитов если не опасными, то уж точно противными тварями.

Ринке увидел изображение Келенборноста – таким, каким город был восемь веков назад. Крепость приткнулась в буйном лесу у слияния Шеноры и Димтора. Картинка была выполнена весьма искусно. На башнях размером с палец колыхались под ветром флаги со знакомыми гербами, и в такт шевелилась листва на окружающих деревьях. Ринке вызвал консоль тильдой и набрал:

@ClearNebel(Pfad)

Масштаб объемной карты изменился. Теперь перед эльфом была вся юго-западная часть Железного Леса, от Келенборноста до места пересечения старой тропы с Мен-и-Наугрим. Старый Тракт превратился в толстую золотую линию. Тропа, по которой двигался караван – в серебристый пунктир. По Шеноре, выглядевшей как голубая ленточка вдоль нижнего края стены, двигались крохотные ладьи, в Димторе плескались русалки.

Ринке напечатал:

show_Hobbit_mp

На весь экран распахнулось изображение первого шнейкхюгеля. Длинным зигзагом метнулось желтое тело, мелькнули серо-зеленые фигуры гоблинов и несколько фигурок в разноцветных плащах. Ринке оценил обстановку мгновенно. Здесь уже было не отделаться **nbcGephaestus**, и даже безотказный **nbcEtTuBrute** уже не спас бы ситуацию.

Эльф торопливо настучал:

@Win(Hobbitteam)

На стену выплыло изображение двух перекрещенных мечей и надпись:

ВЫ СРАЗИЛИ ВРАГА!

Ринке откинулся на спинку кресла, ощутив взмокнувшую под рубашкой спину. Вместо ожидаемой кудрявой зелени карты на стене появилась вторая надпись:

ИГРОК, ВЫ – ЖУЛИК!

– Хуже, – мрачно ответил эльф.

СОХРАНИТЬ ТЕКУЩИЙ СЦЕНАРИЙ?

Сидх устало ткнул квадратик с крюком, показывающим вниз и влево.

Выбравшись из пещеры, Ринке прищурился от солнца и увидел ведьму. Она завернулась в плащ, и спала, сжимая рукоятку меча. Эльф улыбнулся и подумал о том, смог бы он заснуть в лесу Нудайдола – даже с мечом в руке.

Ринке сел рядом с ведьмой на камень и достал трубку. Пальцы его мелко тряслись, когда он забивал табак, часть коричневого порошка просыпалась из кисета. Эльф курил и смотрел на дрожащие в мареве храмы и дома Ильмоста.

Сверху донесся искаженный ужасом голос Марины – ведьма отдавала какие-то приказы, опоздавшие навсегда и уже никому не нужные. Ухнул, взрываясь, огненный шар, из канавы стал слышен голос Вилли. Сидх молился на своем языке.

Крюк поцеловал Сабрину.

– Он вряд ли жует то, что глотает, как и гротсайдечи, – торопливо сказал экен. – В пасти хватит места нам двоим, но ты свернись калачиком, если успеешь...

– Я люблю тебя, Яндар, – сказала Сабрина.

– Постарайся развернуться лицом к груди этой твари и не потерять меч, – ответил Крюк. – В пищеводе не размахнешься, главное – дожить до желудка, а там действуй...

Змей возвращался к обозу. Сабрине показалось, что она слышит скрип его чешуи.

– Один, я иду к тебе! – закричала Ундина и выпрямилась.

Сабрина стиснула меч здоровой рукой, посмотрела вверх. Желто-зеленое тело чудовища нависло над ними. Змей изогнулся, сверкнул алым глазом и распахнул пасть, обнажив кривые желтые клыки. Ведьм обдало смрадным духом. Сабрина зажмурилась и подтянула коленки к груди.

Раздался скрип чешуи, пасть с отчетливым хрустом захлопнулась.

И вдруг стало тихо.

Ведьма осторожно открыла один глаз – как раз вовремя, чтобы увидеть, как тело змея втягивается обратно в нору. Последней скрылась голова чудовища. Сабрина оглянулась, ища гоблинов. Те уходили в лес, мерным и ровным шагом.

– Ринке! – воскликнула Сабрина. – Он успел! Он смог!

Вилли и Ирина выбрались на дорогу.

– Нам больше ничего не угрожает? – спросил Крюк у проводника.

– Ну, если вы будете слушаться нас, то ничего, – улыбнулся сидх. – Кроме Ежей, конечно.

Ундина тяжело оперлась на меч и пробурчала:

– Ну вот, как всегда....

Сабрина расхохоталась, как девчонка:

– А ты так торопишься в Валгаллу?

– Если честно, нет, – мрачно ответила Ундина.

От начала каравана к раненым уже бежали Гёса и Лайруксал. Ирина смотрела на стремительно снижающуюся метлу целительницы. Звеньевая словно почувствовала на своих губах вкус горячего настоя зверобоя – горького, как и все обезболивающие настои, и расплакалась.

II

Карина резко села, хватаясь за рукоятку меча. Плащ свалился с ее плеч, меч со свистом вышел из ножен. Ведьма посмотрела на Ринке так, словно видела его первый раз в жизни. В ее глазах метались страх и безумие.

– Тихо, тихо, – сказал сидх, косясь на меч. – Это был всего лишь сон...

Карина глубоко вздохнула, провела рукой по лбу. Ринке затянулся и спросил:

– Что ты видела?

– Это было странно, – сдавленным голосом ответила мандреченка. – Я видела своего отца... Он был кузнецом и погиб на войне. Мы были в кузнице. С нами еще дядька мой был, каторжник беглый... Я должна была оковать меч, нет...

Ведьма напряженно нахмурилась.

– У мандречен и женщины бывают кузнецами? – спросил Ринке с интересом.

Карина с досадой дернула плечом:

– Только во сне. Отец обычно гонял меня от кузницы, боялся, что обожгусь где-нибудь ненароком, лишусь красоты... У нас и красавиц не очень-то замуж берут, знаешь ли... А! Отец с дядьки цепь снимал, а я помогала. Чудная была та цепь – на замках, дядька у меня был заключенным первой категории...

Взгляд ее окончательно прояснился.

– Ты давно здесь сидишь? – спросила Карина. – Разбудил бы, мог и не ждать.

– Ну, не так уж давно. Трубку не успел докурить... А торопиться нам теперь некуда.

– Это значит, что наш обоз вне опасности или его уже растащили гоблины? – уточнила ведьма.

Ринке хмыкнул.

– Верно первое.

Карина улыбнулась и обняла сидха и поцеловала его в лоб.

– Спасибо тебе, Ринке.

– Да не за что, – пробормотал смущенный сидх ей куда-то в шею.

Ведьма отпустила его.

– Пора идти, – сказал сидх. – Дело к вечеру, а я не хочу ночевать в Квалмэнэн. Доберемся до леса и там где-нибудь остановимся.

Ведьма встала, вдвинула меч в ножны и надела перевязь.

– Как он мне надоел, – пожаловалась Карина. – Тяжеленный... То ли дело праща!
– Мы выйдем на тракт самое большое завтра к обеду, так что потерпи, тебе недолго осталось его таскать, – сказал сидх.

Они спустились с холма. Солнце прочно зацепилось за шпиль одного из куполов. С этой стороны холма почва была суше, под ногами ничего не хлюпало. Луговая трава почти скрывала Ринке. Карина следовала за ним, боясь потерять своего спутника. Ведьма заметила, что сидх забирает в сторону, намереваясь обойти мертвый город.

– Ты не хочешь идти в Ильмост? – спросила Карина. – Там опасно?

– Ответ на оба твоих вопроса отрицательный.

Ведьма положила ладони ему на плечи. Спутник остановился. Карина нагнулась и выдохнула в его острое ухо:

– Ну пожалуйста, Ринке, давай заглянем туда...

Сидх обернулся. Нос Карины ткнулся в его щеку, а губы Ринке оказались так близко, что ведьма почувствовала его дыхание – пахло табаком и, очень приглушенно, морошкой и черникой, которую они ели. Смутившись, ведьма отпустила его и выпрямилась.

– Зачем ты хочешь побывать в Ильмосте? – спросил Ринке. – Ты ведь никому не сможешь это рассказать.

– Тем более, – бодро откликнулась Карина. – Мы зайдем вон в тот храм, самый ближний... и сразу пойдем дальше. Видишь, над ним крест и полумесяц? Я просто хочу посмотреть, может, это храм Барраха? Полумесц – это их символ. Неужели здесь когда-то экены жили?

Ринке покачал головой.

– Ну хорошо, – сказал он.

Сидх отвернулся и поднял ногу, чтобы шагнуть. В этот момент он ощутил горячие губы у себя на макушке – ведьма чмокнула его от радости. Ринке застыл.

– Карина, перестань, – сказал он тихо. – Я ведь могу ответить. Хотя мне для этого придется подпрыгнуть...

Ведьма засмеялась:

– Ответь. Никогда не целовалась с сидхом. Говорят, вы большие мастера этого дела...

Ринке тоже усмехнулся и глянул на Карину через плечо:

– Попозже.

– Хорошо, – бодро ответила мандреченка.

Они двинулись дальше. Вскоре под ногами ведьмы что-то захрустело. Карина подумала, что это ракушки, но, нагнувшись, увидела что это глиняные черепки. Затем в траве стали попадаться плиты с высеченными на них рунами и датами. Рун ведьма прочесть не могла, но разобрала экенские цифры – четырехзначные даты через тире.

– Мы на кладбище, – вырвалось у нее. – Только даты какие-то странные...

– Что же в них странного? – возразил сидх. – Те, кто жил здесь, считали время иначе... Они не могли считать годы так, как их считаем мы, потому что ко времени их битвы богов они все были уже давно мертвы, верно ведь?

– Логично, – пробормотала ведьма.

Путники выбрались на полузанесенную песком булыжную мостовую. Они шли мимо развалов кирпича и валяющихся на земле перекореженных ржавых балок, мимо остатков фундаментов, обозначенных затянутыми ряской валунами. Все же можно было понять, что город имел «квадратную» планировку, характерную для поселений эльфов. Основу такого города обычно составляли две главные улицы, пересекавшиеся под прямым углом. По одной из них, как предположила Карина, они сейчас и двигались. Ближе к центру города начали попадаться относительно целые кирпичные коробки, угрюмо смотревшие на мандреченку и сидха черными провалами окон. Под ногами хрустело битое стекло и ракушки, блеснула четырехзубая вилка. Вдруг Ринке замер. Карина услышала шаги. У нее мороз продрал по коже. Затем раздался хриплый голос, который немелодично пел на незнакомом языке.

Сидх схватил ведьму за рукав и потянул к ближайшему дому. Карине казалось, что

голос исходит как раз оттуда, и она взбрыкнула. Но Ринке резко дернул ведьму – он оказался сильнее, чем предполагала мандреченка – и увлек Карину внутрь. Под ногами мандреченки что-то громко чвакнуло, она поскользнулась и с трудом удержала равновесие. Эльф толкнул ее в угол у окна, сам прижался к стене рядом. Карина открыла было рот, но тут на улице показалась компания из пятерых сидхов.

Двое из них тащили носилки. Ведьма увидела прически эльфов – волосы, склеенные в торчащие во все стороны длинные иглы – и закрыла рот, так и не произнеся ни звука. Мандреченка с интересом разглядывала Ежей, пока процессия двигалась мимо.

Сидхи были одеты просто, если не сказать бедно, за исключением женщины в кожаной куртке цвета крови и высоченного, ростом не меньше Карины, партизана. Его куртка состояла из желтых, зеленых и коричневых кусочков замши – так же, как и куртка Ринке, оставшаяся в обозе. Правая рука верзилы была забинтована до самого локтя, на грязной повязке выступили пятна крови. Левую ногу Ежа, лежавшего на носилках, стягивал самодельный лубок. Кожаный доспех раненного партизана когда-то украшали серебряные набивки, сейчас почти все вырванные с мясом. На одном из партизан, тащившем носилки, и вовсе был потрепанный, но узнаваемый мандреченский мундир. Судя по серебряному трилистнику на плече, Еж снял его с гвардейца из дивизии Серебряных Медведей. На шапке второго носильщика красовался ободраный лисий хвост. Однако была и одна общая деталь в одежде всех Ежей – серебряные звездочки на воротниках курток. Карине было известно, что за каждой такой звездочкой стоит десяток деревянных стрел на мандреченских кладбищах. Лук каждого из партизан был аккуратно запакован в кожаный горит, любовно расшитый разноцветным бисером, а на чехле эльфки и вовсе было золотое тиснение. Ведьма насчитала два круто изогнутых зефара, один стальной лук и два простых. Но стрел в не менее богато изукрашенных колчанах партизан почти не осталось.

Высокий сидх, раненный в руку, неожиданно покосился на окно, через которое за ним напряженно наблюдали две пары глаз. Карина перестала дышать. Ей показалось, что темный эльф посмотрел прямо на нее, но ведьма сообразила, что он не может ее видеть в полумраке развалин.

Еж в мандреченском мундире что-то произнес. Для того, чтобы понять его, не нужно было знать язык темных эльфов – столько усталости и отчаяния было в голосе партизана. Женщина в красной куртке коротко ответила. Ежи опустили носилки на разбитую мостовую, один из них сел рядом. Верзила в разноцветной куртке устроился на подоконнике того самого дома, в котором прятались Карина и Ринке. Ведьма видела алмазную сережку в форме конуса в его ухе. Такие украшения носили участники штурма Мир Минаса. Плечо эльфийского снайпера было так близко, что Карина могла коснуться его рукой.

Но она, разумеется, не собиралась этого делать.

Партизан в гвардейском мундире достал кисет и трубку – тоже трофейные, судя по вензелям на них. Он что-то сказал партизану, сидевшему на подоконнике, но тот мотнул головой из стороны в сторону и недовольно буркнул в ответ. Еж в мандреченском мундире набил трубку, раскурил и прислонился к стене рядом с женщиной в красном – как уже поняла ведьма, именно она была командиром отряда. Измученные партизаны молчали, и когда куривший Еж обратился к командирше на синдарине, Карина вздрогнула.

Все – и Мирувормэл, которому выскочивший из-под телеги мандречен перерубил ногу, и Халлен, которому мандречен едва не отхватил руку, и сам Нифред, которому воин вспорол брюхо – впоследствии сошлись на том, что магу не стоило заглядывать под телегу, почуяв там вибрации Чи. Как подозревала Энедика, сам мандречен, расстрелянный ими, тоже так считал...

Ежи всадили в воина почти все стрелы, что у них оставались – без своего мага партизаны были все равно обречены. Только Нифред мог заплести оставшиеся на месте схватки струны Чи так, чтобы сбить преследователей с толку. Но Нифред, хрипя и ругаясь, уже умирал. Ежи не могли стереть свою Чи полностью. Они так наследили на месте гибели

каравана, что этого с лихвой хватило бы даже среднему магу, чтобы отправить по следу Ежей, например, проклятие Авакена. Достигнув адресата, за три дня это простенькое заклятие превращало свою жертву в покрытый вонючими струпами полуразложившийся труп. Так же большой популярностью у мандреченских магов пользовалась Удавка Чести, приносивший проклятому мгновенную смерть от удушья.

Возможно, где-то в этой части леса находился телепорт, которые Ежи обычно устраивали в дуплах больших деревьев, но Энедике об этом было ничего не известно. Единственным шансом на спасение Ежей была Квалмэнэн. Если бы партизаны успели пересечь огромную трясину до того, как мандреченский маг пустит проклятие по нитям Чи, которые тянутся за любым – эльфом ли, человеком ли, пока он жив, – то проклятие бы не нашло адресатов, растворившись в Цин болота.

Энедике приходилось все время держать Мирувормэла под чарами, иначе толстяк бы непрерывно орал от боли. В первый день командирша так вымоталась, что к вечеру пришлось нести ее саму. Халлен взвалил командиршу на плечо и придерживал здоровой рукой. Вечером, на привале, он протянул ей небольшой мешочек и буркнул:

– Дай Мирувормэлу.

– Что здесь? – спросила Энедика.

Халлен отвел глаза и сказал:

– Лислор.

Так темные эльфы называли смесь белладонны, опиума и табака. Энедика и сама уже узнала лислор по характерному запаху. Энедика посмотрела на лучника. Тот криво улыбнулся. Ей многое случилось пережить, но еще ни разу эльфке не доводилось оказываться посреди Квалмэнэн с двумя ранеными на руках, у одного из которых сломана нога, а второй – законченный лислорер. А ведь можно было догадаться, думала она, глядя на сухую, сморщенную кожу Халлена.

– А ты сам-то сможешь идти без лислора? – сухо спросила командирша Ежей.

– Смотря сколько дней, – любезно ответил Халлен.

– Не меньше трех.

Взгляд эльфа затуманился.

– Я думаю, что да.

Энедика покачала головой и отсыпала в кружку порцию порошка, чтобы развести водой и дать Мирувормэлу.

На третьи сутки пути запах из его раны подтвердил подозрения эльфки – в кровь Ежа попала грязь и пошло заражение. Партизанка применила испытанное, проверенное заклинание на этот случай. Однако чары не убрали болезнь, а лишь останавливали ее развитие на сорок восемь часов. Да и каналы Чи раненного, искривленные лислором, с трудом поддавались фиксации с помощью магии. Мирувормэл услышал, что она бормочет и разобрал знакомые слова.

– Не дождешься, Энедика. Я не сдохну! – заорал толстяк. – Я не хочу гнить в болоте! Вам придется тащить меня до края этой проклятой трясины!

Утром четвертого дня пути командирша Ежей развела для него последние крошки лислора, а к полудню измученные, ободренные партизаны вошли в Ильмост.

Всплывший из озера город находился на южном краю Квалмэнэн, и еще до того, как солнце скроется за горизонтом, родной лес принял бы в объятия своих измученных детей. Энедика приободрилась и начала напевать старый эльфийский марш. Когда они миновали центральную площадь мертвого города, Тавартэр сказал, что он не может идти дальше. Молчаливый нандор был самым выносливым из Ежей, и если уж он просил об отдыхе, стоило выполнить просьбу. Энедике почудилось дрожание Чи в развалинах дома, около которого они остановились. Командирша партизан хотела бы проверить, кто там, но заколебалась, вспомнив Нифреда. Да и Халлен пристроился на подоконнике этого дома, и эльфка махнула рукой на предосторожности. Ну кто там мог прятаться? Взвод мандречен? Партизанка прислонилась к стене – гордость не позволяла ей сесть прямо на мостовую, как

это сделал Руско. Тавартэр достал кисет, покосился на Халлена. Тот сидел, обхватив себя здоровой рукой, и покачивался взад-вперед.

– Не хочешь пожевать? – спросил Тавартэр, развязывая кисет.

Халлен поднял на него безумный взгляд и прохрипел:

– Это все равно, что лизать бабе, которая не позволяет войти.

Тавартэр хмыкнул, прислонился к стене рядом с командиршей, набил трубку и закурил.

– Вот, значит, какова была цена за Ящики Холода и свет в домах, – сказал нандор на своем родном наречии, глядя куда-то за партизанку.

Энедика поняла его. Она родилась на берегах Димтора, где жило много серых эльфов, а языки синдарин и нандор были очень похожи. Партизанка нехотя перевела взгляд. С того места, где они стояли, была хорошо видна центральная площадь погибшего города и стоявший на ней храм с пятью главами.

– Здесь была очень хорошая, жирная земля. Вон на площади – бурьян в мой рост, – продолжал Тавартэр задумчиво. – А люди погубили ее, превратили цветущий край в болото... Или это были не люди?

Эльфке совершенно не хотелось разговаривать. Но она знала эту манеру Тавартэра – порассуждать об отвлеченных темах, чтобы собраться с силами. Как бы сильно она сама ни устала, она не могла отказать в помощи любовнику. Да и от Тавартэра зависело, выживет ли Мирувормэл. Если бы нандор не смог больше тащить носилки, заменить его было бы нечем, и раненного пришлось бросить бы в болоте.

– Люди, – пробормотала Энедика. – Когда сносили дамбу, в ней обнаружили много тел. Но трупов эльфов там не было.

Халлен перестал покачиваться.

– Закатай мне рукав, – обратился он к Энедике.

Она выполнила его просьбу и закатала рукав на здоровой руке Ежа. Халлен впился в нее зубами. Командирша содрогнулась.

– Патологически глупая нация, – сказал Тавартэр. – Люди ведь живут земледелием, неужели они не понимали, что рубят сук, на котором сидят?

– Это не совсем так, – Халлен на минутку прервал свою разминку для челюстей и решил размять язык. А Энедика и не знала, что он владеет синдаринном. – Их жрецы требуют, чтобы на месте вырубленных лесов сажались новые, чтобы ячейки в сетях были крупными. Я думаю, дело в другом. Вы, нандор, помните только о Ящиках Холода и о свете в домах. У нас на юге рассказывают о самоходных лодках и каретах, о ящиках, из которых раздавалась музыка... Ты понимаешь, у плотины был владелец. А он хотел продать как можно больше своей магии, и создавал все новые артефакты, питающиеся этой силой. И потом, когда люди уже не могли обходиться без них, он сказал, что ему нужна эта плотина. И люди согласились, потому что им некуда было деваться.

Тавартэр пожал плечами. Руско, не знавший никакого языка, кроме родного, в беседе не участвовал. Вместо этого он растянулся на грязной мостовой. «Мальчик совсем слаб», подумала Энедика. – «О Мелькор, помоги нам. Дай нам только перейти Квалмэнэн. Дальше мы сами справимся».

– По мне, так лучше быть глупым, чем жадным и ленивым, – заметил нандор. – А ты как считаешь?

– А кто их поймет, этих людей, – ответил Халлен и снова укусил себя.

– И я тоже думаю, что дело не в жадности, – сказала Энедика. Посмотрела на Тавартэра и добавила, поддразнивая: – Патологической.

Тавартэр вымученно улыбнулся. Кусок присохшей к щеке грязи отвалился. Эльфка продолжала:

– Мне тоже кажется, что здесь была очень хорошая земля, и за нее, наверное, дрались. Видите этот храм? Мы не знаем, какой бог жил в нем, но строители плотины знали. Возможно, они не нашли другого способа остановить его и спасти себя, кроме как затопить всю долину. И возможно – я говорю «возможно», потому что мы ровным счетом ничего не

знаем о тех временах и не можем судить — так вот, возможно этого бога **надо** было уничтожить.

— Какая интересная версия, — пробормотал Халлен.

А Тавартэр сказал, поддразнивая:

— **Возможно**, ты и права.

— Неважно, права я или нет, — сказала Энедика. — Гораздо важнее вопрос, можешь ли ты продолжать путь?

— Могу, — ответил нандор.

Подойдя к носилкам, он взялся за свою сторону. Руско, шатаясь, поднялся и взялся за свою.

Энедика опустила рукав Халлену и погладила его щеке. Глаза Ежа сузились.

— Не надо меня жалеть! — рявкнул он. — Если ты мне сочувствуешь, лучше прикончи!

— С удовольствием, — холодно ответила командирша. — Как только дойдем до леса. Мертвечина посреди мертвого города — это безвкусно.

Халлен хмыкнул и с благодарностью посмотрел на нее.

Ежи двинулись прочь из Ильмоста.

— Ладно, давай не пойдем к собору, — шепотом сказала Карина. Партизаны ушли уже минут пять назад, но сидх и ведьма сидели в доме не двигаясь — выжидали. На всякий случай. — Мало ли тут Ежей бродит в окрестностях...

Ринке улыбнулся:

— Знаешь, как говорят? В одну воронку бомба дважды не падает.

— Как старый бомбардир, не могу не согласиться, — усмехнулась Карина. — Но Сварог его знает, что за бог жил в том храме.

— А вот и посмотрим, — ответил сидх и направился к выходу.

Карина глянула на улицу и схватила Ринке за пояс. Сидх обернулся, да так и застыл.

Между полуразрушенными каменными коробками, прямо по середине бывшей улицы медленно шла огромная рысь. Она остановилась напротив окна, посмотрела на дом, где прятались ведьма и Ринке, и настороженно понюхала воздух. Зверь хлестнул себя по бокам длинным, тонким хвостом.

«Оборотень», холодея, понял сидх. — «Проклятая тварь... Откуда он здесь взялся?»

За тот миг, что оборотень смотрел, как показалось Ринке, прямо ему в глаза, в голове эльфа пронесся целый шквал мыслей. Поставить магический экран, чтобы тварь не учуяла вибраций их Чи? Или, наоборот, этот экран привлечет внимание зверя? Может, Цин, которым окутан старинный город, собьет оборотня с толку и он не заметит их?

Тварь не сводила с дома своих янтарно-желтых глаз, в которых, как замурованные мухи, застыли вертикальные полоски зрачков. Рысь прижала уши к голове и заворчала.

Ринке показалось, что зверь сейчас прыгнет. У эльфа не было меча, да и полагаться на него в борьбе с оборотнем не стоило. Насколько было известно темному элфу, этого зверя можно было только задушить. Ринке подумал о том, что Марфор был выше его на голову, и руки у тэлери были значительно длиннее. Что наемник дрался с оборотнем в толстом зимнем полушубке, от которого к концу схватки остались жалкие клочья. А на нем, Ринке, сейчас только простая льняная рубаха.

А рысь все стояла и смотрела. Она больше не рычала, и это казалось особенно зловещим.

Почему-то сидх испытал странную убежденность, что зверь ищет именно их с Кариной. Точнее, ведьму.

Перед глазами у Ринке все поплыло от невыносимого напряжения. Он увидел ноготь на большом пальце, и кожа хозяина этой руки была смуглой. Ноготь был не очень ухоженный, с невычищенной лункой, но аккуратно подпиленный, а не оторванный.

Край ногтя казался светлее остальной части, словно был... Да, он был наточен. И смазан ядом — по краю шла тонкая темно-серая полоска, едва заметная.

Видение исчезло. Ринке увидел, что оборотень опустил голову к мостовой – он стоял там, где лежали носилки с раненым партизаном, – и тщательно обнюхал место, а затем и облизал камни. Зверь неторопливо двинулся дальше.

Крон не почуял ведьму и сидха. Он так и не узнал, что прошел мимо той, кого искал с тех пор, как познакомился с небесным покровителем Искандера. Дух называл себя Яроцветом, но ни Крон, ни император никогда не упоминали это имя в беседах – чтобы дух не пришел на зов. Яроцвет и так овладевал разумом императора слишком часто. По этой причине Искандер называл небесного паразита – он, а Крон именвал это создание – schnurspieler².

Карина проводила зверя взглядом. Когда рысь скрылась за поворотом, мандреченка заметила:

– Как у вас тут оживленно. А ты говоришь – мертвый город... То Ежи, то татцели. А я-то думала, они только в Боремии водятся.

Старшая крыла «Змей» не дождалась ответа и посмотрела на сидха. Ведьма удивилась его бледности, застывшим зрачкам и тяжелому дыханию.

– Как ты его назвала? – хрипло спросил Ринке.

– Это не рысь, а татцель. Хвостяру видал у него? – пояснила Карина. – Татцели-кошаки – это один из видов оборотней.

– Это я знаю, – пробормотал сидх.

Он глубоко вздохнул, провел рукой по лбу.

– Кажется, поговорка насчет воронок не сработала, – сказал Ринке. – Но уж теперь-то нам точно ничто не угрожает.

Карина все еще колебалась. Но ведьма подумала, что не дойти полверсты до таинственного храма и повернуть назад будет глупо. Путники выбрались на улицу и направились к собору. Мандреченка настороженно осматривалась. Ильмост уже зарекомендовал себя городом сюрпризов. Кроме случайных прохожих, здесь могли обнаружиться и местные жители. Развалины посреди болота вполне подходили для гидры средних размеров. При бегстве из города люди наверняка оставили тут немало ценностей, и здесь могла обосноваться пара-тройка ихуизгов, которых Карина не любила за неблагозвучность названия и непроходимую тупость. Путники миновали белые, растрескавшиеся ступени, ведущие в никуда, кованые причудливые решетки вокруг занесенных илом куч мусора, которые когда-то были домами.

– Все-таки это очень странно, – сказала ведьма и поддела ногой черепки. – Этому хламу больше восьми веков, из которых они какую-то часть времени провели в воде. Здесь уже ничего не должно было остаться...

– Город опутали сильным заклинанием, чтобы сохранить в неизменном виде, – сказал Ринке.

– Это огромный расход энергии, – пробормотала ошарашенная Карина. – Зачем вы пошли на это?

Ринке пожал плечами:

– Чтобы было что показать тому умельцу, который предложит перегородить реку, обещая взамен свет и тепло в домах.

Ведьма и сидх оказались на площади. Там, где когда-то веселись, гуляли и торговали люди, теперь колыхались лопухи и бурьян по пояс высотой. Над лопухами нахально торчали огромные дудки борщевиков, многие из которых вымахали выше даже Карины. Видимо, водой сюда нанесло немало ила, удобнив почву. Справа высилась огромная груда битого кирпича – Карина предположила, что это остатки дворца местного князя. Уцелевший храм находился слева от путников, в противоположном конце площади.

– Если почуем какую-нибудь магию – сразу повернем назад, – сказал Ринке негромко.

² «Тот, кто дергает за ниточки», то есть кукловод, ведущий марионетку.

Ведьма кивнула и посоветовала:

– Натяни рукава на кисти.

– Это еще зачем?

– Борщевики ядовиты, – пояснила Карина и показала на растения рукой, подумав, что вряд ли Ринке знает названия всех трав на мандречи. – Если прикоснуться к нему, будут сильные ожоги.

Сидх озадаченно посмотрел на нее.

– Я не очень-то разбираюсь в травах, – сказал он. – Но у нас эти дудки рубят на корм скоту... Железный Лес ведь намного севернее Нудайдола. Может, трава потеряла свой яд из-за этого?

Ведьма задумчиво пожала плечами. Ринке нашел в траве тропку, пробитую дикими зверями, и пошел по ней. Карина взяла его сзади за кушак. Солнце стояло низко, его лучи били прямо в глаза, ослепляя и сбивая с пути. Оглушительно стрекотали кузнечики.

Храм, с провалившимся в нескольких местах черным куполом, находился внутри небольшой крепости. Когда Карина и Ринке приблизились, стали видны огромные вмятины на стенах, которые не могли быть ничем другим, кроме как следами от пушечных ядер. Восточная башня, как теперь заметила Карина, была наполовину разрушена, и совсем не водой. Это не удивило ведьму. Мандреченское Капище Всех Богов в Куле было укреплено ничуть не хуже храма в мертвом городе. Оно находилось на острове в дельте Нудая. Отношения волхвов и правителей Мандры не отличались ровностью. Только на памяти Карины Капище Всех Богов пытались взять штурмом два раза. Первый раз, когда волхвы Перуна проклинали всех рыбаков и отказывались снять проклятие до тех пор, пока люди не перейдут на сети с крупными ячейками. Кула жила тем, что давало море, и горожане в ответ на проклятие изготовили окованный железом таран для главных ворот Капища. Но воспользоваться им так и не удалось – лодки разметало невесть откуда взявшейся волной, когда возмущенные горожане переправлялись через реку. Второй раз Капище Всех Богов пытался взять Искандер, когда волхвы отказывались признать его императором Мандры, и та попытка захвата тоже не увенчалась успехом.

Но в Ильмосте вода доделала то, что не оказалось не под силу пушкам – вымыла цемент из щелей между огромными блоками, после чего камни вывалились сами. Один из них, отнесенный течением, лежал в пяти саженьях от разломанной входной арки. Карина остановилась перед ним, просканировала пространство. Магии вокруг не было.

– Ну как? – спросила она Ринке. – Чувствуешь что-нибудь?

Сидх наклонил голову, прищурился.

– Чисто, – сказал он.

Ведьма и ее спутник вошли внутрь капища. Здесь трава росла не так густо. То, что Карина издалека приняла за четыре минарета вокруг мечети, вблизи оказалось малыми куполами пятиглавого собора. На ходу Карина озадаченно рассматривала храм. Боевая ведьма должна была уметь взрывать все, включая дворцы и храмы, и основной курс по архитектуре в Горной Школе начитывался очень тщательно. На самом верху стен кое-где сохранилась штукатурка, из чего Карина заключила, что храм не захлестывало «с головой» даже в самые полноводные годы. Кирпичные стены украшали лопатки, ведущие к горизонтальному этажу полукружных закомаров. Сегментация прясел наводила на мысль о крестообразной организации внутреннего пространства здания. В общем и целом, храм очень напоминал старинную церковь сюрков, виденную Кариной в Ринтали. Загвоздка заключалась в том, что сюрки использовали здание, доставшееся им по наследству от тех, кто построил город, и тоже не знали, какому богу храм был посвящен изначально.

Вскоре путники добрались до стены из сильно поврежденного красного кирпича.

– Осталось только найти вход, – заметил Ринке. – Где он обычно находится в экенских храмах?

– Не помню, – честно призналась мандреченка, умолчав, однако, о том, что она никогда раньше не видела мечетей с куполами, похожими на луковицу. – Давай обойдем по

периметру.

Стена, к которой они подошли, оказалась глухой. Если на ней когда-то и были украшения, их все уничтожило водой. Среди красной кладки Карина заметила вмурованный в стену крест из светлого камня с равными по длине лучами, заключенный в круг. В этот момент ведьме стало окончательно ясно, что нацию, построившую этот храм, засосало в зыбучие пески времени целиком. Ни один из народов обитаемого мира не использовал в качестве религиозного символа крест. Старинная легенда о Светлояре солгала – впрочем, для легенд было характерно. Мандречены не имели никаких прав на этот город. Завернув за угол, путники обнаружили бронзовые ворота, украшенные позеленевшими от времени причудливыми фигурками. Барельефы были разбиты по сегментам, в каждом из которых находилось от трех до двадцати изваяний. Кентавру, который целился из лука на левой нижней половине ворот, Карина обрадовалась как родному. Но больше ни одного сюжета она не узнала.

– Есть что-нибудь знакомое? – спросила ведьма у Ринке.

– Похоже, тут Священное Древо и двое валар, наших богов, – сказал сидх растерянно, указав на изображение почти сразу под ручкой в виде львиной пасти. – Эти ворота мне не открыть.

Ведьма и сама это понимала. Бронзовые петли проржавели намертво.

– Пойдем, еще посмотрим, – предложила Карина. – Это парадный вход, но где-то должна быть и дверь, через которую выплескивали помои.

Ринке хмыкнул. «Дверь для помоев» – голый проем с черной, сгнившей рамой косяка – обнаружилась в третьей стене храма. Сидх и ведьма вошли в храм. Невыносимый запах гнили ударил в нос. Красные, до блеска вылизанные водой стены, полуразрушенные колонны и гниющие на полу кучи мусора – вот и все, чем встретил гостей поднявшийся из воды храм.

– Я дальше не пойду, – категорически заявил Ринке и остановился.

Карина не стала возражать. Пол, скорее всего, давно провалился, а изучать особенности кладки фундамента не входило в их планы. Ведьма посмотрела вверх и увидела неясные силуэты, нарисованные под самым потолком. Вода уничтожила фрески на стенах, но под самую крышу она, как и предположила мандреченка, не добиралась даже в самые снежные годы. Карина вызвала метлу.

– Куда ты? – удивился Ринке.

Сидх переминался с ноги на ногу и оглядывался вокруг так, словно ожидал появления взвода орков из-за колонн. Карина указала ему на изображения.

– Возьми меня с собой, – неожиданно попросил он. – Или твоя метла не поднимает двоих?

Ведьма критически посмотрела на сидха.

– Не сочти за обиду, – сказала Карина. – Но ты, кажется мне, вешишь меньше комплекта бомб, которыми снаряжается метла такого класса, как моя. А из-за той истерики, что устроил Лайруксал, я вылетела пустая.

Она оседлала метлу и приглашающе похлопала перед собой. Ринке устроился на метле. Карина расставила пряжки на всю длину и подала ремни сидху, чтобы он пристегнул их обоих.

– Не вертись, – сказала мандреченка, когда раздался короткий щелчок, свидетельствующий о том, что Ринке справился с пряжкой. – Держись за ось метлы. И за руль не хватайся ни в коем случае, ясно?

– Светлана говорила, – ответил Ринке.

– Это никогда нелишне напомнить, – сухо сказала ведьма.

Карина оттолкнулась ногой от пола, чтобы ободрить озадаченную присутствием второго седока метлу, и они поднялись в воздух. От росписи, изначально богатой, уцелели жалкие остатки. На юго-восточном столбе храма обнаружилась половина крылатой фигуры с трубой в руках, под ней находилось изображение женщины в очень свободных одеяниях и

желтым кругом, охватывающим голову. На полукруглом скате световой арки неизвестный художник разместил сурового старца в белых одеждах, крестом в правой руке и таким же светлым кругом над темными волосами. Карина, подумавшая было, что создатель росписи имел в виду шляпу, изменила свое мнение и решила, что люди, жившие здесь, умели управлять Чи. По крайней мере, самую энергетичную часть ауры они видели. На одной из стен уцелела фигура мужчины со свитком в руках. Ведьма с большим интересом рассматривала руны, изображенные на свитке.

Ни одной из них она не узнала, но Карина на это и не рассчитывала.

– Можешь прочесть? – спросила она.

– Ну, некоторые буквы я знаю, но прочесть я не смогу, – ответил Ринке.

Увидев удивление на лице ведьмы, он пояснил:

– У нас фонетический алфавит, а не руны, как у вас.

– А, как у неречи, – сообразила Карина.

Они подлетели к западной стене, где по неизвестным причинам фрески сохранились лучше всего. Богато одетые люди спускались по огромной лестнице навстречу существам самого несимпатичного вида.

– Наверно, это изображение какой-нибудь великой битвы с тогдашними гоблинами, – предположила Карина.

– Вряд ли. У людей нет оружия, – возразил наблюдательный Ринке. – А вот у гоблинов – есть.

Он ткнул пальцем в вилы, которые держал самый крупный гоблин с круто изогнутыми рогами. Сидх слишком сильно перевесился набок, метлу качнуло и повело вниз. Вокруг Ринке замелькали злобные морды древних гоблинов, выщербленные стены и зелено-желтые пятна на летной форме ведьмы. Ринке в ужасе схватился за рога руля, накрыв руки Карины и лишив ее возможности управлять метлой. Ведьма ударила его своей Чи. Синяя дымка окутала руки сидха, он вскрикнул и разжал пальцы. Карина уцепилась за руль – метла за это время успела перекувырнуться в воздухе два или три раза. Ведьма сумела вывести метлу из пике над самой черной жижей, скрывающей пол храма. Карина использовала набранную при падении скорость, чтобы вылететь наружу. Хвост метлы задел косяк, и дерево рассыпалось в труху. Ведьма приземлилась, отщелкнула пряжку и столкнула сидха с метлы. Ринке упал в траву.

– Прости меня ради Мелькора, – не дав ей раскрыть рот, воскликнул сидх. Ринке поднялся на колени, прижался лицом к ее бедру и закрыл руками голову.

– Пауков никогда не боялся, – продолжал он. – Орков тоже, гоблинов вообще за соперников не считал, но тут – испугался...

Карина смотрела на склоненную перед ней голову со смешанным чувством удивления и уважения. Ее гнев медленно опадал, как уходит под крышку пена на закипевшей кастрюле, если вовремя убавить огонь на спиртовке. Ринке поступил очень необычно, но очень... Карина запнулась, подбирая слово.

Очень правильно.

Неосторожность сидха едва не погубила их обоих. Но ни один мандречен никогда не стал бы на коленях просить прощения у боевой ведьмы, даже если бы был виноват, как Ринке сейчас. Скорее всего, Карина услышала бы презрительное замечание насчет собственных навыков управления метлой или просто угрюмое молчание.

– Встань. Я отпущу метлу. Хватит полетов на сегодня, – сдержанно сказала ведьма.

Дневная жара уже спала. Заходящее солнце светило в спину путникам, приятно согревая, а по ногам уже тянуло ночной сыростью. Сидх решил отойти от края Квалмэнэн хотя бы версты на две до наступления темноты. Безобразный овраг преградил им путь, когда солнце уже удобно устроилось на зеленой подушке леса. Ринке остановился на краю трещины в земле, осматривая размеры. Сидх прикидывал, обойти овраг или же тут и

остановиться на привал. Ту сторону, на которой стояли путники, оплетали темно-зеленые плети ежевики, а противоположный край был голым и острым. Из глинистого склона торчали корни деревьев. Карине они показались похожими на руки мертвецов, и ведьма передернула плечами. Сидх не услышал журчания воды – видимо, ручей, создавший балку, летом пересыхал. Овраг показался Ринке слишком широким, чтобы его перепрыгнуть, а спускаться в его распахнутую пасть, бить коленки на крутых склонах и царапаться об колючую ежевику не хотелось. Карина переступила с ноги на ногу, ожидая решения сидха. Ведьма заметила на противоположной стороне балки тонкую рябину. Оглянувшись, Карина обнаружила рядом мощный дуб.

Ведьма усмехнулась, подняла руку и метнула заклинание. Земля под ногами сидха вздрогнула. Ринке упал на колени. Из трещины вырвалось облако пыли. Сидх закашлялся. Когда пыль осела, Ринке увидел, что края оврага соединились. «Да у Карины магический класс не ниже четвертого», подумал сидх с уважением.

– Зачем ты это сделала? – спросил Ринке с интересом, глядя на Карину снизу вверх. – Мало ли на что мы еще можем здесь наткнуться, не стоит бросаться своей Чи. Мы могли обогнуть овраг.

Ведьма пожала плечами:

– Мне так захотелось. У нас есть такая песня. Про рябину и дуб. О том, что они хотят быть вместе, но встретиться им не суждено. И я подумала, почему бы ни поступить наперекор судьбе? Хоть раз?

Ринке поднялся, и они двинулись дальше. Перед небольшим валом из глины, выплеснувшейся из оврага, когда края его соединились, сидх на миг заколебался. Карина перешагнула его, даже не глянув себе под ноги. Ринке же задумчиво смотрел на обрывки ежевичных кустов, на алого червяка, копошившегося в горке выброшенной земли.

– Так ты не знаешь, что Мать Рябина – это наша главная богиня? – спросил он.

Ведьма отрицательно покачала головой и спросила с интересом:

– А кто же ваш отец?

– Отец у нас Дуб.

– Это заметно, – легкомысленно откликнулась Карина.

Лицо Ринке застыло.

– Прости, – смягчившись, сказала ведьма. – Я не хотела обидеть ни тебя, ни твоих богов. Боги разных народов похожи, тебе не кажется? Только зовут их по-разному. И для каждого народа главным богом становится тот, кто больше других заботится о судьбе своих детей. Неречь живет битвами, и их покровитель – бог войны, Водан. Мы зовем повелителя битв Радагастом, но приносим больше даров Яриле, богу солнца...

– Да, наверное, это так, – подумав, согласился сидх. – Мы живем нашим лесом, и поэтому наши боги – деревья.

Путники миновали поросль куцых лип и углубились в ельник. Здесь было уже темно. Ринке завесил над головой светящийся шар. Хвоя хрустела под ногами.

– Говорят, что Морул Кер сжег Отца Дуба и сковал Мать Рябину, – помолчав, сказал сидх. – И именно поэтому мы до сих пор никак не можем получить свободу...

– Очень может быть, – согласилась Карина. – Черное Пламя и людей не очень щадил, а уж чужих богов...

Сидх заметил небольшой холм, на вершине которого стояла мощная ель. Ветви на ближней к путникам стороне дерева были сухими и мертвыми – видимо, последняя зима оказалась слишком морозной.

– Заночуем здесь, – сказал Ринке, указывая на холм.

Ведьма кивнула, соглашаясь. Поднявшись к ели, Ринке обломал сухие ветки, сложил небольшим шалашиком и поджег искрой своего Чи. Путники не собирались ничего готовить на костре, сидх развел его для уюта, и Карине это понравилось. Ведьма вызвала метлу, извлекла из корзины припасы, которые им собрали на дорогу – несколько ломтей хлеба, полфунта буженины, пару яблок.

Поужинали в молчании, под треск костра. Даже метла не крутилась рядом с хозяйкой, а неподвижно зависла под ветвями ели. Только теперь ведьма почувствовала, как сильно она устала. Мандреченка прижалась спиной к шершавому стволу, вдыхая аромат хвои и смолы. Карине давно не приходилось ходить пешком на такие большие расстояния. Ведьма слышала тоненькое зудение приближающихся комаров, но сил отогнать маленьких кровопийц не было. «Ведь главное – пусть пили бы», думала разморенная Карина. – «Сколько может выпить комарик? Немного, и не жалко. Но как они противно зудят, о Ярило...».

– Гнус, гнус, не по себе ты выбрал кус, – негромко произнес Ринке и растопырил пальцы, словно сбрасывал что-то с руки.

Над привалом взметнулись алые молнии, воздух стал свежим и густым. Ведьма восхитилась тому, что сложный магический жест вышел у Ринке с первого раза. Сидх первый раз колдовал при ней, и по цвету использованного Чи стало ясно, что Ринке – маг Огня. «Мы были бы идеальными Синергистами», лениво подумала Карина, а вслух спросила:

– Кто дежурит первым?

– Никто, – ответил сидх и подбросил веток в огонь. – Я замкну вокруг холма заклинание Нэрда, и сюда до утра не сможет попасть ни одно живое существо. Мы оба сможем выспаться.

– А это заклинание... оно относится к тайному знанию сидхов, или мне тоже можно его знать? – осведомилась ведьма.

– Ну, если ты сможешь его повторить, отчего же нет, – пожал плечами Ринке. – Здесь не так сложно само заклинание, сколько жест... Смотри.

Сидх медленно сложил ладони тыльными сторонами, сплетя пальцы так, что получилось подобие винтовой лесенки или раскрытого веера. А затем резко вывернул ладони так, что лесенка превратилась в два плотно сцепленных кулака, над которыми, словно учитель над кафедрой, торчал большой палец Ринке.

– Попробуй, – предложил сидх.

Он расцепил ладони и сложил их в исходную фигуру. «Веер» дался ведьме легко, а вот выкрутить ладони так, как требовалось для заклинания, у Карины с первого раза не получилось.

– Ну ладно, давай я сделаю круг Нэрда, – сказал Ринке. – А завтра попробуем еще раз.

– Нет, – сказала Карина сквозь зубы. Ведьма снова сложила пальцы в начальную фигуру и выкрутила ладони. Суставы хрустнули, но жест ведьме удался.

– Скажи мне заговор.

– Сложив ладони лесенкой, выпусти из пальцев стабильные пучки Чи, – сказал сидх. – Как паук выпускает нить своей паутины. Отрегулируй длину, чтобы твоя нить покрывала пространство, которое ты хочешь защитить. Затем медленно обернешься вокруг себя. Пучки твоей Чи переплетутся между собой, как невод, как сеть.

– И еще они переплетутся с линиями моей мертвой силы, – задумчиво произнесла Карина. – Цин будет выходить из пальцев левой руки, Чи – из правой, а каналы силы всегда симметричны...

Ринке вздрогнул.

– Мы не владеем мертвой силой, – сказал сидх. – Это умели только Разрушители.

– Когда мы меняем форму и структуру наших каналов Чи, каналы мертвой силы искривляются точно так же, как в зеркале, – терпеливо пояснила ведьма. – Но Разрушители и некроманты могут менять форму своих каналов Цин... Хорошо, я сплету невод, как ты выразился. Что дальше?

– Резко выверни руки так, как я тебе показал. Преврати лесенку в башню с часовым. И скажи... хотя лучше я скажу.

Ведьма нахмурилась, но он не дал ей открыть рта.

– Я тебе потом напишу, – произнес Ринке. – Ты ведь не знаешь нашего языка, не дай Мелькор, перепутаешь пару звуков. Такое уже бывало.

– И что? – с любопытством спросила Карина.

– В нашем языке слово «круг», которое используется в заговоре, очень похоже на слово «лопнуть, разорваться», – спокойно ответил Ринке.

Карина кашлянула.

– Начинай, – сказал сидх.

Ведьма встала, подняла руки и сплела пальцы в лесенку. Ринке увидел голубое мерцание, которое полилось с кончиков ее пальцев. Светящиеся нити тянулись, росли, пронзая кусты и стволы деревьев, и вскоре коснулись подножия холма. Карина начала поворачиваться вокруг себя. Голубая сеть стала закручиваться в спираль. Ведьма подумала, что со стороны холм сейчас напоминает хвостик, убранный в заколку модницы. Такие заколки в виде стальной или серебряной спирали назывались «змейка» и были очень популярны в Истле. Скреплялась прическа длинной шпилькой или специальной толстой иглой. Когда круг замкнулся, Карина с хрустом в суставах вывернула руки, а Ринке крикнул:

– Гемахт дер ринг, нихт аус, нихт ин хир!

Сеть вспыхнула серебристым светом и стала невидимой. Ведьма подождала метлу и достала из корзины два плаща – свой и сидха.

– Мы можем завернуться в них и спать по отдельности, – сказала Карина, и щелкнула пальцами, отсылая метлу.

Ринке уловил волну в ее интонации.

– Или? – спокойно спросил сидх.

– Или мы можем постелить мой плащ, он потолще, а твоим укрыться, – сказала ведьма. – Так будет теплее. Да и обороняться будет легче, если что.

– Да, фланг будет короче, – согласился сидх.

Карина пристально посмотрела на него:

– Если ты обещаешь не делать глупостей, конечно.

Ринке улыбнулся:

– Это одна из самых каверзных женских фраз, которые я слышал в жизни. И я до сих пор так и не понял, каким должен быть правильный ответ.

Ведьма замялась.

– На мне... на мне лежит проклятие, – сказала она наконец. – Я сама только недавно об этом узнала. Ты мне нравишься, но если мы с тобой займемся любовью, это очень плохо кончится. Ты потом на меня смотреть не сможешь, да и я на тебя тоже. А нам еще до Бьонгарда вместе идти. Давай не будем?

– Понятно, – проговорил Ринке. Прямолинейность мандреченки удивила его, но и вызвала уважение. Эльфка бы на месте Карины не преминула бы воспользоваться случаем пофлиртовать с ним, а о проклятии вспомнила бы только в самый разгар любовной борьбы. Если бы вспомнила вообще. – Что ж, этого следовало ожидать. Ты красивая. Перешла ненароком дорогу кому-то, кому хватило денег обратиться к колдунье...

– Да, наверное, так и было, – задумчиво сказала мандреченка. – Знать бы теперь, кому...

Она растряхнула плащ, и сидх помог ей расстелить его.

– Укладывайся, – сказал Ринке. – Я еще немного посижу, выкурю трубочку.

Ведьма сняла куртку, скатала ее и пристроила под голову вместо подушки. Карина прижалась щекой к мягкому ворсу и укрылась плащом сидха.

Костерок почти догорел. Угли алели во тьме. Время от время вспыхивал небольшой оранжевый язычок, трепетал на веточке, отбрасывая отблески на фигуру сидха, и снова исчезал. Стали слышны шорохи и топот крошечных ножек в траве – очевидно, внутри круга Нэрда оказалась пара-тройка лесных мышей.

– Мне хотелось бы услышать ту вашу песню про рябину и дуб, – заметив, что ведьма не спит, сказал Ринке.

– Сейчас?

Сидх кивнул.

– А сюда не сбегутся гоблины со всего Лихолесья? – осведомилась Карина.

– Не думаю, – сказал Ринке.

Сидх думал, что Карина начнет кокетничать и ее придется уговаривать. Не пришлось. Ведьма поправила выбившуюся из шлем-косы волнистую прядь и негромко начала:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?

У Карины оказался красивый, сильный голос, а мотив – грустным и протяжным, как у большинства мандреченских песен. Трубка Ринке догорела. Он выколотил ее о ствол ели, убрал трубку и забрался к ведьме под плащ.

Эльф лежал рядом с небесной воительницей, смотрел на висящие над лесом крупные брызги звезд и слушал вечную историю о несложившейся судьбе двух влюбленных, замаскированную под не самыми выпуклыми образами.

«И люди называют нас фаталистами», подумал Ринке сквозь дрему.

Он почувствовал, как теплая рука легла ему на грудь.

– Почему ты взял с собой меня? – тихо спросила ведьма. – Почему не пошел с Рамданом? Мы бы отнесли и его...

– Я мог не успеть, – сказал Ринке.

– Ты... взял меня с собой, чтобы спасти?

Сидх повернулся и нежно, как сестру, чмокнул ведьму в щеку.

– Спи, – пробормотал он.

Карина приподнялась на локте:

– Подожди, Ринке. А что потом? Если бы караван погиб? Взял бы меня в плен? Подарил партизанам как трофей?

Сидх засмеялся:

– А что, хорошая мысль, мне как-то не пришло в голову...

– Это не ответ.

– Я бы отпустил тебя, – сказал Ринке.

– Хотелось бы верить, – вздохнула ведьма. – Но если бы я вернулась, одна из всего конвоя обоза, меня казнили бы или засадили в тюрьму до конца моих дней.

– Но обоз уцелел. Засыпай, нам надо отдохнуть, а ночь коротка...

Карина откинулась на спину. Ведьма слушала, как сопит мужчина рядом с ней, ощущала его теплый бок и улыбалась в темноте. «Конечно, хвост Ящера, он соврал», думала ведьма. – «Если бы обоз погиб, ему пришлось бы идти к партизанам, он взял меня в качестве необычного подарка для главаря. Но...».

Ей было хорошо и странно.

Ринке ошибся.

Им предстояло пережить одну из самых длинных ночей в своей жизни.

До заимки оставалось не больше двух километров, когда солнце село. Энедика скомандовала привал. Даже темная эльфка не рискнула бы бродить в Железном Лесу ночью.

Халлен привалился спиной к стволу тополя и смотрел, как Руско и Тавартэр разводят костер. Мирувормэл выпросил у Энедики свой туесок и теперь вылизывал мед. Остальным командирша раздала остатки сухарей. Халлен отказался от своей порции:

– Не в коня корм.

Эльфа крутило и ломало так, что силуэты соратников расплывались у него перед глазами. Еще в Ильмосте Халлен начал слышать призрачные голоса, которые что-то нашептывали ему. Но сейчас эльф и без подсказки голосов понимал, что желудок не примет даже хлеба. Хруст сухарей на зубах товарищей отдавался в голове Халлена чудовищным

грохотом. Эльф стиснул зубы. Ему снова захотелось впиться себе в руку – тогда его отпустило бы, ненадолго. Но торопиться не стоило. Эльф знал по опыту, что чем чаще прибегаешь к какому-то средству, тем меньше эффекта оно оказывает.

А впереди еще была целая ночь.

Халлен закрыл глаза. От одного вида двигающихся челюстей товарищей его тянуло блевать. Еж услышал голос Рингринга, звавший его, но не удивился.

«Привет», мысленно сказал Халлен. – «Добро пожаловать в нашу компанию. Ваниэль сегодня уже говорила со мной».

«Идиот», ответил партизану бывший командир. – «Ты уже не можешь отличить телепатемму от галлюцинации?»

«А, так значит ты все же был там», телепатировал Халлен. – «А эта баба, мандреченка – тоже была с тобой или это все же был глюк?»

Почувстввав Чи принца в развалинах дома, Еж сначала обрадовался. Но, заметив ауру мандреченки с характерными энергетическими жгутами профессиональной убийцы, Халлен почему-то подумал, что принц вовсе не жаждет встречи с Энедикой, и постарался предотвратить ее.

«Что ты делал в Ильмосте?», поинтересовался партизан.

«Не твоё дело», сухо ответил принц. – «Я связался с тобой, чтобы предупредить. За вами по пятам идет татцель. Вы уже пришли на заимку? Если нет, бегите, ползите, но в лесу не оставайтесь!».

«Кто идет за нами?»

«Оборотень. Огромная рысь. Он неуязвим для оружия, его можно только задушить... но это если очень повезет. Бегите, ради Мелькора!»

Халлен в течение сегодняшнего дня слышал вещи и похлеще; один из голосов настойчиво предлагал ему трахнуть Руско. То, что говорил принц, было не менее болезненным бредом – ну откуда взяться татцелю посреди Железного Леса? – но Халлен тут же поверил своему бывшему командиру. Эльф открыл глаза, чтобы сообщить Энедике эту крайне неприятную новость, да так и замер.

Ежи спали. В странных, неестественных позах – в тех позах, в которых их настигли чьи-то чары. Мирувормэл тоже казался спящим, но огромная дыра, зиявшая на месте его сердца, говорила о том, что партизан уснул навсегда.

Даже не узнав, кто его убил.

А Халлен уже знал, кто, и знал, почему чары огромной рыси, небрежным движением смахнувшей голову с плеч Тавартэра, не подействовали на него самого. Первый раз лислор принес Ежу хоть какую-то пользу. Оборотень подумал, что эльф уже спит, и направил в его сторону слабую волну своей Чи, не оказавшую никакого действия на искривленные наркотиками каналы жизненной силы партизана.

Халлен ждал, пока рысь повернется к нему хотя бы боком.

Морана все же оказалась права. Халлен почувствовал невыносимое облегчение при мысли о том, что сейчас все кончится. Оборотень взмахнул хвостом и вцепился в горло Руско. Халлен вскочил. Единственная рука, которая все еще слушалась эльфа, сжалась на шее оборотня. Еж ощутил горячий пульс зверя сквозь короткую шерсть.

Никогда еще голова Энедики не болела так мучительно и остро. Обычно это было последствием неумеренных возлияний, но в данном случае это было отголоском сонных чар, которые кто-то применил к эльфке.

Применил небрежно и грубо.

Но неизвестный маг не ограничился сонным заклинанием. Эльфка поняла, что лежит на спине и не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Магические путы охватывали ее всю. Командирша Ежей открыла глаза. Лунный свет заливал поляну, где партизаны остановились на свой последний привал. На изувеченном теле сидела огромная рысь. Она увлеченно выкусывала из живота трупа кусочек, показавшийся ей особенно вкусным. Зверь тихонько

урчал от наслаждения. Живот Энедики скрутила болезненная судорога. Сначала она подумала, что рысь успела попробовать и ее мяса, и скосила глаза. Она уже была готова увидеть у себя в груди огромную дыру, и в первый миг эльфке показалось, что она ее даже видит. Но нет, серебряные наклейки мирно мерцали на коже ее куртки, в полутьме казавшейся черной. Энедика сообразила, где она недавно видела дыру на черной коже, дыру, из которой хлынула кровь, когда эльфы вытащили из раны затыкавший ее кол. Память просто выбросила яркий образ на поверхность, вот и все.

А причиной боли был страх – невыносимый, безумный страх.

Над поляной задрожала радуга преобразуемого Чи. Партизанка глянула на зверя, уже зная, что она сейчас увидит – Рингрин ни от кого не делал тайны из происшествия, случившегося во время уничтожения гротайдечей.

Кожа обнаженного мужчины, в которого превратилась рысь, белела в темноте. Он встал, отпихнул труп ногой. Только по пятнистой куртке теперь можно было понять, что совсем недавно это груда костей и мяса носила имя Халлен. На остальных членов своего отряда, точнее на то, что от них осталось, эльфка смотреть не стала. Рвотные спазмы и так уже сжимали ее горло.

Он не убил тебя сразу; значит, ты ему зачем-то нужна.

Энедика уцепилась за эту мысль. *Зачем* она могла понадобиться оборотню, эльфка себе думать запретила.

– Энедика, – задумчиво произнес мужчина и отер кровь со рта. – Последняя из легендарных воительниц.

Он не торопится... Разговори его. Тяни время.

– А своего имени ты мне не назовешь? – стараясь, чтобы голос ее не дрожал, спросила эльфка.

Оборотень пожал плечами.

– Крон, имперский маг Мандры.

У Энедики потемнело в глазах.

Обычно караван останавливался на ночлег прямо на эльфийской тропе, полностью перегораживая ее. Это была не та дорога, где можно было ожидать встречи с другими путниками. Но сегодня бивак был разбит на небольшой площадке, которую Лайруксал назвал «отстойником». Размеры квадратной площадки позволили поставить фургоны кругом. Сейчас в них мирно похрапывали вымотавшиеся за день наемники. В центре круга догорал костер, на котором ведьмы приготовили ужин, уже исчезнувший в желудках конвоя каравана. Сегодня никто не сидел у огня, не пел песен и не рассказывал баек из богатой приключениями жизни – а и ведьмам, и экенам, было что рассказать. Но этим вечером все записные балагуры и их терпеливые слушатели собрались в другом месте – в фургоне, в котором ведьмы крыла «Змей» выехали из Келенборноста, а теперь превращенном в лазарет. После схватки у холма, в котором обитала огромная змея, в компанию раненных влились Махмуд и Инна. Гоблины проткнули экену легкое. А ведьма не успела увернуться во время атаки на чудовище, и ее задело. Инна потеряла управление, и как результат – сотрясение мозга и ушиб кости. Светлана осматривала раненных перед сном, наводила сонные и обезболивающие чары. Закончив, утомленная целительница пожелала всем доброй ночи и хотела застегнуть за собой клапан фургона.

– Мы же задохнемся, Светик... – недовольно пробурчала Ундина.

– Это лучше, чем если нас комары сожрут, – возразил Гёса.

Словно в подтверждение его слов, Махмуд хлопнул себя по шее – из-под пальцев брызнула кровь. Экен стер с шеи останки маленького кровопийцы и выразительным жестом показал ведьмам ладонь с коричнево-красным пятном на ней. Светлана в растерянности остановилась перед выходом. Как и Ундина, она черпала Чи из Воздуха и отлично понимала ее желание оставить фургон открытым на ночь. С другой стороны, через свободный клапан в фургон могло залететь что-нибудь посерьезнее комара – дротик, например.

– Не застегивай, Света, – подала голос до сих пор молчавшая Ирина. – Я заклинание знаю, от комаров... Да и кто покрупнее – тоже не сунутся.

– Благодетельница! – воскликнула Ундина.

– Вот это дело, – согласился Гёса.

Целительница благодарно улыбнулась Ирине и покинула фургон. Площадка была покрыта тем же странным материалом, что и сама тропа, и упруго спружинила, когда Светлана приземлилась. Ведьма задумчиво посмотрела себе под ноги.

Когда караван миновал ущелье, Лайруксал вдруг приказал всем остановиться. Сидх выдернул из лазарета Вилли.

– Я успею заварить настой? – спросила Светлана.

Лайруксал кивнул, и целительница полезла в ларчик за травами. Сидхи прошли чуть вперед. Вилли тяжело волочил ногу. Остановившись недалеко от фургона с ранеными, проводники склонились над дорогой и горячо заспорили.

– Что они говорят? – тихо спросила Светлана у Ундины.

Ирина, не в силах больше сдерживаться, сдерживаясь, застонала в голос.

– Сейчас, Иришка, сейчас, – торопливо произнесла целительница. – Ты же вроде понимаешь их язык, а, Дина?

Неречь и язык темных эльфов оказались на удивление похожи. Белокурая ведьма наморщилась:

– Иринка, потише, если можно... Лайруксал говорит, что еще в прошлом году эта часть дороги была жива...

Вилли махнул рукой в сторону леса и что-то энергично произнес.

– Рин вырубил все, – перевела Ундина.

Сабрина и Инна озадаченно переглянулись.

– Чтобы это значило? – пробормотала Сабрина.

– Да этих сидхов не поймешь, – заметил Крюк.

Лайруксал плюнул, отвернулся от Вилли и стал нараспев произносить что-то мелодичное. Вилли мрачно пнул дорогу, и тут...

Дорога под фургонами ощутимо дернулась вперед. Светлана чуть не пролила настой, но удержала мятую медную джезvu над спиртовкой. Сабрину бросило в объятия Крюка. Заржали испуганные лошади.

– Значит, правду Марина сказала, – пробормотала ошеломленная Инна, глядя на медленно проплывающие мимо стволы деревьев. – Эта дорога умеет двигаться сама, как Старый Тракт...

Лайруксал взобрался на козлы первого фургона, устроился рядом с Гёсой. Экен вытянул лошадку вожжами.

– Рамдан, а ты чего спишь? – крикнул Вилли, подходя.

Ведьмы помогли ему забраться внутрь. Это было удивительно, но движение дороги совершенно не ощущалось в фургоне, тогда как каждый шаг лошадей отдавался легкой тряской. К вечеру дорога довезла караван до «отстойника» и остановилась.

А сейчас ведьме на миг показалось, что темная лента опять дернулась под ее ногами. Но нет, дорога была неподвижна.

Светлана обошла фургон, миновала лошадь. Рамдан не стал распрягать ее, но торбу с зерном к морде лошадки привесил. Под уютное хрумканье целительница направилась к костру, решив посидеть немного. Отдохнуть, посмотреть на угли. Когда ведьма приблизилась, то увидела, что у костра уже кто-то расположился. Целительница уловила ауру сидящего. Губы ее задрожали. Ведьма на миг замерла, качнулась на носках, развернулась и пошла прочь.

– Стоять, – услышала она резкий голос Арги. И затем, уже гораздо мягче, с такими нотками в голосе, что целительнице стало больно дышать: – Света, ради всех богов, вернитесь!

Ведьма остановилась, низко опустив голову.

Арга старался производить на подчиненных впечатление человека непреклонного, жесткого и несгибаемого, и ему это удавалось. Однако капитан оставался человеком. Когда караван остановился ночевать в отстойнике и все, кроме часовых, заснули, Арга понял, что жутко хочет есть. Он не успел, а точнее позабыл поужинать вместе с остальными. Но капитан не стал будить ведьм с требованием, чтобы ему срочно сделали что-нибудь пожрать. Во-первых, потому, что Арга не был самодуром, а во-вторых потому, что это было просто опасно. От разбуженной среди ночи ведьмы скорее всего можно было получить пригоршню «огненных вшей», а не миску каши.

Капитан выбрался из своего фургона – начальник каравана пользовался некоторыми привилегиями и ехал в небольшой комнатке совершенно один. Арга сходил к продуктовому фургону, надеясь найти какие-нибудь остатки ужина. Но Марина, стоявшая там на посту, развеяла его надежды. Ведьма выдала капитану полкотелка сырой картошки и небольшой кусок колбасы. Арга двинулся к начавшему затухать костру. Картошины он умело пристроил в еще горячей золе, а колбасу нарезал и насадил на прутик.

«Надо было еще хлеба попросить», думал капитан, поворачивая прутик над огнем. На угли с шипением капали прозрачные слезы расплавившегося в колбасе жира. Арга смотрел на золотистые вспышки, а в голове капитана, подобно жерновам, ворочались тяжелые, неуютные мысли.

Пока наемники и ведьмы разбивали бивак, Лайруксал подошел к капитану и сказал:

– Больше на нас никто не нападет.

– Приятная новость, – прорычал Арга в ответ. – В караване почти не осталось людей, способных драться.

– Но это при условии, если господин капитан будет прислушиваться к нашим рекомендациям по поводу режима движения, – продолжал сидх.

Арга стоял и смотрел на тоненькую черную косичку, заплетенную на виске проводника. Больше всего капитану в этот миг хотелось схватить за нее, дернуть вперед и как следует приложить Лайруксала мордой – усмехающейся, наглой мордой – о свое колено. Капитан уже понял, что зря отказался слушаться Ринке с его этими странными подъемами в пять утра и отдыхом посреди бела дня. И Гёса, и Крюк, и ведьмы – все-все, кто сейчас спал дурным магическим сном в лазарете – все они оказались там по его, Арги, вине. Но капитана, когда он отказался повиноваться проводникам, вела не заносчивость, а недоверие к сидхам. Лайруксал же был самым заносчивым и капризным из троих проводников. Окажись на месте Лайруксала сейчас Ринке, он сказал бы: «Подъем в семь утра, Арга». Но Ринке сейчас был один Локи знает где – да и жив ли вообще?

– И каковы же они, ваши рекомендации? – угрюмо спросил капитан.

– Я разбужу вас, – ответил Лайруксал.

– Благодарю, – сказал Арга.

Лайруксал кивнул и направился к костру; а капитан смотрел ему в спину и думал, что знает, как умрет сидх – со стрелой между лопаток. И Арга не удивился бы, если бы оперение этой стрелы оказалось трехсторонним, из черно-белых перьев – Лайруксала недолго любили и сами проводники.

Но главным вопросом сейчас была не смерть Лайруксала. Выживут ли раненные? Дойдет ли обоз до Бьонгарда? Вернутся ли Карина и Ринке... И все же как, Локи их раздери, ведьме и сидху удалось остановить змея из холма?

У капитана не было ответов на эти вопросы, и ему очень хотелось немного отдохнуть и расслабиться. Он протянул руку к поясу и обнаружил, что оставил фляжку с водкой в фургоне.

В этот момент Арга увидел фигуру, приближавшуюся к костру, и обрадовался. Те ведьмы, что еще держались на ногах, все стояли в карауле. Наемники спали, им предстояло заступать с полуночи. И просто так бродить по лагерю мог только Рамдан, которого можно было совершенно безбоязненно послать в фургон за фляжкой – экен был к водке совершенно

равнодушен. Однако человек, шедший к костру, вдруг резко повернулся и двинулся обратно. «Что ж мне, как свинье – без водки ужинать?», мелькнуло у капитана, и он рывкнул:

– Стоять!

Человек остановился. В костре с треском разорвалась шишка, и в ворохе взметнувшихся искр капитан увидел зелено-пятнистый плащ боевой ведьмы и рыжий хвостик шлем-косы.

Рыжая ведьма в первый день похода отсалютовала Арге мечом вместо того, чтобы прикрыть обнаженную грудь – и вонзилась в его душу, как заноза. Капитан был наслышан о распущенности боевых ведьм, и был полон решимости не допустить ничего подобного в походе. Экены, как известно, народ горячий, и если бы впридачу к паукам и троллям они сами резали друг другу глотки из-за ведьм, караван бы до Бьонгарда точно не добрался. Старшая крыла «Змей» подтвердила, что никаких вольностей ее девочки себе на задании не позволят. Но каждый раз, глядя в зеленые глаза Светланы, Арга жалел о своем решении. И то, что ведьма бросилась прочь от костра, увидев его, причинило капитану большую боль, чем боевая секира гнома, которую Арга поймал на грудь в битве за Долину Роз.

– Света, ради всех богов, вернитесь, – дрогнувшим голосом сказал капитан.

Ведьма остановилась.

– Я уже ухожу, – добавил Арга и поднялся в подтверждение своих слов.

Светлана обернулась.

– В золе картошка, выньте ее, она скоро будет готова, – продолжал капитан. – Вырвать ее у Марины было сложнее, чем девственницу из лап дракона, мне будет жаль, если она сгорит.

– Сидите, вы мне не мешаете, – утомленно сказала Светлана и подошла к костру. – Я подумала, что это кто-то из проводников. А я еще не встречала сидха, который устал бы настолько, чтобы воздержаться от комплиментов... Я хотела посидеть в тишине.

– Понял, – сказал капитан. – Я не произнесу ни звука, обещаю.

Ведьма вымученно улыбнулась. Арга опустил на свое место. Света устроилась на полешке напротив капитана. Он продолжил поворачивать колбасу над пламенем. Ведьма смотрела на алое покрывало углей, где корчила свои рожицы огневушка.

Светлана солгала – она поняла, кто сидит у костра, и именно поэтому хотела уйти. С некоторых пор ей стало трудно находиться рядом с Аргой. Сухощавый, резкий капитан с первого дня понравился ведьме. Он не был похож ни на одного из ее бывших любовников, и, возможно, именно этим и привлек внимание Светланы. Им некогда было флиртовать; но иногда ведьма ловила его взгляды на себе и понимала, что капитан не завязывает клапан своего фургона на ночь, несмотря на комаров. И что если только ей вздумается дойти до фургона Арги вечером, то ей будет оказан самый теплый и нежный прием. Возможно, капитан уже досадовал про себя на капризную ведьму.

Но она не могла.

Это ради Арги Светлана смаковала воспоминания о близости с Гюнтером, надеясь, что таким образом удастся перебороть отвращение и ужас, которые вызывала в ней одна мысль о сексе с мужчиной. Однако путешествие на залитые солнцем берега давно высохшего моря памяти не помогло целительнице. Когда капитан поднялся, Светлана на миг представила себе это тело на себе, и ее чуть не вырвало.

И самое мерзкое было в том, что Светлана чувствовала – Арга знал, что она врет. Что она хотела убежать от костра потому, что увидела капитана. И как он теперь мог истолковать ее возвращение? Только как грубую попытку флирта. То, что он поддержал игру, говорило о его снисходительности к ведьме, и от этой снисходительности Светлане хотелось выть.

– Карина еще не выходила на связь? – спросил Арга. – Как они там?

– Нет, – ответила ведьма и пояснила: – Карина не владеет телепатией.

– Как же человека со столь низкими магическими способностями поставили во главе крыла? – удивился Арга.

– Для командира важнее не уровень дара, а совсем другие способности, – возразила

Светлана.

– Это да, – согласился Арга. – То есть вы не знаете, как у них дела?

– Нет, но я сейчас попробую нащупать ее, – сказала ведьма.

На удивленный взгляд капитана Светлана пояснила:

– Между мной и Кариной закрепленный канал, я могу услышать ее мысли, но она не слышит меня... Надо было сделать это сразу после шнейкхюгеля, но надо было помочь раненным, – пробормотала она уже самой себе. – А теперь Карина и Ринке, скорее всего, уже спят, а во сне никто не может ответить на телепатемму...

Арга улыбнулся, вдруг положил руку на ей на колено и тихонько его сжал. Ощущение было неожиданным, но приятным. Светлана осеклась, глядя на эту крупную, тяжелую ладонь, на косо пересекавшие ее шрамы.

– Не надо оправдываться, – сказал капитан. – Вы просто попробуйте. Вызовите сидха – вдруг он еще не спит?

– Я попробую, – сказала Светлана.

– Вот и хорошо, – ответил капитан и убрал руку.

Целительница посмотрела ему в лицо – и закрыла глаза, чтобы не видеть этого откровенного взгляда. Ведьма напряглась, пытаясь услышать чужой разум.

Ничего.

У ведьмы глухо ухнуло в груди.

Светлана попыталась еще раз. Ведьма добавила мощности призыву, расширила зону поиска, надеясь услышать хотя бы дыхание спящего разума или ощутить ауру сидха. Но результат был тем же – сознания Светланы коснулось лишь тяжелое, нечеловеческое дыхание Лихого Леса.

– Скорее всего, – медленно произнесла Светлана. – Карина мертва. И Ринке тоже.

Она открыла глаза, помолчала и добавила:

– У вас пруттик горит, колбаса сейчас упадет в огонь.

Капитан вздрогнул и ловко поймал переломившийся прут над самыми углями. Арга придвинул к себе котелок и принялся сдвигать в него кусочки ароматные кусочки колбасы.

– А почему вы так решили? – спросил Арга.

– Нет даже обрывков снов, – ответила Светлана. – Карине чаще всего снится река. И я слышу этот сон и знаю, что она жива. А сейчас здесь на много-много верст в округе нет никого, кому вообще снились бы сны.

Целительница закрыла лицо руками. Она позабыла о своих чувствах к Арге, о своем стеснении. Светлана ощутила потерю подруги – словно топор мясника разрубил душу целительницы пополам, и вымазанная кровью рука проворно утащила лучший кусок.

Это было невыносимо.

Ведьма заплакала. Светлана услышала, как Арга встает, и краем сознания знала, что он сейчас сделает. Она не успела отшатнуться, а потом уже и не хотела. Капитан опустился рядом с ней на колени, крепко прижал ведьму к себе и целовал ее залитое слезами лицо.

– Meine Pupperl... mit den Besen... Meine rothaarige Sonne³... – шептал он.

Светлана потянулась ответить ему – и тело ведьмы скрутила судорога боли и страха. Арга отпустил ее.

– Кто же теперь примет командование крылом? – спросил он.

– Марина, – ответила Светлана.

– Что ж, Марина, так Марина, – сказал Арга. – Жаль, конечно. Я сейчас принесу из фургона фляжку, помянем, как полагается. Подождешь меня здесь или вместе сходим?

Светлана отметила про себя, что поцелуй служит для Арги достаточным основанием для того, чтобы перейти на «ты» и пригласить девушку к себе.

– Я тут посижу, – ответила ведьма.

³ Куколка моя... С метлой... Рыжее мое солнышко... (нем)

Арга двинулся к фургону. Фляжку он нашел быстро – она валялась на сундуке, как капитан и думал. Он присел на корточки, вытащил из-за сундука корчагу и наполнил фляжку. Затем ловко извлек из висевшей у выхода сумки дежурный стаканчик – трофей из Ринтали, черненное серебро, покрытое гравировкой в виде переплетенных змей. Порылся и нашел черную лакированную табакерку с хитрым замочком в виде ящерицы, держащей в пасти цветок.

Капитан открыл табакерку, подцепил оттуда щепоть грязно-серого порошка и высыпал его в стаканчик. Вернув табакерку в сумку, Арга налил в стаканчик водки. Капитан глубоко вздохнул, глянул на лик безучастной луны, висящей над лесом. Ему никогда не нравилась предстоящая ему сейчас процедура, но капитану нужно было точно знать, жива Карина или нет.

– Знает Ящер иль Ярило, – негромко, но отчетливо произнес капитан, и помешал в стаканчике пальцем, чтобы разболтать порошок. – Где же спряталась дивчина. Спишь, Карина, аль не спишь – ну-ка Арге покажись!

Он залпом осушил стаканчик, ухватился за тент фургона, привалился к нему.

Глаза капитана бешено вращались под плотно сомкнутыми веками.

На плотном темно-синем бархате были разбросаны оранжевые змеи, свернувшиеся в кольцо. Карина с удивлением узнала эмблему собственного крыла. Рукава у верхнего платья незнакомки по эльфийской моде отсутствовали. Нижнее платье, если судить по цвету рукавов, было из оранжевого шифона. Кожаный пояс, сплетенный из оранжевых и синих полосок, обхватывал узкую талию. Ансамбль довершали башмаки из темно-синей, как бархат платья, кожи. Ведьма глянула женщине в лицо. Над длинными волосами незнакомки трудилась девушка в простом сером платье, скорее всего, служанка. Она хотела сделать на голове женщины две косы. Одну из них служанка уже закончила – перевитая оранжевыми и синими нитями коса лежала на груди незнакомки. Да и вторая была уже почти наполовину закончена, сейчас служанка украшала ее крупными бусинами.

Служанка наклонилась, и Карина увидела, как из темных волос высунулось острое ухо. Ведьма ощутила прикосновение к своим волосам и внезапно с ужасом поняла, что богато одетая незнакомка перед ней – это ее собственное отражение в зеркале.

Карине захотелось закричать. На миг ее охватило чувство, что все происходящее – дурной сон.

«Круг Нэрда не сработал. Сидхи наткнулись на нас ночью – а может, и следовали за нами еще от Ильмоста – и взяли нас во сне. Говорила я, надо было дежурить...».

Ведьма вцепилась в подлокотники кресла, в котором сидела. Служанка бросила на нее внимательный взгляд.

– И хетт ди, мастресс?⁴ – вопросительно произнесла она. – Ентзульдигензи!⁵

Карина догадалась, о чем ее спрашивает эльфка. Ведьма нашла в себе силы улыбнуться и отрицательно покачать головой. Эльфка продолжила колдовать над прической мандреченки.

«Но тогда зачем этот маскарад?», снова оглядев свой костюм, соображала Карина. – «Я была в форме боевой ведьмы, форме Армии Мандры. Почему они не убили меня сразу? Или это какие-то друзья Ринке? Решили ничего не делать со мной, пока он не скажет своего слова? И кстати, где он?»

– Ринке? – обратилась она к служанке.

Та улыбнулась и ответила:

– Си метх ичавер дурунг Абендорф⁶.

⁴ Я сделала вам больно, госпожа? (язык темных эльфов)

⁵ Извините! (язык темных эльфов)

«Если бы я еще понимала, что ты говоришь», – мрачно подумала ведьма.

Но с сидхом, видимо, все было в порядке. Служанка тем временем доплела вторую косу, надела на голову Карины золотой, судя по тяжести, обруч с синим камнем надо лбом. Эльфка направилась к двери покоев, в которых они сидели. Ведьма не двинулась с места. У выхода служанка остановилась, поманила Карину рукой.

– Комм, комм⁷.

Мандреченка поднялась, оказавшись на голову выше своей спутницы, и последовала за ней. Женщины прошли длинную крытую галерею, освещенную магическими светильниками. Стены были отделаны лакированными дубовыми панелями. Воздух здесь был теплым и неподвижным, и Карине на миг показалось, что они находятся глубоко под землей. Все окружающее имело какие-то смазанные, меняющиеся очертания. То ведьме казалось, что она видит дверь, а когда женщины приближались, это оказывалось букетом сухих цветов в высокой вазе. То Карина и эльфка проходили мимо массивного резного шкафа, а, оглянувшись, ведьма увидела на его месте окно с видом на закат. «Одно из двух», подумала Карина. – «Или проход укутан чарами, чтобы я не смогла его запомнить и найти выход, или я все-таки сплю». Женщины спустились вниз по крутой лестнице и оказались в зале, погруженном в полумрак.

– Си ест хир⁸, – сказала эльфка.

Ведьма увидела мужчину в кожаных доспехах и с факелом в руке. Рядом с ним стоял эльф в серой одежде. Между ними обнаружился мужчина, так же ярко и богато одетый, как и Карина. С большим удивлением мандреченка узнала в разнаряженном эльфе Ринке. Он молча взял ее под руку и подмигнул.

– Атлашт, – пробурчал мужчина в доспехах. – Санке.⁹

Ринке и мандреченка двинулись между стражником и слугой туда, куда те направляли гостей. Зал оказался гораздо большего размера, чем показалось Карине сначала. Свет факела выхватывал из мрака колонны, покрытые резьбой, имитирующей кору. Или же сидхи пустили на колоннаду для зала неошкуренные деревья? Ведьма не стала ломать голову над этой загадкой. Ее гораздо больше заинтересовал наряд Ринке.

В костюме сидха сочетались зеленый и фиолетовый цвета. В отличие от своих родичей в Фейре, предпочитавших строгие, нежные тона, дети Лихого Леса питали слабость к ярким расцветкам. На рукавах шелковой фиолетовой рубахи Ринке красовались вышитые серебром узкие листочки, похожие на листья рябины. «Так», подумала ведьма. В обруче светлого металла на голове сидха был укреплен прозрачный круглый камушек. Карина задумчиво посмотрела на украшение. Белая бронза и горный хрусталь традиционно связывались с путешествиями в другие миры и с телепортацией как таковой. До того, как Лакгаэр Рабинский не вывел сложную систему заклинаний, позволявшего перемещаться в пространстве даже магу третьего класса, переброска объектов на расстояние без применения хрусталя и белой бронзы считалась невозможной.

– Где мы? – спросила Карина тихо.

– В гостях у Матери Рябины, – отвечал сидх так же негромко.

Ведьма недоверчиво покачала головой:

– А ты не думаешь, что нас просто прибрал местный князь? Соскучился в глуши и похитил нас для того, чтобы поболтать?

⁶ Вы встретитесь за ужином (язык темных эльфов)

⁷ Пойдемте (язык темных эльфов)

⁸ Она здесь

⁹ Наконец-то. Спасибо. (язык темных эльфов)

– Никто не пробьет Круг Нэрда, – твердо ответил Ринке. – Кроме богини. Это большая честь для нас. Не бойся. Мать Рябина не злая.

– После того, что мандречены сделали с ее лесом... – пробормотала Карина.

– Если бы она сердилась на тебя, она бы тебя уже убила, – пожал плечами сидх. – Видимо, ей понравилась твоя песня и как ты обошлась с тем оврагом.

– Да, верно говорят – каждое пятое доброе дело наказывается уже в этой жизни, – пробормотала ведьма. – Слушай, Ринке, а тебе не кажется, что это все нам снится?

Сидх подумал немного.

– Нет, – сказал он. – Меня учили снохождению. Ощущения, когда душа какого-нибудь мага посещает тебя во сне, совсем другие.

Карина замолчала, погрузившись в раздумья. Фиолетовые кожаные штаны Ринке поскрипывали при каждом шаге. На зеленой шерстяной безрукавке сидха был вышит серебряный круг с кружком поменьше внутри. Круги соединяла косая линия. Изображение напомнило ведьме щит с умбоном. Так же оно походило на заклепку «змейка», если посмотреть на украшение сверху. Ниже вышивки находились два коротких слова, одно из трех букв, второе из четырех.

– Это твой герб и девиз? – спросила ведьма.

Ринке кивнул.

– Что он означает?

– Герб у нас такой старый, что никто уже не помнит, что обозначает эта завитушка. А девиз у моего рода неприличный, – признался сидх.

Карина хмыкнула:

– Да говори уже, ладно.

– Это призыв трахнуть повелителя всех орков и гоблинов в голову, – ответил Ринке.

Перед внутренним взором ведьмы появился лежащий на спине сидх и склонившийся к его талии огромный паук. Слышалось чмокание и урчание, как при работе большого насоса. Образ оказался таким ярким, что Ринке заметил его в ауре Карины. Сидх прыснул. Мужчина с факелом неодобительно покосился на него.

– Не оральный секс имелся в виду, – давась от смеха, вполголоса произнес Ринке. – А именно трахнуть его мозги, обмануть паука, запутать, испортить его способность мыслить, я не знаю как еще объяснить на мандречи...

– Я поняла, – тихонько ответила ведьма.

Сидх в сером толкнул дверь, украшенную причудливой резьбой, и махнул рукой, указывая ведьме и Ринке: «Вам туда». Ринке ободряюще сжал руку Карины в своей, и они вошли. Гости оказались в уютной небольшой комнате. Дверь за ними бесшумно закрылась. Ведьма огляделась.

В центре комнаты стоял круглый стол, на котором лежала завязанная в узелок скатерть. По бокам от стола находились два небольших бочонка – видимо, их использовали здесь вместо стульев. Стены были обиты тканью, расшитой весьма реалистичными изображениями дубовых листьев и проглядывающих между ними солнечных зайчиков. Карине на миг почудилось, что она снова оказалась на тропе, по которой двигался караван. В этот миг мандреченка поняла, что у стола стоят не бочонки, а искусно вырезанные из дерева имитации огромных желудей. В камине у дальней стены яростно пылали дрова, но жарко в комнате не было.

За столом лицом к вошедшим сидела женщина.

Ее высокое кресло было обито зеленым бархатом. Она была самой старой эльфой, которую ведьма встречала в своей жизни. Впрочем, это было как раз понятно. Дети Волоса не оставляли в живых эльфов старше двухсот лет, а сам бунт случился около трехсот лет назад. Так что самый старый из виденных Кариной сидхов вряд ли отметил свой пятисотый день рождения. В Лихой Лес Разрушители, как эльфы называли Детей Волоса, входив не стали. Так что если даже предположить, что перед Кариной и Ринке сидела не богиня, а княгиня этой части леса, она вполне могла успеть отпраздновать свой не то что пятисотый, а

восьмисотый юбилей.

Светлые волосы на голове женщины были убраны в бронзовую сетку. На алых, как кровь, рукавах нижнего шелкового платья зеленели вышитые узкие листочки. Верхнее платье эльфки из зеленой кожи, больше походившее на облегченный доспех, восхитило ведьму. На правом плече и слева на талии платье украшали россыпи крохотных рубинов в окружении темно-зеленых аппликаций в виде таких же, как на рукавах нижнего платья, узких листочков. Ведьма догадалась, что рубины символизируют ягоды рябины. Карина была уже готова поверить Ринке, что они оказались в гостях у богини. Но проверить все же стоило. Красный и зеленый могли оказаться всего-навсего гербовыми цветами этого рода.

– Приветствую тебя, Мать Рябина, – произнесла мандреченка почтительно.

– Хаел, Аммэ Рован, – добавил Ринке.

Ведьма надеялась, что хозяйка сейчас рассмеется и скажет что-то вроде: «Да ну что вы, какая из меня богиня. Я владею восточным берегом Квалмэнэн». Но женщина кивнула и сказала:

– Я тоже рада встрече с тобой, шеестер Коруна, и с тобой, головная боль Паука. Проходите, присаживайтесь. Прошу тебя и твоего спутника разделить со мной ужин.

– О, с радостью, – пробормотала ведьма.

Ее озадачило, что Мать Рябина знает ее настоящее имя, хотя, если подумать, удивляться здесь было нечему. Но значение обращения «шеестер» Карине было неизвестно. Так же ведьма обратила внимание на то, что Мать Рябина не назвала Ринке по имени. «Но, с другой стороны, ведь не он же соединил края того злополучного оврага», мелькнуло у мандреченки. Они с Ринке направились к столу. Карина задумчиво глянула на скатерть.

– Это скатерть-самобранка, – сообщила Мать Рябина, заметив ее взгляд.

Богиня улыбнулась восторгу, мелькнувшему в глазах гостьи.

– Положите на нее ладони и вообразите кушанье, которое хотели бы отведать, – продолжала Мать Рябина. – Если вы хотите не вареной картошки, а, скажем, пюре, то прошу вас, отчетливо представьте себе все ингредиенты яства.

Богиня говорила на мандречи без акцента, но пользовалась при этом оборотами и выражениями, которые Карина последний раз слышала от своей бабушки.

– Не стесняйтесь, – дружелюбно сказала богиня темных эльфов, видя, что гости оробели. – Если не получится с первого раза, мы свернем скатерть обратно и попробуем снова. Скатерть выполнит любые ваши пожелания, но надо научиться с ней обращаться. Мне, когда я впервые попросила у нее леденец на кленовом сахаре, скатерть выдала кленовую ветку...

Карина собралась с духом и прижала ладони к прохладному полотну. «Пусть будет борщ», подумала ведьма. Мандреченка зажмурилась и сосредоточилась на картинке – горшочек с геометрическим узором по краю, откуда валит вкусный пар. «Огненный, наваристый, с капусточкой и со сметаной...», думала Карина. Как и советовала Мать Рябина, мандреченка представила все до мельчайших подробностей, включая деревянную ложку с выжженным на ней изображением ежика, которой ела в детстве.

– Ну, давайте посмотрим, что получилось, – услышала ведьма голос богини и открыла глаза.

Карина убрала руки. Мать Рябина потянула за узелок, в который были завязаны концы скатерти. Ткань зашелестела, освобождаясь, и легла на стол. К восторгу Карины, прямо перед ней обнаружился горшочек, из которого валил густой пар – и пах он так, как и должен пахнуть настоящий борщ. Справа от горшочка лежали нож и ложка с выжженным на ней ежиком, а на плетенке поодаль стоял запотевший хрустальный графин. Ведьма решила, что пара стопок водки под борщ совсем не повредят. В блюдечке по левую руку от Карины лежали несколько очищенных долек чеснока.

– Чудеса в решете! – вздохнула мандреченка.

Богиня улыбнулась. Морщины лучиками разбежались по ее лицу, и от этой улыбки напряжение, все еще державшее Карину, отпустило. И хотя мандреченка находилась в самом

сердце Лихого Леса, в покоях богини темных эльфов вместе с одним из самых темных из них, Карине стало легко и уютно, как будто она обедала со своими ведьмами в придорожном кабачке.

– Не в решете, а в скатерти, – заметил Ринке, задумчиво глядя на графин с водкой.

Эльф нажелал себе картофельного пюре с бефстрогановым, и кувшин с морсом. Потечи обильной подливки на пюре казались лавой, застывшей на склоне горы. Их вкусы с Матерью Рябиной почти совпали – на тарелке перед богиней обнаружился жареный кусок мяса и реповая каша. Рядом стоял узкий фужер на тонкой ножке. Судя по цвету напитка, богиня решила выпить красного вина.

Ринке заглянул в горшочек Карины.

– Ух ты, – сказал он, с интересом рассматривая алую жижу. – Что это такое?

– Борщ, – ответила ведьма и взяла нож, чтобы крошить чеснок в суп.

– А как его звали до того, как он оказался в твоём горшке? – спросил Ринке.

– Это был страшный зверь по имени Буряк, – доверительно сообщила Карина. – Он водится только в лесах Нудайдола. У этого зверя шесть ног и огромные, развесистые рога. Его очень сложно поймать, и его мясо считается у нас деликатесом.

Шестиногими зверями сидха было трудно удивить, но рогатых пауков он в своей жизни не встречал.

– Ничего себе, – пробормотал Ринке.

Мать Рябина негромко засмеялась:

– Буряк – это на мандречи свекла. Борщ – это суп со свеклой. Шеестер подшучивает над тобой.

Карина улыбнулась, глядя на смущенного сидха.

– Прошу вас, давайте начнем, – предложила хозяйка. – Вы сегодня проделали долгий путь, и пара ломтей хлеба с бужениной и яблочко – это совсем не то, чем можно утолить голод после такого дня.

Ведьма высыпала чеснок в борщ, взяла ложку, и попросила:

– Ринке, передай, пожалуйста, хлеб.

Сидх подал ведьме корзиночку с ломтями черного хлеба. Карина взяла парочку.

– Предлагаю выпить, – сказала Мать Рябина и взялась за свой фужер. Что-то неприятно звякнуло. В глазах Ринке мелькнули искорки ярости, столь неуместные за дружеским столом. Ведьма не обратила внимания на звук, потому что заметила, что забыла наколдовать себе рюмку.

– Ринке, ты будешь водку? – спросила Карина.

– Буду, если угостишь, – ответил тот.

– Я одна пить еще не умею, – сообщила ведьма.

– Я и сам хотел наколдовать вашего хлебного вина, но постеснялся, – сказал Ринке. – Мандреченский напиток за эльфийским столом...

– А я здесь, значит, самая нескромная, – угрюмо сказала Карина.

– Ты мандреченка и имеешь право на мандреченские напитки где угодно, – возразил сидх.

– Я и сама бы удовольствием выпила водки с вами, – призналась богиня. – Но вы меня извините, годы уже не те...

Карина подняла руку, бросила нужное заклинание. На столе рядом с графином появились две пузатые стопочки. Ринке взялся за графин и наполнил стопки себе и Карине.

– А морсом запьем, – сказал эльф и налил себе из кувшина. Он оказался предусмотрительнее мандреченки – за кувшином пряталась глиняная кружка.

– Запивай, – согласилась ведьма. – У меня-то борщ, так я запивать не буду...

– Таких тонкостей употребления водки я не знал, – улыбнулся Ринке.

Богиня подняла фужер, гости взялись за стопки.

– Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты сделала сегодня. Там, в овраге, – произнесла Мать Рябина.

Снова раздался тот же звон, который так резанул слух Ринке. Теперь и ведьма заметила, как из-под стола к рукам богини потянулась грубая, ужасная цепь, покрытая пятнами ржавчины.

– Пусть это был всего лишь жест, – продолжала Мать Рябина. – Но мне было очень приятно.

Богиня, ведьма и эльф выпили. Карина почерпнула ложкой борщ, чувствуя, что у нее голова идет кругом. И совсем не от водки.

Богиня темных эльфов была скована, как каторжник.

Карине вспомнилось ее видение – тяжелая, ржавая цепь, опутывающая лес. Слова Кертель в собственной голове: *«Еще будет время разобраться с чужими цепями...»*. Ведьма сглотнула. Она примерно представляла себе могущество мага, который смог замкнуть наручники на богине темных эльфов. Скорее всего, он сам был богом. Вряд ли бы ей, дочери станичного кузнеца, удалось разрушить такие чары. Не стоило даже думать об этом, ни к чему было даже пытаться.

«Хвост Ящера», думала Карина. – «Во что я ввязалась... Они похитили нас для того, чтобы я сняла с нее цепи, это ясно. Богиня меня с кем-то путает, называет меня *шеестер* ... Мать Рябина думает, что я подала ей какой-то знак, разобравшись с тем оврагом. И она ждет помощи. От меня!».

Водка мягко толкнулась в желудок. Карина отправила в рот еще пару ложек супа.

«Если бы я хотя бы знала, кто наложил на Мать Рябину эти чары», продолжала рассуждать ведьма. – «За что ее проклинали. Можно было бы попробовать помочь ей. Елки-палки, тут нужно то всего – зубило, молот и помощник, подержать...».

Ринке наполнил их рюмки снова. Карина почувствовала, что пришло время для ответного тоста, и взяла рюмку. Сидх и его богиня смотрели на ведьму, ожидая, что она скажет. Карине впервые приходилось пить с богами, да и с сидхами за праздничным столом ей еще не случалось оказываться. Однако крылу «Змей» часто доводилось охранять императора на переговорах во время войны. «Что сказал бы Искандер, окажись он на моем месте?», подумала Карина. И нашла, как ей показалось, достойный ответ.

– Благодарю тебя за гостеприимство, Мать Рябина, – сказала ведьма. – Я рада, что пучок Чи, что я метнула, соединяя разлученных рябину и дуб, так согрел твое сердце. Мы, мандречены, не склонны к бесполезным красивым жестам. Если бы я могла помочь тебе еще чем-то, я бы охотно сделала это. Конечно, если это не повредит Мандре.

Карина покосилась на Ринке. Сидх смотрел на нее с одобрением. Ведьму охватил ужас. В этом неизвестном ей спектакле Карина играла чужую роль, играла с чистого листа. Пока ведьме это удавалось. Но что будет с ней, когда она ошибется? А в том, что она в конце концов ошибется, Карина не сомневалась. Для того, чтобы пройти над пропастью по доске с завязанными глазами, одного чувства равновесия мало. Нужно знать направление, куда двигаться.

Компания снова выпила. Ложка Карины уже скребла по самому дну горшочка, где притаилось самое лакомое – гуща и мозговая кость, на которой был сварен суп.

– Ах, Коруна, – сказала Мать Рябина, расправившись с доброй половиной своего куска мяса. – Что есть вред, что есть польза? Сотни моих детей гибнут, сотни твоих детей гибнут, а сколько детей не рождается... Это ли хорошо?

Ведьма сообразила, что кандалы на богине как-то связаны с войной Мандры и Лихого Леса.

– Если я сниму с тебя цепь, вы выгоните мандречен, – пробормотала Карина себе под нос.

Но богиня слышала ее.

– Если ты снимешь с меня цепь, надетую Морул Кером, люди смогут спокойно жить в Железном Лесу вместе с темными эльфами. Я обещаю, – ответила Мать Рябина. – Купцы будут торговать, ремесленники – работать в цехах, а не скитаться по Мандре и пить горькую. Это ли плохо?

Ведьма задумалась. Для того, чтобы выиграть время, Карина дочерпала гущу из горшка, вытащила кость и принялась ее обсасывать. Ринке молча ел, переводя взгляд с одной женщины на другую.

– Я простой сержант Армии Мандры и не обладаю ни достаточной информацией, ни правом решать такие сложные внешнеполитические вопросы, – сказала Карина наконец.

Ринке восхищенно присвистнул. Ведьма тяжело посмотрела на него.

– Я не смог бы так четко сформулировать после второй рюмки, – пояснил сидх мягко. – Позволь мне рассказать кое-что. Черное Пламя сковал Мать Рябину и хотел выгнать темных эльфов из родного леса совсем не по внешнеполитической причине, а по причине своей паранойи. Один из провидцев сказал дракону, что его убьет эльф, зачатый на правом берегу Димтора. В Железном Лесу. И Черное Пламя решил извести под корень всех эльфов, рожденных там.

– Но это его не спасло, – пробормотала Карина. – Дракона прикончил Лайтонд. Насколько я знаю, Лайтонд родился в Экне. Провидец ошибся...

– Не совсем, – ответила богиня. – Верховный маг Фейре был зачат в Урочище Плакун, оно действительно находится на нашем берегу реки. Эта война с самого начала была бессмысленной и бесполезной, и такой и остается до сих пор. Что касается твоих полномочий... Я думаю, что ты вправе решить этот вопрос одна.

– Да, но если вы меня обманываете? – пробормотала Карина. – Если вы всего лишь подали факты так, как это выгодно вам?

– Хорошо, – сказал Ринке. – Вот ты сама – ты хотела бы, чтобы эта война продолжалась?

Вдруг ведьма словно услышала его голос:

«Сколько тебе заплатили за этот рейд? Кстати, Карина, как тебе и твоим подругам понравилось в „Гроздьях рябины“? Знатная таверна, говорят. Я вот там ни разу не останавливался. Не по карману».

Если все это не сон и если ей действительно удастся снять кандалы с богини эльфов, то война в Лихом Лесу закончится. И не победой мандречен, как можно догадаться уже сейчас.

И на следующий год крылу «Змей» придется искать другие заказы на вторую половину лета. Вряд ли бы ведьмам удалось найти заказ столь же выгодный.

По лицу Ринке Карина поняла, что он думает о том же самом. На какой-то миг ведьме показалось, что он сейчас презрительно усмехнется и скажет какую-нибудь колкость, из тех, на какие Ринке был мастер. Но вместо этого сидх очень печально – и понимающе – улыбнулся и произнес:

– Давайте оставим эту тему. Извини нас, Карина. Мы предлагаем тебе не только совершить предательство, а оставить себя и своих подруг без куса хлеба. Никто, ни эльф, ни человек не пойдет на это...

Мать Рябина молча посмотрела на Карину. Ведьма увидела в ее глазах горечь, и гаснущую надежду, и такое же пронзительное понимание, как и во взгляде Ринке. Мандреченка содрогнулась.

И тут ведьма вспомнила свой сон, привидевшийся ей на холме в то время, когда Ринке сводил с ума повелителя гоблинов и орков Лихого Леса – про своего закованного дядьку-каторжника и отца. Вспомнила цепь, опутавшую весь лес, и поняла, что поможет Матери Рябине.

И война в Лихом Лесу закончится.

«Вернусь в Пламенную, буду роды принимать. Денег, конечно, меньше, но, хвост Ящера, гораздо... гораздо полезней», подумала Карина.

– Дело не в этом, – мрачно сказала мандреченка. – Вы оба заблуждаетесь. Я не та, за кого вы меня принимаете. Я никакая не *шеестер*, чтобы это ни значило. Я боевая ведьма, только и всего. Я соединила тот овраг потому, что он напомнил мне нашу старую песню. И все. Я не смогу помочь, не смогу снять кандалы, наложенные драконом.

Мать Рябина улыбнулась, а Ринке сказал:

– Но ты тогда вообще ничем не рискуешь, верно?

– Ладно, как хотите, – пробурчала Карина. – Можно посмотреть?

Богиня кивнула. Ведьма встала из-за стола, подошла к Матери Рябине. Богиня положила руки на стол. Карина окинула конструкцию задумчивым взглядом. Черное Пламя не мудрствовал лукаво, когда сковывал богиню темных эльфов. Ее запястья охватывали кандалы точь-в-точь такие же, какими сковывают каторжников первой категории. Только браслеты каторжан не обтягивают зеленой кожей.

– Надо было здесь вышивку бисером пустить, – рассеянно сказала ведьма. – Или рубинов набросать, как на груди у вас...

Ринке поперхнулся мясом. Эльф взял кувшин и сделал прямо из него пару крупных глотков, жадно отдышался.

– Да, это было бы красиво, но мне такая идея в голову не пришла, – вежливо ответила Мать Рябина.

Цепь уходила под стол.

– На ногах то же самое, – заметив взгляд Карины, сказала богиня.

Ведьма покачала головой:

– Хорошо. Попробовать можно. Тут нигде поблизости кузницы нет?

– Я знаю кузницу неподалеку, – ответила Мать Рябина. – Но она давно заброшена, хозяин ее погиб, а кроме него никто не сможет разжечь горн.

Ринке побледнел так, что это заметила даже мандреченка. Карина поняла, что бог-кузнец не был самым добрым богом из пантеона темных эльфов.

– Этого и не потребуется, – заверила ведьма Мать Рябину.

– Так чего же мы ждем? – спросила богиня и поднялась из кресла.

Тихо зазвенели кандалы, когда Мать Рябина направилась к выходу из покоев столь хорошо знакомой Карине походкой каторжанина. Ведьма и на ходу дожевывающий Ринке последовали за ней.

Светлана сидела, смотрела на затухающие угли, слушала, как ухает невдалеке сова. Ведьма почти успокоилась и – тут новая мысль ожгла ее хуже новости о смерти Карины.

А ведь Арга скорее всего решил, что перед ним разыграли некий спектакль, вдруг подумалось ведьме. Сам капитан магией не владел и проверить слова волшебницы не мог. Но вот что он мог, так это подумать, что Карина ответила Светлане, а ведьма ему соврала – чтобы Арга ее пожалел. Если завтра Карина и Ринке вернутся, целительница всегда может сказать, что просто случайно не расслышала ответа старшей крыла «Змей», а уж Карина, разумеется, не будет спорить с подругой. «Возможно», думала Светлана, утирая слезы ладонькой. – «Я сама так хочу стянуть с него штаны, что ищу намеки на любовную игру там, где их нет. Но эта его нежность... Куколка с метлой, так он меня называл...».

Светлана вздохнула. У нее было не так много поклонников, как у других ведьм крыла «Змей», но в придуманную Кариной игру целительница играла охотно. Но ни разу, ни разу ни одному из воздыхателей не удалось добиться того, чтобы у Светланы хотя бы ресница дрогнула при мысли о кавалере. А какой-то капитан, солдафон, который явно не умел петь серенады, а уж сочинить хотя бы жалкую канцону для возлюбленной не смог бы под страхом смертной казни, заставлял ее краснеть и волноваться, как наивную девочку. «Надо же так», с досадой подумала ведьма. – «Это все потому, что он мне нравится».

В разгар мысленных метаний целительницы капитан вернулся.

– Костер совсем погас, я тебя потерял в темноте, – сказал Арга.

Светлана подняла руки и резко растопырила пальцы, словно стряхивала в костер муку с ладоней. Над костровищем поднялось прозрачное голубое пламя.

– Ой, спасибо, – произнес капитан и чмокнул ведьму в затылок.

Когда он выпрямился, целительница увидела, как возбужденно блестят глаза капитана. Светлана поняла, что чем окончится сегодняшний вечер – для Арги это дело уже решенное и понятное. На ведьму холодной колючей волной накатила злость. Капитан тем временем

положил фляжку и маленький железный стаканчик рядом с котелком, мечом разворошил угли и стал искать картошку. Обнаруженные картофелины он откатывал к краю костровища, чтобы они остыли.

– Угощайся, – сказал Арга Светлане.

Целительница подняла картофелину, подула на нее и стала снимать кожуру. Руки Светланы почернели от золы.

– Колбаски возьми, – добавил капитан и протянул ей котелок.

Ведьма пошарила в нем, наткнулась на горячее и вытащила кусочек. Арга тем временем наполнял стаканчик. Светлана отложила пока колбасу и откусила половину горячей, сочной картошины.

– Спасибо. Очень вкусно, – прожевав, сказала ведьма.

– Пожалуйста.

Арга протянул ей стакан, ведьма приняла его.

– Ты знаешь, мне никогда не нравились мужчины, которые пытались ласкать меня из жалости, – произнесла ведьма.

На лице капитана не мелькнуло и тени удивления тем, что Светлана так резко сменила тему разговора.

– И почему же? – спросил Арга и налил себе.

– Потому, – ответила ведьма. – Что это как в поговорке: «Как только расслабишься, тут тебя и трахнут». В мире нет жалости. Те мужчины, которые видят красивую, умную женщину и осознают свою ничтожность рядом с ней, едва только женщина ослабевает, тут же оказываются рядом и... жалеют... до пота, до судорог. А ведь когда человеку плохо, он нуждается вовсе не в том, чтобы его трахнули. А в том, чтобы его поняли.

Ведьма с интересом посмотрела на лицо капитана, но там отражался лишь вежливый интерес.

– Глубокая мысль, – сказал Арга. – Выпьем же. За Карину!

Наполовину рассерженная, наполовину разочарованная ведьма – «Он что, совсем идиот? Не понял, о чем я говорю?» – подняла свой стаканчик и хотела чокнуться с капитаном.

– За погибших – не чокаясь, – напомнил ей Арга.

– Вечно я путаюсь в мандреченских обычаях, – пробормотала Светлана и выпила.

На глазах у нее выступили слезы – во фляжке капитана оказалась не водка, как она думала, а чистый спирт. Ведьма отерла слезы ладошкой и впилась зубами в мясо. Светлана доела картофелину и принялась чистить другую.

– Я не маг, – сказал Арга. – Но когда вы сейчас плакали, я вам посочувствовал. Не пожалел, – добавил он с ударением.

Светлана сидела молча. Подчеркнутое обращение на «вы» словно гвоздями приколотило ее к полешку.

– А посочувствовал, – повторил Арга. – Да и мне не хотелось бы, если честно, чтобы крылом и дальше управляла Марина. Я знаю один способ проверить, жив ли человек. Надо проглотить щепотку порошка, очень сильно захотеть этого человека увидеть и произнести заклинание. Не знаю, как этот способ у вас, у магов правильно называется. И сейчас, когда ходил за выпивкой, я проверил... при помощи моего способа.

– Карина жива, – пробормотала Светлана.

Ведьма сообразила наконец, какой порошок глотал капитан и почему у него так странно блестели глаза, когда он вернулся.

– Да, – кивнул Арга. – И даже не спит. Карине расчесывают волосы и наряжают. И вы это знали – вы хотели чокнуться за нее, как за живую.

Капитан поднялся на ноги. Светлана смотрела на него, то открывая, то закрывая рот, не зная, что сказать.

– Ты нравишься мне, Света, – сказал Арга. – Но прости, в такие игры я не играю. Спокойной ночи.

Капитан чуть поклонился и скрылся в темноте. Светлана махнула левой рукой, убирая магическое пламя, и направилась к походному госпиталю. Не раздеваясь, ведьма упала на оставленную для нее лежанку у самого выхода, и разрыдалась – зло, по-настоящему.

В темноте нетерпеливо зудели комары и храпели раненные.

Энедика вынырнула из черного удушливого омута. Первое, что она увидела, были глаза – чуть фосфоресцирующие в темноте круги с круглыми каплями зрачков. На миг эльфка подумала, что оборотень, оказавшийся имперским магом мандречен, и изуродованные трупы товарищей приснились ей. Что это был просто кошмар на почве усталости, недоедания и постоянной тревоги, державшей командиршу Ежей в своих мучительных тисках все последние дни. Но тут она увидела, что ее голова лежит в руках обнаженного мужчины, а торс его испачкан темными потеками крови, и поняла, что это был не сон. «Никогда бы не подумала, что у нашего заклятого врага такие же глаза, как у нас», отстраненно подумала Энедика. Крон заметил, что она очнулась, и произнес спокойно и размеренно, продолжая начатый разговор:

– Черная Стрела погибла в ледяном кубе. Кошмара – в огненном дыхании дракона. Хочешь узнать, как умрешь ты?

Он резко, так, что позвонки Энедики хрустнули и шею пронзила боль, повернул голову эльфки. Энедика заметила огромный, в половину человеческого роста, муравейник на краю полянки, еще когда партизаны разбивали здесь лагерь. Но тогда она не сочла соседство опасным – муравейник уже закрылся на ночь, а утром эльфы собирались уйти. Однако сейчас муравейник в ее глазах увеличился до размеров погребального кургана. Впрочем, дом трудолюбивых насекомых и должен был вскоре стать могилой для Энедики.

Хорошая новость – до утра муравейник не откроется. Хотя, конечно, Крон может открыть его и магически... Тяни время!

– Надо бы тебе кое-что медом намазать, для усиления эффекта, но меда нет, – задумчиво сказал Крон.

Сердце Энедики оборвалось, но на этот раз усилием воли ей удалось удержаться на грани беспамятства.

– Ваш сластена все сожрал, прежде чем я успел до него добраться, – с сожалением закончил оборотень. – Даже тусок вылизал.

Партизанка глубоко вдохнула и крепко стиснула зубы, чтобы не услаждать слух врага их стуком.

– Придется тебя трахнуть, – сообщил Крон.

Он сказал этого без всякого намека на сладострастие, устало и буднично. Маг начал расстегивать куртку Энедики.

Хорошая новость – он не некрофил. Но, возможно, садист. Возможно, удастся довести его, чтобы он убил меня сам...

– К чему все эти разговоры? – произнесла эльфка. – Хочешь меня трахнуть? Трахай. Хочешь посадить на муравейник? Валяй. Я вся в твоей власти. Или ты хочешь пообещать мне жизнь в обмен на что-то? Темные эльфы своих не предают, запомни это, маг.

Крон отрицательно покачал головой:

– Нет, Энедика, ты не можешь выбрать жизнь. Я убью тебя ради того же, ради чего вы сожгли Приморский квартал.

«Ну конечно», мрачно подумала эльфка. – «Этого следовало ожидать».

– Я убью тебя для устрашения, – продолжал Крон. – Но ты можешь выбрать смерть. Ты можешь умереть на муравейнике, медленно пожираемая изнутри. А можешь и так.

Маг поднял валявшийся на земле кинжал. По резьбе на рукоятке эльфка узнала свой собственный клинок. Крон медленно провел тупой стороной лезвия по горлу и груди Энедики.

– Ну так что? – осведомился он. – Может быть, тебе вспомнилось что-нибудь интересное?

– Нет, – хрипло ответила эльфка. – Я неудачно приложила башкой об корень, когда ты меня чарами скрутил. Полная и абсолютная амнезия. К сожалению.

Крон негромко рассмеялся, снял куртку с эльфки, разорвал блузку. Оборотень наклонился, коснулся губами ее груди. С удивлением, которое оказалось даже сильнее ужаса, Энедика почувствовала, как твердеют ее соски. Маг распустил ее пояс и стянул штаны. В ягодицы эльфки немедленно впились сухие травинки и колючки. Энедике это показалось предвестником того, что ожидало ее вскоре. Эльфка отвернулась, чтобы не видеть муравейника. Крон лег на нее.

Имперский маг оказался совсем легким.

Говори с ним. Тяни время...

– Развяжи меня, – пробормотала эльфка. – Ослабь чары...

– Зачем? Тебе не улизнуть. Я маг пятого класса, Энедика.

– Тогда тебе тем более нечего опасаться, – ответила эльфка. – Я хочу получить немного удовольствия перед смертью. Все удовольствие, которое ты можешь дать.

Крон засмеялся – на этот раз в голос.

– Мне говорили, что вы, сидхи, развратная раса, – сказал маг. – Но я не думал, что настолько. Но пожалуй, мне это нравится. Ты умрешь от этого удовольствия – и тем не менее хочешь получить все.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза.

– Не так уж много я и могу, – сказал он честно.

Маг ловко перевернул ее на живот. Эльфка почувствовала, как ослабевают невидимые пути, и уперлась руками в землю. Крон обхватил ее за талию и поставил на четвереньки.

– Любишь по-собачьи? – спросила Энедика.

– Я люблю по-разному, – ответил Крон. – Мы в лесу. Ежей тут точно нет ни одного в округе, а вот тролли и гоблины любят шастать по ночам. Я хочу быть уверен, что никто не ущипнет меня за зад, пока я буду тут развлекаться с тобой.

– А ты не мог бы... – смущаясь, сказала эльфка.

– Что?

– Принять свой истинный облик, – тихо сказала Энедика. – Если тролль и заглянет к нам, в человеческом облике ты проиграешь схватку. А так не надо будет тратить время на превращение...

Когда ты будешь превращаться, я прочту твою ауру. Возможно, я успею пережать твой канал воли... и разума...

– Тебе будет больно, – ответил Крон.

Кто бы мог подумать – он не садист...

– Мне в любом случае будет больно.

Над поляной снова задрожала мощная волна Чи. Энедика расслабилась, настраиваясь на ауру мага.

Есть!

Вот они, каналы разума и чувственности. Хвала Мелькору, он маг Воздуха, а не Огня, каналов жизненной энергии антагониста я просто не увидела бы. Надо полагать, это они, хотя другого цвета, чем у людей и расположены чуть иначе. И теперь – слегка коснуться их... Немного сострадания... Немного сочувствия... Крон, ведь я тебе ничего не сделала. Я слабая женщина, а если говорить о государственных интересах, но это не мы подождли тот злополучный квартал. Клянусь всеми богами, не мы. Хочешь найти виновных – ищи гораздо ближе... Тебе не за что убивать меня. Это будет ошибкой.

Когда Крон вошел в нее, Энедика вскрикнула – нервно, не от возбуждения. Крон был нетороплив – и только перед самым финалом она поняла, чего ему стоила эта неторопливость. Маг был обстоятелен и последователен, хотя без особой фантазии. Энедика подумала, что заниматься с ним сексом постоянно было бы скучно – для него это не было игрой, как для нее, как для Халлена или Тавартэра, а было процессом, к которому он подходил тщательно и кропотливо. Профессионально, неожиданно подумала она. Если

только к сексу можно подходить профессионально....

Еще она подумала, что таков, должно быть, супружеский секс, когда уже нет новизны и нетерпения страсти, когда уже известны все самые тайные уголки.

Оргазм оказался неожиданно сильным.

– Энедика, Энедика, – услышала она чуть хриплый голос имперского мага. – Что же мне делать? Надо посадить тебя на муравейник и идти, но ты понимаешь, я... я только что убил женщину, с которой трахался. И мне не хочется возводить это в традицию.

– Похвальное желание, – пробормотала эльфка расслабленно. – А за что ты ее убил?

Крон выдохнул жестко, так, словно убивал в себе крик.

– Смелее, – ободрила его Энедика. – Свое семя ты в меня уже излил, почему бы ни излить свое горе? Я сегодня умру, не забывай.

Она царственным кивком указала на муравейник.

– Тебе все равно придется ждать, пока муравейник не откроется, а до рассвета еще далеко...

Имперский маг хмыкнул, отстранился от Энедики. Прохладный воздух мягкой волной коснулся ее разгоряченного тела.

– Рассказывать это долго, – произнес Крон. – Ты слышала о Теории Тиграна?

Так, так... Конечно, слышала... Но пусть он тебе расскажет...

– В общих чертах, – неуверенно ответила эльфка.

– Наша жизнь – как неравномерно окрашенная нить. Пятно алое, пятно желтое... Я дам тебе в руки конец своей нити, и ты пройдешь по ней. Увидишь все своими глазами.

Маг сделал сложный жест. Эльфке уже приходилось гулять по нитям чужих жизней, и она знала, чего ожидать. Но в этот раз ее было не темноты, ни чувства бесконечной лестницы. Энедика поняла, насколько она недооценивала Крона как волшебника.

Тьма и прохлада ночного леса исчезли. На эльфку обрушились запахи водки, перегара и кислой капусты.

Тяжелая горячая рука лежала в основании шеи Крона. Пальцы ее ритмично шевелились – Искандер ласкал своего любовника. Второй рукой император подцепил кислой капусты из миски, и отправил в рот. Несколько длинных полосок упали на стол, украшенный рассыпями клякс жира, к остальным обьедкам. Бело-желтые ленточки капусты напоминали Крону водоросли, и он не смог заставить себя хоть раз попробовать национальное блюдо мандречен. Хотя и понимал, что это его выдает.

Но имперский маг не любил растительную пищу.

– Трахни меня, – выдохнул Искандер прямо ему в ухо, почти касаясь Крона жирными губами. – Трахни меня... Неужели тебе никогда не хотелось?

«О, как мне хотелось. С каким удовольствием я бы тебя трахнул, даже не трахнул, а вые*ал бы»

Водка, любимый национальный напиток мандречен – а ее сегодня было выпито уже немало, Энедика видела это по размытым, дрожащим контурам предметов, попадавшим в поле зрения имперского мага – сыграла с Кроном злую шутку. Последние слова маг произнес вслух – вполголоса, заплетающимся языком. Крона сильно дернуло вверх. Император поднял его над столом за шкурку, как напакостившего котенка. Энедика увидела перекошенное гневом смуглое лицо.

– Что ты сказал? Повтори!

Высокий седой мужчина, сидевший с другой стороны стола, сделал вид, что полностью увлечен поисками мяса в своей миске.

И голос, уже хорошо знакомый Энедике, но прозвучавший издалека:

– Я бы с удовольствием тебя трахнул.

Стены крутанулись, превратившись в широкие серо-зеленые зигзаги. Требище храма Ящера в Запретном Лесу, подсказала Энедике память. Но не своя память – эльфка никогда не

была в Черногории. Память мага стала сейчас их общей памятью. Искандер схватил Крона за грудки. Это было очень странное ощущение – обычно при прикосновении к своей груди испытывала совсем другие чувства. Но сейчас и грудь у нее была другая.

Искандер вытащил мага из-за стола, прижал к стене. Холод под лопатками, шов между плитами, параллельный позвоночнику...

– Повтори! – зарычал император.

– Я бы тебя с удовольствием вые*ал! Ваше величество!

– Так за чем же дело стало?

– Я не могу, – спокойствие, бездумное пьяное спокойствие. – Я поссать-то толком не могу, Сандро, а ты говоришь...

Вот как, значит, ласково называют императора Мандры.

Я его еще и не так называю...

Искандер разжал руки, отшатнулся. Наступил на собственный черный, с зеленой шелковой подбивкой плащ, запутался и чуть не упал. Энедике очень хотелось посмотреть, чем сейчас занят третий собутыльник. Но направление взгляда выбирала не она. Взгляд мага – ее взгляд – сфокусировался на сапогах императора.

– Болееешь какой-то дрянью, что ли? – услышали Крон и эльфка голос Искандера. – Хотя нет, тогда и у меня уже лило бы с конца...

– У тебя моча сначала скапливается как бы внутри, в небольшом мешочке, а потом потихоньку выливается? – раздался голос того самого компаньона, о котором только что думала Энедика.

Владислав, главный хирург при дивизии Серебряных Медведей, шепнула память. Старый друг императора, они вместе еще в замок Черного Пламени ходили...

Стыд и отвращение. И бешенство, что приходится говорить об этом. А, наплевать на все.

– Да, – ответил Крон. – И вообще он меня кривой в дугу...

Маг засмеялся.

– Ты что, и с женщиной никогда не был? – недоверчиво спросил император.

Женщины...

Черные косы, теплый запах сена, почерневшие от времени стены сарая, за которыми шуршит дождь.... Мучительное, безысходное желание, объятия, лицо черноволосой женщины кривится, пухлые чувственные губки выплевывают какие-то слова, которые память не сохранила. Но сохранила звон в ушах, тяжесть, вдруг стальным обручем охватившую голову, и три коротких, но сильных движения рукой... Кровь, алая струя, ударившая вверх из развороченной грудной клетки.. Дождь, сырость...

Узенькое, милое лицо, рыжие волосы, скрывающие фигуру, золотым плащом, и нежное, томительное чувство... Морда лисички, проступающая сквозь маску человеческого лица... Три фигуры, соединенные в позу, которую Энедика узнала и содрогнулась. Белый бок, покрытый веснушками, на миг появляется из просвета между слаженно двигающимися телами... Крик, пронзительный и жалобный...

Рыжие волосы, которые один из троих наматывает на кулак и хохочет...

Атласная юбка на огромных обручах. По алому полю нашиты алмазные стразы. «Не иначе, принцесса», рассеянно подумала Энедика, и Крон, притаившийся где-то рядом, ответил: «Графиня...». Капризный голос. Отвращение. Стрельчатый проем, окно ослепительно светится на фоне мрака... Крохотная фигурка, на миг закрывая окно... глухой, мягкий удар и...

Избавь меня от этого!!

Хорошо

Вернулись сырые каменные стены, Искандер, сидящий на лавке и удивленно смотрящий на своего любовника. Крон подошел к столу.

Ног будто и нет, какие-то опорки, нет, ходули, парни так часто забавляются на ярмарках, фигура на тонких, неимоверно длинных ножках, словно огромный бескрылый аист...

Ой-вей, зачем же я так нажрался...

Маг налил себе кваса из кувшина, отпил.

– Нет, никогда, – ответил он.

– Разрешите посмотреть? – спросил Владислав. – Может, я смогу помочь?

– Доставай! – приказал Искандер.

Движение плеч – Крон хотел пренебрежительно пожать ими, и вложил в это простенькое действие слишком большое усилие. Мага качнуло, но он успел упереться рукой в стол. Второй рукой он расстегнул пояс и вытащил из штанов.

А сейчас он у тебя совсем другой

Зависит от того, чем трогаешь

Крон выпрямился, смахнул со стола крошки и ошметки капусты и пристроил член на жирных досках.

Владислав перегнулся через стол. Искандер и хирург наклонились почти одновременно, чуть не стукнувшись лбами. Крон смотрел вниз, на черную и седую голову. К горлу подступила дурнота. Маг закрыл глаза.

– Как все запущено, – пробормотал Владислав. – У вас были травмы фаллоса? Повреждение пещеристых тел привело к деформации... И, видимо, врожденная недостаточность соединительной ткани... У вас плоскостопия нет? А с сердцем все в порядке?

Крон неопределенно кивнул.

– Я не понимаю, Крон с вами уже так давно, – заметил Владислав Искандеру. – Что же вы мне раньше не сказали?

– Мне больше нечего делать, кроме как его х*й рассматривать! Сначала экены словно взбесились, потом сидхи – дай им волю, в Старгороде-на-Нуде уже говорили бы на тэлерине, а теперь вот сюрки! Да ты и сам все знаешь! – огрызнулся император. – А ты, Крон, чего ушами хлопал? Почему сам к Владиславу не подошел?

– Не болит, – произнес Крон. – Ну, кривой... Где ты прямые, как по линейке, видел?

Медик покачал головой.

– У тебя фимоз четвертой степени и похоже, начинается баланопостит. Уздечка или была короткая изначально, или же вследствие травмы... Это абсолютные показания для обрезания...

– Ты на мандречи можешь? – перебил его Искандер. – А то знаю я вас, вам лишь бы резать. Пусть уж болтается, хоть и нерабочий.

– Вы не понимаете, ваше величество. Вот, смотрите. Крайняя плоть приросла к головке, вот здесь...

Короткое, легкое, почти нежное касание.

– И вот здесь... И теперь там скапливается гной...

Снова касание, на этот раз болезненное.

– Осторожнее руками, Влад, – пробормотал маг.

Где-то далеко, в иной реальности, играет труба. Общий сбор... а нет, обед. Солдат должен быть сыт. Фуражирские команды работают исправно, Крон сам отбирал ребят, да и здесь, в этом заповедном лесу, полно зверья, никогда не слыхавшего охотничьего рога. Бери хоть голыми руками. Вот только хлеба не хватает, но завтра должны подвезти...

– Ты моего мальчика не трогай! – рявкнул Искандер.

– Я не трогаю, – испуганно, но за испугом кроется отвращение. – Я говорю, что если удалить крайнюю плоть, пройдут трудности с мочеиспусканием и член Крона будет, как вы выразились, рабочий. А если протянуть еще немного – придется удалять под корень. Фимоз

приносит только неудобства в личной жизни; но баланопостит – это первый шаг к гангрене, Искандер.

Водка – великий напиток. Если бы я был трезв, сейчас здесь были уже два трупа. А так... Как будто и не обо мне говорят. Но стоит поддержать беседу, хотя из вежливости. Да и не дамся я на операцию... Вряд ли Влад изучал анатомию больших кошек, но в человеческой анатомии он собаку съел. Вон как терминами сыплет...

И он поймет, что я не мандречен. И даже не человек.

И тогда мне придется убить его.

А это было бы слишком большой потерей для Армии Мандры.

– Это можно вылечить? – язык почти не слышится, вместо слов получился не то хрип, не то лай. – Может, травку какую пожевать?

И ужас, хлестнувший Крона так, что маг почти протрезвел.

Вот так, раньше или позже, ты попадешься. Сейчас он спросит тебя, а какую травку ты жевал раньше, чтобы предотвратить воспаление...

Но Владислав ничего спрашивать не стал.

– Нет, – сказал он твердо. – Травкой теперь не отделаешься. Можно было предотвратить фимоз на ранних стадиях заболевания. Куда смотрела ваша мать? Ванночки из настоя ромашки, облепиховое масло очень помогли бы. Но теперь вылечить уже нельзя, можно только отрезать...

Мать...

Светлая шкура с темными подпалинами. Мягкая, густая шерсть. Кисточки на ушах и взгляд, добрый и усталый...

Затравленное рычание. Внизу, под деревом, люди. Они пахнут ненавистью и болью, которую хотят причинить. И чем-то пострашнее боли. Смертью. Хриплый, срывающийся голос: «Освободим нашу землю от проклятых вырождков!».

Вашу землю? Когда это она была вашей ?

Факел...

Я сейчас прыгну, а ты беги в другую сторону. Не оборачивайся!

Нет, мама, не надо, я...

Тело взвивается в воздух и обрушивается на орущих людей. Второе тельце, поменьше – в сторону. На соседнее дерево.

Держи тварюгу, уйдет...

Бег, безумный бег...

Ты не обернулся?

Я был послушным мальчиком, Энедика. Но это меня ни от чего не спасло...

И снова – запах перегара и кислой капусты.

– Ты мою мать не трогай.

Мой голос, удивительно, я думал, что смогу только рычать. Не забывай поддерживать оптические чары на лице и в особенности на глазах .

Кожа на скулах натягивается в улыбке. Жесткой, от которой стало больно лицевым мышцам и свело челюсть. Это была не улыбка – это был оскал, жуткий оскал загнанного в угол зверя.

Крон открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть запрокинутое лицо Владислава и отблеск собственной улыбки на этом морщинистом лице – ужас, невыразимый, животный ужас.

И запах, слабый, которого никогда не почувствует человек, но который погнал кровь в жилах мага в два раза быстрее. Запах страха.

О Водан, я же сейчас перегрызу ему горло...

Вот оно, раскрытое и беззащитное. Кадык трепыхается в нем, как пойманная в ловушку птица... Я люблю птичек... Они такие маленькие, теплые, мягкие... Аагррх...

Расслабить челюсти. Открыть рот. Сказать что-нибудь...

Но Искандер опередил Крона:

– Режь!

Маг снова закрыл глаза.

– Но, Искандер, – пробормотал Владислав. – Нужна стерильность. Обезболивающее... Инструмент...

Что-то звякает, а вот и хорошо знакомый звук – водка плещется о стенки почти полной бутылки... Что-то холодное льется на...

Посмотреть, что они там делают, что ли?

Искандер посчитал, что двух бульков вполне хватит.

– Вот тебе стерильность, – сообщил он огорошенному хирургу.

– А это тебе обезболивающее, – сказал император и сунул в руку Крона бутылку, на треть еще полную водки.

Искандер оглянулся, взял со стола нож.

– А это – инструмент, – заключил он и вложил его в руку Владислава.

Размашистым движением император смахнул со стола тарелки и горшки.

– Но... – пробормотал медик, переждав грохот. – Я же пьян... Давайте завтра, в операционной, как положено... или еще лучше – послезавтра, я ведь с похмелья никакой буду...

– Не будет никакого послезавтра, Влад, – отрезал император. – Потому что завтра нападут сюрки, или сидхи, или еще кто-нибудь, тебе оторвет руку огненным шаром, а потом у мальчика все сгниет! Сам же орал – «гангрена, гангрена»! Ты врач или где?

– Давайте хотя бы пройдем в операционную госпиталь, – сказал Владислав.

Секундная заминка, и Крон понял, что в госпиталь Искандер идти не хочет. Конечно, ведь в этом случае завтра весь лагерь будет болтать о члене имперского мага.

– Какая разница, где? Ложись, Крон! – приказал император.

Маг, не говоря ни слова, растянулся на столе, смахнул ногой уцелевший кувшин.

Дрожащий голос:

– Пошлите кого-нибудь ко мне в госпиталь за нитками, Искандер. Мало отрезать, надо потом зашить. Еще нужны иглы, мел и стрептоцид, пусть смешают порошок... Да я сейчас напишу...

– Пиши!

Перо царапает, рвет бумагу. Разводы на почерневшем от копоти потолке напоминают волны пепельного моря...

– И, если найдут кого-нибудь из магов – пусть приведут сюда, немедленно. Где это видано, чтобы пациент сам над собой колдовал во время операции...

Тяжелые шаги, набойки на каблуках цокают по каменному полу.

– Ординарец!

Прыгающий в руках хирурга нож.

– Крон, я сделаю продольный разрез, – Владислав бледен, но голос твердый. Лишь бы руки у него оказались такими же твердыми, как голос. – Я не могу сделать полноценное обрезание из-за риска несостоятельности швов, понимаешь? И мне будет нужна твоя помощь. У тебя в препуциальном мешке гной, инфекция. Нужно сначала вскрыть его, вылечить инфекцию, а потом уже делать циркумизицию. Я посыплю рану порошком, но боюсь, что этого будет мало...

Да он вообще трезв, как стеклышко! Или протрезвел от ужаса..

– А Искандер ведь потребует все и сразу. Когда я скажу, ты бросишь себе на головку члена самое мощное дезинфицирующее заклинание, которое знаешь. Или, – голос хирурга угас. – Ты таких заклинаний не знаешь?

– Знаю, Влад. Я боевой маг...

– Хлебни водки, и полей мне на руки. Примитивная дезинфекция... А потом начнем. Держись, будет больно все равно... А когда я скажу, применишь очищающее заклинание.

Водка здесь не поможет. Мне не удержать и маску, и обезболивающее, и дезинфицирующее заклинание – Кольцо Осмога что ли применить... Я ведь тоже пьян.

Крон сел, полил из бутылки на подставленные руки. Владислав привычно оглаживал свою левую кисть правой, потом наоборот. Глядя, как двигаются руки врача, Крон вдруг понял, что эта жуткая задумка Искандера имеет шансы на успех. Маг понимал, к чему может привести операция в таких условиях.

Но Владислав был лучшим хирургом армии Мандры.

– Будь добр, плехни и на нож... Да, на ручку тоже... Не жалею водки...

Крон бросил опустевшую бутылку. Она обиженно звякнула и загрохотала, откатываясь в дальний угол зала. Маг лег на спину, закрыл лицо рукой. Собрался с силами и бросил обезболивающее заклинание. То ли заклинание ему очень удалось, то ли сыграла свое водка. Крон перестал чувствовать себя ниже пояса.

– Больно?

– Нормально...

Шаги. Голос Искандера:

– Вот нитки, какой-то шестой шелк... А все твои маги ушли на бл*дки, в лагере никого нет.

– Тогда поддержи пока нитки, Искандер... Нет, упаковку не открывай...

Прикосновение к руке – император хотел посмотреть на лицо своего мага. Кажется, он тоже сообразил наконец, чем рискует.

– Отъе*ись, Сандро, – прохрипел Крон.

Император отпустил его руку, но не отошел, остался рядом с ним. Маг слышал его дыхание и сопение Владислава на дальнем конце стола.

А у нашего хирурга астма... Да, он уже не мальчик, чтобы носиться по полям... Сколько же ему лет?

Какую ерунду ты думаешь, Хёгни...

– Нормально?

Голос доносится совсем уж издалека.

– Да. Быстрее, Владислав... Долго мне не удержаться...

– Бросай заклинание... Крон? Ты меня слышишь?

Напряжение всех каналов... Где взять Чи? Воздух вокруг затхлый, душный, неживой...

Но немного жизни в нем еще есть...

И РАЗ!

Мир исчезает во мраке. Отзвуки голосов.

... с бородкой или без...

... ты тут еще крестиком начни вышивать...

Свет. Боль. Нет, не боль, а

БОООЛЬ!

При родах и хуже бывает...

Но быстрее проходит... Я потом месяц ковылял, как раненный в жопу...

Однако операция удалась. Значит, люди и большие кошки не так уж сильно отличаются друг от друга внутри...

По крайней мере, не устройством этого органа

Лицо Искандера.

– Теперь ты меня трахнешь?

– Трахну, трахну... И вообще, я давно мечтал, чтобы ты отсосал мне...

– Говно вопрос...

Что-то звякает, голос Владислава:

– Искандер, это же операция. Серьезная операция. Дай парню хотя бы две недели, пока заживут швы... Ты же погубишь его...

– Да хоть месяц, если надо... Но отсосать-то можно ему?

Утомленное лицо медика, на котором вспыхивает и гаснет улыбка.

– Не надо, – проговорил Владислав. – Знаешь, как убивают ящеры, что водятся в Мертвой Пустыне? Они кусают жертву, и она умирает. Хотя эти ящеры и не вырабатывают яда... Просто они никогда не чистят зубы.

Весь мир исчез за плечом Искандера в потертом кожаном доспехе – император наклонился, чтобы обнять Крона. Ощущение объятий, крепких, но осторожных.

– Я подожду, что ж.

А ведь он тебя любит, подумала Энедика. *Любит...*

Но подумала она очень тихо.

Так, чтобы маг не услышал.

А громко она подумала вот что:

Давай немного передохнем, Крон. Это было так... мучительно...

Хорошо

Четверка огромных пауков, запряженных цугом, слаженно работали лапами. Ринке подумал, что со стороны их повозка, которой правила Мать Рябина, должна напоминать комок лягушачьей икры, которую тянет за собой скользкая по глади пруда водомерка. Время от времени богиня вытягивала по черным спинам длинным прутком. Ринке изумляло, как Мать Рябина вообще может вытворять нечто подобное, с кандалами-то на руках, но, видимо, за столетия богиня научилась многому. Звон ее кандалов и цепей, из которой была сплетена упряжь для пауков, сливался в одну мрачную мелодию, резкую и ритмичную. Над головой эльфа мелькали ветви чудовищных деревьев – или же это были лапы невиданных существ? – иногда в просветах показывались звезды, расположенные совсем иначе, чем Ринке привык видеть.

– Ты упоминала о песне, из-за которой соединила овраг, – бросила богиня через плечо. – Может, ты споешь ее для меня?

Эльф покосился на Карину. Вряд ли ведьме хотелось петь. Мандреченка вцепилась в борт повозки, как Ринке, и сосредоточенно смотрела перед собой. Мать Рябина вернулась бы за ней, если бы ведьма вывалилась на дорогу. Но смогла бы богиня найти ее в кромешной тьме? Даже Ринке вовсе не горел желанием сводить знакомство с обитателями этого странного пространства, по которому они мчались. Эльф догадывался, где они едут, да и Карина тоже. Духи эльфийских воинов очень обрадовались бы, повстречав живую мандреченку в своем царстве!

Однако Карина глубоко вздохнула и запела. Ринке не смог бы сказать, сколько времени прошло в этой безумной скачке, час, день, или сто лет. Эльфу казалось, что простенькая песня из шести куплетов превратилась в бесконечную сагу, вроде той, которую шепчут друг другу звезды в небе. Когда ведьма пропела заключительные строки:

Но нельзя рябине
К дубу перебраться...
Знать, ей, сиротине,
Век одной качаться, –

Мать Рябина натянула вожжи и закричала на пауков. Твари остановились.

– Мы на месте, – сказала богиня.

Ринке прыгнул первым, обнял Мать Рябину за талию и поставил на землю. Затем эльф помог спуститься ведьме. Прикосновение рук Ринке, крепких и сильных, вывело Карину из оцепенения, в которое она погрузилась во время путешествия. Мать Рябина, гремя цепями и шаркая ногами, привязывала пауков к подобию гигантской коновязи. Ринке огляделся. Когда его глаза привыкли к рассеянному полумраку, эльф понял, что они стоят у покосившейся избы. В черноту выбитой двери вели три ступеньки, белевшие в темноте, как оскаленные зубы. Богиня решительно поднялась по ним.

– Прощу, – сказала она.

– Мне будет нужен свет, – сказала ведьма. – Или здесь нельзя...

– Можно. Ринке, посвети, – отвечала Мать Рябина.

Сидх прищелкнул пальцами, и алый магический шар заплясал у них над головами. Ринке и Карина последовали за богиней. «Вот она какая, кузница Аулэ», подумал Ринке, на миг задержавшись на пороге. У него захватило дух. Никогда, даже в самых раскованных мечтах, эльф не думал, что ему доведется посетить мастерскую павшего бога. Мандреченка, чуждая торжественности момента, легонько подтолкнула Ринке в спину. Он прошел внутрь.

Внутри кузница оказалась меньше, чем казалась снаружи. На земляном полу валялся металлический хлам – обломки пластин и стержней, железный пёк. Ведьма с задумчивым интересом посмотрела на покрытый пылью и паутиной кулачковый механизм, когда-то нагнетавший меха. Хозяин кузницы пользовался водяным колесом для того, чтобы качать воздух в горн. Благодаря этому температура в печи была выше, чем при ручном качании мехов, а кузнец заодно избавлялся от необходимости почти каждый день остужать печь и очищать ее от блума – спекшейся смеси железа и шлака. Отец Карины, услышав об изобретении сидхов, покумекал вместе с братом и установил в своей кузнице похожий механизм. Через неделю, когда Василий уже подумывал о том, чтобы усовершенствовать и молот, в станицу приехали княжьи слуги. Водяное колесо из кузницы забрали, а отцу ведьмы прописали пятьдесят плетей – за то, что раньше не изобрел, и за то, что от господского ока утаил. Василий неделю отлеживался, месяц пил, и больше на новаторство его не тянуло.

На стенах кузницы и приколоченных полках висели и лежали инструменты, при виде которых Карина восхищенно ахнула. Помимо знакомых с детства клещей, зубил и бородков, ведьма обнаружила гвоздильни, подсеки, обжимки, подкладки, штампы, напильники, тиски и круговые точила. Под башмаками Ринке что-то хрустнуло.

– Смотрите под ноги, братец не отличался аккуратностью, – сказала Мать Рябина.

Словно в ответ на ее слова, Ринке тихо ойкнул и закрутился на месте. Карина обернулась и увидела, как он вытаскивает из подошвы длинный и тонкий гвоздь.

– Не выбрасывай, – произнесла мандреченка. – Пригодится.

Ведьма двинулась дальше, запнулась об огромный молот и чуть не упала. Рядом валялся огромный кожаный фартук, прожженный в нескольких местах и потрескавшийся от жары. Очевидно, мастера отвлекли в разгар работы. Хозяин кузницы выбежал из нее в спешке, только пригасив горн – и больше уже никогда не вернулся. Карина, эльф и богиня остановились подле наковальни, на роге которой лежало позабытое зубило из очень темного металла.

– Похоже, – сказал Ринке, глянув на руну на ручке. – Это зубило закалено в крови дракона.... Оно нам подойдет?

Карина хмыкнула, неопределенно пожала плечами:

– Можно конечно, попробовать перерубить зубилом цепи, соединяющие кандалы. Но тогда железные браслеты все равно останутся на Матери Рябине.

Ведьма махнула рукой, указывая на стену, увешанную инструментом, и добавила:

– В любом случае, в кандалах вы отсюда не уйдете. Даже если зубило сломается, тут найдется чем перепилить дужки замков...

– Твои слова бы да Мелькору в ушки, – ответила богиня.

– Согни гвоздик под прямым углом, – попросила Карина эльфа. – Короткая часть должна быть чуть больше линии¹⁰.

Ринке закрепил тиски на наковальне, зажал в них гвоздь так, что свободным оставался лишь небольшой заостренный кончик. Оглядевшись в поисках необходимого инструмента, эльф поднял молот и начал осторожно постукивать по гвоздю.

– Положите руки на наковальню, – обратилась ведьма к Матери Рябине. – Ладонями вовнутрь.

¹⁰ линия 0,1 дюйма

Богиня повиновалась.

– Ринке, завесь шар ровно над нами, – попросила Карина эльфа.

Тот передвинул источник света. Ведьма нагнулась, рассматривая скважину замка, запиравшего браслет на левом запястье. Мать Рябина наблюдала за мандреченкой, затаив дыхание. Карина сморщилась – от времени скважина забилась грязью.

Раздалось короткое «бздынь», свидетельствующее о том, что гвоздь сломался – видимо, ржавчина источила его изнутри. Ринке почувствовал, что у него пересохло в горле. Ладони, наоборот, мгновенно вспотели.

– Ничего страшного. Тут на полу навалом таких же. Найди другой гвоздь, – сказала ведьма. – А этот обломок отдай мне.

Ринке высвободил гвоздь из тисков, протянул его мандреченке. Эльф разделил свой шар на два, один из которых оставил над наковальней, а второй завесил у себя над головой. Ринке начал обходить кузницу в поисках подходящей заготовки. Ведьма тем временем очень осторожно выковыривала грязь из скважины обломком гвоздя. Ринке нашел длинный моток мифриловой проволоки – очевидно, кузнец собирался ковать кольчугу. Эльф перетащил моток на наковальню, ударил по проволоке зубилом, отрубая кусочек. Закаленная в крови дракона сталь выдала россыпь искр, но выдержала. Ринке зажал проволоку в тисках. Затем обтер ладони об штаны, снова взялся за молот и, глубоко вздохнув, попробовал снова. На этот раз у него получился вполне сносный крючок.

– Великолепно, – сказала ведьма.

Взяв крючок, Карина вставила его в расчищенную скважину замка на правой руке богини и медленно и нежно прокрутила против часовой стрелки. Ведьма ощутила под отмычкой сопротивление закившего язычка и нажала чуть сильнее. Карина почувствовала, как платье расходится в спине по шву, но не пошевелилась. Замок сухо щелкнул. Потрясенная до глубины души Мать Рябина увидела, как дуга чуть дернулась, выходя из него.

– Вытаскивайте ее, вытаскивайте, – прошипела Карина, удерживая язычок.

Мать Рябина беспомощно посмотрела на эльфа. Она боялась двинуться, чтобы не испортить все. Ринке высвободил дугу. Ведьма отпустила отмычку, раскрыла замок и протасила дугу через отверстие в «ушке» браслета. Затем с усилием развела половинки кандалов в сторону. Под ними показалось худое запястье.

– Вынимайте руку, – тихо сказала Карина.

Богиня медленно подняла руку. Ведьма положила браслет на наковальню.

– Это все? – не веря своим глазам, произнесла Мать Рябина. Богиня смотрела на собственную руку, словно перед ней был по меньшей мере Жезл Власти – артефакт тоже имел форму руки, сжимающей шар.

– Еще три таких же замка, – сухо сказала Карина.

– Но как... – пробормотала богиня. – Откуда ты знала, что...

– Как говорят у нас, от сумы и тюрьмы не зарекайся, – ответила мандреченка. – Этот способ известен любому деревенскому кузнецу.

– Но почему же тогда узники в ваших тюрьмах не снимают с себя кандалы постоянно? – спросил Ринке.

– Снимают, – пожала плечами Карина. – Но там кандалы без замков, их заклепывают наглухо. Сумеешь расклепать, сможешь убежать – твое счастье. Не успеешь – четвертуют.

Ведьма извлекла отмычку из замка.

– Продолжим, – сказала мандреченка. – Ринке, посвети.

III

В лесу было тихо-тихо, как бывает только самой глубокой ночью, когда на деревьях не дрогнет ни один лист. «Скоро выпадет роса», подумала Энедика лениво, глядя на белеющий в темноте бок Крона. – «Мы намокнем...». Впрочем, эльфке предстояло умереть явно не от

простуды, а иммунная система татцелей должна была быть устойчивой и не к таким мелочам, как валяние на холодной земле.

– Можно тебя спросить? – произнесла эльфка.

– Ну? – отозвался маг.

По его тону она поняла, что ныряние в глубины собственной памяти не прошло даром и для Крона.

– Ты на собственной шкуре прочувствовал, к чему приводит ненависть между расами. Ты обладаешь большим влиянием на Искандера; так почему же ты поддерживаешь его политику уничтожения эльфов? Прости, если я ошибаюсь, но говорят, что этот чудовищный закон о раздельном существовании рас был принят с твоей подачи...

– Нет, не с моей, – ответил Крон. – Зачем был принят этот закон, я не могу тебе сказать, даже учитывая, что сегодняшний восход солнца будет последним, который ты увидишь... Извини. Но я никогда не призывал ни к погромам, ни к полному уничтожению сидхов. Я хочу, чтобы каждый народ жил на своей земле. Я не хочу, чтобы кровь людей и сидхов смешалась так, чтобы было уже не разобрать, кто где. Я хочу, чтобы люди оставались людьми. И никогда не оказались в той ситуации, в которой оказались мы, оборотни. Если бы король лис не зачаровал Штернхерца, все оборотни уже погибли бы.

– Понимаю, – медленно сказала эльфка. – Но мы, темные эльфы, никогда не воевали с людьми. Даже с Разрушителями удалось договориться миром. И мы никогда не смешивали свою кровь с мандреченской. Почему ты не остановишь эту бессмысленную войну Мандры и Лихолесья? Ведь ты можешь это сделать.

– Могу, – согласился Крон. – Более того – я уже почти уговорил Искандера на заключение мира. Я думал, что вы тоже этого хотите. Но я был неправ.

«Надо ему сказать», лихорадочно подумала Энедика. – «Чтобы он искал врагов гораздо ближе... О, если бы я знала их имена... Я все равно погибну, но если это приведет к миру...»

Но она не успела. Крон обнял ее.

– Продолжим, – сказал маг. – Я вижу, что моя нить уже натерла тебе руки до крови, пока мы блуждали по лабиринтам моей памяти... Да и я устал. Осталось не так много. Я тебе просто расскажу.

Маг рассеянно провел рукой по ее бедру. Но это была не ласка – Крон подыскивал слова.

– Я успел изучить характер Сандро за то время, что был с ним, – начал оборотень. – Он последнее время сильно заскучал. Императорский дворец для него слишком тесен, он там задыхается. И я как-то рассказал Сандро о том, что один из Великих Беков Сюркистана, Харун, любил гулять по Ринтали. Ночами, в обличье простолюдина. Харун многое почерпнул из своих прогулок. Искандер знал эту легенду, он сам наполовину сюрк. И когда через несколько дней я увидел в его покоях мундир гвардейца, я не удивился. Но Харун, в отличие от Сандро, родился и всю жизнь провел в своем дворце, и его никто не знал в лицо. Я предложил Сандро скрыть оптической иллюзией его истинные черты – чтобы его никто не узнал.

– Да, ты в этих заклинаниях мастер, – пробормотала Энедика. – Про тебя говорят, что ты черноволос и голубоглаз, как истинный мандречен. Тогда как на самом деле...

– Я знаю – еще больше, чем трахаться, вы, сидхи, любите говорить цветистые речи, – ответил Крон спокойно. – Но не будем изощряться в комплиментах. Искандер согласился, а когда я надел на его лицо магическую маску, позвал меня с собой. Я пошел.

Кула мало похожа на тихую полянку, покрытую цветами. Больше всего она напоминает ваш лес – только чудовища не прячутся за мохнатыми стволами, а возникают из-за каменных стен... Я подумал, что Сандро может понадобиться моя помощь.

На площади перед императорским дворцом стояла огромная доска объявлений – стела из малахита, все четыре грани которой были отполированы до блеска. В городе ее называли Бумажным Камнем. Его создал еще Владимир Солнце. Монарха раздражали многочисленные клочки объявлений, разноцветным ковром покрывавшие все стены

площади. Его придворный маг оплел малахитовый куб чарами – к стеле прилипали пергамент, бумага и даже береста, достаточно было прижать лист к поверхности стелы и произнести: «Размещаю!». Содрать повешенное или как-то уничтожить, а так же приклеить – или написать поверх него что-то новое было невозможно в течение трех дней. Затем объявление исчезало. В народе поговаривали, что камень поглощает все, наклепленное на него. И что он, Бумажный Камень, все помнит.

Но это были, конечно, пустые рассказы.

Всего не могут помнить даже боги, это еще Тигран доказал.

На стороне куба, обращенной к дворцу, испокон веков вывешивались указы и принятые законы. Сейчас там красовался вчерашний указ императора о создании отдела для борьбы за чистоту расы. Закон о раздельном существовании разумных рас был принят три года назад, а теперь наконец была создана и служба для того, чтобы следить за его исполнением. Главой новой службы назначался Крон, имперский маг. Две боковые грани стелы предназначались для деловых объявлений, на верхней одной из них было высечено: «ПОКУПАЮ», на противоположной – «ПРОДАЮ». Руны со временем устарели, но их значение до сих пор все знали.

Искандер и Крон остановились у четвертой стороны Бумажного Камня, той, что смотрела на выход с площади. Император набил трубку и закурил. Маг прислонился спиной к нагретой за день стеле. Он видел волны возбуждения и предвкушения, прокатывающиеся по ауре Искандера. Крон сделал своего любовника голубоглазым блондином, похожим на героя борецских саг. Вот только нос был чуточку великоват для классических пропорций. Крону удалось убрать характерную для сюрков горбинку, из-за которой нос Искандера походил на клюв коршуна, но уменьшить размеры объекта, даже зрительно, было выше сил мага – оптическая маска не изменяла, а лишь облегала истинные черты лица ее обладателя.

Сам Крон не испытывал ничего. Ни радости, ни скуки. Последнее время безразличие ко всему охватывало мага все чаще. Он двигался, говорил и работал, словно заводная игрушка, которые мастерят гномы Эммин-ну-Фуин. Крон понимал, что это – плохой признак. Понимал, что любой другой на его месте радовался бы. Он стоял на вершине пирамиды власти вместе со своим любовником. Денежного довольствия, которого он получал, не смог бы истратить заядлый игрок и повеса. Но Крон не играл в карты, а на интрижки попросту не оставалось времени. Да и никто из придворных дам не позволял себе вольностей с магом, опасаясь ревности императора.

– Куда пойдем? – спросил Крон.

Искандер потушил трубку, задумался. Внезапно император улыбнулся и ткнул рукой в камень за спиной мага.

– А вот сюда! – воскликнул Искандер.

Озадаченный Крон обернулся. Оказалось, что он прислонился к афише, возвещавшей о начале гастролей в Куле странствующего театра «Лисята».

– Что у них дают сегодня? – осведомился император, отодвигая мага.

Начало гастролей открывалось постановкой «Валькирия». Обещалось новое прочтение старой сказки.

– С мордой, что ты мне наколдовал, только туда и идти... Что скажешь? – осведомился Искандер.

Маг пожал плечами.

Театр снимал сцену на летней эстраде Кулы. До «Валькирии» выступали сюркистанские гимнасты, а по окончании постановки ожидали борцов из Тирисса. Актеры играли весьма средне, и Крон очень быстро утомился происходящим на сцене и принялся разглядывать соседей. По совету мага они с Искандером взяли места в средних рядах амфитеатра. Ниже них сидели дамы в туалетах, осыпанных драгоценностями величиной с орех. От сидевших сзади простолюдинов в серых, некрашенных рубашках несло пивом и семечками. Вокруг же мага и императора собралась солидная публика. Справа от Крона сидел полный гном с миловидной юной мандреченкой. На шее гнома неярко поблескивала

массивная золотая цепь. Голову женщины украшал высокий острый колпак – знак замужней женщины у гномов. Качество выделки тонкой шерсти, которая пошла на ее платье, говорило о многом. Да и лиловый цвет делал ткань дороже минимум еще на треть. Крон знал, что для того, чтобы придать ткани этот оттенок, в основной краситель – хермес – надо было в правильной пропорции добавить соли железа. Для того же, чтобы добыть унцию хермеса, надо было насобирать фунт мелких травянистых тлей, которые водились только на дубах Нудайдола, выбрать среди добычи самок, замочить их в уксусной кислоте, а затем высушить и перетереть. Вся эта малоаппетитная последовательность определяла высокую цену на хермес.

С другой стороны, рядом с императором, сидел школяр со своей подругой. Судя по гербам на одинаковых зеленых плащах, парень учился в храме Радагаста на боевого мага, а девушка готовилась стать жрицей Парваты, а если по-простому – медичкой. Обе магические школы находились в Капище Всех Богов. Очевидно, парочка познакомилась в студенческом общежитии. Гном с супругой сидели спокойно, не сводя глаз со сцены. Студенты о чем-то перешептывались, а потом девушка положила голову парню на плечо и задремала. Когда со сцены донеслось яростное рычание, будущая целительница испуганно открыла глаза. Герой схватился с драконом, и летучая тварь плевалась самым настоящим огнем. Крон удивился.

Химмельриттеры не продавали своих небесных скакунов, разве что какой-то умелец выкрал детеныша гросайдечи прямо из Инкубатора. К тому же, если память не изменяла магу, схватка с героем должна была закончиться плачевно для дракона. А в афише указывалось, что спектакль пойдет не меньше пяти раз. Пятеро маленьких гросайдечей стоили примерно столько же, сколько замок герцога Кулы. «Или, возможно», подумал Крон, пристально наблюдая за ходом поединка. – «Актеры так расстарались из-за премьеры, и на последующих спектаклях живого дракона заменят картонным?». Маг заметил, что пламя дракона не оказывает никакого действия на доски сцены. Крон поднял голову, прищурился, вглядываясь в темноту за фонарями осветителя. Тот работал от души – магические светильники окрашивали сцену то красным, то желтым, то фиолетовым. Справиться с фонарями мог и волшебник средней руки; но Крон уже понял, что на верхотуре сидит маг минимум шестого класса. Это он создал и поддерживал оптическую иллюзию дракона, успевая при этом регулировать освещение. Имперский маг расслабился, хотя это было сложно – публика вокруг выла и хохотала от восторга. Крон настроился на вибрации Чи, исходившие от осветителя. На таком расстоянии аура читалась слабо, но имперский маг все же смог уловить смутный образ.

Лис. Крупный, взрослый лис. Его шкуру нельзя было назвать пышной; с одной стороны она была изедена какой-то кислотой, окрасившей рыжую шубу в темно-зеленый цвет. Кое-где виднелись проплешины, где не смогла вырасти даже зеленая шерсть. Лис стоял на задних лапах, передними держась за рукоятки фонаря. Глаза его были полузакрыты, зубы – оскалены.

Маг колдовал с наслаждением, но на пределе своих возможностей.

С основателем труппы все было ясно. Крон даже знал, кто и что так безжалостно изуродовало его шкуру.

По амфитеатру покатился смех и одобрительные возгласы. Имперский маг перевел взгляд на сцену. Наконец началось обещанное «новое прочтение». Зигфрид одолел дракона, но тот оказался женского пола. И сейчас герой применял по назначению свой собственный меч, отбросив меч стальной и приспустив портки. Дракониха весьма натурально извивалась и постанывала, Зигфрид по-хозяйски упирался в нее коленом.

– Разрешите, – услышал Крон. Гном и его молодая жена решили покинуть представление. Крон чуть подвинулся назад, чтобы они могли пробраться в узком проходе. Когда они проходили мимо, маг увидел, что муж едва ли не тащит мандреченку на руках. Судя по неестественно белому цвету ее лица, женщине стало дурно. Маг услышал громкий треск, и тут зал зашелся в хохоте. Крон успел увидеть только ярко-зеленые и алые ошметки, разлетающиеся во все стороны, и усмешку на лице героя. Зигфрид надел брюки.

– Пойдем отсюда, Сандро, – сказал Крон сквозь зубы.

Но Искандер его не услышал. Он хохотал вместе со всеми.

Из-за кулис медленно выехал холм, окруженный огненным рвом. Эта иллюзия по качеству ничуть не уступала только что лопнувшей. Языки пламени извивались, как настоящие, и даже чуть качнулись в такт движению поворотного круга. Крон по опыту знал, что создание иллюзии огня – одна из самых сложных. Но имперский маг был уже сыт по горло и иллюзиями, которые создавал Лис, и аллюзиями, которые обильно текли со сцены. Крон решил, что уйдет отсюда, с императором или без него. Он встал, бросив последний взгляд на актеров.

На холме за огненным рвом, как и следовало ожидать, спала прекрасная валькирия. Имперский маг замер на месте, увидев ее. И дело было даже не в тяжелых золотых косах актрисы. Женщина выглядела так, как и должна была, по мнению Крона, выглядеть дочь Водана. Но на миг магу показалось, что на деревянном холме, в кольчуге и короткой тунике, лежит его первая любовь. Но это было невозможно.

Крона ощутимо ткнули в спину.

– Ты что, сын стекольщика? – недовольно сказали сзади.

Маг сел. Зигфрид взмахнул мечом, и пламя расступилось перед ним. Актер поднялся на холм, грубо потрогал грудь спящей валькирии и выкрикнул в зал:

– А с поцелуями торопиться не будем!

Одобрительные возгласы были ему ответом. Крон смотрел, как герой устраивается на валькирии, как неторопливо елозит по ней под свист и хохот. Магу стало больно дышать.

– Я буду у главного входа, – сказал Крон императору.

До того, как покинуть представление, маг еще успел увидеть, как студентка, не сводя глаз со сцены, требовательно потянула руку соседа себе под плащ.

Темное тело толпы неторопливо начало вываливаться из ворот. Крон всегда думал, что именно так выглядит человеческий акт дефекации для муравья, а двойная дуга амфитеатра, походившая на циклопических размеров задницу, только усиливала это ощущение. Маг увидел Искандера – император оживленно беседовал о чем-то со студентом. Подруга школяра смеялась. Искандер тоже заметил мага, что-то сказал новым знакомым и подошел к нему. Увидев в руках Крона пышный букет, Искандер хмыкнул, но ничего не сказал. И маг был благодарен ему за это. Крон ожидал привычных сальностей и острот в армейском духе.

– Мы с Дариком и Саммой решили дойти до трактира «Золотой единорог», тут рядом, на площади, – сказал император вместо этого. – Заглянешь потом к нам?

Крон пожал плечами и спросил:

– Тебе понравилось представление?

– Да как тебе сказать... – ответил Искандер, раскуривая трубку. – Я не силен в искусстве. Мне понравилось другое.

– Что же?

– Шесть лет назад здесь были дымящиеся развалины, из которых мы с тобой как червей из муки выковыривали последних сюрков, – сказал император. – Да и многие ли купцы могли себе позволить купить для жены лиловое платье? А ты чего сбежал? Цветочки для валькирии хотел подешевле взять? – осведомился Искандер.

– Как-то не понял я этой новой версии, – сухо ответил Крон. – В оригинале, валькирия поделилась с Зигфридом высшей мудростью.

– Да, очень интересная трактовка, – хохотнул император, и добавил примирительно: – А дракон был ничего. Натуралистический.

– Лучше бы Зигфрид был натуралом, – неохотно ответил маг.

– Ну, я-то точно не зоофил, – добродушно заметил император.

Крон вздрогнул.

– Так он не знает? – спросила Энедика.

– Нет. Никто не знает.

Эльфка привалилась к теплему боку мага. Нервное возбуждение начало спадать, да и

переход через Квалмэнэн никак нельзя было сравнить с прогулкой в театр. Энедика слушала низкий, негромкий голос оборотня и сама не заметила, как уснула. Проснувшись она от прикосновения чего-то мягкого и пушистого к своему плечу. Эльфка открыла глаза и увидела, что маг накрывает их обоих плащом.

А ведь вместо того, чтобы пойти за плащом, он мог магически раскупорить муравейник...

– Прости... – торопливо произнесла она.

– Знаешь, почему тот, кто слушает, иногда засыпает, а тот, кто рассказывает – никогда? – миролюбиво ответил Крон. – Тот, кто слушает, устает больше. Нет ничего скучнее чужих любовных историй, я понимаю.

– Да нет же... Продолжай,

– Ты пропустила наш с Мадлен цветочно-прогулочный период. Да ну это у всех одинаково происходит, думается мне. Она сказала, что соломенная вдова, ее муж без вести пропал во время войны. Мои ухаживания были приняты благосклонно, и я... я тогда был счастлив.

Маг усмехнулся.

– Мне это было сложно. Никогда раньше я счастлив не был... Но Мадлен не спешила уступать моим желаниям. Все же я не настолько потерял голову, что бы сказать ей, кто я такой на самом деле, и представился армейским магом, одним из Зеленых Собак. Я не хотел вдобавок ко всему терзаться еще и вопросом, любят ли меня самого или уступают из страха перед тем, что я есть... Она непрерывно поддразнивала меня и едва не доводя его до помешательства. Для актрисы это было обычное вступление к отношениям, но для меня это было более мучительно, чем Мадлен могла представить себе.

– И что, ты до тех пор ни разу... – эльфка смутилась. – Ведь возможность у тебя была.

– Возможность – не есть необходимость, Энедика, – спокойно ответил маг. – Когда мне было романы крутить? Тот мир, что мы заключили, он ведь хуже войны... Страну надо было поднимать.

Эльфка обняла его.

– Как-то Мадлен спросила меня, не обидно ли мне, ревную ли я ее к Свану – так звали того актера, который играл Зигфрида, – вернулся к рассказу Крон. – Который трахал ее каждый день на глазах у почтеннейшей публики. А я ответил, что нет, не обидно. Я вообще не ревнив, – рассеянно пояснил маг. – Почему-то. Вот знаю, что должен ревновать – но не ревную...

Энедика промолчала. О том, что Искандер, ведя свою армию в бой, смело мог кричать: «Все, кого я любил, за мной!» – и армия пошла бы, как один человек – было известно даже в Железном Лесу.

– Я сказал, что мне обидно, что тупой ублюдок каждый день трахает прекрасного, могучего, мудрого зверя, – продолжал Крон. – Я говорил о драконе.

– Но думал ты о себе, – вырвалось у Энедики. – После того, что люди сделали с оборотнями...

Маг покосился на нее, в темных глазах вспыхнули зеленые искры.

– Не так уж я могуч и мудр, – проворчал он. – Да и насчет Сандро ты не права... Мне не нравится, когда вот так перевирают сказки. Сказки хороши такими, какие они есть. Тебе разве понравилась бы постановка, где Мелькор отсасывает у Илу, а Тулкас нагибает Аулэ?

– Я бы собственными руками убила того, кто посмел бы поставить такую пьесу, – ответила эльфка. – И всех актеров, которые согласились принять в ней участие. Мы не фанатики, но есть вещи, над которыми смеяться нельзя.

– Ты меня понимаешь... Я сказал ей это зря, – вернулся к рассказу Крон. – Однажды вечером, расставаясь, Мадлен крепко прижалась ко мне и сказала: «Венцом всех мечтаний кавалера, чтобы он ни говорил, является вовсе не единение душ. Ты так заводишь меня...». Я наклонил голову, чтобы скрыть улыбку. Почти в самом начале знакомства я понял, что Мадлен очень простого происхождения, но кто-то обучил ее основам придворной

куртуазности, и даже догадывался, кто. Вряд ли это был Сван, бывший наемник. Он рвал мясо руками, когда ел... А вот Рейнекке – так звали импресарио «Лисят» – единственный из труппы ел при помощи ножа и вилки. Я уже насмотрелся на придворных красавиц, выдрессированных в пятом поколении правильно обмахиваться веером, и меня очень смешили эти неуклюжие попытки Мадлен выглядеть благородной дамой. Но на обычных кавалеров актрисы, купцов и ремесленников, это должно было производить неизгладимое впечатление. У них, очевидно, возникало чувство проникновения в высшие круги общества. Причем очень глубокого проникновения... Предполагала ли Мадлен, что обнимая ее и кряхтя от возбуждения, какой-нибудь купец, уже сложивший на алтарь страсти колье, пару браслетов и сережки, думает вовсе не о ней, а о благородном графе, карета которого каждый раз, проезжая мимо, обдаст его грязью с ног до головы? Я считаю, что именно такие мысли и крутились в головах бывших ухажеров Мадлен. Но мне гораздо больше нравилось, когда Мадлен, забывшись, употребляла простонародные словечки и обороты. Тогда за словами проглядывала ее душа – добрая, мягкая. Мадлен оказалась не только внешне похожа на мою первую любовь. Было и глубокое внутреннее сходство. И это было лучше всех скверно выученных куртуазных ужимок. Иногда мне казалось, что Мадлен – это и есть моя Брюн. Но это было невозможно. Та женщина была давно мертва. А если бы и осталась в живых, то сейчас ей никак не могло быть двадцать лет – а именно так и выглядела Мадлен. Брюн сейчас было бы около тридцати, да и она была черноволоса. И все равно, обнимая ее, я невольно искал следы от ран. От трех глубоких ударов ножом – в сердце, печень и самый низ живота. Но их не было, да и, как я потом узнал, не могло быть.

Но я отвлекся... Спohватившись, Мадлен торопливо добавила: «Завтра вечером я ожидаю вас, трепеща от неизбежности своего поражения».

Энедика хихикнула.

– Ты, наверно, не знаешь об этом, – продолжал Крон. – Но вопрос по северному участку границы между Мандрой и Сюркистаном очень долго оставался нерешенным и после окончания войны. Великий Бек хотел, чтобы граница проходила по реке Миа, а мы стояли на том, что пограничной рекой должна стать Ран, чье русло протекает несколько восточнее. И когда стало известно, что Великий Бек согласен на требования мандречен, Сандро в тот же день уехал в Ринтали на переговоры со всей свитой. Он всегда был легок на подъем. Меня же Сандро оставил, как он выражался, «на хозяйство». Тот великий день, когда стадия прогулок при луне, стихов и цветов должна была закончиться, я провел не в раздумьях о своей милой, а в придворной суматохе. Кто-то страсть как хотел поехать в Ринтали, и сулил мне золотые горы за то, что его включат в команду. Кто-то валялся у меня в ногах и выл, умоляя, чтобы его оставили в Куле. Камердинер Сандро заявил мне: парадный мундир императора тому мал, и что прикажет имперский маг – расставить старый мундир или отправить вместе со свитой портного, дабы тот по пути сшил новый?...

Вечером я сидел в гримерке Мадлен и ждал ее. Она опаздывала. Я понимал, что все так и задумано, что я должен немного потомиться от страсти... но я так устал, что вместо того, чтобы нервничать, устроился на небольшой кушетке в углу и закрыл глаза.

– Ты решил подразнить ее тоже, – смеясь, сказала Энедика.

– Да нет, – ответил Крон. – Я боялся, что у меня ничего не получится. Я имел некоторый опыт по части секса с женщинами, но в основном негативный. И хотя головой я знал, что, как ты говоришь – теперь у меня есть возможность – память тела утверждала обратное. Я жалел, что мне не удалось переговорить с Сандро об этом. Пара ядреных армейских шуточек – это было то, в чем я нуждался. И когда я решил, что не хочу обладать Мадлен... ну, в память о Брюн... она пришла и предложила выпить вина.

Крон чуть не выбил дверь запасного выхода со сцены. Сбежал по ступенькам, на ходу бросив меч. Остановился, с ненавистью и отвращением содрал с себя шлем. Забрало больно дернуло волосы. Маг зашипел, метнул шлем в кусты. За шлемом последовала кольчуга. Железо ударилось о железо с тем звуком, с каким полное воды ведро ударяется о стены колодца при подъеме. Маг побежал по посыпанной песком дорожке прочь от амфитеатра. На

его счастье, он никого не встретил, пока мчался по темной аллее. Здесь не было фонарей, и по ночам сюда гуляки не заглядывали, предпочитая южную, освещенную часть парка.

Крон свернул с тропинки, продрался сквозь колючие кусты и повалился на траву у подножия мохнатого кипариса. Имперский маг скрючился и зарыдал.

Вкус вина показался ему странным. Крон хотел поставить чашу на столик, но промахнулся. Руки почему-то не слушались его. Дешевая деревянная чаша с дробным стуком покатилась по полу.

– Повернись, – услышал маг голос Мадлен и повиновался.

– Надень это, – сказала актриса, протягивая ему кольчугу.

«Почему же я не почувал чар», думал Крон. Маг отстраненно, словно за чужими, наблюдал за собственными руками. Он надел кольчугу, актриса нахлобучила ему на голову шлем.

«И зачем ей эти игры? Что она хочет сделать со мной?»

Маг хотел спросить об этом вслух, но не смог. Крону стало холодно. В юности ему приходилось читать трактат основоположника некромантии Саэрта «Черное и серое», и он понял, почему он не почувал чар на вине. Заговор был наведен с помощью Цин. И этот заговор был из тех, что превращают человека в куклу, в безвольного раба.

Актриса подала ему меч.

– Твой выход, Хаген, – сказала она, улыбаясь. – Ты встретишь дракона, победишь и трахнешь его.

Меч в руке мага дернулся – декокт еще не до конца подчинил его волю. Мадлен улыбнулась шире.

– Иди, милый, иди, – сказала она и поцеловала Крона. – Я буду смотреть, как ты победишь чудовище.

Крон двинулся по коридору к сцене. Он видел перед собой пыльную, захватанную кулису, слышал сзади шаги Мадлен. В первой сцене роль Зигфрида исполнял Ролло, сын Свана и актрисы, игравшей роль матери героя. Крон услышал аплодисменты, увидел мальчугана, вынырнувшего из-за кулисы. Маг чуть не сбил его с ног, ребенок испуганно шарахнулся в сторону. У кулисы Крон остановился. Остатки разума боролись с впитывающимся в кровь декоктом.

Перед глазами мага появилась рука Мадлен. Актриса отдернула кулису и легонько толкнула его в спину.

Крон сделал несколько шагов вперед и оказался на сцене.

Крон ударил руками по стволу дерева, впился в него зубами.

На вкус древесина была горькой, столь же горькой, как и отвращение мага к себе.

Маг, воя, принялся кататься по влажной от росы траве.

Крон пригнулся, уклоняясь от летящего на него языка пламени. Сделал шаг вперед, проскользнул под шеей дракона. Повернулся и плашмя ударил чудовище по голове мечом. Дракон уткнулся мордой в пол. Маг смотрел на разноцветный гребень, перечеркивающий макушку чудовища, на длинные ресницы дракона. Толпа в зале выла, как стая голодных grosайдечей. Крон медленно двинулся вдоль бока чудовища, направляясь к его зад.

Дракон покорно поднял хвост.

Маг расстегнул штаны. В этот миг он понял, что ощущает Сандро, когда его небесный повелитель входит в него.

Энедика мягко притронулась к его руке.

– Не надо, не рассказывай, – произнесла эльфка сочувственно. – Я уже поняла. Кроме чар, в вине были и самые банальные афродизиаки.

– Нет, – ответил Крон хрипло. – Мадлен оказалась очень умелой телепаткой. Она нашла в моей памяти ощущения... предвкушение... О Локи. Тот самый вечер, когда мы были с ней вдвоем. Я стоял на ярко освещенной сцене, а ощущал себя в полутемном сарае. Я снова чуял запах сена и вместо рева толпы слышал тихий шепот дождя. И я завелся. Мадлен вытянула нить моей памяти в петлю и набросила прошлое на стальной клинок настоящего...

Крон почувствовал, что кто-то приближается к нему, и привычно накиннул на лицо оптическую маску. Маг встал, цепляясь за ствол, прислонился к кипарису. По телу Крона прокатилась последняя судорожная волна, и он замер неподвижно. Скорее всего, по дорожке двигался заблудившийся гуляка. Магу свидетели его горя были совсем ни к чему.

Человек остановился прямо напротив Крона.

– О господин Андреус, простите великодушно... – раздался дрожащий голос. – Я же не знал...

Крон узнал Рейнекке. Маг развернулся и выбрался на тропинку.

– Мадлен сказала, что ее новый поклонник хочет заняться с ней любовью на сцене, – торопливо бормотал импресарио. – Что вы хотите почувствовать себя драконоборцем и покорителем девственниц...

Крон прочел в его ауре, что Мадлен намекала также, что ухажер готов хорошо заплатить за такую возможность. Маг медленно распустил защитный кокон на своей ауре, скрывавший от любопытного взора не только истинный уровень его дара, но и некоторые интересные особенности ее строения. Лис шумно сглотнул. Он понял, кто перед ним. И что значило трахнуть зверя для очередного кавалера его лучшей актрисы после того, что люди сделали с оборотнями.

– Прости, брат, – произнес Рейнекке на лающем, отрывистом языке оборотней. Обычно его использовали для переговоров в звериной ипостаси, поскольку голосовые связки лис еще меньше были приспособлены к связной речи, чем глотки рысей. Импресарио перешел на родной язык от смущения и неожиданности – Хочешь, я ее заставлю...

– Нет, – коротко твякнул Крон.

– Нам уехать из Кулы, господин имперский маг? – спросил Лис на мандречи.

До конца гастролей оставалось еще две недели, и, покинув столицу, труппа сильно потеряла бы в деньгах.

– Нет.

Помолчав, Крон спросил:

– Ты сочинил эту пьесу?

Рейнекке обреченно кивнул. Крон ударил по его голове – и это была не благородная пощечина, которой обмениваются дворяне при вызове на дуэль, а полновесная затрещина, которые раздают во время драки в кабаке. Импресарио пошатнулся и упал на колени.

– Как ты мог? – заорал маг и пнул его сапогом под ребра.

Рейнекке согнулся.

– Кому сейчас нужны эти старые сказки, брат? – прошептал он, но Крон услышал его.

– Люди обленились, извратились. Покажешь им благородство и смелость – и они к тебе больше не придут. Что им нужно? Только секс и кровь, больше ничего. А мне нужно есть и кормить труппу.

– Перепиши сценарий в той части, в которой он касается дракона, – холодно сказал маг. – Верни его к оригиналу. Иначе тебе будет не только нечего есть, но и нечем.

Лис выпрямился, глянул в лицо мага, чтобы удостовериться, правильно ли он понял.

– Да, – произнес Крон. – У тебя не будет головы.

– Я так и сделаю, – сказал Рейнекке. – А Мадлен...

Крон улыбнулся так, что стало больно скулам.

– Ты получишь ее тело и сможешь похоронить, – заверил он и поднял руки для заклинания. – Но ты вспомнишь эти мои слова, только когда будет, что получать...

Все же способности Мадлен к колдовству были ниже среднего. Несмотря на то, что Крон принял декокт не больше часа назад, силы для того, чтобы завязать на памяти Рейнекке обратную петлю, скрывающую опасное для мага знание, у Крона нашлись.

Фургон медленно рассекал утренний туман. Светлане невольно пришло в голову сравнение с драккаром, плывущим в зловещих, пустынных водах Утгарда. Хотя нет, скорее караван можно было сравнить с семейством улиток, медленно ползущих по дну темно-зеленого моря. Целительница долго рассматривала серую выпуклость на огромном дереве,

мимо которого они проезжали, удивляясь размеру гриба. И только заметив черный крест поперек выпуклой спинки гриба, поняла, что она видит.

– Так это же паук, – вырвалось у нее.

Лежавший рядом Вилли поднял голову. Глаза его блеснули, как у кота. Целительница смутилась. Светлана думала, что только ее одну разбудило покачивание повозки.

– Ну да, – негромко сказал сидх. – Не бойся. Он спит.

– А почему вы не убиваете их, пока они спят? – спросила ведьма. – Разве тогда ваш лес не станет безопаснее?

– Потому, что дали Мелькору клятву защищать его детей, – спокойно ответил Вилли.

Светлана хотела ответить, но в этот момент из леса донесся стон. В утренней тишине он прозвучал особенно резко и душераздирающе – словно тот, кто кричал, лежал у самой дороги. Сидх изменился в лице и выскочил из фургона.

– Стой, Рамдан! – крикнул Вилли.

Светлана последовала за ним, про себя удивляясь и завидуя жизненной силе сидха. Разодранные клыками гоблина сухожилия целительница сшила только позавчера, а Вилли уже вполне самостоятельно передвигался.

– Что случилось? – спросила она, зябко передернув плечами.

Фургон остановился, Рамдан тоже спрыгнул на дорогу. Ахмет, свесившись со своего места, хмуро наблюдал за ними.

– Ты чего? – спросил Рамдан.

– Там Рин кричал, – сообщил Вилли.

Экен покосился на придорожные кусты. Светлана задумчиво посмотрела на сидха.

– Может, показалось? – предположил Рамдан.

Подъехал следовавший за госпитальным фургоном, которым правил Лайруксал.

– Почему стоим? – осведомился сидх.

– Вилли говорит, что там в кустах Рин стонет, – сказала Светлана.

– Это морок, – сказал Лайруксал.

– Я пойду проверю, – сказал Вилли.

Лайруксал пожал плечами.

– Только побыстрее, – сказал он.

– Ты следопыт? – колеблясь, спросил Рамдан. – Ты сможешь вернуться к дороге?

– У нас каждый – следопыт, от сына короля до сына последнего рудокопа, – произнес Вилли.

– И ты, конечно, партизанил? – осведомилась Светлана. – Хотя бы во время правления Черного Пламени?

– У нас каждый – партизан, от... – усмехнулся сидх.

– Я пойду с вами, – сказала целительница.

Когда с ноги богини упал последний железный браслет, по морщинистому лицу Матери Рябины потекли слезы. Ринке обнял ее.

– Все хорошо, – сказал он. – Все уже кончилось...

Богиня всхлипнула.

– Я подожду вас снаружи, – тактично сказала Карина. – Душно здесь, аж голова кругом идет...

Ведьма направилась к выходу из кузницы. Шар поплыл за ней. Богиня и эльф остались одни в полумраке.

– Нет, – сказала Мать Рябина так, что ее услышал только эльф. – Для тебя, Ринке, все только начинается. Время в наших мирах течет по-разному. Для того чтобы оковы потеряли силу, мало открыть замок на них куском мифрила. Обрету я свободу или нет, зависит от вас. От тебя и от нашей гостии. Что ты выберешь – жизнь или смерть, лес или предательство, то и будет. Есть из чего выбрать, смотри, не прогадай.

– Я понял, – отвечал Ринке. – Я постараюсь выбрать правильно.

Когда эльф и его богиня вышли из кузницы, Карина ожидала их около повозки. В свете

магического шара над ее головой фигурка ведьмы казалась одинокой, потерянной, словно Карина была последним человеком на земле.

– Что ты хочешь за свою помощь? – спросила Мать Рябина.

Ведьма махнула рукой:

– Поехали уже обратно. Не надо мне ничего.

– Как скажешь, – ответила богиня.

Мать Рябина пошла отвязывать пауков, но тут Ринке вмешался в беседу:

– Сними с нее проклятие. Карина не может любить. Сразу после секса она прогоняет любовника, движимая злыми чарами.

Богиня остановилась, скользнула оценивающим взглядом по ауре ведьмы.

– Не слушай его, – сказала мандреченка. – Может, и нет никакого проклятия. Это Света так думает. А я думаю, что просто характер такой дурной...

– Твоя подруга права, – перебила Карину Мать Рябина. – Но снять подобное проклятие мне не по силам.

– Ничего себе, – мрачно сказала ведьма. – Если уж ты не можешь, к кому идти тогда?

Богиня пожала плечами.

– Пока ты в моем лесу, оно не будет действовать, – сказала Мать Рябина. – Ты сможешь любить, и не будешь отталкивать того, с кем сойдешься. Наслаждайся! Но запомни – там, где сила любви и жизни уступает силам расчета и смерти, мои чары не властны!

Голос богини становился все громче. На последних ее словах в ушах у Ринке зазвенело так, что стало больно. Перед глазами эльфа все закружилось. Он вцепился в дверь кузницы, чтобы не упасть, и ощутил под рукой что-то мягкое, шелковистое и холодное.

Эльф рванулся из всех сил и обнаружил себя сидящим на плаще, а в руке у него оказался пук травы, вырванной с корнем. Эльф увидел рукав своей рубахи, заляпанный болотной грязью – шелковая рубаха с серебряным шитьем исчезла, на нем обнаружилась льняная рубаха, в которой он вчера гулял по Ильмосту. Ринке перевел взгляд. Рядом с ним лежала ведьма. В серых, как паутина, предрассветных сумерках эльф различил силуэты деревьев.

Они снова были в Железном Лесу.

– Ты попросил свою богиню снять чары, чтобы извлечь из этого пользу для себя? – раздался тихий голос Карины.

Ринке заколебался на миг.

– Ответ положительный, – севшим голосом ответил он. – Но не бойся, я...

Ведьма негромко засмеялась.

– Извлекай, – сказала она.

Ринке отбросил траву, повернулся к ведьме и опустился на нее. Как и все эльфы, он умел пользоваться не только руками, но и языком. Ведьма чувствовала его тело, напряженное, как тетива лука, видела ресницы Ринке – короткие, но густые и пушистые, и под ними – чуть фосфоресцирующие в полутьме глаза эльфа, темные, нечеловеческие, зрачок, превратившийся в узкую дрожащую полоску. «Он слишком быстрый», думала Карина. – «Как горный ручей, как зарница, как пущенная лучником стрелааАААА».

Эльф и вправду действовал быстро; но он сумел разогнать до своей скорости и ведьму. Так камень, захваченный бешеным круговоротом урагана, крутится так же быстро, как и попавшая туда былинка...

В этом оргазме было что-то пугающее. Карина перестала ощущать свое тело, потеряла себя в невыносимой, ослепительной пустоте. Ведьму уносило в пылающее, бесконечное наслаждение, откуда, как она чувствовала, возврата нет. Карина в отчаянии дернула последний рычаг, который у нее еще оставался. Сначала она услышала протяжный крик эльфа, и почувствовала свои зубы, а потом что-то горячее и соленое на них.

Затем вернулось зрение. Карина увидела обнаженное плечо Ринке, темный полукруг от своих зубов и кровь, наполняющую ранки, как вода наполняет след, оставленный во влажной земле. Эльф вышел из ведьмы, откинулся на спину, отдыхая.

- Прости, – пробормотала Карина.
- Ничего, – ответил Ринке, отстраненно глядя в светлеющее небо.
- И ты всегда кричишь от «ничего»? – сердито спросила ведьма.

Эльф засмеялся:

– Ответ отрицательный. Это было не то ощущение, которого я ждал, – пояснил Ринке. – Первый раз у того, кто кусает меня, есть клыки. Я закричал от удивления.

Эльф покосился на ведьму. Смущенная Карина молчала. Ринке приподнялся на локте и склонился к ее предплечью. Ведьма внутренне сжалась – она подумала, что эльф хочет укусить ее в отместку, так же сильно, как она его. Но Ринке только чуть прихватил зубами кожу – так веселый щенок сжимает в пасти руку играющего с ним человека.

- Понимаешь разницу? – спросил эльф. – Или тебя уже кусали... те, у кого нет клыков?
- Нет, не кусали, – ответила ведьма.

Вдруг мандреченка села, прислушиваясь к себе. Как и эльф, она так расслабилась, что позабыла о чарах. Но Карина до сих пор не произнесла в адрес любовника ни одного худого слова – а обычно ругательства приходили ей на язык сами, срываясь с ее губ подобно потокам летнего ливня. Частенько бывало и так, что ведьма сама не знала, что сейчас произнесет. Но в этот раз все было иначе. В голове Карины плыла звенящая пустота, а тело наполняла приятная истома.

Ринке вопросительно приподнял бровь. Ведьма улыбнулась, искренне, от души. «Словно кто-то сорвал с ее лица прозрачную, как паутинка, серую вуаль, на которой навечно запечатлена спокойная нахмуренность», подумал эльф.

- Получилось! – воскликнула мандреченка и обняла его. – Получилось!

Ринке улыбнулся. Его тело снова напряглось, но на этот раз не от желания. Ведьма тоже услышала треск ломаемых кустов. Кто-то приближался к их уютному гнездышку, причем не особо скрываясь. Карина повернулась на звук. Ошеломленная мандреченка уставилась на березу, под которой они лежали – на уровне пояса черно-белый ствол разделялся надвое. А ведь засыпали путники, это Карина точно помнила, под елью, мертвой с одной стороны. Но не было ни ели, ни холма, огражденного кругом Нэрда.

Кусты справа от раздвоенной березы раздвинулись, и из них появилось хмурое лицо Вилли. Ринке, хоть удивился ничуть не меньше ведьмы, успел набросить на себя и подругу плащ. И вовремя – вслед за Вилли на полянку вывалились Рамдан и Светлана.

- А вы тут зря времени не теряете, как я погляжу, – хмыкнул экен.
- Я же говорил, что могу отличить морок от живого голоса, – пробурчал Вилли.

Целительница с интересом перевела взгляд с Карины на эльфа, вопросительно чуть приподняла бровь. Старшая крыла «Змей» незаметно кивнула.

– Очень жаль, что ты не сможешь рассказать, что же произошло с вами в пути, – вздохнула Светлана.

- Как вы тут оказались? – спросила Карина.

– Я то же самое хочу спросить, – весело ответила целительница. – Мы за вчерашний день прошли верст пять, не меньше. И обнаруживаем вас в кустах в трех саженях от дороги. Вы летели, что ли, всю ночь?

Ринке и Карина переглянулись.

- Вроде того, – произнес эльф.

«Лисята» путешествовали в фургончике, а когда останавливались на гастроли в городах, обычно снимали гостиницу – если позволяло состояние финансов труппы. В Куле же, прямо в парке, имелся Дом Шутов, построенный еще при царевиче Алексее. Дом Шутов пережил не только царевича, но и три осады и два падения столицы. Здесь размещались странствующие актеры, гимнасты и все остальные, кто жил тем, что веселил почтеннейшую публику. Проживание было для гостей бесплатным. Дом Шутов содержался за счет императорской казны. В кафе на первом этаже всегда можно вкусно и недорого поесть.

Номер Рейнекке тоже находился на первом этаже – импресарио любил чувствовать себя поближе к земле. Окно по случаю теплой ночи было открыто, и густые ароматы ночных

цветов наполняли комнату. Рейнекке спал, лежа на животе и обняв одной рукой Ингу. В соседнем номере только недавно стих скрип кровати. Мадлен, поскучав недельку после расставания с боевым магом Андреусом, завела себе нового кавалера – сидха Фуинбрагола, прекрасного, как рассвет над морем. Импресарио и Инга долго шепотом перешучивались насчет бури страсти в соседнем номере. Актриса предлагала устроить соревнование и заглушить стоны сестры своими. Но Лису эта идея не пришлась по вкусу, и он уклонился от любовных игр. Что-то томило оборотня, что-то такое было разлито в воздухе, кроме одуряющего запаха цветов.

Рейнекке помнил тот вечер, когда Андреус, как и многие до него, решил попробовать себя в роли Зигфрида. Помнил, что потом зачем-то искал мага в ночном парке.

Но не помнил, нашел ли... и чем закончилась эта встреча.

И это ему не нравилось.

А еще Лису не нравился Фуинбрагол, не нравился его запах. Сидх, как и многие его родичи, пользовался одеколоном, в отличие от мандречен. Аромат не был неприятным, наоборот, он был изысканным и терпким. Лису не нравилась и томная меланхолия Фуинбрагола, не нравился его взгляд. Никто из труппы, конечно, не воспринял всерьез недавно вышедший закон о раздельном существовании двух рас. Под каждую юбку не заглянешь, гляделок не хватит. Но сегодня ночью, когда новый закон был неоднократно и с удовольствием нарушен Мадлен и Фуинбраголом, душу Рейнекке наполнило мерзостное предчувствие.

Сквозь сон он услышал мерные, тяжелые шаги по коридору. Лис приподнялся на руках, издав спросонок полустон-полувсхлип. Шаги приближались. Импресарио ткнул Ингу кулаком под ребра, женщина заворочалась. Рейнекке схватил ее за руку и вместе с ничего не понимающей актрисой выпрыгнул в окно.

Когда ветки шиповника хлестнули ее, Инга проснулась окончательно. Она обнаружила, что сидит голая и дрожащая в жутко колючих кустах под окном собственного номера, а на губах у нее лежит потная, горячая ладонь Рейнекке. В этот момент в соседнем окне вспыхнул свет, и раздались голоса.

Когда то, ради чего она жила эти годы – а жила Мадлен только ради мести – осуществилось, женщина испытала неведанное ею доселе опустошение. Ее охватило безразличие ко всему. Единственное, о чем она немного жалела – что Инга отправила донос еще до спектакля, опасаясь, что потом будет поздно. Сестра убеждала ее, что раненного зверя нужно добить, и Мадлен вяло соглашалась. Но про себя она надеялась, что бумага потеряется где-нибудь в Имперской Канцелярии, и до адресата не дойдет.

Лиричная меланхолия Фуинбрагола, нового ухажера Мадлен, чудесным образом совпала с ее настроением. Ритуал ухаживания уже навяз у нее на зубах, выпал в сердце мутным осадком, и актриса на этот раз была не расположена тянуть с самой сладкой наградой. С годами она убедилась, что ничего сладкого в этой награде нет, ни для награждаемого, ни для награждающего. Но Фуинбрагол не спешил – сидхи обращают меньше внимания на бег времени, чем люди. Когда сидх наконец остался в Доме Шутов на ночь, то, качаясь в неторопливом потоке его болезненно-нежных ласк, Мадлен неожиданно подумала, что осталось в этом мире одно, чего ей никогда не испытать.

Близость с Хагеном.

Казнят ли его по доносу сами мандречены, выдадут ли Боремии как преступника, или ему удастся уцелеть и на этот раз – но они, Хаген и Мадлен, больше никогда не встретятся. Мир слишком велик для двух людей, потерявших в ненависти.

Но вместо того, чтобы радоваться этому, Мадлен ощутила легкую печаль.

Это было первым чувством, рожденным в ее груди за последнее время; и именно оно придало ласкам Фуинбрагола странный, незабываемый привкус.

Мадлен разбудило холодное-колючее прикосновение к запястью. Вырванная из сна актриса увидела черный мундир, нашивку в виде фиолетового колокольчика. Ужас взорвался в животе ледяной бомбой и опутал внутренности, подобно склизким, обжигающим

щупальцам медузы.

Пока офицер, изящный и хорошенький в своем мундире, как фарфоровая куколка, зачитывал статьи закона скучающим голосом, второй Чистильщик – лохматый, как помойный пес, и рыжий, как клен осенью – раздвинул колени актрисы. Судя по нашивкам на рукаве, это был кто-то из рядовых. Мадлен привычно подняла руку и только теперь заметила браслет, который предусмотрительный Чистильщик надел ей. Стальные глазки адуляра подмигнули актрисе. Этот камень лишал возможности призывать Цин так же надежно, как красный алмаз и альмандин, но был гораздо дешевле. Мадлен повернулась к Фуинбраголу. Она ожидала увидеть его скрученными Чистильщиками. Но нет – сидха никто не тронул. Фуинбрагол уже натянул брюки и застегивал ворот рубахи.

Рыжий Чистильщик резко и без предупреждения засунул руку во влагище актрисы. Мадлен закричала. Изящный офицер зевнул и наотмашь ударил ее по лицу. Рыжий извлек руку, капнул на увлажненный палец чем-то из бутылочки, которую держал в другой руке. Прозрачная субстанция окрасилась в синий цвет.

– Сперма сидха, – сообщил рыжий.

– Обвинения подтвердились, – произнес второй Чистильщик. – Мещанка Таубер, вы арестованы и будете препровождены в Имперскую Канцелярию. Казнь состоится на рассвете.

Это было слишком много.

– Казнь? – прошептала Мадлен. – Казнь?!!!

Фуинбрагол направился к дверям. Рыжий Чистильщик подвинулся, пропуская его.

– Согласно приложения номер двести семнадцать к Стоглаву, казнь будет осуществлена методом сажания на кол, – пояснил изящный офицер. – Только кол будет введен не в анус, а в другое ваше отверстие...

– Раз уж вы так это любите, – хмыкнув, добавил рыжий.

У Мадлен все поплыло в глазах. Но она успела увидеть, как сидх взялся за ручку двери.

– А почему вы его отпускаете? – завопила женщина. – Он тоже нарушил закон!

Фуинбрагол обернулся. Мадлен увидела, что он улыбается. Той самой своей грустно-нежной улыбкой, которая ей так нравилась.

– Не совсем так, – ответил офицер. – Сидх Фуинбрагол участвовал в секретной операции по проверке чистоты нравов, и будет не наказан, а наоборот, вознагражден...

Фуинбрагол послал любовнице воздушный поцелуй и вышел из номера. Мадлен смотрела, как закрывается дверь.

– Одевайтесь, – сказал рыжий.

Актриса подняла первое попавшееся платье – это оказалась красная туника. Поверх актриса надела черное шерстяное блио. Мадлен попала в рукава с третьего раза, а стянуть шнуровку на боках вообще не смогла. Чистильщики все это время спокойно наблюдали за ней. Увидев, что ей не справиться с лентами, офицер сказал:

– Давайте я помогу вам.

Он подошел к Мадлен и стал разбираться со шнуровкой. Теперь актриса смогла рассмотреть его лицо – офицер был еще очень молод, ровесник Инги или чуть младше. Присутствие духа вернулось к Мадлен.

– Но почему я должна умереть? – спросила актриса, вроде бы нечаянно прижавшись грудью к руке офицера. – Что я такого сделала?

– Чтобы не рождались ублюдки со способностями к магии, – ответил Чистильщик.

«Спасена!», с невыразимым облегчением подумала актриса и поспешно проговорила:

– У меня никогда не будет детей, значит, и никакого преступления я не совершила!

– От сидхов почему-то все бабы беременеют, – заметил рыжий.

– Вы не понимаете! Я не женщина! – воскликнула Мадлен.

Офицер хмыкнул.

– Вот, смотрите, – актриса торопливо вытащила из медальона на груди туго свернутый клочок пергамента. – Вы грамотны?

– Конечно, – кивнул офицер.

Он с трудом отвел взгляд от груди Мадлен в низком вырезе блио и скользнул глазами по строкам.

– Чего там? – спросил рыжий.

Офицер задумчиво поскреб чисто выбритый подбородок. Актриса начала распускать ленты, ослабляя шнуровку блио.

– Даже не знаю, – сказал он. – Это к начальнику надо, вряд ли он сейчас на месте...

Взгляд его снова уперся в грудь Мадлен.

– Я вас очень прошу, – прошептала актриса.

Мадлен прижалась к Чистильщику всем телом. Ее волосы еще пахли одеколоном сидха, и терпкий аромат понравился офицеру.

– Ваня, выйди, – сказал он.

– Что я, рыжий? – хмуро возразил тот. – Пусть и мне даст.

– Так ведь до утра еще два выезда надо успеть, – колеблясь, ответил старший Чистильщик.

– А мы быстренько, бутербродом...

Крон засиделся на работе до поздней ночи. Ему было некуда спешить. Искандер еще не вернулся из Ринтали. Да и дел, как всегда, было гораздо больше, чем времени для того, чтобы их решить.

Имперский маг потянулся так, что хрустнули суставы, посмотрел на часы. Они достались ему от прежнего хозяина кабинета и раздражали Крона своей навязчивой мрачностью. Маг решил, что на сегодня хватит. Он обычно ночевал на диване, но сегодня Крону захотелось поспать на кровати – узкой, жесткой, но настоящей кровати, стоявшей в потайной камерке за кабинетом. Крон направился к входу в камерку, но в этот момент в дверь постучали. Имперский маг учуял ауру Эмнера и крикнул:

– Заходи!

Увидев в руках вошедшего секретаря бумаги, Крон вздохнул.

– Что там?

– Дело мещанки Таубер.

– А, – сказал маг. – Она здесь?

Эмнер кивнул.

– Я уже отдал исчерпывающие распоряжения по этому делу, – сказал маг.

– Да, но вскрылись новые обстоятельства...

Крон молча протянул руку. Несколько мгновений он рассматривал идентификационное удостоверение некрома модификации 659А, выписанное на Брюнгильд Зоббер.

– Она говорит, что Мадлен Таубер – это ее актерский псевдоним, – ответил секретарь, предупреждая вопрос. Но Крон и не думал ни о чем спрашивать и молча глядел на пергамент. Эмнер продолжил:

– Дежурный маг проверил ее ауру. И как бы ее там ни звали, она правда некром, а не женщина. Маг не может определить, той ли модификации, которая указана в свидетельстве, поскольку каталога модификаций у нас нет, но...

– Это неважно, – хрипло сказал Крон. – Что еще?

– И тут вот принесли, на имя Искандера.

Маг махнул рукой в сторону стола. Секретарь положил продолговатый конверт.

– Мещанку Таубер немедленно ко мне, – сказал Крон.

– Слушаюсь, господин имперский маг.

Мужчина, сидевший за столом и читавший какой-то документ, не сразу повернулся к посетительнице. Мадлен привалилась спиной к двери.

Хотя подразделение Чистильщиков было основано без году неделя, актриса успела убедиться в том, что кадры сюда набраны опытные, обстрелянные. Офицер с кукольной внешностью признал правоту напарника, но отказался от предложенной им позы, сказав, что его вполне удовлетворяют оральные ласки. Сформулировал он это несколько иначе, более

кратко и доходчиво. Чистильщики вообще высоко ценили свое время – они не стали валяться по кроватям с арестованной, как не стали и раздевать Мадлен. Офицер расстегнул брюки и потянул актрису за косу, намекая, что уже можно приступать. Когда Мадлен наклонилась, рыжий Чистильщик забросил подол блях ей на спину. Они вошли в нее одновременно. Рыжий, энергично качая бедра актрисы, пожаловался на своего начальника, который зашивался с делами, ничего не успевал и заставлял, зверюга этакая, работать сверхурочно, из-за чего Чистильщику даже потрахаться было некогда. Красивый офицер в ответ рассказал о том, что его начальник наоборот, последнее время уже затрахал всех приказами, которые сыпались из него, как мука из прохудившегося мешка. Во время рассказа он увлеченно мямли и тискал грудь Мадлен.

Офицер сдержал свое слово. Он телепатически связался с дежурным по Имперской Канцелярии как только кончил, и актрису провели к начальнику сразу же по прибытии.

Мадлен рассматривала черные глухие шторы на окне, часы, кожаный диван у противоположной стены. Болело тело, измятое грубыми ласками, ныла душа. Сейчас Мадлен казалось, что если бы Чистильщики унижали ее, оскорбляли и били, она бы чувствовала себя менее униженной. Но они уделили ей не больше внимания, чем уделяли своей правой руке во время мастурбации. Разве что рыжий по-хозяйски шлепнул актрису по задку на прощанье.

Зашелестел переворачиваемый листок, и Мадлен наконец взглянула на имперского мага. Она и не думала, что ее дело будет разбирать столь высокопоставленное лицо.

Если бы сердце актрисы еще стучало, в тот миг, когда она поняла, в какую жестокую игру сыграла с ней судьба, оно непременно остановилось бы. Но по жилам Мадлен вот уже десять лет текла не кровь, а насыщенный чарами эликсир, что влил в них старый некромант. Поэтому актриса стояла и смотрела на имперского мага Крона.

На боевого мага Андреуса.

На Хагена...

– Здесь все верно, кроме одного, – задумчиво произнес он, постукивая пальцем по бумаге.

Мадлен поняла, что это за документ.

Если бы это происходило не с ней, то Мадлен никогда не поверила бы, что судьба может сложиться в такую затейливую и зловещую цепочку совпадений. Но сейчас актриса даже не удивилась.

Она с детства была невезучей.

Все же, часть обуревавших ее чувств отразилась на лице, потому что маг усмехнулся и сказал:

– Все, адресованное лично императору, проходит через мои руки. Так вот, по поводу твоего доноса. Кримхильду я не убивал. Она покончила с собой. Старый граф почему-то вовсе не пришел в восторг, когда жрецы Хель предложили ему закрепить тело Кримхильды на ободе колеса и водрузить на ближайшем перекрестке. Он посчитал, что дочурке будет гораздо уютнее в семейном склепе. И свалил все на меня...

Крон встал из-за стола, прошел взад-вперед по кабинету.

– Так значит, Брюн, умереть ты не можешь? – спросил он.

Мадлен кивнула.

– Это хорошо. Модификация 659А... А я-то, глупый, все искал какие-то следы... Кто заплатил за тебя?

– Инга, – непослушными губами ответила актриса. – Она продала себя магу.

– А некромант продал вас Лису, – понимающе сказал Крон.

Маг поманил ее рукой. Женщина на миг замешкалась перед тем, чтобы сделать шаг. Ей вспомнилась старая песня мандречен: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти – четыре шага».

– Ты думала обо мне, – пристально рассматривая ауру Мадлен, сказал Крон. – Совсем недавно...

Вдруг он засмеялся – искренне, от души.

– Я вспоминал о тебе, – произнес он. – И думал то же самое... Норны, когда сплели наши жизни в общем полотне, здорово позабавились, ты не находишь? Но мне порядком надоели игры, в которые боги играют с нами. Я хочу сыграть в свою собственную. Иди же ко мне.

Путь от двери кабинета до мага уложился в четыре шага актрисы.

Крон почти не помнил, что было дальше; для него все слилось в одну пламенеющую страстью и болью воронку. Он не сопротивлялся, когда воронка засасывала его – с бесконечной жадностью, всего, целиком, без остатка, с неторопливостью гурмана, пробующего новое блюдо.

И Крон достиг ее дна.

Карина растянулась на лежанке, с наслаждением услышала хруст простыней. Светлана прилегла рядом.

– И сколько я уже не лежала на чистых простынях? – вздохнула мандреченка.

Светлана хмыкнула – это был риторический вопрос.

Присоединившись к обозу, старшая крыла «Змей» объяснила проводникам, что ее ведьмам нужно вымыть волосы и искупаться. Вывести вшей с длиннющих кос было практически невозможно, а небесная воительница с короткой стрижкой долго не жила. Вместо шлем-косы нельзя было воспользоваться обычным шлемом – резко снижалась широта обзора в небе, и соответственно падали шансы выйти из воздушного боя живой. Ринке пообещал сделать график движения таким, чтобы караван к вечеру остановился у небольшого озерца рядом с дорогой. И сделал. Под охраной экен ведьмы выкупались и постирались.

– Хорошо-то как, – заметила Светлана.

– Мужика только не хватат, – ответила Карина.

Она рассеянно провела рукой по влажным кудрям подруги – Света воспользовалась редким случаем походить с распущенными волосами.

– Давай Ринке позовем, – добавила мандреченка.

Целительница на миг прикрыла глаза. Глубоко вздохнула, собирая все свое мужество в кулак. Такого ужаса она не испытывала даже во время боя за Мир Минас, увидев летящий на нее огненный шар и осознав, что уклониться она уже не успевает.

– Они у костра сидят, вместе с Вилли, я видела, когда из лазарета выходила, – скороговоркой произнесла Света. – Пойду-ка девочек проведу, может, у Иришки опять боли...

– Останься, Светик, – просительно сказала Карина. – Знаешь, как весело будет...

Светлана посмотрела на нее и поняла, что от этого огненного шара уклониться тоже не удастся. Да и бояться было как будто нечего. Ночь с сидхом должна была принести совсем иные ощущения, чем крошащееся под действием магии предплечье. Но все равно от тупого, тяжелого страха, охватившего ее, ведьма несколько мгновений не могла произнести не слова. «Раньше или позже мне пришлось бы это сделать», подумала целительница.

– Да уж, – улыбнулась Светлана. Но только она сама знала, чего ей стоила эта улыбка. – Но вряд ли мы с тобой выспимся...

Две ведьмы вступили в освещенный костром круг, появившись из темноты подобно духам ночи. Вилли вздрогнул и чуть не выронил фляжку, к которой прикладывался. Ринке, пускавший колечки дыма, приветственно махнул рукой.

– Садитесь, девочки, – сказал он. – Чаю попьем...

– Чай не водка, много не выпьешь, – сказала Карина.

– У нас и водка есть, – ответил Ринке.

В подтверждение Вилли встряхнул фляжку, где вкусно булькнуло.

– Будете? – спросил он. – На закуску, правда, только гренки.

– Он их сам пожарил, на сале, – добавил Ринке. – Пальчики оближете.

– Ааа, так вам тоже надоел эльфийский хлеб, – с удовлетворением заметила Светлана.

– А все приедается, даже амброзия, – ответил Вилли. – Главное – это разнообразие.

– Что верно, то верно – сказала Светлана. – Я на водку уже смотреть не могу.

– Пойдем к нам, Ринке, – добавила Карина.

Вилли отвернулся, делая вид, что происходящее его совершенно не волнует. Сидх зачерпнул из миски пригоршню гренок и принялся хрустеть ими.

– Да ну вас, девчонки, – засмеялся Ринке. – Замучаете ведь...

Ведьмы переглянулись и молча направились к сидху. Тот вмиг очутился на ногах, и, дурачась, поднял руки словно для защитного заклинания. Карина осторожно взяла его за рукав.

– Ну пожалуйста... – наклонившись, выдохнула она ему в ухо.

– Давайте Вилли тоже позовем, – пробормотал сидх.

– А что, ты один не справишься? – томно спросила Светлана.

– Справлюсь, – ответил Ринке. – Но вдвоем сподручней...

– У нас не принято переходить дорогу друг другу, – сказала Карина.

– Как сказал бы золотоискатель, этот участок уже застолблен, – подхватила целительница.

Вилли глянул на ведьм через плечо.

– А я и не знал, – сказал он. – И кем же?

– Ну, кого ты сегодня гладил по бедру? – произнесла Светлана.

Сидх усмехнулся, но было заметно, что он смущен.

Ирина очень страдала от болей. Целительница опасалась, что в рану попал яд. Вилли, заглянув в походный госпиталь вроде бы случайно, успокоил их обоих, сказав, что в этом случае Ирина бы уже умерла. Сидх предложил свою помощь. Он хотел применить к звеньевой заклинание, которым обычно пользовались темные эльфы при таких ранениях. Сабрина еще тогда пошутила, что Вилли хочет приворожить звеньевую, а сидх в своей мрачноватой манере ответил: «Очень надо».

– Если бы меня столбили, как ты говоришь, все, кого я гладил по бедру, я бы сейчас был весь в столбах, как еж в колючках, – произнес Вилли. – Я просто хотел помочь, Ире ведь плохо...

Он запнулся.

– Это ваши дела, – сказала Светлана вежливо.

– Спокойной ночи, – добавила Карина.

– Тебе того же желать не буду, – усмехнулся Вилли.

Троица двинулась прочь от костра, вдоль цепочки фургонов. Из-под тентов доносился храп наемников. В придорожной траве шуршали ночные зверьки. В прорехи между висящими над дорогой ветвями деревьев заглядывали любопытные глаза звезд.

– Давай сначала сделаем Свете хорошо, вместе. Я еще не могу привыкнуть, что... – сбивчиво начала объяснять ведьма. – Я боюсь, что если мы с тобой сначала...

– Я понял, – ответил сидх.

Ринке ощутил прикосновение маленькой холодной ладони – Светлана сжала ему пальцы.

– Только я прошу вас, господин сидх, неторопливо и нежно, – сказала ведьма вроде бы шутливо, но сидх уловил странные нотки в ее голосе. Словно бы целительница испытывала страх и отчаяние, но изо всех сил пыталась это скрыть. – Я понимаю, что вам хотелось бы отомстить за все, что мандречены сделали с вашим лесом, но я из Боремии... Учтите это...

– Хорошо, – ответил он и чуть пожал руку ведьмы в ответ. – Карина мне подскажет, если что.

– Ну да, – бодро откликнулась та. – И даже покажу.

Кроватью ведьмам служили точь-в-точь такие же ящики, что и проводникам. Вместо матрасов ведьмы использовали казенные одеяла. Свернутые куртки послужили воительницам подушками, а укрывались они своими форменными плащами. Карина разрешила всем своим ведьмам летать без плащей и курток, в одних рубашках и кольчугах.

Однако в отличие от проводников, Карина и Светлана сдвинули свои ящики вместе.

Ринке заглянул в зеркало, магически приклеенное к тенту чуть выше уровня его глаз. Эльф с большим удовольствием любовался на свой гладко выбритый подбородок. Несколько веточек клевера и кашки, засунутые за зеркало, были сорваны не далее как сегодняшним вечером, если судить по аромату. На веревке, натянутой через весь фургон, сушились метелочки зверобоя – запасам обезболивающих в ларчике целительницы был нанесен огромный урон, и Светлана собирала вдоль дороги полезные травы, когда они попадались ей на глаза.

Светлана отстраненно смотрела на магический шар. Они создавали его втроем, и теперь голубые и алые полосы закручивались на поверхности светящейся сферы в замысловатую спираль. Карина присела на край кровати и стянула кольчугу через голову.

– А это зачем? – заинтересовался Ринке.

Он указал на пару бронзовых плечиков, похожие на те, куда вешают платья, только очень уж мощные. Плечики свисали с потолка на цепи; посмотрев вверх, Ринке увидел, что цепь прикреплена к центральной балке, держащей тент фургона.

– А вот зачем, – ответила Карина и повесила кольчугу на плечики.

– Потрясающе, – ответил Ринке и стал снимать рубашку.

Светлана почувствовала, как у нее перехватило горло, и она уставилась на свое отражение в зеркале. Сидх обернулся, ища, куда бы повесить одежду.

– Если ты не возражаешь, мы ее свернем и положим в изголовье, – обратилась Светлана к Ринке. Тот кивнул и отдал рубашку целительнице. Карина наклонилась к обнаженному животу сидха и заметила:

– Какая у тебя родинка под грудью интересная.

– Это не родинка, а татуировка, – ответил Ринке.

– Это знак твоего клана? – спросила ведьма. – Очень похоже на...

Карина запнулась – спазм перехватил горло. Заклятье, наложенное Светланой, действовало. Но Ринке понял, что она имела в виду.

– Да, похоже на мой герб, – сказал он. – Но у нас родовых татуировок не делают. Я сделал на себе эту метку, когда пошел в Ежи. Чтобы можно было опознать тело. Обычно берут руну, первую из своего имени, и я поступил как все. Эта руна обозначает «завитушка». Как и мое имя.

– Я умею читать на квенье, – заметила Карина. – Там эта руна означает «метель, поземку, зиму».

Светлана тем временем откинула одеяла-плащи с кровати. Ринке увидел, что она застелена простынями. И похоже – даже чистыми.

– Как вы уютно устроились, – сказал сидх. – Да, женщина способна даже сарай превратить во дворец...

– Я бы сказала – в теплое гнездышко, – заметила Карина.

Светлана тоже сняла и повесила кольчугу и рывком стащила с себя блузку.

– Я не знаком с обычаями людей в этой сфере жизни, – сказал Ринке, глядя на целительницу. – Это у вас называется «неторопливо»?

Ведьма замерла, закусил губу. Карина не могла видеть лица подруги из-за Ринке, стоявшего между ними, но сидх смотрел прямо в глаза целительнице.

– Я весь твой, – сказал он. – Почему бы тебе ни сделать со мной что-нибудь?

Светлана ощутила, как запыхали ее щеки.

– По сравнению с вашими соплеменницами, искусными в ласках, боюсь опозориться, – пробормотала она.

«А мне кажется, что ты боишься другого», телепатировал ей сидх.

«Да», дрожа от ярости и унижения, передала ему Света. – «Ты сам все прекрасно видишь. Так сделай же это быстрее, не мучь меня...».

«Нет», спокойно отвечал Ринке. – «Я не буду тебя мучить. Но жадно поглощают яства только обжоры и те, кто очень голоден... А я – ни то и ни другое».

Он повернулся спиной к мандреченке, завел руки назад.

– Возьми меня за руки, Карина, – сказал он вслух. – Крепко держи...

Ведьма хмыкнула, поднялась и взялась за запястья сидха.

– Я держу его, Светик, – сказала Карина, глядя на подругу через плечо Ринке. – Давай.

Целительница подошла вплотную к сидху. Колеблясь, коснулась рукой обнаженного плеча – чуть ниже следов зубов. Светлана поняла, что Ринке смог доставить Карине очень острое удовольствие. Целительница ощутила, как сокращаются мускулы сидха. Ведьма глянула на лицо подруги. Глаза Карины были полузакрыты. Светлана поняла, что не так уж крепко Карина держит руки Ринке. Точнее, совсем не мешает Ринке двигать ими, и скорее всего, думает сейчас только одно: «Продолжай, продолжай...». Сидх чуть подался вперед, чтобы поцеловать целительницу, и она покорно подставила губы. Но он едва коснулся ее губ; ощутив их вялость, Ринке отстранился. Карина уткнулась в его плечо, обеими руками схватилась за талию.

– Карина, поцелуй Свету, – хрипло произнес сидх. – Я плохо целуюсь.

Ведьма подняла лицо. Целительница наклонилась вперед. Языки двух ведьм сплелись, и в этот момент Светлана ощутила, как у Ринке встает. Ведьма непроизвольно подалась назад, но Карина обняла ее, крепко прижав к Ринке. «Пусть», подумала целительница. Аура Карины горела разноцветными сполохами возбуждения. Ауры ведьм смешались, настроение подруги передалось и Свете. Карина была магом более высокого уровня, и перестраивала ауры слабых магов в резонанс к себе даже не задумываясь. Но на этот раз причина была не только в этом. Ринке не закрывал свою ауру магическим экраном, сейчас это было ни к чему. Света ощутила спокойное и ровное тепло его сущности, душу сидха – не обжигающую страсть пламени, а уют алеющих под слоем золы углей. Перед внутренним взором ведьмы мелькнуло лицо Арги, склоняющегося над углями. Неожиданно Светлане стало легко. Как это часто бывало, Свете передались образы, крутившиеся в этот миг в сознании подруги.

Река... Пустынный берег, сумерки, туман над водой...

Карина рассказывала Свете мандреченскую легенду о реке Калине, отделяющей Подземный мир от мира людей. Светлана ощутила, как подруга отталкивается веслом от берега живых, как теплая мгла окутывает их обоих.

Нет, их троих.

Света обхватила сидха руками – и соединила их на спине подруги. Она ощутила губы Ринке у себя на шее, под ухом, но это уже не вызвало отвращения.

Целительница ошиблась – согласно вере мандречен, после смерти человек не переплывал реку, а спускался в чертоги Ящера по длинной-длинной лестнице.

Но души боремцев поднимались в небо, танцуя по языкам неистового пламени; и в следующие полчаса Ринке узнал, в чем причина столь разительных расхождений в мифах двух человеческих племен.

– Когда же ваша сила и гордость прольется на иссохшую в ожидании землю живительным потоком, господин сидх?

Ринке засмеялся.

– Да это совсем необязательно, госпожа ведьма, – сказал он. – Главное, что вам хорошо...

Он коротко вскрикнул – Карина провела ему языком по внутренней стороне уха.

– Больно разве? – спросила ведьма озадаченно.

– Нет, не больно, – с трудом переведя дыхание, ответил сидх. – Наоборот. Продолжай.

– А чем кончают сидхи? – промурлыкала Светлана.

Распущенные волосы ведьмы скользнули по боку эльфа, когда она опускала голову. Он застонал.

– Наверное, амброзией.... – продолжала Светлана. – Какова она на вкус, вот что интересно.

– Ну, это северные, – заметила Карина. – Темные эльфы должны кончать березовым соком.

– А вот сейчас и проверим, – сказала Света.

Ринке наклонился. Поцелуй пришелся на правую щеку Карины и левую – Светланы.

– Я люблю вас, – пробормотал сидх и вытянулся между ведьмами.

– Карина, это не засчитаем? – осведомилась Света.

– Конечно, нет, – устало кивнула ведьма. – Я же сказала – на дороге никаких игр.

– Что за игры? – спросил Ринке.

– Мы соревнуемся, кто больше мужиков охмурит, – пояснила Света.

– Но я решила, что нам убийств из ревности только не хватало, – продолжала Карина. – И запретила моим ведьмам играть, пока мы в вашем лесу.

– Что же, это разумно, – помолчав, согласился Ринке.

Арга сильно дернул клапан фургона, где жили проводники.

– Ринке! – крикнул он. – Ринке!

Капитан постучал кулаком по доскам. Клапан растянулся, из него показался взлохмаченный Лайруксал.

– Где Ринке? – спросил капитан. – Во сколько выступление?

– Не знаю, – сказал сидх.

Арга оторопел настолько, что даже не обратил внимания на отсутствие обязательного обращения «господин капитан».

– Он что, не ночевал с вами?

Лайруксал отрицательно покачал головой и задернул клапан.

– Сбежал! – воскликнул Арга. – Клянусь требухой Локи, проклятый сидх сбежал!

Он почти бегом двинулся к голове каравана.

Светлану разбудили крики. Она села, обвела фургон взглядом, еще ничего не соображая.

– Все в порядке, это Арга бесится, как всегда по утрам, – услышала ведьма тихий голос Ринке.

Она повалилась обратно на лежанку. Светлана потянула на себя измятую простыню. Ринке укрыл ведьму.

– Мне не хотелось бы вмешиваться в ваши отношения, – сказал сидх. – Но все же, настолько потакать желаниям подруги не стоит.

– Ты о чем? – спросила целительница, уже снова проваливаясь в сон.

Но от следующих слов Ринке дремота слетела с нее окончательно.

– Ты не хотела меня, – ответил Ринке. – Ты поступила так только потому, что этого хотела Карина. Объясни ей, что не любишь мужчин. Если она тебя любит, то поймет и больше не будет настаивать. Нехорошо, когда забава для одного превращается в пытку для другого.

Светлана вся сжалась. Сидх помолчал и добавил:

– Чем мне только ни приходилось заниматься в жизни, доводилось быть и орудием, но как орудие для пытки меня использовали в первый раз. И мне не хотелось бы повторять этот опыт.

Светлана села. Плащ сполз с нее. Магический шар давно погас, исчерпав вложенную в него Чи, и спина ведьмы смутно белела в полутьме.

– Мне нравятся мужчины, – сказала она глухо. – Нравились. Но так получилось, что меня... в общем... я изменила мужчине, которого любила, со злости. А он узнал об этом. И он больше ни разу не коснулся меня, но привел троих здоровых грузчиков из порта...

– Козни Илу, – вырвалось у Ринке.

Светлана обернулась и закончила, глядя прямо в мерцающие зеленые глаза сидха:

– А сам стоял и смотрел...

– Так что же ты не сказала? – раздался голос Карины. Ведьма, как оказалось, тоже не спала. – Ринке прав, я бы не стала тогда заводиться...

– Так ты не спрашивала, – сказала Светлана.

– Как я могла спросить, Светик, – пробормотала растерянная подруга. – Я и подумать не могла, что...

– Прости, – сказал Ринке.

– Не за что, – ответила Светлана. – Наоборот, я благодарна тебе. После того, как... ну... когда они закончили... я сошла с ума. У нас в Боремии хорошие врачи, знаешь... Они используют все известные методики. Эльфийские, мандреченские, даже те из тайн, которыми оборотни Боремии пожелали поделиться с людьми. Они берут все, что работает. Одна из этих методик, теория Тиграна, мне и помогла. Врачи вернули мне рассудок. Но я долго думала, что вернуть мне способность желать мужчине никто не сможет.

– А ты – смог, – закончила она и нагнулась, чтобы поцеловать Ринке.

Ахмет заворчал, сел на козлах. Экен зевнул прямо в лицо Арге, почесал подмышку.

– Да не сбежал он. Рин здесь, в нашем фургоне, – сказал наемник.

Командир каравана остановился.

– Всю ночь прокувыркались, как фургон не развалился только, – продолжал Ахмет с завистью. – Я все ждал, когда меня на подмогу позовет. Так нет, отвалил обеих один...

Арга повернулся и направился к задней части повозки, где находился вход в фургон. Клапан оказался закрыт, но не зашнурован. Капитан резко отбросил ткань.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как обнаженная Светлана целует Ринке. Арга не видел ее лица – его скрыли распущенные роскошные волосы ведьмы. Но он не сомневался, что ведьма сейчас улыбается любовнику.

– Доброе утро, господин капитан, – непринужденно сказала Карина. Она лежала с другой стороны от сидха и поэтому заметила ворвавшегося Аргу. Светлана начала оборачиваться, но капитан не хотел смотреть на ее лицо.

– Выйди, Ринке, – сказал он.

Арга опустил матерчатый полог и еще несколько секунд стоял перед ним, кусая губы. Он видел, как задвигались силуэты на кровати.

– Но у тебя ведь есть уже две броши, – услышал он голос мандреченки. – Так ты со своими ухажерами даже не спала?

Целительница отрицательно покачала головой.

– Это высший класс мастерства, Светик, – сказала Карина.

– А вот где мои штаны, это тот еще вопрос, – произнес Ринке и поднялся.

Капитан отвернулся. Он стоял, глядя на низкий свод ветвей у себя над головой. Там сидела белочка, свесив вниз пушистый рыжий хвост. А лапах было что-то зажато, наверное, орех или гриб. Зверек внимательно смотрел на человека, черная бусинка глаза блестела в лучах восходящего солнца. Убедившись, что Арга не представляет опасности, белка принялась завтракать. Белочка лакомилась грибом, а капитану казалось, что острые зубы грызуна раз за разом впиваются прямо ему в сердце.

Ринке выпрыгнул из фургона, на ходу застегивая штаны. Сидх так спешил, что не стал надевать рубашку. Но, скосив глаза, Арга увидел на запястье проводника неизменные серебряные часы.

– Можно выступить через пятнадцать минут, – сказал Ринке. – Или придется подождать еще час, а только потом двигаться.

Арга повернулся и увидел, что Карина высунулась из фургона. Ведьма подавала сидху рубашку. Ринке стоял боком к капитану, и Арга видел только краешек сдержанной улыбки сидха. Мандреченка наклонилась, показав грудь в застегнутой только до середины блузке, и поцеловала сидха.

– Мы выступим через пятнадцать минут, – сказал Арга.

Ринке обернулся.

– Так точно, господин капитан, – бодро сказал он.

Крон смотрел на огромные напольные часы, и пытался понять, что же здесь не так. Наконец он сообразил, в чем дело. Маятник, оканчивавшийся стальным полумесяцем с острым нижним краем, не двигался. Маг очень удивился.

Цепь маятника надо было перетягивать раз в два дня.

Крон поднялся с ковра, случайно задев ногой лежавшую рядом женщину. К магу

пришла память тела – он не раз касался этого тела ногой за то время, которого хватило часам, чтобы остановиться.

Впрочем, касался – это мягко сказано.

Брюн это тоже помнила, причем гораздо лучше, чем сам Крон. Она вздрогнула и закрыла руками лицо.

Маг выпрямился. Он стоял и смотрел на Брюн. «А „Мадлен“ ей совсем не подходит», подумал Крон. – «Для этого имени она слишком умна. И целеустремленна». В ней ничего не осталось от той великолепной, надменной актрисы, что пленила сердце Крона. Когда Брюн пришла в кабинет имперского мага, ее черное бдио было измято. Теперь одежда превратилось в лоскутки, рассыпанные по ковру черно-красным веером, словно осенние листья. Ее обнаженное тело уже ничего не вызывало в Кроне – ни желания, ни стыда за огромные черные синяки и взбухшие глубокие ссадины, ни вины.

Впрочем, торжества и удовлетворения оно тоже не вызывало.

Крон чувствовал лишь бескрайнюю пустоту внутри, да еще, быть может, немного горечи.

Он не стал пинать Брюн ногой под ребра, хотя поначалу хотел это сделать. Маг подошел к часам и взялся за гирьку, выполненную в форме черепа. Цепь пошла вниз с тихим скрежетом. «Надо будет сказать, чтобы прислали мастера смазать часы», рассеянно подумал Крон. Он хотел перевести стрелки, но сообразил, что не знает, сколько сейчас времени. Часы остановились, когда была четверть первого – но какого дня или ночи, оставалось неизвестным. В кабинете царил полумрак, но это еще ни о чем не говорило – тяжелые шторы на окнах были опущены. Крон не испытывал ни малейшего желания поднимать их. Маг вдруг ощутил, какой затхлый воздух в кабинете. Аромат стухшей крови, пота, спермы, боли и слез смешались в густой коктейль. Крон из всех напитков предпочитал воду, а из всех запахов – чистый, терпкий аромат весеннего леса. «Все-таки придется поднять шторы», подумал маг. За окнами было темно. Когда Крон открыл раму, порыв ветра с площади принес откуда-то запах жареного мяса. Желудок свело судорогой. Маг попытался вспомнить, что он ел последние два дня и ел ли вообще, но память выбросила только солоноватый вкус человеческой крови и плоти.

В любом случае, этого было явно недостаточно.

Крон подошел к столу и извлек из-под груды разметанных бумаг зеленое нефритовое яблоко и такое же блюдце. Имперский маг катнул яблоко по блюдцу и заметил, что руки у него дрожат. Яблоко описало полкруга, и на блюдце появилось лицо Эмнера и его плечо в форменной черной куртке и фиолетовым шевроном в виде колокольчика с четырьмя лепестками. Кроме этого, в поле зрения мага попал угол хорошо знакомого серванта. Крон понял, что секретарь сейчас находится в Имперской Канцелярии. Эмнер заметил начальника и отложил перо, которым что-то строчил в разложенных перед ним бумагах.

– Какое сегодня число, Эмнер? – спросил имперский маг.

– Пятнадцатое червения, господин Крон, – ответил секретарь. В лице его при этом ни дрогнул ни один мускул.

– А время?

В кабинете секретаря тоже были часы – уютный смешной хронометр с кукушкой производства экенских гномов, нелепый и неуместный. Однако именно эта нелепость и неуместность производила на подсудимых больший ужас, чем черепа и серп на часах в кабинете Крона, и имперский маг об этом знал. Эмнер посмотрел вперед и вбок – часы висели напротив его стола.

– Двадцать два часа тридцать восемь минут, – сообщил секретарь.

Как и подумалось Крону, вспышка мести и безумия поглотила почти три дня.

– Я еще немного задержусь в Канцелярии, – медленно сказал маг. – Прикажете подать в мой кабинет ужин на двоих.

– Слушаюсь, господин Крон.

– А ты не знаешь, Эмнер, душевые сейчас свободны?

– Пыточных дел мастера сменялись час назад, так что я позволю себе предположить, что в душевых уже никого нет.

– Благодарю, Эмнер, – сказал Крон и катнул яблочко против часовой стрелки, разрывая контакт.

Он достал из стоявшего в углу шкафа форменную куртку и накинул ее на голое тело. Серый плащ Крон метнул в сторону Брюн.

– Одевайся, – сказал маг.

Крон открыл потайную дверцу в стене своего кабинета и обернулся, хмурясь. Женщина торопливо подошла к нему, на ходу завязывая шнурки на плаще. Имперский маг вошел в потайной ход и стал спускаться по лестнице. Шаги босой Брюн были почти не слышны. Крон подумал, что надо было дать ей и башмаки, но возвращаться ему не хотелось.

Они миновали несколько пролетов закрученной в спираль лестницы и оказались в одном из нижних ярусов Имперской Канцелярии. Здесь было необычно пустынно, что порадовало Крона – ему сейчас не хотелось встречаться ни с кем из подчиненных.

При постройке Имперской Канцелярии маг настоял на том, чтобы в проект третьего подземного этажа был включен блок с душевыми кабинами – для того, чтобы мастера заплечных дел могли помыться после работы, а не добираться до дому, благоухая кровью и потом. Имперским магом двигала не столько забота об условиях труда палачей, сколько нежелание выносить сор из избы. У Крона была хорошая память на чертежи, и он смог найти душевые без посторонней помощи.

В предбаннике имперский маг обнаружил две аккуратные стопочки. В каждой из них находилось два серых полотенца со штампом Имперской Канцелярии, кусок мыла и мочалка. Левая стопочка была чуть побольше – в ней так же лежала арестантская роба. Крон сбросил куртку и залепанные сам Локи не знает чем штаны, взял мыло с мочалкой и толкнул дверь душевой. Они с Брюн услышали шум воды одновременно. В следующий миг Крон увидел в одной из отгороженных досками кабинок огромного рыжего мужчину. Тот как раз намылил голову и не мог видеть вошедших. Брюн нервно хихикнула, но за шумом воды палач ее не услышал. Крон не стал ему мешать. Маг взял некрома за плечо и толкнул к ближайшей свободной кабинке.

– Мойся, – сказал маг. – Тщательнее. Поняла?

Брюн быстро закивала. За прошедшие трое суток актриса вжилась в роль безропотной рабыни гораздо глубже, чем в любую из своих предыдущих. Возможно, это была не лучшая из ее ролей, но Брюн вложила в нее всю свою страсть. В любом случае, это было ее последнее выступление.

И они оба об этом знали.

Однако Крон еще и не подозревал, что маг, создавший некрома модификации 659А, был настолько добр, что подарил своему детищу ключ к вратам Нильфхеля. Крон собирался открыть их для Брюн традиционным способом и уже видел веселые языки пламени, ласкающие ее обнаженные ноги.

Но, очень, очень скоро ему предстояло об этом узнать. Брюн не сомневалась, что если бы Крон догадался о том, что у его пленницы есть волшебный клубочек, способный вывести ее на свободу из лабиринта мук и отчаяния, он тут же отрезал бы ей косы. Ключ Брюн от врат жизни был очень изящной формы. Тот некромант был большим затейником, если не сказать – поэтом. «На этот раз я не засну», думала Брюн, включая воду. Заклинание, которое нужно было произнести, она беззвучно повторяла про себя все это время, что они с Кроном провели в яростных играх.

И только это дало ей сил вынести все изыски фантазии имперского мага.

Маг перешагнул через темную струю, бегущую по кафельному полу к стоку, вошел в соседнюю кабинку и повернул кран. Крон бездумно подставил лицо под теплые струи. Он слизывал с лица капли, ощущая невыразимый покой. Маг услышал шаги и открыл глаза. Рыжий палач уже сполоснул голову и теперь с ужасом смотрел на него.

– Имя, звание? – спросил Крон и взял мочалку.

– Иван Ступка, палач третьей категории.
– Почему моетесь в неположенное время, Ступка? – осведомился Крон, намыливая мочалку. – Опоздали на смену?

Палач рухнул на колени.

– Никак нет, господин имперский маг, – пролепетал Иван. – Задержался с допроса... Работы сейчас много, все не успеваем...

– Следователь кто у тебя?

– Старший помощник руководителя по борьбе с сепаратизмом в экенском секторе Малюта Старгородский.

– Ну, ясно. Свободен.

Палач попятился, не вставая с колен и обдирая их в кровь об острый кафель. Ткнувшись задницей в дверь, он не оборачиваясь открыл ее и выскользнул вон.

За время их отсутствия кабинету придали тот вид, который должен быть у кабинета начальника секретной службы (а не вид борделя после пожара, который он имел до их ухода). На столе стояли два прибора.

– Ешь, – сказал Крон Мадлен, но сам снимать крышку с судка не стал. Вместо этого маг достал из ящика стола справочник внутренних кодов Имперской Канцелярии, нашел в нем Малюту Старгородского, написал несколько рун на шарике и снова крутанул его по нефритовому блюду.

На лице человека, появившегося в магическом экране, мелькнуло удивление.

И ужас.

– Малюта Старгородский? – осведомился Крон.

– Так точно, господин имперский маг, – пролепетал мужчина.

«А ведь он что-то скрывает», подумал Крон. – «Невиновный не мог испугаться так сильно».

– Если вам мало одного мастера пыточных дел, подайте заявку в отдел кадров, – сказал имперский маг. – А вообще, подумайте, как лучше организовать работу. Имперская казна не бездонна. И не забудьте выписать Ступке сверхурочные, Старгородский. Почему другие должны платить за ваши ошибки?

– Так что, господин имперский маг, – пробормотал Малюта.

– Не слышу, – устало произнес Крон.

– Так точно! – рявкнул Старгородский. – Будет исполнено, господин имперский маг!

– То-то же, – ответил Крон и разорвал связь.

В судке оказалась тушенная зайчатина с бобами. Как и всегда, это незамысловатое блюдо оказало на Крона умиротворяющее действие. Имперский маг подумал даже, а не пытался ли таким образом Эмнер смягчить участь мещанки Таубер, и усмехнулся своим мыслям.

Брюн вздрогнула, увидев его улыбку.

– Ляжешь здесь, – сказал Крон и махнул рукой в сторону обитого кожей дивана.

Она поспешно встала и подошла к дивану. Крон жевал и смотрел, как она устраивается. Плащ был слишком коротким, чтобы Брюн могла укрыться им целиком – это был не походный, а форменный плащ. В итоге женщина натянула плащ на ноги, а верхняя часть тела осталась обнаженной.

Маг накрыл пустой судок крышкой и направился к дивану. Он пристроился с краешку. Брюн не шелохнулась, но из груди ее вырвался полузадушенный крик. Крона просто подбросило от этого животного стога. Маг, физически измученный ничуть не меньше, чем его жертва, хотел только одного: спать. Брюн съежилась в ожидании неминуемых побоев, но маг не тронул ее.

Крон поднялся и вернулся в кресло у стола.

Ему случалось проводить ночи и так.

Обычно он спал очень чутко, но в этот раз усталость сломила его. Он не слышал тихих шагов Брюн и скрипа крюка, на котором крепилась люстра, когда актриса обмотала его своей

косой.

И даже мощные колебания Воздуха, когда освободился Цин, делавший мертвое живым, не разбудили его.

Крона вернул в реальность пронзительный сигнал волшебного яблока – кто-то хотел связаться с имперским магом.

Несколько секунд, прежде чем положить яблоко на тарелку, Крон смотрел на обнаженное тело Брюн. Актриса сняла форму, предпочла умереть голой, чем принять что бы то ни было от него. Соединяя две части магического устройства, волшебник думал только об одном.

О том, что маг, создавший некрома модификации 659А, слишком любил старые боремские сказки.

И Крон не мог понять, что он чувствует при мысли об этом – досаду или облегчение.

В лесу, просыпаясь, защелкали и засвистели на разные лады птицы. Полоска неба начала бледнеть. Теперь Энедика смогла рассмотреть имперского мага, и теперь его нельзя было принять за темного эльфа. Волосы на голове Крона, темно-рыжие, с подпалинами, больше походили на шерсть. Да и черты лица, тонкие, изящные, ничем не напоминали суровые, благородные, словно высеченные из черного льда¹¹ лица эльфов.

Не дай ему вспомнить про муравейник...

– Я даже не мог ее сразу снять, – сказал Крон. – Меня вызвали по коммуникационному яблоку, и я должен был решить вопрос...

– Тебе просто не повезло, – сказала Энедика.

– Искандер подумал то же самое, – ответил Крон. – Но постеснялся сказать... Я хорошо отношусь к сидхам, Энедика. Я был готов дать вам не только немного удовольствия, но свободу и мир, о котором вы так давно мечтаете. Эта война высасывает слишком много денег и жизней... Зачем, ну зачем вы подожгли Приморский квартал?

Он повернул голову, ожидая ответа. Энедика залюбовалась спокойствием и грацией его движения. «И как мандречены могут не видеть в нем зверя?», подумала эльфка. – «Сильного, быстрого, мудрого зверя?».

– Так это не мы, Крон, – устало сказала Энедика.

Крон поморщился:

– Я почувствовал твои игры с моими каналами Чи. Но это были **не** каналы воли и разума. Аура оборотней устроена иначе.

– Я говорю правду, и ты сам это видишь, – возразила эльфка.

После оргазма ауры любовников некоторое время были прозрачны друг для друга, и оборотень заметил бы, что она врет. А уж после столь долгого совместного путешествия по лабиринтам памяти Крон видел ее мысли и чувства, как свои.

– Пришли люди, хотели нанять нас, – продолжала Энедика. – Мы отказались – мы знали, к чему это приведет. Рингрин тоже отказался, хотя те люди сулили неплохие деньги. Но дураков среди нас нет.

Имперский маг понял, что эльфка говорит правду.

– Люди? Что за люди?

Энедика пожала плечами:

– Они не называли имен, сам понимаешь.

– Ты узнаешь их?

– Конечно. В лицо – вряд ли, но аура каждого человека индивидуальна, и строение этих аур я запомнила хорошо.

– А надпись на дворце? – спросил Крон, и по его голосу Энедика поняла, что он колеблется.

– Не знаю ни о какой надписи... Она была написана вашими рунами?

¹¹ Имеется в виду слежавшийся снег – фирн

Мандреченскими?

Маг кивнул. Энедика засмеялась:

– Прости, но... Ты стал бы изучать письменность обезьян?

Имперский маг улыбнулся и поцеловал эльфку.

– Вот это я называю – правильная работа с агентурой, – сказал он почти нежно. – Одевайся.

– Ты меня в мандреченские шпионы не записывай, – мрачно сказала Энедика.

– Прости, – очень мягко произнес Крон. – Я сказал не подумав.

Эльфка ошарашено смотрела на него. Не веря, не смея верить, что ей это удалось. Договориться с имперским магом мандречен. Непреклонным и жестоким. Зверем, которым матери пугали маленьких эльфов.

– Одевайся, – повторил Крон и встал. – Нас ждет долгий путь. Ближайший телепорт здесь в Эреборе, насколько я помню?

Энедика попыталась подняться, но у нее подкосились ноги.

Потерять свой отряд и двух любовников; переспать с оборотнем в его звериной ипостаси; быть завербованной в разведку врагом – и все это в одну ночь – было слишком много даже для эльфки.

Крон подхватил ее.

– Бурная была ночька, а? – понимающе сказал он.

Эльфка поцеловала его в шею.

«Я выжила», думала она, вдыхая аромат его тела – пряный, но приятный, запах пота и любви. – «Несмотря на все козни Илу, я выжила... И никого не предала. И возможно, мне удастся даже остановить эту проклятую войну. Сделать то, о чем так давно мечтают все эльфы Железного Леса».

– Нет, ближайший телепорт не в Эреборе, – сказала Энедика. – Гораздо ближе.

Крон удивленно приподнял бровь и чуть наклонил голову.

– Я преклоняюсь перед твоей мудростью, о дочь Старшей Расы, – сказал он чуть насмешливо. Однако доля шутки в этой шутке была очень мала, и они оба понимали это. – Но помни, с кем имеешь дело. Если ты думаешь заманить меня к остаткам своего отряда, то ты потеряешь всех бойцов, и на этот раз – и свою жизнь.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, и думали об одном и том же – у столь разных существ по прихоти судьбы оказались одинаковые глаза.

Энедика усмехнулась.

– Ты все равно убьешь меня. Потом, – сказала эльфка. – Я слишком много знаю... Но мы, темные эльфы, всегда играем честно. До конца.

– Вот и замечательно, – сказал Крон.

Энедика обвела взглядом поляну. Изувеченные тела товарищей застыли в жутких позах.

Не смотреть.

Но эльфка не удержалась.

– Отметим Мидаёте, ничего не скажешь, – мрачно произнесла она.

– Я проголодался, пока догонял вас, – несколько смущенно ответил Крон. – И кстати, что ты скажешь, если я немного помародерничаю? Я могу идти по лесу и в своем зверином облике, но я не хочу появиться в столице Мандры голым.

Энедика махнула рукой. Эльфка смотрела, как маг одевается. Крону пришлось в пору одежда Руско, самого невысокого из Ежей. Энедику это обрадовало – ей было бы слишком тяжело смотреть, как маг раздевает Тавартэра или Халлена. Маг не сразу справился с хитрыми эльфийскими застежками, и Энедика помогла ему. Одежда скрыла тело Крона, спрятала его звериную грацию.

Эльфка подошла к мертвому Халлену, опустилась перед ним на колени и провела рукой по волосам. На голове запеклась кровь.

– Он был сильным бойцом, – сказал Крон, заметив ее жест. – Туго мне пришлось,

прежде чем я понял, что он может двигать только одной рукой. Если бы не он, я бы тебя загрыз, – добавил маг, и пояснил: – Когда мы, звери, пробуем кровь, мы безумеем... А он здорово потрепал меня, и мой рассудок прояснился.

– Он отец моего ребенка, – сказала Энедика.

– Тогда понятно, почему он так тебя защищал.

– Нет, – ответила эльфка. – Он не знал об этом.

Крон покачал головой:

– Загадочные вы, женщины.

Эльфка поднялась с колен. Маг взял ее за подбородок, заглянул в глаза.

– Если у тебя будет ребенок от меня, – сказал он. – Обязательно сообщи мне об этом. Я должен буду научить его перекидываться, иначе он погибнет.

Энедика вяло кивнула.

В голову эльфке пришла новая мысль. Энедика подошла к трупу Мирувормэла, подняла валявшийся на траве туюсок. И почти совсем не удивилась, обнаружив на дне приличную порцию меда. Подняв голову, она увидела, что маг улыбается.

– Я знал, что вы, эльфы – очень развратная нация, – сказал Крон. – Я никогда раньше не видел, чтобы женщина кончила четыре раза подряд.

Свежие царапины на груди животе, глубокие и болезненные – в раны попала грязь, подумать страшно, что было под когтями татцеля, ласкавшего ее – откликнулись эхом его словам.

– Много ты видел, – мрачно сказала Энедика.

– Немного, – согласился маг, улыбаясь.

Эльфка уже не раз чувствовала эту ухмылку, от которой стягивается кожа на скулах и становится больно челюстям, но увидела ее впервые. Энедика поняла, почему испугался Владислав. В этой улыбке не было ничего радостного и ничего человеческого. Так почему же Энедику захлестнула горячая волна жалости? Почему захотелось обхватить эту голову руками, прижать к груди и поцеловать макушку? Эльфка тряхнула головой. Если бы кто-нибудь еще вчера сказал ей, что она будет жалеть имперского мага мандречен, она бы только покрутила у виска.

Но сейчас – жалела.

Когда они покидали поляну, путь эльфки и мага преградила широкая муравьиная дорога. Маленькие трудоголики уже принялись за работу. Рыжие спинки создали в траве толстую ленту. Энедика на миг представила себе, чем насекомые могли быть заняты этим утром.

Эта ночь была ужасна, вспомнились ей слова из старого священного гимна. – Но сейчас уже день...

Эльфка тряхнула головой и перешагнула через муравьев.

И вдруг засмеялась.

– Ты не убил бы меня, – сказала Энедика. – Не для того ты всю ночь рассказывал мне сказки... Ты бы дал мне уйти. Чтобы информация попала к Рингрину, к остальным командирам Ежей... Чтобы мы задумались. Прекратили сопротивление, выдали зачинщиков пожара.

Крон усмехнулся и кивнул.

– Но всю ненужную информацию, которая попала в твою память сегодня ночью, я бы уничтожил, – произнес он. – Это надежнее, чем заклинание молчания...

– Ты великолепен, – произнесла эльфка с наслаждением. – Мы враги, но я рада тому, что у меня такой мудрый и сильный враг.

– Как я уже говорил, я не силен в комплиментах, о великая и мудрая Дочь Старшей Расы, чья красота затмевает свет этого жалкого солнца, – ответил маг. Энедика прыснула. – Я бы предпочел прекратить эту бессмысленную войну. И я хочу, чтобы ты помогла мне в этом.

Эльфка обняла его и поцеловала в шею.

– С удовольствием, – промурлыкала она.

Некоторое время они шли молча.

– А как вы воспитываете детей? – сказал Крон. – Мне казалось, что партизанский лагерь – не самое подходящее для этого место.

– Так и есть, – неохотно отвечала эльфка. – Я кормила ребенка грудью, пока молоко не пропало, а потом отдала друидам. Многие так делают – вся молодежь сейчас воюет, а самое ценное, что есть у нации, это дети. Друиды, они такие – сами погибнут, но детей – выходят...

Нужное дерево оказалось даже ближе, чем она предполагала. Могучий дуб у подножия был разъеден огромным дуплом. Энедика заколебалась.

– Я наложу заклинание, и телепорт самоуничтожится после того, как пропустит нас, – сказала она. – А ведь он может понадобиться кому-то из моих соплеменников. Compliments – комплиментами, но поклянись своими богами, что этот телепорт больше никому не будет нужен. Что ты действительно идешь со мной в Кулу ради того, чтобы прекратить эту войну.

– Клянусь Тором и Локи, – очень серьезно ответил Крон.

И все же Энедике показалось что-то такое в его тоне... Она хмуро посмотрела на мага. Но Крон уже надел на себя волшебную маску. Вязь заклинаний превратила его глаза с кошачьим зрачком в голубые и вполне человеческие, но пустые и неподвижные глаза слепца.

Эльфка подняла руки и нараспев произнесла несколько заклинаний. Крон смотрел, как черный провал дупла заполняется голубым вязким маревом. Они взяли за руки и шагнули в телепорт.

Искандер оказался прав – прогулка удалась на славу.

Сабрина аккуратно подобрала ложкой последние капли в миске, облила ложку.

– Обалденный супчик, – с набитым ртом сказала ведьма.

Отставив миску, Сабрина завалилась на лежанку и сыто рыгнула. Они ужинали в госпитальном фургоне втроем. Остальные раненные предпочли посидеть у общего костра, посудачить и посмеяться.

– Хорошо, но мало, – отозвалась Ундина.

Ведьма глянула на руль своей метлы, пританцовывающей перед хозяйкой, и что-то записала в небольшую книжицу.

– Так сегодня же Рамдан старший по кухне, – сказал Крюк. – Ты чего это пишешь, Дина? Он с тобой рецептиком поделился?

– Неужели ты порадуешь нас висой? – спросила Сабрина.

Ундина поморщилась.

– Нет, – сказала боремка. – Какой из меня скальд... Я проверила расстояние по счетчику на метле.

Ведьма ласково коснулась метлы и прошептала что-то. Метла тряхнула хвостом и исчезла.

– Мы сегодня второй раз ночуем в отстойнике, как их называет Лайруксал, – начала объяснять Ундина.

– Так правильно, – сказал Крюк. – Мы вчера прошли второй змеиный холм.

На этот раз обозу удалось миновать шнейкхюгель без приключений. Чудовище или спало, или уже успело наловить себе зверей в окрестностях. Ведьмы намекали Лайруксалу, что неплохо бы повторить чудо с самодвижущейся дорогой, но сидх отрезал: «Я не ярмарочный маг и не балаганный фокусник». Ринке потом объяснил Карине, что заставить тропу двигаться очень сложно. И каждый раз может стать последним, после которого дорога замрет навсегда. «А если какому-нибудь обозу нужно будет, как нам у первого шнейкхюгеля, быстро покинуть это место?», добавил сидх.

– Первый отстойник находился на расстоянии триста шестнадцати верст от Бьонгарда, этот – на шестьсот тридцать второй версте, – продолжала Ундина.

– Даже и не верится, что мы это все прошли, – вздохнула Сабрина.

– Не прошли, а пролетели, – заметил Крюк. – А некоторые вообще проехали с комфортом...

– Кто бы говорил, – фыркнула поланка. – О боги, неужели мы уже через неделю будем в Бьонгарде... Как быстро это все промелькнуло. Только вчера, кажется, из Келенборноста выехали.

– Через неделю – это вряд ли, – возразил Крюк. – Дней через десять. Когда из леса выберемся, там еще по Тракту надо будет идти...

Ундина обиженно засопела.

– Мы тебя слушаем, Диночка, – сказала Сабрина примирительно. – К чему эти сложные расчеты?

– Отстойники явно сделаны для того, чтобы в них можно было остановиться на ночь, – сообщила Ундина. – Значит, в древности дорога двигалась со скоростью триста шестнадцать верст в день, а расстояние от Келенборноста до Старого Тракта можно было пройти за три-четыре дня.

Экен недоверчиво хмыкнул.

– Похоже на сказку, – сказал он. – Семьсот верст за три дня?

– Это если предполагать, что на ночь дорога останавливалась, а если нет – так и еще быстрее, дня за два. Мы же вышли из Келенборноста восьмого червеня, а доберемся в Бьонгард дай Водан к середине вересеня, – добавила Ундина.

– Может, отстойники были построены чаще, а некоторые из них разрушены теперь? – возразил Крюк. – Гоблины или орки могли их уничтожить. Запросто. Ты видела, вокруг отстойника камни? Раньше он был обнесен стеночкой, чем-то вроде забора. Теперь того забора уже нет.

– Не скажи, – задумчиво произнесла Сабрина. – Похоже, что Ундина права. А если путники на дороге не сидели, ожидая, пока она их довезет, а тоже двигались – верхами или хотя бы пешком, помнишь, после первого шнейкхюгеля мы ведь тоже ехали, хотя дорога двигалась... И тогда семьсот верст за четыре дня – это вполне возможно.

– Теперь понятно, почему темные эльфы сдались, едва Разрушители вошли в Трандуиловы Чертоги и Келенбороност, – заметила Ундина. – Тогда тропа наверняка еще двигалась, и получалось, что до Бьонгарда рукой подать...

В открытом клапане появилась голова Ирины.

– Что вы сидите, такие скучные? – бодро воскликнула ведьма. – Пойдемте к костру, Ринке петь собрался, а потом и самим можно будет...

– А чего бы не сходить, – прогудела боремка.

Убрав записную книжку в карман куртки, Ундина накинула плащ. Днем было еще тепло, но ночи стояли уже холодные. Ведьма двинулась к выходу.

– А мы с Крюком, пожалуй, останемся, – ответила Сабрина.

Экен улыбнулся.

– Ну и зря! – воскликнула Ирина.

Сабрина смотрела, как звеньевая заковыляла прочь от фургона. Ее походка совсем не удовлетворяла требованиям к походке благородной девицы – признаком хорошего воспитания считались плавные, грациозные движения. Ирина же сейчас напоминала хромого, но чрезвычайно энергичного воробушка. Сабрина подумала, что благодаря Ирине, да и остальным боевым ведьмам, выпускницам Горной Школы, рассеянными сейчас по всему свету, хромающим, грязным, вытирающим свои мечи от крови и яростно ругающимися с нерадивыми фуражирами при помощи выражений, которых постыдился бы портовый грузчик, благородные дамы имеют возможность сидеть в своих замках, прогуливаться по аллеям плавной, отточенной годами тренировок изысканной походкой, обмахиваться веерами и говорить о высоком. И ведь так было всегда, размышляла Сабрина. Разрушительницы перекраивали карту обитаемого мира и раздирали свои и чужие судьбы, а дворяне сидели в своих замках и тряслись от страха.

Ведьма засмеялась своим мыслям.

– Дина не сложила песню, так я сложу, – произнесла она вслух. – Какое-то сегодня особое настроение у меня... Хочешь послушать, Яндар?

Ундина тем временем нагнала шуструю звеньевую, взяла ее под локоть, и они двинулись к костру вдвоем.

– Конечно, – кивнул экен.

– Погоди только немного, я набросаю, – сказала Сабрина. Высунувшись из фургона, она закричала:

– Дина!

Ведьма обернулась.

– Я у тебя листик бумажки позаимствую? – спросила Сабрина.

– Лопухом подотрешься, – недовольно ответила Ундина.

– Да мне песню записать!

– Возьми, ладно, – смягчилась подруга.

Ундина и Ирина продолжили свой путь к костру. Сабрина залезла в карман плаща подруги, достала записную книжку и вырвала пару листков. Писало у Сабрины было свое – эльфийское, трофейное. Ведьма устроилась на сбитой лежанке, подогнув под себя ноги по-сюржски, и задумчиво куснула верхний конец писала. Он был выполнен в виде смешной мышки.

Пока ведьмы разговаривали, совсем стемнело.

В отличие от южных ночей Мандры, к которым привыкла Сабрина, ночей, когда мрак опускается резко, стремительно и неожиданно, как нетопырь на шею жертвы, тьма Лихого Леса была застенчивой. Сначала в горячем буйстве света появлялась нежность. Затем из ослепительного, победоносного сияния Хорса уходила ярость, свет становился прозрачным и серым, липким, как паутина – солнце уже не грело, но в воздухе висела духота, выдох раскаленной земли. Потом приходили сумерки – нежные, как касание шелка. И лишь потом, незаметно, стесняясь, темнота укутывала дорогу и лес вокруг нее.

– Начнем, наверно, так, – пробормотала Сабрина.

Писало закрипело по бумаге. Рамдан заиграл на зурне. Крюк опутал выход из фургона заклинанием от комаров, которому его обучили ведьмы, расстегнул клапан и сел, свесив ноги. От костра донесся голос Ринке:

Река заболела смертью
и рыбы спасались бегством.
Брега ее стали жёлты,
как пальцы курильщика трубок

Ринке, как всегда, открыл вечерний концерт песней про мертвую реку. Если верить его объяснениям, была в Лихом Лесу река, испив воды из которой, человек погибал или терял память. Мандреченок было не удивить волшебными реками. Даже Сабрина знала, что по их легенде, где-то на краю обитаемого мира, протекает река Калина. Вода в ней была самой обычной, надо думать, там водились и сомы, и щуки. А вот человек, перешедший Калину по мосту, навсегда исчезал из мира живых. Река Беспмятная, как ее называли темные эльфы, находилась гораздо ближе. Старая тропа, подобная той, по которой двигался обоз, соединяла Бьонгард и берег Гламранта. Зловещая речка пересекала тропу где-то на полпути к реке.

По непонятным причинам, эта мрачная песня очень нравилась Карине. Сабрину же удивляло в ней отсутствие пышных сравнений, изысканных рифм и кённингов, столь характерных для песен эльфов. По крайней мере, те песни тэлери, которые доводилось слышать боевой ведьме, были именно такими. Сабрина собиралась написать песню в тэлериjsком стиле, но, услышав пение Ринке, изменила свое решение и перечеркнула первые несколько строк. Сидх тем временем продолжал:

Трава и цветы зачахли,
и ломкими сделались стебли.
В полуденный час злое солнце

сожгло их сухие скелеты.

Вода же в реке блестела,
как ртуть, и неспешные волны
вязко катила к устью,
всё отравляя ядом.

– Крюк, а вы куда после Бьонгарда? – спросила Сабрина, на миг отвлекшись от сочинительства.

Экен пожал плечами:

– Рамдан скажет. Какой-нибудь обоз опять наймемся сопровождать, сейчас из Бьонгарда много караванов пойдет – все до зимы хотят успеть выбраться из Лихолесья. В сторону Мир Минаса двинем, я думаю. А там и до Экны недалеко, я, может, домой съезжу... А вы?

Звери в лесах – не пейте!
Птицы в полях – не пейте!
Вам говорю – не пейте!
Памяти лишитесь
И рассудка.

– Мы? А мы вернемся в Горную Школу, перезимуем, – ответила ведьма. – Зимой летать опасно. Попадешь в буран над Нудайдолем, труп весной в Боремии найдут... Светик, наверно, курс по травам почитает, я бой на мечях возьмусь вести. В нашей школе всегда так – пока можно летать, учат только летать. А как зарядят дожди, так теория начинается.

– Гёса тоже хочет наведаться в Купель, – произнес наемник. Так называлась одна из двух магических школ, где обучали Танцоров Смерти. – Что-то с ним странное происходит, не вытанцовывается у него последнее время. Ему с учителем своим поговорить надо...

– Может, это просто лес на него так влияет, – заметила Сабрина. – Ну вот, послушай.

У костра как раз затихло – на время, необходимое для прохождения чарки с водкой по кругу. Крюк поднялся, подошел к Сабрине и пристроился напротив.

– Давай, – сказал экен.

– Когда нас в Горной Школе учили складывать песни, – произнесла ведьма. – То надо было взять какую-нибудь отвлеченную тему. Историческое событие, или что-нибудь из сказаний о богах и героях, но такое, чтобы это было известно всем. И на этой теме показать, насколько красиво ты умеешь высказываться. Я сейчас спою тебе, а ты попробуй угадать, о чем это.

Ведьма откашлялась и негромко запела:

Мой покой нарушают странные сны,
И воздух горчит, я, как рыба об лед,
Бьюсь
Но не забыть мне той страшной весны,
Что убила свет в сердце моем.

Новая стая примет тебя
Таким, как ты есть, никто ничего
Не спросит.
Ты позабудешь слово «нельзя»,
Память о прошлом покроет короста.

Опустится ночи слепое крыло,

И станет как брат мне мой бывший враг.
Вдвоем
Мы пойдем на охоту, ведь нам повезло –
Остаться в живых не такой уж пустяк¹².

Ведьма закончила и вопросительно посмотрела на экена.

– Нуууу, – протянул Крюк. – Я вроде твой бывший враг, а новая стая – это мы, экены? Так Экна с Мандрой давно замирились. Ты с нами после Бьонгарда хочешь остаться, что ли? Я только за, Рамдану скажу только... А как же крыло твое? У вас же маневры строго рассчитаны по числу ведьм, по-моему...

Сабрина не знала, плакать ей или смеяться. Крюк попал в точку – очевидно, потому, что никакие исторические параллели не замутняли его разум.

– Я написала вариацию на тему «Песни Разрушительницы Пчелы», – ответила ведьма. – Сидхи сожгли ее станицу весной. Новая стая – это как раз Разрушители.

– Враг, ставший братом, это Балеорн, – сообразил экен. – Они потом вместе с Пчелой славно поохотились... Джабраил с тех пор не воевал ни разу. Да, все сходится. Прости, что ж. Вот такой я тупой и необразованный...

– На самом деле ты угадал, – сказала Сабрина. – Я не могу оставить мое крыло... Неужели мы так и расстанемся, Крюк?

Наемник помолчал.

– Можно подумать, ты в первый раз так расстаешься, – сказал он наконец.

В глазах ведьмы блеснули слезы.

– Сабра, ну что ты... – начал Крюк.

Ведьма вскочила с лежанки, подбежала к выходу прежде, чем экен успел схватить ее. Сабрина выпрыгнула из фургона и бросилась к костру. Тяжелая коса была ее по плечам. Наемник вздохнул, вылез из фургона и последовал за ней.

Ветер чуть шевелил края клапана, загибал края листков, брошенных на лежанке. Если бы не брошенное ведьмой писало, придавившее их, листочков бы уже там не было. Листки с песней самой могущественной Разрушительницы уже танцевали бы бесконечный хоровод вместе с алыми и желтыми листьями на ближайшей полянке.

IV

13

Магнус обскоблил ногтями кончик пера и склонился над гротеском. Книга была огромна, как щит пехотинца; казалось удивительным, что она в раскрытом виде не занимает всю стойку. На оставшемся свободным месте спала горгулья, свернувшись клубочком. Расслабленные крылья зверя свисали до самого пола.

– «Вкус эльфов на шпикажах», – прочел Магнус.

Гоблин поднял голову и крикнул в направлении открытой двери кладовой:

– Проверь, сколько у нас осталось, Морана.

– Пять банок, – пробурчали оттуда.

– Ага... – удовлетворенно произнес Магнус и внес пометки в книгу. – «Порох с перчинкой» посмотри теперь.

Рецепт этой фирменной закуски хозяин таверны придумал сам, чем – вполне

¹² Фрагменты стихотворения Белоглазова А. И. «Тьма придет» и «Смерть реки» приведены с небольшими изменениями. Оригиналы можно найти по адресу: <http://zhurnal.lib.ru/b/beloglazowai/>

¹³ С любовью и благодарностью за доставленное удовольствие – создателю форума «Таверна сэра гоблина Фингуса» Евгению Гирному, а так же Шэд Павлу, Сиру Андре, Stashe, Лорду Арку и Deathwisher

обоснованно – гордился.

– Нет, этого нет, надо в погреб лезть, – отвечала Морана. – Шэд все сожрал вчера. Под водку.

– Но по кассе... – начал гоблин.

В кладовой хихикнули:

– Он заплатил за две банки, а за три обещал натурой отдать.

Гоблин покачал головой:

– Ох, Морана, Морана... «Ветчина со сметаной и луком по-гномовски»?

– Шесть банок.

– Должно быть восемь, – заметил Магнус. – Или тебе кто-то за две тоже натурой расплатился? Андерет, может быть? Он ветчинку любит...

Серый эльф Андерет стоял во главе цеха парфюмеров Бьонгарда и как никто мог оценить изысканный аромат старинных вин, которых было полным-полно в подвалах таверны. С гоблином их связывала старинная дружба. Она возникла в тот страшный год, когда Разрушители заняли Трандуиловы Чертоги и потребовали выдачи всех серых эльфов, бежавших в Железный Лес от гнева мандреченских магов. Андерет попал в руки Разрушителей. Магнус пришел за ним и подтвердил, что эльф родился не в Фейре, а здесь, и никогда не бывал в Мандре.

А после войны, зайдя в лавку к Андерету, Магнус встретил там очаровательного суккуба, выбирающего духи. Гоблин сразу понял, кто перед ним. Теперь Магнус радовался стабильно увеличивающимся прибылям. Дед хозяина таверны был гномом, и помимо интеллекта, позволившего Магнусу покинуть диких сородичей, передал внуку и склад характера.

– Или Сташи? – предположил гоблин.

Узкие уши горгульи дрогнули. Зверь открыл один глаз и посмотрел на хозяина таверны.

– Доброе утро, Газдрубала, – сказал Магнус.

– Никто мне ничего не расплачивался, – сердито отвечала Морана. – Сташи вчера из номера не выходила. Плакала все о ком-то... Ты знаешь, я предложила ей остаться у нас. Куда ей идти? Полукровок никто не любит, ни люди, ни вампиры.

– Но кровь не сосать и прилично вести, – сказал гоблин строго.

– Она перерожденная, говорю тебе. Кровь ей и не нужна. Отработает за постой, а там видно будет.

– Ладно. Пересчитай еще раз, – напомнил Магнус. – Ветчины должно быть восемь банок.

– Раз... два... А да, восемь. Две под лавку закатились.

Дверь таверны распахнулась. Проем заполнило огромное кабанье рыло. Горгулья вздыбилась на стойке, взмахнула крыльями и зарычала. Магнус встал, вытягивая из ножен на поясе меч.

Кабан рухнул на пол. Стало видно покрытую засохшей кровью рану в его боку и крепкую, высокую женщину, которая и притащила его. Темная полоска над верхней губой сообщала о принадлежности гостя к племени гномов; а если у кого-то еще оставались сомнения, их развеивал боевой топор, который Хэлл небрежно закинула на плечо.

Несколько лет назад жизнь гномицы текла спокойно и размеренно. Муж Хэлл держал лавку в Бьонгарде, торговал часами, механическими игрушками и украшениями. Весь свой товар он делал сам. Темный эльф по имени Эртас купил у гнома часы и попросил выгравировать на них защитное заклинание, в котором, как известно, используется имя защищаемого. Эльф двинулся по старой тропе из Бьонгарда к Гламанту. По пути он сверялся с часами, чтобы не попасть под горячую руку троллям и паукам. Но защитное заклинание не помогло – Эртас не добрался до Трандуиловых Чертогов, где его ждала родня. А еще через год ватага темных эльфов убила паука, напавшего на их деревню. Из желудка чудовища, помимо всего прочего, достали часы с выгравированным на них заклинанием.

Гильдия часовщиков исследовала механизм и установила, что он обладал дефектом сборки, из-за чего часы убегали вперед на минуту каждый час. Родственники Эртаса пошли к друидам и потребовали правосудия. Некроманты вызвали дух покойного, и после этого стало окончательно ясно, что Эртас погиб из-за того, что часы его спешили.

Гнома казнили. Хэлл продала лавку и поехала домой, в подгорья Эммин-ну-Фуин. Но добралась только до поворота на Старый Тракт. Нравы гномов были суровыми, а Хэлл за годы жизни в Бьонгарде привыкла к свободе. Да и вряд ли ей удалось бы выйти замуж снова, мужчин ее возраста среди соплеменников было гораздо меньше, чем женщин. Хэлл подружилась с хозяйкой и осталась в таверне. Морана с радостью и удовольствием уступила ей честь готовить завтраки и ужины, а так же обеды. Суккуб была хорошим поваром, но сама редко употребляла человеческую пищу. Необходимость готовить то, что не ешь, порядком утомила Морану за последние несколько веков.

– Вот это по-гномовски, – одобрительно сказал Магнус. – Кто-то еще не похмелялся с утра, а кто-то уже зверя добыл.

– Ото ж, – сказала Хэлл, подходя к стойке. – Но и похмелиться не помешает.

Гоблин нацедил пива из бочки и подвинул Хэлл мигом запотевшую кружку. Гномица приложила к пиву. Из кладовки появилась Морана. Увидев валявшуюся на полу тушу, суккуб брезгливо наморщила носик:

– Я не буду это есть.

– Да брось, Морнушка, – сказала Хэлл добродушно, стирая пену с усов. – Замариновать с лучком и уксусом, помидорчик там...

Магнус закрыл grossбух и убрал его под стойку.

– У меня уже слюнки текут, – сказал гоблин. – Я пока разделаю. Пойдем, Газдрубала. Поможешь мне.

Магнус взял топор Хэлл, который гномица прислонила к стойке, и двинулся к выходу. Горгулья зашлепала след за хозяином, волоча по полу усеянный шипами хвост.

– Мариновать помогу, – сдержанно откликнулась Морана. – Но есть не буду. Я не ем то, что всю жизнь роется носом в грязи.

– Ох какие мы принципиальные, – хмыкнула Хэлл. – Вот мораль гномов: не парься, что ешь, главное, убежать не дай. И мы всегда сыты!

– При наличии крепкого желудка – вполне применимый алгоритм, – вежливо ответила суккуб.

Морана присела на корточки, чтобы внимательнее рассмотреть добычу.

– Я не понимаю, – пробормотала она озадаченно. – Это что, нога?

– Пятая, – ответил подошедший Магнус.

Морана хмыкнула:

– Пятиногого пса я знала когда-то... очень давно.

– Я помню, ты рассказывала, – кивнул гоблин.

– Но пятиногого кабана вижу впервые, – закончила Морана.

Суккуб помогла Магнусу и Газдрубале выволочь тушу во двор. К тому времени, когда Морана вернулась, Хэлл угрюмо созерцала потеки пены на дне кружки. Хозяйка налила гномице еще пива, насыпала на тарелку сухариков.

– А что стало с тем псом? – спросила Хэлл.

– Он спал в моих снегах... а потом **наступил**, – ответила суккуб.

Гномица отвела взгляд, чтобы не видеть холодного мерцания в глазах подруги.

– Я все время забываю, сколько тебе лет, Морана, – сказала Хэлл.

– Да знаешь, я – тоже, – непринужденно ответила суккуб. – Надо здесь проветрить, а то надымили ночью...

Гномица прикончила кружку одним большим глотком и поднялась. Подруги подошли к окну и стали снимать ставни.

– И что мужчины в тебе находят? – заметила Хэлл задумчиво. – Я не в обиду, я просто так, – добавила она поспешно. – Ведь ты же холодна, как... как...

– Как Железная Стужа, – согласилась Морана. – Видишь ли, есть время для холода и время для тепла. Есть время для тьмы и время для...

Ставень поддался их усилиям и поехал вниз. На пол таверны легли первые лучи взошедшего солнца – розовые и теплые.

– Света, – закончила Морана.

– Однако возникает ощущение, – кряхтя, отозвалась Хэлл. – Что когда **наступать** тем или иным временам, решаешь именно ты.

– Это – ложное ощущение, – рассеянно ответила суккуб. – Я могу только **предвидеть**, и это я умею хорошо. Правда, это еще никого не спасло...

Она задумчиво посмотрела в сторону двери, из-за которой доносились тяжелые удары топора и курлыканье Газдрубалы. Лицо Мораны исказилось.

– Пойду сделаю маринад, – сказала Хэлл и скрылась в кухне.

Захлопали дверцы шкафчиков с приправами. Затем, судя по острому теньканью и сдержанному проклятию, гном уронила нож.

– Помидорчики не забудь добавить, – заметила Морана.

Раздался страшный грохот. Аккомпанементом к нему послужили заковыристые ругательства. Суккуб обернулась и увидела на полу Андерета и Шэда. Гости вчера засиделись допоздна, и возвращаться в Бьонгард уже не рискнули. Ежи не появлялись в округе Бьонгарда уже месяца два. Но помимо партизан, в лесу хватало существ, которым кони с всадниками могли показаться лакомыми кусочками. Просто ужин с добавкой и доставкой на дом!

Закадычные друзья сидели у подножия лестницы, ведущей в номера. Видимо, спуск оказался стремительным, но и более болезненным, чем предполагалось. На верху лестницы стояла Сташи. Заметив Морану, она приветственно кивнула. Судя по ее усталому, но довольному личику, о ком бы она ни плакала вчера, либо Шэд, либо Андерет, либо оба они вместе смогли осушить слезы вампирки.

– Пива, хозяйка! – простонал Шэд. – Горю!

– Вижу, дыма много, – ответила Морана. – Сейчас потушим.

– А мне винца, – слабо добавил Андерет. – Беленького, сухого, «Слеза дракона» урожайного восемьдесят второго года, погреба Элиезертт...

– Конечно, конечно, – ослепительно улыбнулась Морана. – Желание клиента для нас закон... Кушать что будем?

Высоко в алом закатном небе кружились ласточки. Раскаленный край солнца еще был виден над домами. Но сумерки уже выходили из спутанных крон кипарисов, вытекали из-под изящных лавочек, стоящих на аллее вокруг клумбы, выныривали из темных вод Нудая и двигались на город – стряхивая с себя мягкие иголки, щепки, фантики, последние капли воды. Женщина в оранжевом кёртле, стоявшая на берегу небольшого пруда, переступила с ноги на ногу. Длинный подол сюрко попал ей под каблук.

– Блади раджери!¹⁴ – негромко выругалась она.

В зале, где заседал Верховный Трибунал, стояла такая духота, что у Энедики разболелась голова. Когда приговор был вынесен, эльфка выбралась в сад и с наслаждением нырнула в свежесть сумерек. Некоторое время она не могла думать ни о чем, бесцельно рассматривая свое отражение в зеленоватом зеркале пруда.

Женственность котта подчеркивали множество мелких лазуритовых застёжек на длинных рукавах. Из-за своей формы этот фасон получил название «рукав – летучая мышь». Орнамент на подоле и низком вырезе составляло множество переплетенных между собой полосок оранжевой и голубой кожи. Из таких же полосок был сделан и пояс, длинный конец которого свободно свисал. Грудь голубого сюрко из тонкого сукна украшал меховой пластрон, щедро декорированный бусинами лазурита, бирюзы и оранжево-черного тигрового

¹⁴ Проклятые тряпки! (язык темных эльфов)

глаза. Короткие черные волосы эльфки прижимала серебряная сетка, отделанная синей эмалью. Мандреченка, пожертвовавшая эльфке свой костюм, была выше Энедики, да и сам фасон предполагал удлинённый подол. Нижний край сюрко был подбит двадцатью шестью беличьими хвостиками – тринадцатью голубыми, тринадцатью рыжими, разноцветные хвостики чередовались. Энедика, потя и злясь, часто наступала на них. Сюрко был одеждой знати, нарядом для торжественных церемоний, и предполагалось, что подол за красавицей носят пажи. Но эльфке пажа никто не выделил.

Утром, когда Искандер покинул спальню Крона, маг задумчиво посмотрел на Энедику – испуганная эльфка успела накрыться своей туникой из черного шелка.

– У нас в таком виде в суд не ходят, – покачал головой маг. – А уж тем более – на заседание Верховного Трибунала Мандры. Даже свидетели. Даже темные эльфы...

Он потянулся к столику, где лежало магическое блюдо, и катнул нефритовый шар. Крон связался с некой Фетиньей. Как поняла из разговора Энедика, Фетинья была княгиней Тринадцати Белок, то есть, как пояснил Крон с совершенно невозмутимым лицом, области под названием Нижняя Волынь. Такое прозвище было пожаловано князьям Нижней Волыни еще великим князем Мандры Владимиром Солнце за подвиги и ратную доблесть. Энедике было известно шутовское значение слова «*белка*» в мандречи – так люди называли белую горячку. Эльфке стало понятно, с кем же так доблестно сражался предок теперешних нижневолынских князей.

Княгиня Фетинья в этом году впервые вывезла ко двору трех своих дочерей – для ввода в свет и, разумеется, замужества. Кто из троих княжон пожертвовал костюм для эльфки, осталось неизвестным. Но, судя по качеству украшений и отделки, Нижняя Волынь уже вполне оправилась от последствий войны.

Энедика почувствовала, что на улице по-настоящему прохладно. Она двумя руками приподняла подол и направилась к круглой клумбе с желтыми и красными тюльпанами чуть поодаль. Там стояли лавочки, на которых можно было передохнуть. Эльфка вдруг почувствовала, что у нее дрожат ноги.

Устроившись на лавочке, она ощутила покой, умиротворение и... опустошение.

«Больше я ему не нужна», текли в голове эльфки отрешенные мысли. – «Я исчерпала свою полезность, и к тому же я теперь знаю столько, что.... Мне не выйти из дворца живой», спокойно и холодно, будто она думала не о своей судьбе, а финале шахматной партии, размышляла Энедика. Носком туфли она вывела на песок, которым была усыпана дорожка: «*Конец*». Эльфка использовала слово *SchluЯ*, которым в языке аварии обозначалось не смерть, а конец игры, завершение партии.

В носу защекотало от подступающих слез, от жалости к себе. Эльфка тихонько заплакала. «Все», думала Энедика, размазывая слезы по щекам. Она запрокинула голову, чтобы слезы втекли обратно в глаза, и снова увидела ласточек – птицы, все так же бесшумно выписывая круги, спустились ниже. «Будет гроза», мелькнуло у Энедики. – «Но вряд ли я ее увижу».

Она перевела взгляд на клумбу.

«Я была черной пешкой, вышедшей в королевы и переломившей ход игры», подумала эльфка и фыркнула. Фраза прозвучала очень выпренно, но именно так и обстояли дела. Люди, из-за которых сгорел Приморский квартал, были наказаны, а обвинение в поджоге – снято с темных эльфов. Да, это был еще не мир, за который боролись аварии. Но это был крохотный шаг эльфов и мандречен навстречу друг другу.

Алые и желтые тюльпаны колыхались под ветром. «А ведь это какая-то руна», подумала Энедика, разглядывая выписанную на клумбе алым по желтому фигуру. – «Какая-то руна мандречи. Интересно, что она означает?».

– Эта руна означает «*справедливость*», – произнес кто-то на тэлерине.

Эльфка повернула голову на голос.

Неожиданным собеседником Энедики оказался высокий эльф в черной куртке Чистильщика. На плече у него висела объемистая сумка, изящная, похожая на женскую.

Эльф стоял у выхода из кипарисовой аллеи и с вежливым интересом смотрел на плачущую и смеющуюся женщину. Энедику не удивило, что отпрыск Старшей Расы оказался борцом за чистоту человеческой крови. Она успела навидаться в императорском дворце самых странных персонажей. «Дурдом на выезде», как характеризовал императорскую свиту сам Крон.

Энедика благодарно кивнула. Она не стала размышлять о том, произнесла ли она свой вопрос вслух или эльф прочел его в ее ауре. «А ведь еще месяц назад я думала, что этого слова – *справедливость* – в мандречи нет», мелькнуло у эльфки.

Но оно – было, и причем являлось совсем не абстрактным понятием.

«Пусть», думала Энедика, с облегчением и даже каким-то нетерпением.

Месяц, прошедший в поисках, промелькнул незаметно. Тогда у нее была цель, и ради нее эльфка терпела тесную каморку, куда ее поместил Крон, часы неподвижного ожидания, когда перед потайным глазком проходили десятки служащих Имперской Канцелярии, затхлый воздух... Но теперь все. Все. Умирать – так умирать. «Только бы он не тянул», нервничая, подумала Энедика. – «А то забегается с делами, забудет... Я же с ума сойду».

Тем временем эльф подошел к ней и представился:

– Фуинбрагол, капитан Чистильщиков.

Зрачки Энедики на миг расширились. Капитан, очевидно, подумал, что это реакция на место его службы. Эльфка тоже назвала свое имя – а не боевое прозвище, которое было слишком известно. Не хотелось пугать этого милого тэлери.

– Господин имперский маг просил меня отвести вас в безопасное место, госпожа Ниарумо, – произнес Фуинбрагол.

Энедика поежилась, поняв, что капитан с самого начала знал, кто перед ним, и ее вежливые экивоки были напрасны. Еще несколько секунд назад ей казалось, что она приняла неизбежность смерти. Но при словах Фуинбрагола о «безопасном месте» эльфка ощутила нестерпимое, животное желание жить. Выжить! Как угодно, только не...

– Самым безопасным местом, несомненно, является Подземный мир, как его называют мандречены, – мрачно сказала Энедика. – Там уже бояться нечего... А куда уходят души тэлери, Фуинбрагол?

– Мы становимся волнами в Заливе Вздыбленного Льда, – спокойно ответил эльф, ничем не показав, что понял намек. – Эльдар говорят, что их души после смерти достигают Валинора, но что-то не верится... А вы, авари?

– Отступникам нет места в Валиноре. Наши души вселяются в деревья, – отвечала Энедика.

– Раньше ваш народ был гораздо многочисленней, если судить по размерам Таур-э-Ндаэделос, – заметил Фуинбрагол.

Эльфка фыркнула, хотя юмор у Чистильщика был мрачноватый.

– Вот ваши вещи, – эльф похлопал по сумке.

Энедика прибыла в столицу Мандры в походных кожаных штанах и куртке. Но эльфка успела обзавестись личными вещами, хотя из потайной каморки за кабинетом Крона выходила всего пару раз. Имперский маг принес ей пару томиков стихов на тэлерине, да несколько дней назад подарил тунику и легкий плащ.

– Проверьте, все ли на месте, уважаемая Ниарумо, – закончил капитан Чистильщиков. – Если нет, скажите, чего не хватает, мы вам потом доставим.

– Я уже точно знаю, что вы забыли, – бодро сказала Энедика. – Мой лук, колчан и да! Конечно! Мою любимую диадему с пятью алмазами...

Фуинбрагол мягко улыбнулся и поставил сумку на скамью.

– По крайней мере вашу любимую браслетку мы положили, – произнес эльф.

Энедика хмыкнула и полезла в сумку. Браслетки среди ее вещей не было и быть не могло. Темные эльфы любили украшения меньше своих северных братьев. У Энедики было проколото только одно ухо, под серьгу с алмазом, которую носили все участники штурма Мир Минаса. Эта штурмовая серьга и десяток серебряных звезд с лацканов куртки

составляли всю бижутерию партизанки на момент прибытия в Кулу. И строго говоря, бижутерией это считать было нельзя – как нельзя считать боевые ордена бирюльками. Костюм нижеволынской княжны принесли вместе с сережками и браслетом – на хитро переплетенных кожаных ремешках зеленого цвета разместились крупные бусины нежно-голубой бирюзы, тепло-оранжевого сердолика и синего, как море, лазурита, напоминая собой гроздь фантастических плодов. Но сейчас украшения дочери Фетины, включая браслет, были на эльфке.

Энедика рассеяннo и быстро пробежала кончиками пальцев по вещам – очень хотелось взглянуть на браслетку. Украшение оказалось выполнено в виде серебряного паучка, охватывающего тремя тонкими лапками руку с одной стороны и еще тремя – с другой. В спинку паучка был вставлен гладко отполированный серо-зеленый кошачий глаз. «О, Крон...», подумала эльфка с нежностью. В этот момент она окончательно поверила в то, что увидит сегодняшнюю грозу и еще много-много гроз. Крон был слишком практичен, чтобы тратить на столь дорогое украшение для того, кого собирался убить. «Значит, воспитательный лагерь», вздохнула Энедика. Что же, это лучше, чем смерть. Почему-то эльфке казалось, что постельное белье в ее камере будет шелковым... Да и не создали еще такого воспитательного лагеря, из которого нельзя было бы сбежать, и Лайтонд это блестяще доказал.

Кроме браслета, в сумке обнаружились четки из черного, со снежинками, обсидиана.

– Я только доведу вас до места, – сказал капитан, увидев их. – А вот эти четки, госпожа Ниарумо, вы покажете людям, которые вас встретят.

– Хорошо, – пробормотала эльфка и положила их обратно.

– Все ваши вещи здесь? – уточнил Фуинбрагол.

Энедика кивнула.

– Следуйте за мной, – сказал капитан Чистильщиков.

Он надел сумку на плечо и галантно взял эلفку под руку.

– Я представляла это себе несколько иначе, – пробормотала ошеломленная Энедика, когда они шли к дворцовому причалу.

Песок на дорожке свивался в высокие вихри. На Кулу уже обрушилась ночь, вязкая, душная ночь юга, и на аллеях зажглись фонари. Эльфка и ее конвоир были в парке совершенно одни. Во дворце вести расходятся быстро, а заседание Верховного Трибунала – это не та новость, которая располагает к прогулкам. Да и усилившийся ветер, предвестник скорой грозы, уже рвал с деревьев зеленое кружево, гнул кипарисы и аккуратно подстриженные туи.

Фуинбрагол усмехнулся:

– Конвой из четырех человек, кандалы, барабанная дробь? Это можно устроить.

– Ну неужели мои преступления против Мандры столь незначительны, что я хотя бы конвоя не заслужила, – заканючила Энедика, таща за собой проклятый подол. Беличьи хвостики цеплялись за все подряд – за ремешки сандалий, за торчащие из песка корни деревьев, за шпоры капитана. – Вы меня оскорбляете! На барабанщике я не настаиваю, ладно уж...

Эльф усмехнулся:

– Некоторые дела лучше делать тихо, уважаемая Ниарумо. И сделать тихо то, что надо делать тихо – это тоже в своем роде искусство. Да впрочем, кому я объясняю? Вам, прославленной командирше партизан?

Они поднялись на причал, часовой поспешно отдал им честь.

– А вы любите искусство? – с большим интересом спросила эльфка.

– Да, особенно театр, – рассеяннo ответил Фуинбрагол.

Среди крутобоких, неуклюжих, грубо размалеванных мандреченских лодок, всегда напоминавших Энедике уток, которых нужно подстрелить, эльфка заметила на темной воде и изящную, светлую ладью, украшенную только затейливой резьбой. Отсутствие у нее весел подтвердило догадку Энедики насчет ее владельца. Фуинбрагол сделал небрежный жест

рукой, подзывая ладью. Она медленно подплыла к причалу, развернулась бортом и прижалась. Капитан Чистильщиков вошел в нее и сказал:

– Прошу, уважаемая Ниарумо.

Энедика начала спускаться, запуталась в беличьих хвостах и полетела вниз – прямо в подставленные руки Фуинбрагола. Ладью даже не качнуло. Секунду разозленная, униженная Энедика смотрела ему в лицо – снизу вверх. На фоне черного неба светлые волосы эльфа казались серебряными, а черты лица в свете причального фонаря потеряли свою резкость. «А он старше, чем кажется», поняла эльфка.

– Вы хотите путешествовать таким образом? – спросил Фуинбрагол, все еще держа ее на руках. Энедика пробурчала что-то и слезла с его рук.

– Вы не боитесь, что мы попадем под дождь посередине Нудая? – спросила она.

Эльф отрицательно покачал головой. Они сели друг напротив друга на двух скамеечках. Фуинбрагол устроился на корме, чтобы видеть, куда они плывут, и легонько подтолкнул ладью своей Чи. Энедика смотрела на левый берег Нудая. Она хотела увидеть черный ожог Приморского квартала на темно-сером теле города, проплешину на колючей шкуре сломленного, прирученного зверя, опутанного раскаленными цепями главных улиц.

Но почему-то – не видела.

– У Нудая очень разветвленная дельта, – донесся до нее сквозь ветер голос спутника. – Мы не пройдем мимо Приморского квартала.

Энедика вздохнула и отвернулась от берега.

– Дайте мне ваш кинжал, Фуинбрагол, – попросила она.

Эльфка была почти уверена, что он отшутится, откажется.

– Становится интересно, – сказал капитан Чистильщиков и протянул ей оружие.

Она подтянула подол сюрко себе на колени и стала срезать грязные, измочаленные хвосты.

– Балахон из мешковины превратился в платье с низко посаженной талией, прямоугольник с дыркой для головы, который накидывали на доспехи для того, чтобы они не раскалялись под южным солнцем, стал изящным верхним платьем, – яростно ворчала Энедика. – Кожаный нагрудник, гасивший удары, превратился в меховой пластрон...

Эльфка с наслаждением вышвырнула пригоршню хвостиков за борт. Они закрутились под ветром, взметнулись над белыми от пены верхушками волн и исчезли в темной воде. Ладья Фуинбрагола шла ровно, словно двигалась не по бушующей реке, а по глади озера в безветренный день. Энедика знала, в чем здесь хитрость.

Между дворцовым причалом и тем местом, куда хотел доставить эльфку ее единственный конвоир, был натянута «нитка». Принципы создания магического коридора были описаны Ринером, одним из сильнейших магов Фейре в древности. Учение Ринера гласило, что рядом с нашим миром находится совсем иной, только он отделен от нас непроницаемой тканью, сотканной из времени и пространства. Маг научился вытягивать из этой ткани «нити», имеющие вид полой тростинки. Если привязать концы «нити» к двум разным объектам, то всегда можно будет попасть из одного из них на другой без всяких помех, сквозь стены, огонь и воду – путник будет находиться внутри этой чуждой нашему миру «тростинки».

– Но узнать боевую форму Звездных Рыцарей и Воинов Льда все еще можно, – закончил ее мысль Фуинбрагол.

– Вот, значит, как называются на мандречи войска Роквэлвея и Мех'Хелек, – сказала Энедика, возвращая кинжал.

Восемь веков назад северные эльфы крупными стежками собрали обитаемый мир на суровую нитку, вдернутую в ушко стальной иглы своих легионов. На острие почерневшей от крови иглы тогда оказались лучшие воины из тэлери и эльдар.

– Меня больше всего смешит, что сюрко, этот нелепый байстрюк боевого плаща и пелерины, до сих пор считается одеждой знати Мандры, – продолжала эльфка. – Хотя сами эльдар и тэлери не одеваются так уже века три...

Фуинбрагол привычным движением вогнал кинжал в ножны и заметил ей в тон:

– И люди после этого принимают закон о разумном существовании разумных рас и говорят, что никакого влияния на их культуру, кроме гор пепла на месте уничтоженных деревень, мы – эльфы – не внесли.

Энедика хрюкнула от удивления. Эльф высказал ее мысль, но совсем не таких речей она ожидала от офицера Чистильщиков.

– Извините, сорвался, – произнес эльф смущенно. – Профессиональная привычка.

Энедика покачала головой, досадуя на себя. «И ведь знала же, что он не боевик, а провокатор», подумала эльфка и решила впредь воздержаться от разговоров. И тут, посредине черной реки, чьи воды были вздыблены ветром подобно иглам Ежей, на Энедику нахлынули воспоминания о двух последних днях.

О двух днях, когда наконец были найдены – и наказаны – те, кто уничтожил Приморский квартал Кулы вместе с детьми, бабами и стариками.

Когда в кабинет Крона вошел очередной посетитель, Энедика в своем тайнике угрюмо грызла смокву и гадала, когда же имперскому магу это все надоест, и он прикончит бесполезную ему эльфку. Наверняка он уже думает, что она солгала тогда, чтобы спасти свою жизнь.

– Здравия желаю, господин имперский маг! – услышала она бодрый голос. Эльфка прильнула к глазку. Сначала она против своей воли посмотрела на часы, висевшие на противоположной стене – обе стрелки висели ровно вниз. Полшестого, конец еще одного муторного, бессмысленного, бесполезного рабочего дня. Энедика перевела взгляд на вошедшего.

– Садитесь, Маковец, – ответил Крон.

Но Энедика уже не слышала мага. Похожее чувство она испытывала только раз в жизни – когда в Железную Стужу в давно пустовавших силках нашла замерзшего насмерть зайца. Характерные линии ауры, которые она не надеялась уже увидеть, дрожали вокруг вошедшего, оплетая его тело разноцветным коконом. Эльфка смотрела на грузного мужчину, почтительно опустившегося на самый краешек кресла для посетителей. «Козни Илу, так у него даже бородавка настоящая!», думала она.

– По вашей просьбе, господин полковник, мой отдел провел для вас аттестацию по схеме номер восемь, – продолжал Крон.

Голос имперского мага вернул Энедику к реальности.

– А именно аттестацию на чистоту крови. Мы не смогли найти записей в архивах ни волхвов Ярило, ни Дидилии, о том, кто являлся отцом вашего деда по материнской линии.

У господина полковника дернулся левый глаз.

– Учитывая, что ваша прабабка проживала на оккупированной сидхами территории, – нудным голосом произнес имперский маг. – Вопрос о расовой принадлежности вашего прадеда остается открытым.

Энедика, очнувшись, бросилась к столу. Там, между книжкой стихов, огрызком яблока и статуэткой, изображающей двух лягушек, занимающихся любовью в той позе, на которую земноводным никогда не хватило бы фантазии, валялся нефритовый кулон для связи с Кроном. Маг сказал, что как только Энедика узнает заговорщика, ей нужно будет потерять нос уродливой морды, изображенной на кулоне.

– Но такая мелочь по существующим законам не может служить препятствием для того, чтобы столь достойный человек, как вы, господин Маковец, мог бы поучаствовать в конкурсе на должность, на который вы хотели заявиться... – бухтел за стенкой Крон.

Эльфка в спешке своротила эротическую фигурку со стола, и лягушки разлетелись на мелкие осколки. «Да где же, где же...», думала Энедика, чуть не плача, лихорадочно перебирая вещи. Коротко вскрикнув и прикусив губу, она метнулась к своей постели. «Сама же подвесила на зеркало, чтобы не потерять, чтобы всегда под рукой было», мелькнуло у эльфки. – «Так всегда! Уберешь и забудешь! О Мелькор, только бы успеть... Только бы этот полковник не успел уйти, пока я достучусь, пока Крон меня раскупорит здесь...»

Она схватила кулон и принялась тереть его так, словно хотела, по примеру человеческих предков, добыть огонь из камня. Эльфка так увлеклась своим занятием, что даже не заметила, как в стене у нее за спиной засветились контуры магического прохода.

Крон обнял ее за плечи. Энедика вздрогнула и обернулась. Маг поцеловал ее в нос.

– А где этот... Маковец? – пролепетала эльфка.

– А его несут в следственный изолятор, – ответил Крон. – Сегодня с ним разбираться уже не будут, мастера все в пыточной... Господин Маковец подремлет себе тихонько до следующего утра.

Маг улыбнулся.

– Я думал, что ты врешь, что не было никаких мандречен, просивших вас поджечь Кулу, – сказал он.

Энедика насупилась.

– Но когда ты на него указала... Есть еще кое-что, чего ты не можешь знать. И все сходится, да.

Эльфка расслабилась и обняла Крона за плечи.

– Приглашаю вас на легкий ужин у меня в покоях, – церемонно ответил маг. – Такое дело надо отметить.

– А я все думала, когда вы мне это прикажете... – весело ответила Энедика и прижалась к Крону грудью.

Она ощутила, как одеревенело тело мага. Он снял ее руки со своих плеч и молча отошел.

– Крон, – растерянно произнесла эльфка. – Крон...

Маг остановился в дверях и сказал, не оборачиваясь:

– Я не приказываю. Я предлагаю.

«Ужасный имперский маг», думала Энедика, глядя на его спину в форменной черной куртке. – «Пожиратель детей, ненавистник эльфов. Любимая игрушка императора Мандры...»

Крон обернулся и закончил:

– Но я передумал. Я поужинаю один. А тебя отведут в кафе, если захочешь.

– Крон, – плача и смеясь, сказала Энедика. – Ты можешь думать все, что хочешь. Но так... так старательно.. как ты, меня еще никто не трахал. И я очень удивилась... и обиделась даже! – мрачно добавила она. – Когда ты все это время... Ничего... Нет, я понимаю, что у тебя дела... И я обрадовалась, правда обрадовалась, когда ты наконец...

Имперский маг усмехнулся и протянул ей руку.

С высоты полета ведьмы казалось, что до Бьонгарда уже рукой подать. Домики отсюда казались игрушечными, а их окна в лучах заката светились красным, словно глаза вампиров. Уходящее солнце выкрасило фигуру Светлого Всадника в алый цвет, а плащ статуи – в черный.

Карина перевела взгляд. Ведьмы кружили над развилкой, где от Старого Тракта отходила дорога к столице Лихолесья. На высоком холме пылала в последних отсветах Хорса черепичная крыша постоялого двора. Дом был окружен острым частоколом. Люди называли его таверной «На Старой Дороге», а эльфы по имени хозяина – «У Магнуса». В таверне решено было провести последнюю ночь похода. Можно было сделать рывок, и, никуда не сворачивая, идти на Бьонгард. В таком случае обоз прибыл бы к полуночи или, самое позднее, к рассвету следующего дня. Но из столицы телепатировали, что все пока спокойно и необходимости в таких героических подвигах нет. Разрешение переночевать в таверне очень обрадовало Аргу. Капитан хоть и любил порядок больше, чем людей, но все же старался беречь своих подчиненных.

На раздвоенной макушке холма сохранилось немного леса, в котором чернел глаз крохотного озера. Но склоны холма были совершенно лысыми. Возможно, именно из-за этого он показался Карине похожим на огромный курган или древнюю башню, где время разрушило то, что не смогли разрушить враги. Ведьма поежилась. В холме было что-то

неправильное, будоражащее душу и опасное. Выбеленные временем черепа смотрелись бы очень к месту на заостренных кольях забора. «Как будто», подумала Карина и прищурилась, ментально сканируя окрестности таверны. – «Как будто... Да, точно».

Обоз начал взбираться на холм. Экены подбадривали усталых лошадей криками и свистом. Карина снизилась, подлетела к Лайруксалу. Рядом с сидхом висела в воздухе звеньевая Ирина. Судя по лицам собеседников, они проводили время в обоюдодружелюбном флирте. Старшая крыла могла, конечно, поднять звеньевую в небо, к остальным ведьмам, но не стала этого делать.

– Лайруксал, – сказала Карина. – А зачем с этого холма свели лес?

– А он здесь никогда и не рос, – ответил сидх. – Ничего никогда не росло. Это проклятая земля. Во время битвы Мелькора с валарами сюда пролились кровь и слезы и богов – и выжгли ее начисто.

– Почему-то я так подумала, – пробормотала старшая крыла «Змей».

Слезы и кровь богов обжигали землю не только в Лихом Лесу. Карину озадачило только то, что на таком холме построили жилье. Мандречены возводили в подобных местах только капища Ящера, бога смерти.

Первый фургон подъехал к воротам таверны. Ринке постучал, и они открылись. За ними обнаружился гоблин. Массивный золотой браслет на его правом запястье на удивление органично сочетался с заляпанной кровью замшевой курткой. Карина догадалась, что это мирный гоблин, разумный настолько, чтобы жить среди эльфов – его лесные родичи не обременяли себя лишней одеждой, а уж тем более украшениями. Гоблин был несколько ниже ростом, чем его дикие соплеменники, но ничуть ни уже в плечах.

– Хаел, Магнус, – сказал Ринке. – А вот и мы.

Гоблин ничего не ответил, но распахнул ворота еще шире. Ринке вытянул лошадь вожжами, и фургон начал заезжать во двор. «Если хозяин тут – гоблин, то кто же хозяйкой, интересно», подумала Карина и перелетела перекладину над воротами.

Раздался громкий клекот. Перед ведьмой мелькнуло изуродованное яростью лицо, вполне человеческое, но с огромным птичьим клювом вместо носа. Карина шарахнулась в сторону, ударилась о балку, через которую только что перебралась, и зацепилась за метлу летевшей сзади Светланы. Обе рухнули вниз, на тент фургона. Преследователь успел несколько раз клюнуть самые аппетитные части тел ведьм. В тот момент, когда мандреченка решила, что с левой ягодицей придется расстаться, внизу рывкнули:

– Свои, Газдрубала! Назад!

– Хвост Ящера, – пробормотала Карина, провожая глазами удаляющееся серое тело. Судя по блеску перьев на крыльях, они могли быть только стальными. – Это же горгулья...

– Да, – ответил Магнус.

Ведьма покосилась на хозяина таверны. «Теперь я знаю, как выглядит смущенный гоблин», мелькнуло у Карины.

– Вы не обижайтесь, – продолжал гоблин. – Газдрубала раньше боевых ведьм никогда не видела, перепугалась...

Объект беседы повозился, устраиваясь над крыльцом, и замер в позе, невозможной и неудобной для всех, кроме него. Если бы Карина сама не ощутила бы, как быстро и подвижна может быть Газдрубала, она бы наверняка приняла ее за статую. Декоративную.

– Предлагаю пиво для всей вашей компании за счет заведения. В качестве возмещения ущерба, – добавил Магнус.

– Ладно, ладно, – проворчала Карина.

Они со Светланой расцепили метлы и спустились на землю. Ринке распрягал лошадей. В воздухе, как осенние листья, кружились снижающиеся ведьмы. Этот способ приземления крыла – по спирали, когда спускающиеся небесные воительницы находились как бы в разных точках огромной воздушной воронки – назывался «листопад». Он относился к числу самых трудных маневров, но являлся самым быстрым способом посадить на землю все крыло сразу.

Карина задумчиво разглядывала Газдрубалу.

– Ты никогда не видела горгулий? – спросил Ринке.

Ведьма отрицательно покачала головой:

– Только на картинках.

– Я даже не думала, что они остались еще где-нибудь в мире, – добавила Светлана.

– Да, наверное, их больше нигде уже и нет, – согласился эльф. – Но мы дали Мелькору клятву защищать его детей – и мы ее держим.

– А в наших сказках горгульи – дети огромного пса, несущего смерть всему живому, и Матушки Зимы, – сказала Карина.

– Вы еще много кого здесь увидите, – улыбнулся Ринке. – Главное, держите себя спокойно и независимо.

– Спасибо за совет, – задумчиво пробормотала ведьма.

Они со Светланой направились к крылечку. Во двор въехал второй фургон, которым правил Гёса. Рядом с ним сидел капитан.

– Господин Магнус, нам бы расквартироваться, – сказала Карина гоблину.

– Поговорите с Мораной, она в общем зале, – откликнулся Магнус.

Гёса неудачно взял вправо и задел фургон Ринке своим.

– Козни Илу!

– А, шайтан!

– Я помогу вам, – сказал Магнус и запрыгнул на козлы рядом с Гёсой. – Сдай немного вправо, Рин.

Арга окликнул ведьм и спросил:

– Карина, вы же о постое для своего крыла договариваться идете?

Мандреченка кивнула.

– Я вас прошу, договоритесь сразу для всех нас. Банька, если можно, ужин – ну, это обязательно, и все в этом духе...

– Хорошо, – согласилась ведьма.

Ведьмы поднялись на каменное крылечко. Карина осторожно обошла свисавший хвост горгульи. Если трактаты по магии, которые ведьме приходилось читать, не врал, шипы на хвосте чудовища были ядовиты. Светлана толкнула подругу в бок, указывая на причудливые завитушки на опорных столбах крыльца. Карина узнала несколько рун и покачала головой.

– Да не съедят они нас, Светик, – сказала мандреченка. – Каждый защищает свой дом, как может.

– Но некромантия запрещена Кругом Волшебников Мандры, – тихо возразила подруга.

– Эти знаки, как мне кажется, были нанесены сюда гораздо раньше, чем был создан Круг Волшебников Мандры, – произнесла Карина и толкнула дверь.

На ведьм обрушился запах тушеной свинины, пива и популярных в этом году эльфийских духов «Ромашка». Факелы по углам зала давали больше дыма, чем света. Сидевшие ближе всех к входу тролли вопили:

Лежит дракон, придавленный
Огромной каменюкою.
Хоть мясо очень жесткое –
А все равно съедим!

Судя по въевшимся в лица черным угольным дорожкам и простым курткам, тролли возвращались домой с шахт Эммин-ну-Фуин после удачно отработанного сезона. Центр зала, огороженный колоннами, пустовал – кроме одного столика. Расположившаяся за ним компания из пяти эльфов боролась с огромным кувшином вина. В дальнем углу чинно ужинало семейство эльфов и несколько солидных гномов, скорее всего купцов. У дальней стены зала находилась барная стойка. За ней восседала крепко сложенная женщина. Судя по аккуратной полоске усов над верхней губой, перед ведьмами была представительница

славного племени гномов. «Ага», подумала Карина. – «Это наверно Морана и есть». Рядом с гномищей примостилась хрупкая светловолосая женщина, видимо эльфка. Около стойки расположилась парочка столь колоритная, что Карина невольно улыбнулась, заметив ее. Светлана же тихо ахнула.

Первым в глаза бросался эльф, худой как жердь и слишком высокий для того, чтобы быть коренным обитателем Лихого Леса. Светлые волосы и бархатный камзол, украшенный стразами, говорили в пользу этого предположения. На стойке между ними лежал мятый кусок пергамента, на котором эльф что-то писал. Вторым завсегдатаем оказался высокий, крепко сбитый мужчина, судя по черным волосам – мандречен. Из одежды на нем была только панталоны в фиолетовую полоску. Исходя из эпизодичности его костюма, можно было догадаться, что гуляка заглянул в таверну давно, но с тех пор не может отсюда выбраться. А хозяева свято соблюдают Уложение Тайнеридов, где говорилось: «из шинка или кабака не выгонять, пока все с себя не пропьет».

– Карина, так это же... – пробормотала Света, не сводя глаз с мандречена и глупо улыбаясь.

– Кто-то из твоих давних знакомцев? – спросила ведьма.

Тролли снова затаили:

У драконов под горой
До утра был пир горой.
Утром встали и опять
Стали водку распивать.

Мандречен, внимательно слушавший песню троллей, яростно фыркнул и заглянул в листок. Карина удивилась его гибкости, неожиданной для столь внушительных размеров. Мужчина потянул из рук эльфа писало и стал что-то черкать на пергаменте.

– Нет, – вздохнула Светлана. – Я обозналась.

– Ну и ладно. Пойдем к стойке, – решила Карина.

Подруги двинулись через зал.

К вечеру они узнали,
Что все клады растеряли.
Тролли в норы унесли,
Все драконы – на мели!

Когда ведьмы проходили мимо троллей, компания притихла. Самый крупный из них, видимо, бригадир, шутливо заломил шапку и обнажил в улыбке кривые желтые клыки. Карина заметила на обнаженном волосатом плече тролля родовую татуировку – грубое изображение молота, перекрещенного снопом зерна. Во время последней войны многие тролли из этого племени воевали в Армии Мандры. А многие – в войсках эльфов, где играли роль пушечного мяса.

– Наше почтение, госпожи боевые ведьмы, – сказал тролль на мандречи – внятно, но с сильным эльфийским акцентом.

– Приятного аппетита, – вежливо отвечала Светлана.

«Так, акцент у него эльфийский», подумала Карина и спросила:

– Синие Капюшоны?

– Нет, – гордо ответил тролль. – Алые Кобры, второй сводный дивизион, командир четвертой разведроты Альх Теем!

– Карина, старшая крыла «Змей», – ответила ведьма и отдала честь.

Когда подруги отошли подальше и тролли уже не могли их слышать, Светлана рассеянно заметила:

– Я не думала, что кто-то из них выжил после Мир Минаса.

В спину ведьмам грянуло:

У драконов тоже страсть:
Как бы с девкой не пропасть!
По пучкам в гору их носят
И съедают ровно в осень!
Сухожилльных дев таких
Троль не съест,
Ведь он не псих!¹⁵

Возникла пауза, но очень короткая. Мандречен прекратил строчить на пергаменте и повернулся к троллям. При этом он сжимал в руках листок с таким свирепым видом, словно это был по меньшей мере арбалет. Эльф заглянул ему через плечо, и они хором заорали:

Устарела ваша песня,
Ни на йотуна тут нет,
Правды, точности и чести,
Вот такой мой вам ответ!

Голос у мандречена оказался мощный. Карине вспомнилась старинная легенда о городе, стены которого великий скальд древности Анатос разрушил своим пением. Светлана от неожиданности споткнулась. Ведьма вцепилась в плечо одного из эльфов, сидевших за столиком, мимо которого они проходили. Эльф, рубаха которого под натиском ведьм сползла с плеча, обернулся и встретился взглядом со Светланой. Он был красив, той особой, изящной красотой, что свойственна Детям Старшей Расы. Увидев целительницу, эльф улыбнулся и похорошел до степени, мужчине просто непозволительной.

– Я счастлив, госпожа ведьма, – сказал он и совершенно естественным жестом положил руку на бедро Светлане. – Вина?

Карина отодрала от него хихикающую подругу и потащила дальше. Мандречен и эльф продолжали:

Есть девчонок – очень сложно
Спорить можно абы как.
Но скажу вам, бабы точно –
На вкус лучше чем кизяк!

Ох знал немало я здоровых,
зеленых, серых и с моста,
троллей болтливых, злобных...
Что нападают лишь с хвоста! ¹⁶

За спинами ведьм загудело, загрохотали опрокидываемые стулья. Карина обернулась и ударила «звездчаткой» с левой руки – коротко, быстро, сильно. Тролли повалились на пол с деревянным звуком. В спину ведьме повеяло холодом. Мертвенным, иссушающим холодом нудайдолского лютеня¹⁷, неожиданным и невозможным здесь и сейчас, в конце жаркого

¹⁵ «Песня троллей» (с) Лорд Арк

¹⁶ «Песня дракона» (с) Шэд Павел

¹⁷ февраля

лихолесского серпня.

– В музыкальной игре победили Шэд и Андерет, – раздался за спинами друг очень мягкий и нежный голос. – Так решила я, Морана.

Кожа Карины, неизвестно почему, покрылась мелкими пупырышками, словно от ледяной воды, и так же внезапно это наваждение прошло.

– Шэд, – прошептала Светлана. – Шэд...

– Господа тролли, в таверне Магнуса всегда играют по правилам, – продолжал тот же голос. – Громко – это не значит хорошо, исполнение и идея песни тоже очень важны. А если вам не нравятся правила, что же... Железный Лес очень велик, там есть где разгуляться.

Карина хорошо знала буйный нрав троллей, но каменная тишина, в которой они вернулись за свой стол, почему-то ее не удивила. Эльфы и гномы из противоположного конца залы сдержанно похлопали. Ведьмы двинулись к стойке.

– Дай-ка я тебя поцелую, Шэд, – произнесла светловолосая эльфка, когда Карина и Светлана приблизились. Именно она оказалась владелицей чудесного голоса, утихомирившего троллей – и, как с изумлением поняла ведьма, хозяйкой таверны. Светлана, которой пришли в голову похожие мысли, пробурчала себе под нос:

– А гoblin-то – хват... Какую эльфочку себе оторвал!

– Мне кажется, она не эльфка, – тихо сказала Карина.

Шэд изменился в лице и хрипло спросил:

– Может, не надо, Морана?

– Надо, – ласково отвечала та. – Ты мне еще за три банки «Пороха с перчинкой» должен, соловушка моя. Это ты другим можешь простить, кому был должен, но не мне.

Шэд наклонился. Карина увидела светлый локон Мораны – длинный, волнистый, капризно выбившийся из прически. Высокую скулу и аккуратное ухо. Глаз, насмешливо уставившийся на ведьму поверх плеча Шэда. Сначала Карина подумала, что глаза у хозяйки таверны серые, как осенняя тоска. Потом – зеленые, светящиеся, как море ночью. Затем – ярко-синие, как собственные глаза ведьмы, как васильки... Глаз Мораны становился все ярче, становясь цвета раскаленного железа, и на него уже было больно, невыносимо смотреть – но и оторвать взгляд нельзя было...

Шэд прохрипел что-то нечленораздельное и повалился лицом на стойку.

– Говорила я тебе – не мешай водку с портвейном, а ты все – «коктейль, коктейль», – сказала Морана беззлобно. Но и не капли сочувствия не слышалось в ее голосе.

– Я понимаю, у вас – своя мораль, – задумчиво произнесла гномица.

– Да, – согласилась хозяйка таверны. – У нас своя мораль, Хэлл. Если это можно вообще назвать моралью.

– Но любая мораль не на пустом месте, Морана, верно ведь? – возразила Хэлл. – Мораль, по-моему, это один из алгоритмов приближения к счастью. Счастьем, а не успешности в конкретном обществе.

– Мораль и счастье – это вообще из разных систем координат, по-моему, – заметил эльф, певший вместе с Шэдом. Андерет, вспомнила мандреченка. – Назови мне хоть одну моральную систему, где быть счастливым – это правильно. Это то, что одобряется обществом, то, к чему нужно стремиться.

– Хозяйка, извините, что вмешиваюсь в беседу, – произнесла Карина так вежливо, как только могла. – Но вот нам, двадцати пяти вашим новым постояльцам для счастья вполне хватило бы ужина. А если еще и баньку истопить – это было бы уже верхом всех наших мечтаний.

Кто-то хлопнул ведьму по плечу так, что Карина вздрогнула. Это оказался уже пришедший в себя Шэд.

– Наш человек, – одобительно произнес певец. – Если хочешь, Морана, я могу стопить баню...

– Хочу, – отвечала хозяйка таверны. – Магнусу сейчас не до этого. Да и ты справишься не в пример быстрее.

Шэд молча поднялся и вышел из зала. Светлана проводила его долгим взглядом.

– А я почему-то всегда считал, что мораль – категория сугубо общественная, – продолжал эльф. – И с личным счастьем связанная весьма условно. И придумана как раз для комфортного выживания того самого общества. Другое дело, что за соблюдение морали тебе что-то обещают... потом... может быть...

– Это так, Андерет, – согласилась Хэлл. – Но тот, кто не конфликтует с обществом, более счастлив, чем изгой. Конформизм – это почти счастье.

– Номера на втором этаже свободны почти все, занимайте любые, – обратилась к ведьмам Морана. – Сейчас там открыто, проветривается, за ключами подойдете потом... Ужинать что будем?

– Что-нибудь такое... домашнее, – сообщила Карина. – Знаете, как уже в походе надоел этот вечный эльфийский хлеб...

Она вздрогнула и покосилась на Андерета. Но эльф не слушал ведьму. Он говорил, задумчиво поглаживая Хэлл по руке:

– Наверно. Только я бы не позиционировал это как счастье, понимаешь? – эльф улыбнулся. – Скорее – стабильность и некоторая уверенность в завтрашнем дне. Ну да ладно. Пойду помогу Шэду...

Андерет допил вино в стоявшем перед ним бокале и вышел из-за стойки.

– Свиные ножки, тушеные с капустой, подпадают под ваше определение домашнего? – спросила хозяйка таверны. – С пивком-то? Холодец? Гороховый супчик? Что-нибудь вас устроит?

– Нас устроит все вышеперечисленное, сразу, – сказала Карина решительно. – Только я хочу сказать, у нас десять человек свинины не едят...

– Как я их понимаю, – ответила Морана, и в глазах ее промелькнул ледяной блеск. – Хорошо, я посмотрю, чем заменить.

– Очень рекомендую под холодец закуску, Магнус сам делает – «Порох с перчинкой», – заметила Хэлл.

– Хорошо, – кивнула Карина. – Этой закуски, значит... И еще что-нибудь такое... К чаю.

– Я как раз тесто с утра замесила, а что с ним делать, до сих пор не могу решить, – улыбнулась Морана. – Пирог с форелью, ватрушка с творогом и вареньем, и еще, пожалуй несколько румяных пирожков с рисом и яйцом я вполне успею приготовить, пока ваш отряд моется в бане и ужинает. Сделать?

Карина сглотнула слюну:

– Обязательно.

– У нас в таверне правило – оплата вперед, – произнесла хозяйка.

– Посчитайте нам, – кивнула Карина.

– Как долго вы намерены у нас пробывать?

– До завтрашнего утра.

Морана застучала костяшками на счетах и проговорила, обращаясь к гномице:

– Я считаю иначе. Нравственного человека воспитать сложно... Мораль идет как суррогат нравственности, чтобы у каждого конкретного индивидуума в голове был минимальный набор блоков. Чтобы стадо не разбредалось, чтобы не пихали и не толкали друг друга, а шли примерно в одном направлении. Стройными рядами или там когортой – это уж на усмотрение автора морального кодекса. А усмотрение автора морального кодекса всегда напрямую зависит от экономическо-исторических реалий, в которых существует данное общество. А счастлив тот, кто просто счастлив, Хэлл.

Карина почувствовала, что у нее голова идет кругом – от необычности обстановки, от странной беседы, что вели хозяева таверны, от усталости. Ведьма оперлась на стойку.

– Двадцать четыре гривны, две ногаты и три куны за все, – сказала Морана. – У вас оплачена баня на двадцать пять человек, ужин согласно заказанному меню, проживание и чистое белье. Пиво за счет заведения. Не оплачен только завтрак, но это уже утром

разберемся.

– О да, – сказала Карина, доставая мешочек с монетами. – Мне бы не хотелось оказаться среди ваших должников, госпожа Морана.

Хозяйка таверны улыбнулась:

– Мой вам совет – ничего и никогда не берите в долг. Целее будете.

– Я обязательно последую вашему совету, – вежливо отвечала ведьма.

– Ты, Морана, наверно права, – пробурчала Хэлл. По ее напряженному лицу было заметно, что гномица старательно обдумывала слова подруги. – Но соблюдая общепринятые нормы, человек хотя бы совестью не мучается.

– Выбирайте любой свободный стол, сейчас немного перекусите и в баньку, – обратилась Морана к ведьмам. – Спасибо за то, что утихомирили этих троллей, так-то они ребята очень даже ничего, но за музыку готовы порвать любого...

Карина улыбнулась хозяйке таверны. Они со Светланой отошли от стойки, направляясь к единственному месту, где еще оставались свободные столики – в центр. Однако ведьме было очень интересно, что же ответит Морана своей подруге. И ответ не заставил себя долго ждать.

– Ты права, Хэлл, все так. Да только совесть и стыд – это ваш бич, бич смертных, – раздался спокойный голос хозяйки таверны. – У нас, высших суккубов, другие бичи, и знаешь, они причиняют нам ничуть не меньшую боль...

Ведьмы устроились за столиком. Рядом с ними тут же появилась, словно материализовавшись из воздуха, девушка в ослепительно накрахмаленном белом фартуке с подносом в руках.

– Два холодца, – сообщила девушка. – И «Порох с перчинкой».

В двери таверны ввалились экены и Ринке. Эльф, надо отдать ему должное, сразу разобрался в ситуации.

– И пива, милая девушка, пива! – закричал он с порога.

Официантка улыбнулась, не разжимая губ.

– Я – не милая девушка, я – Сташи, – сообщила она.

– Я пиво не буду, Сташи, а вот от холодца не откажусь, – проворчал Гёса.

Перина, на которой лежал Ринке, была тощенькой. Но даже принц вряд ли бы почувствовал горошину сквозь нее – все-таки перина была набита гагачьим пухом. Однако все стыки криво сколоченных досок лежанки эльф ощущал своей спиной. Но по сравнению с мешком, набитом монетами, это ложе ни шло ни в какое сравнение. Равно как и с ребристой крышкой ящика, на котором Ринке приходилось спать два последних месяца.

Эльф отдыхал после ванны. Он уже и забыл, как это приятно – быть чистым.

В дверь осторожно постучали. Ринке магически просканировал ауру того, кто стоял за дверью, и вздохнул.

– Входи, Вилли, – крикнул он и спустил ноги с кровати.

Дверь приоткрылась меньше чем на ладонь.

– Заходи, заходи, – повторил эльф.

На пороге появился Вилли. Алая шелковая рубаша с богатой вышивкой золотом на рукавах и горловине смотрелась на нем чуть лучше, чем чепчик на гигантском пауке.

– Я боялся, что ты не один, – угрюмо сказал эльф.

Ринке улыбнулся.

– А я на это тоже надеялся, – ответил он. – Но Карина не оценила идею. Она сказала, что мыться в ванне – это только грязь размазывать. А в баню я отказался идти. Я ничего не имею против того, чтобы женщина хорошенько отхлестала меня... но не в присутствии же еще трех своих подруг и двоих экен. Нанесение побоев – дело интимное и личное, не находишь?

– Не нахожу, – пробормотал Вилли. – Меня такие игры не заводят. Одевайся, пойдем пожрем уже.

Ринке достал из своего путевого мешка чистую смену одежды. На черной кожаной

безрукавке были нашиты серебром звезды и листья. Зеленые брюки из легкой шерсти своим покроем напоминали экенские шаровары. Часы, с которыми эльф не расставался в лесу, остались мирно лежать у зеркала. Вместо них Ринке надел на предплечье серебряный браслет. Вилли смотрел, как друг причесывается. Густые волосы слиплись после купания в жесткую щетку, и разбить ее гребнем было не так-то легко.

– Это тебе, – сказал Вилли, когда Ринке закончил туалет. – От Лайры.

Он протянул другу крохотную керамическую бутылочку, плотно заткнутую пробкой. Ринке молча опустил ее в карман брюк. Друзья вышли из номера. Ринке запер дверь заклинанием, и эльфы спустились в зал.

Здесь стало гораздо спокойнее и свободнее, чем в момент появления в таверне конвоя каравана. Эльфы и гномы ушли, и даже тролли не орали больше своих песен, а молча работали ложками. В центральной части зала ужинали Гёса и Крюк с какими-то тремя красотками. Гёса заметил Ринке и приглашающе махнул рукой. Эльфы направились к ним – соседний с экенами столик пустовал. Ринке удивился, что обычно разговорчивый Гёса не окликнул его, но тут увидел нового гостя, да так и застыл на месте.

Гость расположился в углу, на месте покинувших зал гномов.

Именно из-за этого постояльца молчали тролли, наполняя зал благостной тишиной.

Расположение каналов в его ауре не оставляло сомнений в том, что этот худой эльф с серыми глазами и волосами чистокровного нандор – некромант. На лавке рядом с некромантом блаженно раскинулась Газдрубала. Эльф чесал ей шею. Напротив гостя сидела Хэлл. На столе стояли две кружки с пивом и миска с крупными жареными крысами. Ринке передернуло. Некромант повернулся посмотреть на вошедших. Эльф увидел свежие глубокие ссадины у него на щеке. Заметила царапины и Хэлл.

– Кто это тебя так, Квалмэхтар? – спросила гномица. – Возлюбленная?

Вилли потянул Ринке за рукав, и они направились к столу рядом с экенами.

– Нет, – ответил некромант. Он говорил негромко, но очень проникновенно. Эльфы, усаживаясь за столик, отчетливо слышали каждое его слово даже в центре зала.

– Пытались тут на днях обратиться к богу Хаоса за благословением, – продолжал Квалмэхтар. – Один знаток там... состав магических восклицаний перепутал. Вот я и въехал мордой в пол, когда отрубился. Получили нехилую головную боль наутро вместо благословения. А девственница, которую мы собирались в жертву принести, сбежала под шумок. Трактат Саэрта «Черное и серое» сперла, сволочь. Во народ пошел, а?

Хэлл хихикнула. Газдрубала размеренно, как огромный кот, заурчала.

Рядом с Вилли и Ринке появилась Сташи с подносом в руках. Официантка поставила перед гостями тарелки с тушеной капустой и свиной, пиво, плетенку с хлебом, миску «Пороха с перчинкой».

– Спасибо, – сказал Вилли.

– На здоровье, – вежливо ответила Сташи и исчезла.

Ринке с интересом рассматривал девушек, сидящих вместе с экенами. Во главе стола расположилась осанистая, статная женщина в голубом шелковом платье. Толстая светлая коса ее лежала на груди. Серое бархатное платье соседки Крюка было строгим. Рукава платья расширялись от локтя. Узкую талию оттенял серебряный пояс с зеленой эмалью, светлые кудри женщины свободной волной разбегались по плечам. На груди висел серебряный же кулон с изумрудом. Из-за утонченности ее костюма Ринке решил, что перед ним эльфка. Женщина, устроившаяся рядом с Гёсой, походила на люли¹⁸ из-за своего алого верхнего платья и вызывающего выреза на нем. Впрочем, грудь была кокетливо прикрыта высоким, под горлышко нижним черным платьем с длинными рукавами. Волосы женщины были черными, как ночь, гладкими и прямыми, как кортик. На груди ее красовалась гематитовая брошь в виде паука. Женщина в сером платье улыбнулась эльфу и

¹⁸ цыганку

приветственно подняла кружку с пивом.

Только в этот момент Ринке понял, что женщина, которую он принял за соплеменницу – это Сабрина, боевая ведьма, которая на его глазах не раз разносила троллей и пауков в клочья.

Эльф и раньше знал, что наряд оказывает огромное влияние на внешность женщины, но первый раз перевоплощение было столь сильным. Несколько секунд Ринке не мог поверить, что вот та статная блондинка – это Ундина. Ведьма, которая рубит соперников с хладнокровием профессионального дровосека, и с лица ее при этом не сходит скучающая мина. А усмехающаяся брюнетка – это Зарина, которая с урчанием отгрызала последние кусочки мяса с кости на недавнем привале, невнятно ругаясь по-экенски.

Ведьмы заметили отражение своего нового облика на лице Ринке. Зарина прыснула.

Троллям надоело сидеть спокойно. Даже присутствие некроманта не могло надолго испортить настроение этим бесшабашным созданиям.

– Танцевать! – послышались крики. – На столах, прямо здесь!

Морана, перекидывавшая костяшки на счетах за стойкой, лениво подняла голову.

– Сначала пусть Сташи уберет посуду, – сказала хозяйка таверны. – Помогите ей.

Официантка направилась к столам троллей. Они вместе сгребли со стола тарелки и судки и с громким топотом устремились к кухне. Сташи, возглавлявшая процессию, казалась юной валькирией, ведущей своих воинов в последний бой. По крайней мере, вопили при этом тролли именно так.

Вилли и Ринке принялись за еду.

– Карина-то скоро там? – спросил Ринке у Сабрины.

Ведьма стрельнула глазками:

– Они там со Светланой вдвоем остались... Это обычно надолго.

Раздался грохот – вернувшиеся из кухни тролли сдвигали столы.

– Я думал, что мы не дойдем, – сказал Гёса Зарине. – Сдохнем в этом жутком лесу.

– Я тоже, – кивнула экенка.

Перехватив взгляд Ринке, наемник осклабился.

– Не обижайся, – сказал он. – Горы тебе тоже вряд ли понравились бы.

– Давайте за это и выпьем, – предложила Зарина.

– За что? – спросил эльф. – За мою заочную ненависть к горам?

– За успешное завершение похода, – сердито ответила экенка.

– А, за это с удовольствием, – сказал Ринке и поднял кружку.

Гёса чокнулся с ним так сильно, что часть пива эльфа перелилась в кружку экена, а часть выплеснулась на пол между столами.

– Знаешь, откуда появился этот обычай? – усмехнулся Гёса. – Чокаться, в смысле?

– Знаю, – кивнул эльф. – Обычай появился для того, чтобы проверить, не отравлено ли пиво в чаше.

Кто сказал, что тролли глупы,
Любят дам, вино и срам?
Кто сказал, что тролли грубы?
Тот дурак, наверно, сам!

Столз затрещали под тяжелыми лапами троллей, но выдержали. Очевидно, мебель в таверне делалась из расчета именно на такие случаи.

Мы прекрасны, мы ужасны!
Мы коварны и опасны,
Мы нежны, ласкучи мы!
Мы лихие плясуны!

– Какое хорошее у вас пиво, – наблюдая за танцем, добродушно заметил некромант.

Ринке покосился на него. Прислонившись к стене, Квалмэхтар набивал трубку.

– Эт не пиво забористое, а тролли задиристые, – возразила Хэлл. – Помахай кувалдой на медных рудниках все лето – еще не так заплешь. Это эльфам уже и суп жидкий, и жемчуг мелкий...

– Это ж какая экономия выходит на сосудорасширяющих и диссоциирующих декоктах, – усмехнулся маг и разжег трубку. – Мне что ль в шахтеры податься?

Ринке ел. Свинина просто таяла во рту, а капуста оказалась и в меру посолена, и в меру протушена. Чего еще можно было желать после столь завершения столь трудного похода и чудесного купания?

Выпустив пару колечек дыма, Квалмэхтар рассеянно закончил в такт мыслям эльфа:

– Да, как мало нужно для счастья...

– А, так что там у тебя с богом Хаоса? – спросила Хэлл. – Он тебя осчастливил своим благословением?

Некромант грустно развел руками.

– Морана, – крикнула гномица. – Не благословишь тут красавца одного?

Хозяйка таверны посмотрела на упомянутого красавца и спросила:

– Благословить, конечно, можно. А вас отдача не замучает? Вы кроме «Черного и серого» читали что-нибудь?

Квалмэхтар откашлялся.

– И не только читали, госпожа Морана, – ответил маг. – Меня учил Разрушитель Игнат по своей «Паутине несказанных слов». А еще – ну так, для себя – я освоил все заклинания, которые приводит Ульвхаарт в своем «Ночном вое».

Глаза хозяйки таверны блеснули.

– Вы учились в Зойберкунстшуле? – уже гораздо вежливее спросила она. – Тогда у вас должен быть медальон. Да вы подойдите сюда, незачем орать через всю таверну.

Некромант поднялся. Горгуля недовольно фыркнула и села, оглядываясь с самым изумленным видом. Свет факела, отразившись в кольчуге Квалмэхтара, рассыпался на тысячу ярких бликов. Ринке узнал бoremский способ плетения стального полотна. Не очень красивый, грубоватый, но ничуть не менее надежный, чем тот, которым пользовались гномы Эммин-ну-Фуин. Очевидно, маг приобрел кольчугу еще во время учебы. По просьбе хозяев, гости ходили в таверне без оружия. Но на доспехи запрет, как видно, не распространялся.

Квалмэхтар притушил трубку, оставил ее на столе и подошел к стойке, на ходу вытаскивая из-под кольчуги медальон.

– Что-то Сташи долго нет... Видимо, кто-то из троллей пришелся ей по вкусу, – сказал Ринке.

Вилли хмыкнул. Того, что у официантки нет тени, он заметил сразу.

– Пойду, закажу еще пива, – сообщил Ринке.

– И вот этой закуски попроси еще, – сказал Вилли и вывалил остатки «Пороха с перчинкой» к себе в тарелку.

– Кстати, нам пироги обещали, – напомнила Сабрина, когда эльф проходил мимо их стола. – Напомни, ладно?

Ринке улыбнулся и кивнул.

– Темные силы, светлые силы, Морана сегодня тесто месила, – пропела Хэлл и приложила к своей кружке. Гномица подцепила вилкой крысу и закончила уже с набитым ртом: – Некросу – крысу, кирасу – на кису, в бочке с рассолом ты выловил вису...

Когда эльф подошел к стойке, Квалмэхтар уже был там. Морана задумчиво вертела в руках медальон.

– Даже и не знаю, – сказала хозяйка таверны. – Вы понимаете, кому вам придется служить?

– Да, – сказал Квалмэхтар. – Я и так служу вам всю жизнь, Морана. Но так я буду более полезен.

– Медальон-то настоящий, – глядя прямо в глаза магу, отвечала хозяйка таверны. – Но вот вы... не сочтите за обиду... вы какой-то поддельный.

– Аура имеет такой вид из-за того, что у меня каналы искривлены. Я сам их переплел, чтобы эффективнее втягивать мертвую силу, – терпеливо сказал Квалмэхтар. – Если же я буду иметь прямой доступ к источнику Цин, я приведу свою ауру в обычный вид. Никто не будет знать, что я могу пользоваться мертвой силой.

Он усмехнулся и добавил:

– До тех пор, пока я ее не призову. Настоящая война всегда начинается вдруг, не правда ли?

Морана покачала головой.

– А ежели он еще и некромов подымет – их в хозяйстве приспособить можно, – со своего места добавила Хэлл. – Мясо, которое работает, бывает полезнее того, что в могиле.

– Извините, – сказал Ринке. – Нам бы пива и пирогов, если уже спели.

– Сейчас Сташи принесет, – ответила Морана рассеянно.

– А Тавартэр из отряда Энедики – не ваш родственник? – обратился Ринке к некроманту. – Вы ведь вроде тоже из нандор. Да и внешне похожи...

– Он мой родной брат, – ответил маг.

– Славный боец ваш брат, – сказал эльф. – Я его хорошо знаю. Исполнителен, никаких рассуждений, никаких жалоб.

– Это у нас семейное, – вежливо отозвался Квалмэхтар.

Морана тряхнула головой.

– Хорошо, – сказала она, обращаясь к некроманту. – Вы получите желаемое. Дайте мне левую руку.

Некромант протянул ей руку. Пламя факелов, освещавших таверну, в этот миг стало тусклее, языки пламени прижались и нагнулись вниз, словно кто-то подул на них все разом. Песня троллей стихла, они даже перестали пристукивать пятками, на миг сбившись с ритма. Ринке торопливо отвернулся и направился к своему столу.

– Господин эльф, – окликнула его Морана.

Ринке обернулся. Он не хотел видеть мага, которого скручивали судороги. Его голову, запрокинутую назад так, словно у некроманта была сломана шея – подбородок Квалмэхтара смотрел в низкий потолок таверны. Струю крови, текущую от носа к виску через всю щеку ленивым зигзагом. Кровотечение из носа означало, что у Квалмэхтара перегружены каналы Чи Воды. Впрочем, этого следовало ожидать. Некромант был магом Огня, а Морана черпала Чи из Воды. При совмещении двух антагонистичных стихий тот из волшебников, кто был слабее в магическом плане, испытывал всю гамму чувств, которую может доставить боль.

Но Ринке пришлось это увидеть. Эльф не разглядел много. Но и того, что он смог различить, ему хватило с лихвой.

– Я слушаю вас, госпожа Морана, – севшим голосом ответил эльф.

– Ты родился в год Железной Стужи?

Ринке сглотнул и произнес:

– Да, и не только в год. Я родился как раз зимой, когда от мороза разрывало деревья и птицу убивало на лету...

– Сегодня тебе придется принять решение, – сказала Морана. – И тебе, когда ты будешь его принимать, надо быть столь же холодным, как зима, в которую ты родился.

– Я понял вас, госпожа Морана, – почтительно ответил эльф и двинулся к своему столику. Когда он добрался туда, на нем уже красовалось блюдо с пирогами и огромный пузатый чайник. Вилли наполнил кружку, подвинул ее Ринке.

– Пироги изумительные, – проворчал Вилли с полным ртом.

Ринке взял пирог, надкусил, но не почувствовал его вкуса. Он покосился на столик, за которым сидела Хэлл. Квалмэхтар уже вернулся на свое место. Некромант раскуривал трубку, но никак не мог попасть направленным пучком огня с пальцев на табак – у него не сильно, но заметно дрожала кисть.

– Пива! – крикнула Хэлл. – Сташи, днем спать будешь!

Ринке снова глянул на ведьм. Крюк пытался съесть оливку, насаженную на шпикажку. Свободный конец шпикажки сжимала зубами Сабрина. Эльф отвел глаза. Ведьмы были столь красивы, что он ожидал появления своей подруги с некоторым страхом.

Ринке никогда не смог бы омрачить идеал чистой красоты вожделением, а у него были все основания думать, что Карина сегодня вечером будет выглядеть именно так.

Крюк с рычанием отбросил шпикажку, отплюнул в сторону оливку и впился в губы ведьмы.

Ринке вздохнул. Иногда он завидовал прямолинейным, не замутненным излишней мудростью детям гор.

Карина и Светлана вдоволь нахлестали друг друга вениками и вымылись. Когда ведьмы выбрались в предбанник одеваться, там обнаружился запотевший кувшин и пара чашек.

– Что это тут у нас? – заинтересовалась мандреченка. Карина наполнила чашку и припала к ней губами. – Брусничный морс!

– Не иначе, Сташи принесла, – заметила Светлана.

Целительница вытерлась, завернулась в сухую простыню и устроилась на лавке.

– Да, у них тут неплохой гарнизон подобрался, отобьются от кого хочешь, – заметила Карина, наливая подруге. – Вампирка, некромант, высший суккуб, гномица, гоблин...

Ведьма сразу заметила, что аура Сташи переливается нежно-салатовыми оттенками изящной магической вуали. Волшебники часто прикрывали свою ауру защитным коконом или специально перепутывали каналы, чтобы скрыть истинный уровень своего дара. Но, глянув на пол рядом с официанткой, Карина поняла, что здесь немного другой случай. У девушки не было тени. Аура вампиров целиком состояла из Цин, и Сташи накинула на себя вуаль для того, чтобы скрыть этот факт.

Светлана взяла кружку и добавила:

– Одна grosайдеч чего стоит... – ведьма отпила, с чувством воскликнула:

– Ах, какое блаженство, – и со стуком поставила кружку на стол.

Карина задумчиво посмотрела на подругу, думая, что ослышалась.

Дверь в парилку распахнулась. Из нее с визгом высыпались обнаженные ведьмы звена Марины. Женщины выбежали из бани, криками подбадривая друг друга, направляясь к озеру. Своей неправильной формой оно больше всего походило на осколок магического кристалла, который какой-то великан обронил среди леса. Ведьмы прыгали в воду, придерживая распущенные волосы. Марина нырнула, и, неожиданно выскочив из воды, потянула вглубь Инну. Та завизжала, приняв звеньевую за русалку, и принялась отбиваться. Над черной гладью рассыпались голубые искры Чи.

Карина прикрыла дверь парилки, которую ведьмы забыли захлопнуть. Светлана же закрыла внешнюю дверь, чтобы из предбанника не уходило тепло.

– И где же ты заметила дракончика? – спросила мандреченка.

– Помнишь певца у стойки?

Карина вытерлась насухо и уточнила:

– Шэда?

Светлана кивнула.

– Он выглядит вполне...эээ... человеком, – пробормотала подруга.

– Я тоже, – пожала плечами целительница и принялась вытирать волосы полотенцем.

– Но я не слышала о драконах-оборотнях, – заметила ошеломленная мандреченка.

– А их всего двое в мире, – лениво ответила Светлана. – Это дети Вольфганга Штернхерца, Гюнтер и Шатт. Я знакома с Гюнтером, и в первый момент подумала, что это он. Они с братом очень похожи.

– Но это оказался Шэд, – задумчиво произнесла Карина. – То есть Шатт... Все равно не верится как-то...

– А ты вспомни, что он пел. Это же был наспех сочиненный гимн, восхваляющий драконов, – возразила Светлана.

Глаза подруги расширились:

– А и верно...

– Как он оказался здесь, вот что интересно, – произнесла целительница. – И на чьей стороне воюет.

– А почему сразу и воюет, – возразила Карина и натянула платье.

Светлана взглянула на наряд подруги и промурлыкала:

– То самое. Атласное, со стразами... Где, интересно, теперь тот щедрый даритель?

Сама целительница собиралась идти на ужин в своем любимом коричневом шелковом платье с рыжим отливом. В нем Светлана очень походила на изящную лукавую лисичку. Но эта лисичка была не избалованным зверем из императорского зверинца, а битой и злой свободной тварью – серебряный браслет в виде змея, кусающего собственный хвост, был надет на левое предплечье целительницы совсем не для красоты.

А для того, чтобы скрыть уродливый шрам, охватывающий руку.

– Кто ж тебе правду скажет? – угрюмо ответила Карина.

– Никто, – согласилась целительница.

Но мысли старшей крыла «Змей» крутились не только вокруг платьев; присутствие гротескно-оборотня в таверне не только удивило, но и встревожило ведьму.

– Может, Шэд на могилу отца приехал? – предположила Карина. – Вольфганг же был в том звене химмельриттеров, которое Ежи из катапульт над Эммин-ну-Фуин сняли?

– Да, Вольфганг был в северном отряде, – согласилась Светлана. – Может быть, ты и права. А может, Шэд скрывается здесь, как и я – в Боремии больше нет места для оборотней. Но даже оборотень не будет воевать на стороне тех, кто убил его отца.

Уверенность подруги немного успокоила Карину. Мандреченка повернулась спиной к Светлане:

– Застегни мне.

Ведьма ощутила теплые пальцы целительницы на своей спине – Света подтягивала шнуровку.

– Одного я не пойму, – сказала Карина задумчиво. – Почему люди в Боремии против оборотней так ополчились?

Целительница хмыкнула:

– А почему вы, люди, так ополчились против сидхов?

– А ты не путай, – сердито возразила мандреченка. – Сидхи завоевали Мандру... Издевались над нами...

– Но Разрушители освободили вас триста лет назад. А отомстить за тяготы ига решили только сейчас, – заметила Света, ловко застегивая многочисленные крючки. – Нестыковочка!

– Я не к тому, – возразила Карина. – Боремия всегда принадлежала оборотням, это все знают. Неречь же пришла на ваши земли сто лет спустя после Битвы Ярилы и Змея, или я ошибаюсь?

– Да, где-то так, – согласилась Светлана. – Готово!

В этот момент Марина и ее ведьмы с хохотом ввалились в предбанник. Целительница хлопнула Инну по заднице, раздался звонкий гул.

– Кстати, можете сегодня поиграть с мужчинами, если хотите, – обратилась Карина к звеньевой. – Работа закончена, можно и развлечься.

– Спасибо, Карочка, – весело отозвалась Марина. – Но мы сегодня пас. Попаримся еще чуток и спать ляжем. Даже к ужину не выйдем, в номер попросим принести. Приморились мы.

– Укатали девок лихие орки, – хохотнула Светлана.

– Ну, смотрите сами, – сказала старшая крыла «Змей».

Звено Марины ушло в парилку. Карина и целительница надели плащи – вечер был прохладным – и покинули баню.

– Так зачем люди напали на оборотней, с которыми так долго жили в мире и любви? – спросила Карина.

С озера налетел тихий ветерок, печально прошелестел в кронах деревьев, усыпав землю листьями – письмами о прошедшем лете.

– Видишь ли, – сказала Светлана. – У неречи есть легенда, например, о чудесном городе в глубине Лисьего Леса. Говорят, мостовые в этом городе выложены рубинами, а крыши вместо черепицы покрыты изумрудами.

– Это правда? У вас есть такой город?

Светлана отрицательно покачала головой:

– Звери не строят городов, Карина. Они нам не нужны. Нам – всем нам, и лисам, и волкам, и рысям, и медведям – нам нужен лес. А крестьянам нужна земля под пашню и пастбища... Вот и все.

Ведьма обняла подругу за плечи.

– Мир преисполнен болью, – прошептала мандреченка. – Болью и несправедливостью...

– Да, – согласилась оборотень. – Но другого мира для нас вообще нет.

Так они и стояли, обнявшись, некоторое время.

Следующий порыв ветра оказался теплым. Светлана принялась. Да и у Карины потекли слюнки, когда она почувствовала запах гороховой похлебки и горячий аромат только что вытасненных их печки пирогов. Не сговариваясь, ведьмы двинулись к таверне. Обогнув озеро по едва заметной тропинке на левом берегу, подруги вошли на задний двор через калитку. Из-за темного сарая, который судя по исходящему от него духу сухой травы мог быть только сеновалом, раздался мужской голос:

– Я тебе доверяю безгранично, но ты что – ты снова войну хочешь устроить?

Карина узнала Магнуса. Светлана придержала калитку, чтобы та не стукнула. Ведьмы замерли, не желая подслушивать чужой разговор, но и не желая вмешиваться в него.

– Наша земля нейтральна, мы же с тобой договорились, – продолжал гоблин. – Мы не лезем в чужие дела...

– Темные эльфы тоже не лезли, и что с ними сейчас? – услышала Карина голос Мораны.

– Ну пожалей ты меня, Морана, – ответил Магнус. – Ну нельзя же так...

– Нельзя – значит, нельзя, – очень спокойно ответила хозяйка таверны. – На чьей стороне будешь ты, Магнус?

– Я? Я хотел бы остаться на своей.

– Сейчас это будет невозможно.

– Тогда я буду против тех, кто нападет на меня.

– Хорошо, – сказала Морана. – Тогда и я тоже буду против тех, кто нападет на тебя.

– Я рад, что ты приняла именно такое решение, – произнес гоблин.

Раздались шаги – парочка удалялась. В темноте вспыхнул прямоугольник открывшейся двери, проявились два силуэта на его фоне – низкий, кряжистый Магнуса и изящный Мораны. Дверь закрылась, и на заднем дворе таверны снова стало темно.

– Он просил ее о жалости? – шепотом спросила Светлана.

Хотя, если подумать, теперь шептать было совершенно ни к чему.

– Угу, – ответила Карина, направляясь к дому.

Подруга некоторое время молча шла рядом. Когда ведьмы миновали высокую поленницу, Светлана спросила:

– И она его пожалела?

– Угу.

– Как мало мы, в сущности, знаем о высших суккубах... – вздохнула целительница.

Ключ беззвучно провернулся в замке. Рамдан вытащил его, проверил плечом, закрылась ли дверь, и догнал Махмуда и Ахмета. Наемники двинулись по коридору, застланному полосатыми мандреченскими половиками. Здесь, в сердце Лихолесья, половички смотрелись смешно и одновременно почему-то успокаивали. В небольшой нише Рамдан заметил миску с молоком и немного хлеба – ужином для домового. Экены тоже

собирались спуститься в зал и отужинать. Большая часть отряда решила обойтись без таких излишеств. Измученные экены сразу по прибытии совершили намаз и заснули в своих номерах.

Рамдан выудил из кармана штанов монетку, присел перед нишей на корточки и положил алтын рядом с хлебом. Теперь он заметил фигурку домового в глубине ниши. Экен уже давно общался с мандреченами и знал, что обычно домашний идол имел вид хитрого старичка. Его вырезали из дерева или прилепляли к особенно узловатой коряге пару глазок – стеклянных бусин. Но духом-хранителем таверны оказалась куколка, сшитая из ярких лоскутков. Рамдан взял ее в руки и увидел, что глаза куклы обозначены двумя черными жемчужинами. «Помоги нам выбраться живыми из твоего дома, черноглазая», подумал Рамдан и погладил косу из темных ниток.

– Эй, командир, ты чего там? – окликнул его Махмуд.

Экен аккуратно посадил куколку на место и поднялся.

– Ты какой-то смурной, командир, – заметил Ахмет.

Рамдан поморщился и признался:

– Я себя без меча прямо голым чувствую.

Сташи, когда приносила им свежее белье и ключ, вежливо сообщила, что по таверне Магнуса не принято ходить с оружием. Экенам пришлось оставить мечи в номере.

– Так ведь тут все... голые, – сказал Махмуд.

Дверь чуть дальше по коридору распахнулась. Из номера, смеясь и перешучиваясь, появились Ирина и Стана в сопровождении Лайруксала. Рамдан даже не сразу узнал ведьм из-за дорогих красивых платьев, в которые они нарядились. Махмуд присвистнул, а Ахмет восхищенно сказал:

– Как расфурфырились-то девки наши!

Рамдан молча смотрел на пояс широкий пояс Лайруксала. По кожаной пластине в прихотливом беспорядке были разбросаны изумруды, сапфиры и гранаты. Ведьмы и сидх двинулись в сторону лестницы. Экены последовали за ними.

– Что это у него на плече такое? – спросил Махмуд. На плече сидха висел чехол, тоже богато изукрашенный. – Маленький лук вполне поместится.

– Поместится, – согласился Ахмет. – Но у него там арфа, я думаю.

– Чего?

– Инструмент такой, – терпеливо пояснил Ахмет. – Вроде мандреченских гуслей.

Рамдан остановился. Наемники вопросительно посмотрели на командира.

– Вы идите, ешьте, – сказал экен. – А я пойду зурну возьму.

– О, давай, – согласился Ахмет.

Когда Рамдан с зурной в руках спустился в зал, Махмуд и Ахмет уже сидели за одним столом с Гёсой, Крюком и звеном Зарины. Лайруксал вместе с ведьмами устроились чуть поодаль, поближе к Ринке и Вилли. За спинами проводников каравана, тяжело ухая и притопывая, на нескольких сдвинутых столах танцевали тролли. Между столами Гёсы сотоварищи и ведьм с сидхом Рамдан обнаружил столик, за которым расположились Арга, Светлана и Карина. Командир наемников направился к ним.

– Ой, кто арфу принес, кто зурну, – обрадовалась Светлана. – У нас будет вечеринка!

Арга кивнул командиру наемников. Рамдан опустился на лавку рядом с ним.

– Супчику горохового? На говяжьих ребрышках? – дружелюбно предложила Карина.

Рамдан засмеялся:

– А пожалуй, можно... Тогда у нас точно будет музыкальный вечер!

Арга и ведьмы рассмеялись тоже. Экен придвинул к себе чистую тарелку, кастрюлю с супом, снял крышку и зачерпнул пару половников. Затем наемник вооружился ложкой. Краем уха он услышал, как Лайруксал спросил:

– Хотите танцевать, милые дамы?

– Было бы неплохо, – отозвалась Ирина.

– Но не с этими же, не под такую музыку, – добавила Стана. Очевидно, ведьма имела в

виду троллей.

Как раз в этот момент один из них закричал:

– А теперь давайте выпьем! Хватит скакать! Пива, госпожа Морана!

Соплеменники энергично поддержали его:

– Бочонок!

– И жареных крыс к нему!

Загрохотали раздвигаемые столы. Мимо Рамдана промчалась Сташи с тряпкой в руках. Столы следовало протереть, прежде чем ставить на них блюда с кушаньями. Тролли вряд ли мыли ноги слишком часто. «Хотя можно было так не напрягаться», подумал экен, провожая официантку взглядом. – «Тролли – парни не брезгливые».

Лайруксал вытащил арфу из чехла, затрещал. Настроив инструмент, сидх откашлялся. Ведьмы притихли. Магнус и незнакомый Рамдану сидх прокатили мимо столика командиров каравана бочонок с пивом.

– Баллада Сапфиры, известной поэтессы Железного Леса, – сообщил Лайруксал торжественно. «Ну конечно», мелькнуло у командира наемников. – «Какое еще имечко могла выбрать себе эльфийка, да еще и поэтесса?».

– Посвящается памяти Мелькора, нашего бога! – закончил сидх.

Лайруксал не торопился начинать. Он подождал, пока тролли разольют пиво по кружкам. Шумели они при этом так, словно делили не кувшин с пивом, а по меньшей мере кабана. Сташи отнесла гулякам огромную миску жареной форели.

– Всех крыс некромант сожрал, – тихо сказал Гёса за спиной Рамдана.

– Некромант? – удивился Рамдан. – Где?

Светлана указала вилкой куда-то за спину экена. Рамдан обернулся.

Некромантом оказался высокий сероглазый эльф, которого экен сразу не заметил – тот любезничал с Хэлл в дальнем углу зала. На столе между гномицей и магом и впрямь стояла миска с чьими-то обглоданными скелетиками. Но крысиные они или нет, Рамдан с такого расстояния разобрать не мог. Однако характерные переплетения в ауре некроманта экен разобрал хорошо. Командир наемников почувствовал, как по спине пробежала волна, поднимая дыбом волосы на позвоночнике. Рамдан видел черный, толстый жгут истинной Цин, переплетенный с алыми нитями Цин самого мага и уходивший в пол. Основателем Ордена Танцоров был маг Воды, и поэтому все Танцоры Смерти набирались из магов Воды тоже. Танцоры Смерти не проходили аттестацию Круга Волшебников Мандры. Рамдан знал, что его уровень владения Чи оценивается примерно на четвертый класс. У остальных бойцов из охраны каравана – где-то на третий.

Но некромант оказался антагонистом Танцоров, магом Огня, хотя и магом третьего класса, если судить по насыщенности каналов в его ауре. На практике это означало, что в гипотетической схватке Рамдан не смог бы причинить вреда этому эльфу своей Чи, даже несмотря на то, что владел ею лучше.

И выиграл бы тот, кто оказался бы более искусен во владении именно мертвой силой.

Танцоры Смерти умели только открывать Дверь в Подземный мир; управлять Цин они не могли. В схватке один на один исход поединка зависел оттого, насколько ловко и быстро маг будет преобразовывать и швырять в противников Цин. Мертвой силы не так уж много в окружающем мире, а волшебник, отдающий свою собственную силу – что Чи, что Цин – погибал. При столкновении с некромантом средней руки Танцоры могли задавить соперника количеством. Но не в этом случае.

Черный жгут, уходивший вниз от левой стороны тела мага, однозначно говорил о том, что этот эльф черпает Цин напрямую из Подземного мира. Где ее запасы неистощимы. И даже если бы Танцоры Смерти вышли против него всей боевой пятеркой, это мало что изменило бы. Каналы Цин некроманта были так плотно вплетены в косу, соединявшую два мира, что эльфу не надо было даже преобразовывать мертвую силу – она перерабатывалась в процессе поступления.

«Какими же чарами он себя опутал, чтобы так ловко устроиться», задумался экен.

Рамдан решительно тряхнул головой, отгоняя прочь ненужные мысли. Если бы он встретился с этим сидхом в Лихом Лесу, некромант убил бы Рамдана, не рассуждая. Но они встретились **не в лесу**. Значит, и думать здесь было не о чем.

– *От любви остается лишь пепел*, – запел Лайруксал. Голос у сидха оказался хорошо поставленным, но больно уж высоким. «Козлячьим», хмыкнув, подумал экен.

– *От могущества магмы расплав*, – продолжал сидх, подыгрывая себе на арфе. – *Что быть может на свете нелепей доказательств того, что ты прав?*

В пустое пространство между стойкой и столами, вышли танцевать Крюк с Сабриной и Вилли с Ириной. Рамдан увидел, как встает некромант, галантно протягивая руку гномице. Хэлл зарделась и похорошела, насколько может похорошеть гном шести футов росту и косой сажени в плечах. Сидх у стойки оставил кружку отставил кружку, из которой жадно пил, и что-то сказал Моране. Та улыбнулась. Сидх наклонился, аккуратно обнял хозяйку таверны за талию, перенес ее через стойку и поставил на пол.

Рамдан почерпнул в своей миске – такой наваристой и вкусной гороховой похлебки он давно не ел.

– Да, ты прав! – так пронзительно, что вздрогнула даже Карина, пропел Лайруксал и завернул длинную руладу.

– Пойдем, Заринка, тоже потанцуем что ли, – сказал Гёса.

– Ах, не мешай! – воскликнула ведьма. – Дай послушать!

– Господин капитан, – обратилась Светлана к Арге. – Вы не пригласите меня на танец? Арга вытер губы салфеткой, отодвинул тарелку и негромко, благовоспитанно рыгнул.

– С удовольствием! – ответил капитан.

Парочка присоединилась к танцующим. К столу, за которым остались только Карина с Рамданом, подошел Ринке.

– Карина, пойдем, – сказал он.

Лайруксал вынырнул из чудовищно закрученного проигрыша. «Как он себе пальцы только не сломает», лениво подумал Рамдан. Сидх продолжал свою песню:

Посягать на основы,
Начиная кровавый рассвет –
Будут юные снова и снова,
Без свободы развития нет.

Рамдан взял себе пирог с подноса, стоявшего в центре стола. «Эх, чайку бы сейчас», подумал экен. Но идти к стойке, расталкивая танцующих, не хотелось. Рядом с наемником появилась Сташи и поставила на стол запотевшую кружку.

– Вы это, вы пирог с форелью взяли, – пояснила девушка. – Его лучше с пивом.

Прежде чем наемник успел поблагодарить, Сташи исчезла.

– Давай лучше посидим, – тихо сказала Карина сидху.

– А что так? – осторожно осведомился Ринке, присаживаясь.

Рамдан покосился на них, но промолчал.

– Ты ж меня почти на голову ниже, Ринке, – почти с отчаянием в голосе ответила ведьма.

Равновесия лопнут вериги,
Где-то новый родится тиран,
Кто-то будет историю двигать,
Кто-то бурю запустит в стакан.

«Кстати, о бурях в стакане», подумал экен. Рамдан хлебнул пива и откусил от пирога.

– Карина, – удивленно произнес Ринке. – Только для вальса важен рост танцоров. А сейчас – ну разве это вальс? Все пляшут, кто во что горазд.

Ведьма отрицательно покачала головой. Экен посмотрел на растерянного сидха, хмыкнул и сказал:

– Вон, посмотри, Карина – Магнус с Газдрубалой как здорово танцуют.

Ведьма перевела взгляд. Образ жизни не располагал горгулий выпрямляться во весь рост. Но сейчас, когда Газдрубала танцевала, было видно, что она намного выше гоблина. При этом не было заметно, чтобы разница в росте хоть как-то смущала партнеров.

– Ну, видишь? – сказал Рамдан почти ласково. – Ты-то, Карина, покрасивше горгульи будешь. Ну, а чем сидх твой хуже гоблина?

Карина смягчилась:

– Ладно, пойдем.

Ведьма поднялась. Ринке благодарно посмотрел на экена.

– Спасибо, – сказал сидх.

Рамдан махнул рукой:

– Не за что.

Растекается кровь по спирали,
Пряник часто меняют на кнут,
Завтра те, кто войну проиграли,
Победителей гордых согнут.

Да, ты прав.

Командир экен оказался в одиночестве и воспользовался моментом, чтобы оглядеться. Ундина отстраненно смотрела на картину, уродовавшую противоположную стену. Полотно было выдержано в мрачных тонах и изображала охоту на дракона. Кроме ведьмы и экена, за столами никого не осталось, все плясали. По залу металась Сташи, убирая опустевшие тарелки и принося новую перемену блюд. Тролли глотали пиво из кружек, недобро поглядывая на поющего сидха. Пары кружились ярким разноцветным хороводом.

В бесконечности мести
Вновь потухший костер запалим,
И заплачут легенды и песни
Над осмысленным бунтом твоим.

О, как ты был прав...¹⁹

Певец снова погрузился в проигрыш, казавшийся бесконечным до тех пор, пока арфа вдруг не замолчала и не стало ясно, что песня завершена.

– Лайруксал, ты лучше всех! – воскликнула Зарина.

Сидх устало улыбнулся. Толпа стала распадаться. Гости возвращались к своим столикам. Но не все. Карина, Светлана и Арга исчезли из залы. Усмехнувшись, Рамдан оглянулся в поисках Ринке. Ну так и есть, сидх пропал тоже, вместе со вторым проводником – Вилли. Ирины тоже нигде не было видно.

– Еще! Еще! – наперебой загомонили ведьмы.

– Может, пойдем ко мне в номер? – предложил Лайруксал. – Возможно, что тут мои песни нравятся не всем.

– Как это не всем! – воскликнула Стана.

Но Зарина, верно оценившая мрачность троллей, подхватила:

– А и правда, пойдемте к Лайруксалу!

– Да погодите вы, с этими танцами поест не дадите, – мрачно возразила Стана.

– А мы попросим отнести все яства к нам, – улыбнулся сидх.

¹⁹ «Памяти Мелькора» (с) Сапфира Алла

– Тогда ладно, – согласилась ведьма.

– Милая девушка, это все, – крикнул Лайруксал и сделал широкий жест над столом. – Отнесите в тридцать третий! И еще пару бутылок вина, пожалуйста! Красного полусухого, «Ужин вампира» урожая восьмидесятого года!

– Сейчас! – отозвалась Сташи.

Лайруксал поднялся, убрал арфу в чехол, и вместе с Зариной и Станой двинулся к лестнице.

Когда музыка стихла, Газдрубала от полноты чувств лизнула гоблина в ухо. Язык у горгульи был влажный и горячий, и ощущение было приятным. Газдрубала сняла лапы с плеч Магнуса, ссутулилась и зашаркала к столу.

– Морана, – окликнул Магнус подругу.

Хозяйка таверны возвращалась к стойке под ручку с Андеретом. Услышав голос гоблина, суккуб обернулась.

– Мы еще успеем поесть? – спросил Магнус.

– Да, это было бы неплохо, – оживился Андерет.

Морана покачала головой:

– Только немного перекусить если. На сытый желудок ранения опаснее.

– Ну, хорошо, давайте хоть перекусим, – согласился гoblin.

– Садитесь, – сказала Морана. – Мы со Сташи сейчас принесем.

Вампирка тут же появилась на зов и спросила Андерета:

– А где Шэд?

– А он спать лег, в бане, – ответил эльф. – Ведьмы-то все оттуда уже ушли... Говорит, умаялся сильно.

Хозяйка таверны и вампирка двинулись к кухне. Магнус и Андерет направились к столику, за которым уже расположились гном, некромант и горгулья.

– Привет, Квалмэхтар, – произнес гoblin, подходя.

– Добрый вечер, Магнус, – откликнулся маг.

Квалмэхтар поцеловал руку Хэлл и сказал, улыбаясь:

– Прошу меня извинить, я отлучусь ненадолго по одной весьма негалантной надобности.

Гномица хихикнула и сказала:

– Крысы были наисвежайшие, так что мы тут ни при чем.

– О, конечно, наисвежайшие, – отозвался маг. – Это я привык тухлятинкой перебиваться...

Он поклонился и направился к выходу из зала. Из открытой двери кухни до Квалмэхтара донесся голос Сташи:

– О Мелькор, тролли заказали яичницу из двадцати яиц! Сколько же можно жрать!

В ее тоне слышался не вызов, а неприкрытое отчаяние.

– Они не едят, они закусывают, – откликнулась Морана. – Но тролли больше ничего заказывать не будут, поверь мне. Их уже меньше половины осталось...

– Зато самые стойкие, – проворчала вампирка. – Я поняла, почему они себе все номера на первом этаже забрали – в таком состоянии по лестнице не поднимешься!

– Сейчас накроем нашим, отнесешь троллям яичницу и свободна, – сказала суккуб.

Сташи появилась из кухни так резко, что Квалмэхтар едва успел остановиться, чтобы не сбить девушку с ног. Вампирка промчалась мимо некроманта, как будто и вовсе не касаясь ногами пола. Следом за ней из дверей кухни вышла Морана с подносом, уставленным судками и мисками.

– Вы уже покидаете нас? – вежливо спросила она у гостя.

– Никогда, – улыбнулся маг и направился к выходу.

Морана смотрела вслед Квалмэхтару, и глаза ее холодно мерцали.

После того, как Зарина убежала в номер Лайруксала, Гёса заказал у Сташи графин водки. Официантка улыбнулась, сверкнув великолепными вампирскими клыками, и

напомнила клиенту, что только пиво сегодня вечером за счет заведения, а за водку придется доплатить.

– Сами понимаете, для здешних мест это напиток редкий, – дружелюбно закончила она. – И цена соответствующая. Может, лучше вина? Могу предложить «Молоко горгульи» урожая...

– Сколько стоит графин водки? – перебил ее Гёса.

Сташи сказала. Крюк присвистнул.

– Давай хоть напололам возьмем, – предложил он другу.

– Мне тут одному мало, – мрачно ответил тот. – Несите, Сташи.

Гёса извлек из пояса кошелек, развязал его и вложил в руку девушки несколько монет.

Официантка испарилась.

Крюк покосился на Гёсу и сказал:

– Только не забудь о втором завете Лайто.

– Что за завет? – с интересом спросила Сабрина.

Крюк чмокнул ее в щечку и сказал:

– Это неважно.

Ведьма надулась. Ей, однако, ответил Гёса:

– Нам нельзя много пить. У каждого Танцора Смерти есть своя Дверь в Подземный мир, которую мы открываем, когда захотим. А у пьяных она открывается сама собой.

– Да уж, – пробормотала Сабрина.

– Видишь, я все помню, – сказал Гёса Крюку. – Все будет в порядке, не беспокойся.

Ведьмы переглянулись. Ундина добродушно пихнула Гёсу в бок и прогудела:

– Не расстраивайся ты так.

– Ты радоваться должен, что Зарина не с тобой пошла, – добавила Сабрина.

– Да ну? – вяло отозвался экен.

Вернулась Сташи. Официантка поставила перед наемником графин с водкой и миску, из которой очень аппетитно пахло.

– Это еще что? – осведомился Гёса. – Я не заказывал.

– Это «Эльфы на шпикажках», горячая закуска к водке, – ответила Сташи. – Вы не заказывали, да, но вы понимаете, что-то клиент пошел с крупными деньгами, у нас на кассе сдачи нет... Если хотите, я могу забрать.

– Оставляйте, Сташи, ладно, – согласился экен.

Официантка удалилась. Сабрина про себя восхитилась мудростью Мораны – это явно хозяйка послала закуску Гёсе. Видимо, второй завет Лайто был известен и ей, и доводить ситуацию до критической точки суккубу не хотелось.

– Название подходящее, – заметил Крюк. – Этим остроухим кривлякам там, на шпагах и мечах, самое место. Можно, я попробую?

Гёса кивнул. Крюк в растерянности посмотрел на миску. Ее содержимое золотисто-серого цвета казалось слишком густым, чтобы брать его ложкой, но слишком жидким, чтобы зачерпывать рукой. Сабрина заметила колебания Крюка, улыбнулась и извлекла из утвари на столе двузубую деревянную вилку. Ловко выловив из соуса кусочек, она поднесла его к губам экена. Крюк подул, осторожно тронул языком, заулыбался и сорвал закуску с вилки зубами.

– Пусть лопнет презренное брюхо, чем ценный продукт пропадет! – бодро произнесла Сабрина и протянула вилку Крюку: – Дальше сам справишься, я думаю.

Гёса налил себе на два булька водки в стакан, выпил и поморщился. Крюк отдал ему вилку. Экен подцепил закуску, отправил ее в рот. Слезы выступили на глазах Гёсы. Судя по вкусу, «Эльфы на шпикажках» на треть состояли из уксуса, на треть – из лука и на оставшуюся треть из хорошо просоленной селедки.

– Да уж, – сказал экен, вытирая глаза. – Рыбья кровь в них, в сидхах...

Он налил себе еще водки и спросил:

– Так я не понял, Сабра, почему я сейчас радоваться должен?

– А это у ведьм нашего крыла игра такая, – рассеянно ковыряясь в тарелочке с клюквенным желе, ответила та.

– Что за игра? – заинтересовался Крюк.

– Ну, – произнесла Ундина. – Мы сначала мужиков в себя влюбляем, потом разводим на какой-нибудь подарок, а после бросаем.

Гёса поперхнулся водкой. Ундина похлопала его по спине.

– Вот, значит, как, – изменившимся голосом сказал Крюк, глядя на Сабрину. – И ты со мной играешь, значит?

– Да, – холодно улыбаясь, ответила ведьма. – Так что, как только я тебе надоем, подари мне что-нибудь... подороже... И не забудь признаться в любви.

– Я понял, – медленно ответил экен.

– Вот, – продолжала Ундина. – Ты извини, Гёса, но что с тебя взять? А камушки на поясе Лайруксала ты видел, я думаю.

Гёса ничего не ответил и налил себе еще водки. К их столику подошел Рамдан. В руках он держал зурну. Сначала экен сидел с другими командирами обоза – Аргой, Кариной и Светланой. Но после танца его соседи по столу покинули зал, и командир наемников, видимо, соскучился.

– Не хотите сплясать, ребята? – спросил Рамдан. – Чувячок-пяточка-носок? Просто так?

– Ой, было бы здорово посмотреть! – воскликнула Сабрина. – Пожалуйста, Крюк, прошу тебя!

– Да, это было интересно, – поддержала Ундина. – А то, когда вы танцуете, вас же не видно обычно...

Ведьмы не могли знать, что почти все танцы экенов были ритуальными и исполнялись в строго определенных случаях. Но существовал и единственный танец, который туры предписывали Танцорам Смерти исполнять при любой возможности – чтобы отточить собственное мастерство. К тому же, Рамдан не мог не заметить манипуляций Гёсы с графином. Командир, очевидно, хотел отвлечь своего наемника.

– Давай потанцуем, – предложил Крюк другу.

Гёса заколебался.

– Да я не хочу что-то, – произнес экен.

– Брось скромничать, – сказал Крюк. – Ты ведь лучше всех нас танцуешь.

– Гёса, ну пожалуйста! – выдохнула Ундина.

Вернулись выходившие по нужде Махмуд с Ахметом и поддержали предложение командира.

– Ну, ладно, – пробормотал Гёса и встал.

– Хозяйка! – крикнул Рамдан. – А можно, мы тоже спляшем?

– Конечно, спляшите, – откликнулась хозяйка таверны. – Вам барабан не нужен? Там, слева за стойкой, палочки рядом в чехле.

– Барабан – это хорошо, – кивнул командир наемников, а Ахмет воскликнул, потирая руки:

– Ох, сейчас и попляшем!

– Глядите-ка, – обратилась к троллям Морана. – Нашлись плясуны и покруче вас...

– А это мы увидим, госпожа, – откликнулся мощный тролль с вытатуированным на плече изображением молота и снопа. – Вот сейчас и увидим...

– Иди, возьми барабан, – сказал Рамдан Махмуду. – Подстучишь мне...

Экены вышли на свободное пространство между столами и стойкой. Махмуд вытащил из-за нее высокий, почти до пояса экена барабан, раскрашенный черными и красными треугольниками. Сабрина догадалась, что в таверне останавливалось подразделение из дивизии Алых Кобр. Ундина подумала, что на этом барабане, видимо, и сидит обычно Морана. Махмуд бережно извлек палочки из чехла, стукнул по барабану, проверяя звук, и улыбнулся. Рамдан заиграл. Махмуд подхватил ритм. Ведьмы подошли поближе, подтянулись и тролли. Ахмет и Крюк начали танец. Гёса стоял на краю круга и наблюдал за

ними, чуть притопывая в такт – разминался. Он никогда не мог начать танцевать вот так, сразу.

Зарина и Лайруксал столкнулись в темном закутке, служившей прихожей в номере эльфа. Лайруксал провел рукой по груди Зарины. Руки у него оказались мягкие и горячие. Эльф поцеловал ведьму – медленно, бережно. Перед глазами Зарины все поплыло. Голоса смеющихся в номере Ирины и Станы начали стихать и удаляться.

– Вы скоро там? – крикнула Стана.

Лайруксал отстранился от звеньевой, улыбнулся и ушел в номер. Зарина глубоко вздохнула и хотела последовать за ним, но какая-то мысль затеребила краешек сознания ведьмы. Она глянула себе на грудь.

Любимой броши Зарины, гематитового паучка, на платье не было.

– Шайтан, – пробормотала ведьма. Зарина вспомнила короткий укол, на который не обратила внимания, когда поднималась по лестнице.

– Я мигом, – крикнула она и выбежала из номера.

Еще в коридоре экенка услышала знакомую музыку и невольно ускорила шаг. После песен троллей и эльфов в таверне зазвучали песни гор. Плакала зурна, ей глухо вторил барабан. Ведьма выбежала на лестницу и замерла на верхней ступеньке. На пустом пространстве в центре зала, между стойкой и столами, она увидела Гёсу. В своей черной шелковой рубашке и узких кожаных штанах на фоне ярких платьев ведьм и серо-зеленых курток троллей он казался похожим на маленький, остывший уголек.

– Что главное в танце? – вращая глазами, воскликнул наемник. – Главное в танце – это оскал!

Гёса улыбнулся, демонстрируя зубы, которым позавидовала бы и Сташи, выхватил из-за пояса кинжал и начал танец. Махмуд ударил в барабан, Рамдан подхватил мелодию. Хотя наемник обладал совершенно заурядной внешностью, сейчас, когда он с улыбкой крутился в танце, Гёса казался очень красивым. Да и не казался, а был, поправила себя Зарина. Наемник ритмично двигался под простую мелодию, обладавшей, как и вся музыка экенов, суровым очарованием. Махмуд четко вел, Рамдан поддерживал мелодию зурной. Кинжал летал вокруг головы Гёсы. Отблески факелов играли на лезвии. Наемник был очень пластичен, и его гибкие, текучие движения завораживали. Махмуд все убыстрял ритм, но экен не отставал. Зурна уже не плакала, а коротким мрачным криком аккомпанировала каждому движению экена. Руки и ноги наемника мелькали так быстро, что Зарине он начал казаться волшебным осьминогом. Только вместо клюва у него была ослепительная человеческая улыбка. Гёса двигался быстрее, чем это было доступно человеческому глазу. Ведьма почувствовала, что цепенеет, и ощутила смутную угрозу, которую нес этот танец. Воздух вокруг Гёсы дрожал. Экен танцевал, словно тень, словно дух. Даже Газдрубала, примостившаяся на поперечной балке под самым потолком зала, перестала чистить клювом свои стальные перья. Горгулья смотрела на наемника, подавшись вперед и не в силах оторвать глаз.

– Хэ-хей! – Махмуд последний раз ударил по барабану, завершая свою партию. Гёса вскинул руки с кинжалом и застыл, покачиваясь, на самых кончиках пальцев ног. Замолчала и зурна. Гёса опустился на всю стопу.

– Ты танцуешь, как сам Лайто, – устало сказал Рамдан.

Гёса улыбнулся в ответ и вдруг наморщился.

– Извините, – пробормотал он и двинулся к выходу из таверны.

Тролли, огромные лесные великаны, поспешно расступались перед ним, хотя каждый из них был выше экена минимум на голову и в полтора раза шире в обхвате.

Ринке лежал, уткнувшись лицом в колени Карины. Ведьма рассеянно гладила его по голове. Когда они убегали из зала, эльф успел заказать Сташи вина и сыра. Вампирка насоветовала еще фруктовый салат. В ожидании заказа любовники расположились на кровати. Ведьма молчала, Ринке тоже не хотелось разговаривать. Руки Карины были гораздо ласковее, чем их хозяйка; эльф чувствовал, что сейчас заплачет. Ринке понял, что не сможет

сделать то, зачем ведьма пришла к нему.

И то, ради чего он ее пригласил, у него тоже не получится.

Карина тихо засмеялась каким-то своим мыслям.

– Давай посмеемся вместе, – сказал эльф.

– Да некромант, в углу они сидели, вместе с гномицей и горгульей, – ответила ведьма. – Видел, какой фейерверк у него в ауре?

В момент оргазма происходило энергетическое насыщение ауры, которое эльфы называли Риллэ Мэнгиль. Оно бывало разным по мощности. Квалмэхтар последние полчаса пылал, как Сильмарилль, так что свечение ауры некроманта было трудно не заметить.

– Вот повезло гномочке, – продолжала Карина. – У нас в Мандре говорят – «любовь зла, полюбишь и козла». А у вас, как я погляжу, все наоборот. Он суровый мужчина, некромант этот; но красивый. Мог бы выбрать себе и среди эльфов, я думаю...

– Его зовут Квалмэхтар, – пробормотал Ринке. – А их отношения с Хэлл тут ни при чем.

– Вы знакомы?

Эльф повернулся набок, спиной к ведьме. Несколько секунд он смотрел на магический светильник, стоявший посреди пустого пока еще стола. Светильник был сделан в виде прозрачной колбы в виде груши на ножке. Внутри колбы летали, кружились в хороводе и бились о стенки разноцветные светящиеся бабочки.

«Вот так и мы», подумал Ринке. – «Думаем, что ищем путь. Думаем, что сами выбираем дорогу. А на самом деле мы все, и эльфы, и люди – вот такие же сгустки Чи, которым кто-то придал форму и запустил в запаянную колбу».

Надо признать, что эта малооргинальная мысль посещала Ринке каждый раз, когда он видел такие магические светильники. Возможно, именно поэтому эльф предпочитал использовать для освещения факелы или магические светильники нейтральной формы, в виде светящихся шаров.

– Я познакомился с Квалмэхтаром только сегодня, – ответил эльф. – А с братом его, Тавартэром, мы вместе воевали. Я думаю, Тавартэр и сейчас бродит где-нибудь по Железному Лесу вместе с Ежами. А я мандреченские караваны вожу, – добавил он скорее сам себе.

– Мандра хоть и покрупнее, чем Лихой Лес, но тоже – большая деревня, – согласилась Карина. – Но кто же так разжег некроманта, если не гномица?

– Морана.

Ринке перевернулся на спину, увидел лицо Карины и засмеялся.

– Одну нашу богиню ты уже видела, – сказал эльф. – Теперь познакомилась и со второй. Морана – не суккуб, как можно подумать. Она богиня Смерти и Зимы. Вы поклоняетесь ее сестре, как я понял, только вы зовете ее Матушкой Зимой. У Мораны нет детей, потому что нет никого среди богов, чье семя проросло бы под снегом. Ну, Мелькор только если, но он погиб. И поэтому называть Морану «матушкой» кажется нам нелогичным. И Квалмэхтар пришел к ней, чтобы она благословила его. Теперь ему не надо втягивать и преобразовывать Цин из окружающего мира. В Квалмэхтаре теперь всегда будет истинный Цин, сила самой Смерти.

Ведьма провела пальцами по лицу эльфа – нежно, медленно. У Ринке перехватило дыхание.

– Как драконы, как гросайдечи, – произнесла Карина задумчиво. – Они ведь не призывают Чи Огня. Они сами – Огонь.

– Да, – с усилием продолжал эльф. – Для того, чтобы принять что-то в себя, нужно иметь в себе пустоту. Во время оргазма сбрасывается не только Чи, но и Цин, ведь эти каналы симметричны. Морана заставила его кончить, и каналы Цин Квалмэхтара опустели. И тогда она и расплела их, вывела прямо на...

– На Подземный мир, где Цин всегда в избытке, – понимающе кивнула мандреченка. Ведьма поморщилась. – Если дар богини так насытил его каналы Чи, то что сейчас творится

в его каналах Цин, даже подумать страшно. Впустить в себя Цин самой Смерти, это, наверно, как залить себе в жилы расплавленный свинец. Даже для некроманта.

Ринке закрыл глаза.

– Ваши боги очень любят вас, раз живут с вами, – сказала Карина.

– А боги мандречен не спускаются на землю? – спросил эльф.

Воздух справа от столика задрожал, потемнел и сгустился в улыбающуюся Сташи.

– Ваш заказ, – сообщила официантка.

Сташи принялась расставлять на столе приборы, салатницу, тарелочку с сыром.

Ринке встал, взял у вампирки вино и штопор. Ловко выдернув пробку, эльф пристроил бутылку на тумбочке под зеркалом и поставил туда же бокалы, чтобы разлить вино. Ринке запустил руку в карман брюк. Между ним и Кариной была официантка, и ведьма не могла видеть, что делает эльф. Сначала Ринке показалось, что бутылочки в кармане нет. Что он ее потерял, что она вывалилась где-нибудь в зале. Эльф ощутил горькую радость, и ту его пальцы наткнулись на теплый, гладкий бок бутылочки.

Просто она была очень маленькой, а карман шаровар – очень большим, и Ринке не нащупал ее сразу.

– Приятного аппетита! – сказала Сташи.

Эльф понял, что ее силуэт сейчас истает. Ринке поспешно вытащил бутылочку из кармана и повернулся спиной к мандреченке, чтобы Карине было не видно его рук.

– Только одна богиня, Нава, иногда спускается с небес, – вернулась к разговору мандреченка. – Она приходит, когда становится совсем уж тяжело, и помогает нам. Дважды она уже приходила, в облике княгини Старгородской и Разрушительницы Пчелы. Эти ее воплощения называют Девой Плача и Девой Боли. Сейчас многие надеются, что она спустится к нам в третий раз. Как Дева Смеха.

Эльф аккуратно вытащил крохотную пробку и сказал:

– Про княгиню я слышу впервые и не знаю, что она сделала. Но зачем приходила Пчела, я знаю.

– Да, – отвечала ведьма. – Нава спустилась, чтобы освободить нас от сидхов.

– И что, сейчас жизнь в Мандре хуже, чем под властью наших братьев? – спросил Ринке.

Эльф посмотрел на свои часы, лежавшие между бокалами. Времени оставалось совсем мало, да его попросту больше не было. Он поднес бутылочку к краю бокала, наклонил, ожидая момента, когда по сверкающему хрусталу потечет темно-коричневая струйка. Ничего не произошло. Видимо, бутылочка была наполнена меньше, чем наполовину.

– Знаешь, – сказала Карина угрюмо. – Жизнь всегда сложная. Как говорят, на богов надейся, а сам не плошай. А так – да, войну-то мы выиграли, но очень...

В зеркале Ринке увидел, как ведьма повела рукой в воздухе, подыскивая слова.

– Люди очень устали, – сказала Карина наконец. – Эта война нас доконала. Мы перестали смеяться. Я была весной на празднике возвращения Ярилы в родной деревне. Волхв спел гимн, а потом обычно поют, кто что хочет. Но никто не пел. Ты понимаешь, многие ушли на войну совсем детьми и не успели выучить наших мирных песен. А старики, кто помнил все песни, первыми погибли во время войны – от голода, от болезней. И эта тишина... Это было ужасно...

– Ну, ты про рябину песню знаешь, – сказал эльф. – Или такую грустную песню нельзя петь во время Беллентэйна?

Он почти перевернул бутылочку вверх дном, но из нее так не появилось еще ни капли. «Может, жидкость слишком густая?», думал Ринке. – «Или сначала надо было встряхнуть?».

– Так я и другие песни знаю, – ответила мандреченка и продолжала мрачно: – Я одна и пела. Люди сначала слушали, потом начали смеяться потихоньку. Развеселились...

Ринке вздрогнул. Темная капля появилась из горлышка, но упала не в бокал, куда должна была, а на крышку тумбочки, и расплзлась на ней уродливой кляксой. Эльфа пробил холодный пот. Он глянул в зеркало, чтобы проверить, не заметила ли Карина этих

его манипуляций.

Из зеркала на него смотрели Мать Рябина и Морана.

«Для тебя, Ринке, все только начинается», услышал эльф мягкий голос хозяйки Железного Леса. – *«Время в наших мирах течет по-разному; для того, чтобы оковы потеряли силу, мало открыть замок на них куском мифрила. Обрету я свободу или нет, зависит от вас. От тебя и от нашей гостыи. Что ты выберешь – жизнь или смерть, лес или предательство, то и будет. Есть что выбрать, смотри, не прогадай.*

Пока она в моем лесу, проклятие не будет действовать. Наслаждайся! Но запомни – там, где сила любви и жизни уступает силам расчета и смерти, мои чары не властны!»

Спокойный, вежливый голос Мораны вторил ей:

«Сегодня тебе придется принять решение. И тебе, когда ты будешь его принимать, надо быть столь же холодным, как зима, в которую ты родился».

– Волхв потом так меня благодарил, так благодарил... – продолжала Карина рассеянно. – А Квалмэхтар – молодец. Уважаю. Я как-то к некромантам раньше не очень хорошо относилась. Падальщики – они и есть падальщики. Но так отдаться своей богине может только очень смелый человек. Ну, то есть сидх. Он знал, что на пути его служения будет много боли, но все равно выбрал именно эту дорогу...

«Я понял», подумал Ринке, глядя на Мать Рябину. – «Я надеюсь, что я понял правильно...»,

Богиня улыбнулась и кивнула. Эльф перевел взгляд на ее сестру.

«Я прошу тебя об одном», произнес он мысленно. – «Я не неженка, но я и некромант. Я не хочу страдать. Пусть будет, что будет, но пусть это будет быстро. И не очень больно».

Морана усмехнулась и отрицательно мотнула головой – таким сильным жестом, что закачались ее причудливо закрученные локоны. Ничего другого от нее Ринке и не ожидал. Беспристрастность богини Зимы вошла в поговорку.

Но хотя ответ богинь был разным, улыбки на их лицах были совершенно одинаковыми. Впрочем, в этом не было ничего удивительного – Морана и Мать Рябина были родными сестрами.

Богини исчезли, и эльф увидел отражение Карины.

– Мы пить-то будем? – сказала ведьма недовольно. – Сколько можно пробки нюхать?

Ринке заткнул бутылочку крышкой и засунул ее за зеркало. Пальцы его дрожали. Ринке вспомнился Квалмэхтар, который никак раскурить свою трубку, промахиваясь мимо нее направленным пучком своей Чи. В какой-то миг эльф даже подумал, что выронит эту треклятую бутылочку. Но этого не случилось.

Ринке разлил вино по бокалам и отнес их к столу. Они с ведьмой чокнулись и молча выпили. Эльфа порадовало, что мандреченка не потребовала никакого тоста; сейчас он не смог бы ничего предложить, в голове плыла звенящая пустота. Он сел на кровать и взял нож, решив нарезать сыра.

– А как ваши боги поступают с теми, кто служит богам врагов? – спросил Ринке.

Сидх отделил ножом первый кусочек от дырчатого, с крохотными слезинками во впадинах сыра.

– Предателей никто не любит, Ринке, – пожала плечами ведьма. – Ни новые хозяева, ни старые. Даже те, к кому они переметнулись, чувствуют по отношению к предателям гадливость ... Ну, это обычно так.

– А как же Балеорн? – спросил Ринке и подал Карине кусочек.

Ведьма с наслаждением впила в сыр зубами.

– Он жил с Разрушительницей Пчелой, – продолжал эльф. – Балеорн был из эльдар, его дед ходил на юг вместе с Звездными Рыцарями. И после того, как Балеорн сошелся с Пчелой, в Фейре от него все отказались. Им с Разрушительницей пришлось жить у нас, в Железном Лесу.

– Я слышала, что они жили в Экне, – рассеянно сказала Карина. – Отрежь еще сыра, очень уж он вкусный.

Ринке выполнил ее просьбу и продолжал:

– Так что мандречены? Как вы относитесь к тому, что ваша богиня жила с врагом? Разве она не предала вас таким образом? И что говорят в Мандре о Балеорне?

– Ты знаешь, мы не настолько распущены, чтобы обсуждать личную жизнь наших богов, – произнесла Карина. Ринке понял, что ведьма не так пьяна, как кажется. – Пчела сделала то, ради чего спустилась на землю. А потом вольна была делать все, что хочет. Балеорн был могучим магом, это всем известно. Это же сидх помог ей создать Эрустим. Это был выбор, достойный Пчелы. Конечно, нам хотелось бы, чтобы наша богиня жила с нами, но если нет – значит, мы этого попросту недостойны.

Ринке допил вино, положил руку ей на плечо и произнес:

– Закончим лекцию о наших богах?

– Может, не стоит, Ринке? – ответила Карина тихо. – Ведь...

Ведьма открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Однако эльф понял, что она хотела сказать.

– Ты слышала, о чем на прощание кричала Мать Рябина, – произнес эльф. – Ты думаешь, что ее чары здесь потеряли свою силу. Возможно. Морана – воплощение не только искушения, но и смерти и расчета, это точно. Как хочешь, Карина. Как скажешь. Мне кажется, что ты привыкла ко мне. Привязалась. Я тоже. Но наши народы остаются врагами, и мне бы не хотелось, чтобы когда-нибудь, потом, в бою, когда ты увидишь эльфа, похожего на меня, у тебя дрогнула рука. Ведь у твоего врага рука не дрогнет, – добавил он с усилием. – И ты погибнешь. Я бы этого не хотел. Я примерно представляю действие твоего проклятия и думаю, что смогу это выдержать.

Ринке усмехнулся и добавил:

– Ну, не убьешь же ты меня.

Эльф посмотрел на нож, который все еще держал в руках, и положил его на тумбочку, стоявшую в изголовье кровати.

– Нет, – сказала Карина серьезно. – До такого еще ни разу не доходило.

– Я не обижусь. Я обрадуюсь, что ты теперь снова защищена.

– Я люблю тебя, Ринке, – ответила ведьма. – Что бы я ни сказала потом, знай, что это правда.

– Хорошо... Давай только набросим на дверь магическую сеть, чтобы нам не мешали.

Эльф и ведьма одновременно подняли руки.

Гёса схватился за резные перила крыльца, согнулся пополам. Со стороны он казался обыкновенным гулякой, который не рассчитал свои силы в борьбе с зеленым змием и вот-вот испачкает ступени таверны своей блевотиной.

Но это было не так.

Гёса был не обыкновенным гулякой.

Еще во время танца, отдаваясь музыке, Гёса почувствовал, что окружающий мир удаляется от него. Тускнели краски, исчезали голоса. Лица зрителей превращались в смазанные серые пятна. Экен испытал наслаждение – вместе с реальностью от него уходила и боль, которую не смогла заглушить даже водка. Но тут его глаза выхватили из непрозрачной паутины, которой покрывался мир, черно-красную вспышку.

Зарина стояла наверху лестницы. Лицо ее блестело от слез, но ведьма улыбалась.

И экен с ужасом понял, что напиться ему удалось – дурное дело, как говорится, нехитрое. А сейчас произойдет то, о чем предупреждал Лайто в своем втором завете. Дверь в Подземный мир, которую Гёса всегда открывал с таким трудом, потихоньку приоткрылась сама. Серый налет, покрывший мир в глазах экена, говорил о том, что аура наемника насытилась Цин. Для того, чтобы мертвая сила вырвалась в мир живых, не хватало самой малости. Чьего-нибудь слова, жеста – и этим жестом мог оказаться самый невинный жест.

Гёса выбрался из зала. Тролли торопливо расступались перед ним. Эти твари, порождение темной магии Лихого Леса, не могли не чувствовать того, что сейчас с ним происходило.

Экен рванул рубашку на груди, глубоко вздохнул.

Он ощутил запах, чуть горьковатый аромат духов «Кинжал гурии», который вдыхал сегодня весь вечер. Руки Зарины обвились вокруг тела Гёсы. Экен почувствовал спиной горячую грудь ведьмы – она прижалась к нему всем телом. Кровь отлила от головы наемника и ударила совсем в другое место. Гёса увидел перед собой Дверь. Когда у экена встал, Дверь рывком приотворилась еще дюйма на три. Воздух вокруг наемник задрожал, меняя свою структуру. Чи Воздуха исчезло под порывом ледяного ветра Подземного мира. Резкое падение уровня магической силы в своей стихии должно было насторожить Зарину. Но разгоряченная ведьма не обратила на это никакого внимания.

– Пойдем, – прошептала она по-экенски. – Пойдем ко мне, Гёса.

Наемник в отчаянии хватил воздух ртом. Экен боялся глубоко вдохнуть, пошевелиться, чтобы не распахнуть свою Дверь окончательно. Тогда не стало бы ни теплой летней ночи, ни таверны, во дворе которой он стоял.

Ни ведьмы, которую он любил, и которая страстно обнимала его.

– Нет. Уходи, – с трудом сказал Гёса. – Я пьян.

Рука Зарины скользнула вниз. Экен закрыл глаза, чтобы не видеть открывающейся Двери в своей ауре. Ведьма нащупала то, что искала, и томно протянула:

– Ну, не так уж ты и пьян...

– Я сказал, нет, – повторил Гёса. – Зачем я тебе сдался, Зарина? Ты ведь читала Соран, должна знать, что мне лизать нельзя. А уж сидх-то в этом деле точно мастер...

Оскорбленная ведьма отпрянула от него. Но прежде чем Зарина успела ответить, Гёса открыл глаза. Экен увидел у ворот таверны Вилли.

Из конюшни не скрипнув ни единым колесом, выехал фургон. Гёса узнал подводу из каравана, который ведьмы и экены вели к Бьонгарду. Зарина тоже заметила фургон, и, с огромным изумлением – Лайруксала, который правил фургоном. Сидх усмехнулся.

– Лизать тебе я не стал бы, – сказал Лайруксал, глядя на ведьму. – Я не некрофил.

Зарина поняла, что Стана и Ирина мертвы, и совершенно нечеловечески зарычала.

– Эй, ненекрофил, ты далече собрался с нашим добром? – осведомился экен.

Он уже все понял, и чувствовал неимоверное облегчение. Больше можно было не сдерживаться. Обычно Гёса сомневался, сможет ли он открыть свою Дверь. Сейчас экен сомневался, сможет ли закрыть ее тогда, когда это будет необходимо.

Но это уже не имело значения.

– Заведи фургон обратно, – раздался над ухом наемника надломленный яростью голос ведьмы.

Лайруксал усмехнулся:

– А не то?

За ведьму ответил Гёса:

– Тогда я буду танцевать...

– Я так и знал, – очень спокойно ответил сидх. – У нас здесь для тебя есть хороший партнер по танцам. Развлекайтесь.

У Гёсы оборвалось сердце. Краем глаза экен увидел выходящего из нужника Квалмэхтара. Зарина лихо выругалась по-экенски, но голос ее дрожал. Как и Гёса, она знала, что и против обычного некроманта Танцору Смерти в одиночку не выстоять. А уж в схватке с магом, черпающим Цин непосредственно из Подземного мира...

Лайруксал хлестнул лошадь. Фургон медленно поехал к воротам. Один тролль уже выводил из конюшни следующую лошадь, второй тащил упряжь. Вилли взялся за тяжелую щеколду ворот.

– Беги в зал, – не оборачиваясь, одними губами проговорил Гёса. – Приведи сюда...

Словно в ответ на его слова, в зале сверкнула ослепительная магическая вспышка – кто-то бросал заклинание. Огромная тень выросла от ног Гёсы и на миг накрыла усмехающегося Квалмэхтара. В таверне раздались крики, затрещала мебель. Тролли все-таки разломали столы.

– Зря ты все-таки не выпила вина со своими подругами, – мягко сказал Квалмэхтар ведьме.

Зарина зашипела, как змея.

– И что же теперь с тобой делать? – пробормотал некромант и рассеянным жестом размял пальцы.

Гёса ощутил прикосновение к своей ауре и напрягся. Он решил, что это первая атака Квалмэхтара. Но экен с удивлением понял, что с его каналами хочет поиграть Зарина.

– Не мешай, – выдохнула она ему в ухо. – Я сделаю так, что ты ударишь его не Чи Воды, а Чи Воздуха...

Гёса повиновался, убрал блоки. В неожиданной помощи ведьмы – экен и не знал, что можно наполнить свои каналы Чи другой стихии – заключался его единственный шанс выиграть схватку.

– Не разменивайся на мелочи, Квалмэхтар, – услышал Гёса за своей спиной голос тролля. – С этой мандреченской сукой мы сами разберемся...

Наемник ощутил, как Зарина резко крутанулась на месте – распущенные волосы ведьмы хлестнули экена по спине. Давление на каналы Гёсы прекратилось – Чи понадобилась самой Зарине. Экен смотрел, как Вилли опускает щеколду. Танцор Смерти рванул свою Дверь на себя одновременно с сидхом, толкнувшим тяжелые створки ворот. Последнее, что услышал Гёса, прежде чем они с Квалмэхтаром исчезли в пульсирующей черноте, был вопль Зарины:

– Я экенка, ты, выкидыш grosайдечи от хорька!

Вой тролля, которого ведьма ударила направленным пучком Чи, эхом аккомпанировал Гессе. Они сцепились с Квалмэхтаром и покатались по гладким черным ступеням лестницы, ведущей в Подземный мир. Некроманту удалось столкнуть Танцора в открытую Гёсой Дверь. Но в падении экен захлестнул мага в аркан из Чи Воздуха, одолженного наемнику Зариной, и увлек Квалмэхтара за собой.

Энедика, совершенно довольная собой, магом и проведенной ночью, тихо посапывала, уткнувшись лицом в живот Крона, когда кто-то грубо сорвал с нее одеяло. Эльфка подняла голову и увидела невысокого мужчину с изломанным носом сюрка и кривыми ногами кавалериста. Энедика узнала его, и от ужаса проснулась окончательно.

Мужчина не удостоил ее взглядом. Очевидно, он сорвал одеяло в поисках Крона – в тесно сплетенных под одеялом двух телах сложно было обнаружить имперского мага. Энедика тихонько сползла с Крона и двинулась к краю постели, подальше от Искандера. По пути она наткнулась на собственную тунику, накрылась ей и замерла. Имперский маг зашевелился.

– Пока тут тебе лизали яйца, Ежи кокнули «Хрустальное яйцо»! – заорал Искандер.

– А я говорил тебе, что не стоит посылать тот обоз, – чуть с хрипотцой после сна ответил Крон. Как будто и не лежал перед императором Мандры в одном драгоценном перстне, которым вчера исцарапал всю Энедику.

– Это не Ежи подожгли Приморский квартал, – продолжал маг.

– А кто? – рывкнул Искандер. – Симаргл спустился с неба и поджег Кулу?

– Виновные уже задержаны, – ответил Крон. – Прикажи созвать Верховный Трибунал, и сам все увидишь.

Искандер посмотрел на мага в упор, но тот выдержал его взгляд.

– Через четверть часа в зале заседаний, – сказал император и вышел.

Махмуд зашел за стойку и поставил барабан на место. Засунув палочки в чехол, он затыкнул на нем веревочки.

– По койкам, – сказал Рамдан. – Отоспаться как следует...

Экены потянулись к лестнице, за ними последовали и ведьмы.

– Мы тоже, пожалуй по последней и баиньки, – сказал кто-то из троллей.

Компания вернулась к своим столам.

– Спокойной ночи, – сказал гоблин Магнус, обращаясь к ведьмам и наемникам.

– Да нет, это будет бурная ночь, – заметила Морана.

Сабрина хихикнула.

– Для кого как, – мрачно ответила Ундина. – До завтра, госпожа Морана.

Рамдан посмотрел на ментальный след Гёсы и похолодел.

– Вы идите, – произнес он и вручил зурну Махмуду. – Я сейчас...

Он быстрым шагом направился к выходу из зала. Когда он приблизился к первому из столов, за которым допивали тролли, один из них поднялся и преградил экену путь. Рамдан хотел его обойти, но тут встал еще один соплеменник тролля, с наколкой во все предплечье, изображавшей молот и сноп зерна.

– Вы пока что останетесь здесь, – недружелюбно зыряка из-под густых бровей, сказал татуированный тролль.

– Не думаю, – холодно ответил наемник.

– Господа тролли, пропустите наших гостей, – сказал Магнус. – Если им нужно во двор, пусть идут.

Рамдан магически просканировал двор и заорал:

– Лайруксал и тролли угоняют наш обоз!

Газдрубала на балке над ними вздрогнула во сне, повела крылом, но глаз не открыла. С крыльев вывалилась пара стальных перьев и со звоном вонзилась в стол между Рамданом и троллем.

– Шайтановы дети! – рявкнул Крюк и ломанулся с лестницы обратно в зал. Экен чуть не сбил с ног Сабрину. Ведьма успела вцепиться в перила. Когда мимо нее с руганью проскочили Махмуд и Ахмет, она увидела Ундину, державшуюся за перила с другой стороны.

– Позови наших, мне не достучаться... Неужели все спят? – сказала Сабрина.

Ундина попыталась выйти с кем-нибудь из ведьм на телепатический контакт – в этом она была сильнее поланки. Ведьма изменилась в лице.

– Они все мертвы, – тихо сказала борежка.

Сабрина бегом стала спускаться с лестницы. Ундина последовала за ней.

– Не лезь не в свое дело, гоблин, – говорил тем временем Альх Теем.

Все пятеро наемников уже стояли перед ним.

– И не стыдно тебе такое говорить при Моране? – выкрикнул еще кто-то из троллей.

Сабрина оглянулась, ища глазами суккуба. Морана со скучающим видом мешала в своей чашке.

– Прикончим их, – негромко сказал Альх Теем.

Еще когда тролли танцевали, Сабрина поняла, что их неповоротливость, неуклюжесть – только кажущаяся. Вот и сейчас тролли выбрались из-за своих столов и набросились на экен быстрее, чем ведьма успела прочесть заклинание для «звездчатки». Наемники бросились к стойке, чтобы укрыться за ней. Сабрина сложила пальцы. Ундина уже держала руки наготове, чтобы ударить троллей одновременно с подругой для усиления эффекта.

– Пригнись! – крикнула Сабрина бежавшему на нее Крюку.

Экен рухнул, как подрубленный, подкатился под ноги Махмуду и сбил его на пол тоже. Поле действий для ведьм расчистилось. Сабрина метнула заклинание. Вспышка затмила свет тусклых факелов. С той стороны зала, где ужинали хозяева таверны, раздался грохот. Сабрина обернулась. Магнус и Хэлл поставили на бок стол и сейчас перегораживали им свою часть зала, от стены до стойки.

– Ну конечно, – пробормотала ведьма. – Своя рубашка ближе к телу...

– Сюда! – крикнул Магнус и махнул рукой Сабрине.

Рассуждать было некогда. Крюк вскочил, сгреб подругу в охапку и кинулся к импровизированной баррикаде, как заправский бегун. Экен перебросил Сабрину через стол – ведьма успела заметить выцарапанную на столешнице надпись: «Ивар» – вскарабкался на него сам, помог залезть Ундине. Затем баррикаду с изяществом джейранов перелетели Ахмет и Махмуд. Последним явился Рамдан. В руках он сжимал перья горгульи. Не успев толком

встать на ноги, командир экен метнул перья в нападающих. Сабрина увидела, как стальное перо вошло в глаз троллю. Огромное тело, обмякнув, рухнуло на пол и еще несколько раз дернуло ногами, но ни единого звука тролль больше не издал. Второе перо вонзилось в шею его соплеменнику, кровь ударила во все стороны. Тролль захрипел и упал.

– Я же говорил, без мечей – что голый! – крикнул Рамдан.

– Что с Гёсой? – тяжело переводя дыхание, спросил Крюк.

– Он утратил контроль над своей Дверью, – ответил командир. – Но сейчас это даже к лучшему...

– Вы умеете «Коробочку»? – спросил кто-то Сабрину в самое ухо. Ведьма обернулась. Это оказался ужинавший с хозяевами сидх.

– А то одному мне их не взять, шкура у троллей больно толста... – пояснил он.

Ведьма торопливо кивнула.

– Дина, «Коробочку»! – крикнула она подруге.

Боремка развела руки для заклинания.

– На счет «три»! – завопила Сабрина. – Раз!

– Да где же некромант? – проворчала Хэлл. – Как не вовремя его понос разобрал!

– Два!

Морана грустно улыбнулась гномице и сказала:

– Большая потеря ждет тебя вскоре.

– Это я и без тебя вижу, – ответила Хэлл Моране. – Потеря головы...

Над баррикадой появилась голова первого нападающего. Тролль зарычал и нацелился огреть Магнуса по башке стулом, который прихватил с собой для столь возвышенной цели. Сабрина взвизгнула, отвлекшись. Но она ничем не могла помочь гоблину.

Морана возникла на баррикаде в непринужденной позе – нога на ноге. Тролль изумленно заморгал. Суккуб выпрямила руку, которую до этого держала за спиной. В руке Мораны оказалась кружка с пивом. Суккуб так огрела тролля по голове, что кружка треснула. Голова его скрылась в пене. Тролль сполз по столу и исчез из поля зрения осажденных.

– Раз! – выкрикнула Сабрина.

Магнус сдернул Морану с баррикады за стройную ногу. Сверкающий магический клубок пронесся над краем стола. Магическая сеть развернулась в воздухе, прошла по шкурам троллей, смяла и отбросила назад.

– Но это ненадолго, – пробормотал сидх.

В подтверждение его слов, раздался страшный треск и забористая брань – тролли отламывали ножки у стола, чтобы подобраться к баррикаде под его прикрытием.

– Не обошли бы нас с фланга, – озабоченно сказал Рамдан, глядя на лестницу.

Галерея второго этажа опоясывала весь нижний зал. Выход на нее экены, ведьмы и хозяева таверны контролировать не могли. Будь тролли чуть посообразительнее, они могли бы подняться на галерею и прикончить всю компанию вместо того, чтобы ломиться на баррикаду с упорством барана при виде новых ворот. Хватило бы и одного стола, сброшенного сверху.

– Газдрубала, – негромко произнесла Морана. – Проснись, доченька. Помогите нам...

Горгулья на балке зашевелилась, что-то сонно проклекотала. Потом открыла один глаз. Человеческое лицо горгульи было довольно-таки симпатичным, и огромный клюв только добавлял обаяния Газдрубале. Но сейчас лицо горгульи искажил безумный гнев берсерка. Газдрубала бесшумно спикировала вниз. Тролль завизжали и завопили на все голоса. Осажденным было почти не видно, что именно делает горгулья – мешал стоявший на ребре стол – но из акустического сопровождения Сабрина вывела, что действия горгульи соответствовали ситуации. Крики стихли. Газдрубала поднялась, сделала круг почета под потолком. Зависнув над поверженными троллями, она обдала их порцией кала, любовно выпестованного, судя по количеству, дня за три. Сабрина истерически захохотала. Тролль тихо выли. Газдрубала подлетела к осажденным, приземлилась на баррикаду. Морана

погладила ее по голове.

– Молодец, доча, – сказала суккуб, тоже с трудом сдерживая смех. – Умница.

Морана поцеловала стальной клюв, потемневший от крови. Газдрубала закурлыкала и принялась чистить перышки.

– Вы же Танцоры Смерти, как я понимаю? – мрачно произнесла Хэлл, обращаясь к наемникам. – Так танцуйте. Пробивайтесь к своим. Мы вас прикроем.

– Наш Танец не действует на троллей, – ответил Рамдан.

– Но ведь партизаны угонят ваш обоз, – сказала Морана. – И ваш товарищ погибнет.

Командир наемников улыбнулся:

– Арга уже расплатился с нами. А Гёса сейчас в таком ударе, что перепляшет самого Лайто...

Экен вежливо улыбнулся. Морана поняла – наемник догадался, что вскоре потеряет Хэлл. И даже не что, а кого.

– Так что за Гёсу я не опасаюсь, – продолжал Рамдан. – И Заринка там с ним...

У Сабрины вырвался радостный крик. Когда Ундина сказала, что остальные ведьмы крыла «Змей» мертвы, поланка просто приняла это, не рассуждая. А оказалось, что звеньевая их тройки еще жива, и это было приятно вдвойне.

– Отобьются... Вы поймите меня правильно, госпожа Морана, – проговорил Рамдан. – Деньги у нас на руках. Нет, мы охраняли бы груз завтра, на дороге. А сейчас... Если появится Арга и потребует, чтобы мы помогли им – я выполню приказ. Но бессмысленно губить своих людей я не буду.

– И вас, девочки, не отпущу, – добавил он, глядя на растерянных ведьм. – Если дойдет до трибунала, так и валите все на меня. Лучше быть живым преступником, чем мертвой ведьмой.

Сабрина хмыкнула.

– Весьма практично, и я бы даже сказала – мудро, – одобрительно кивнула Морана.

– Пат, – заключил Рамдан. – Они ничего не смогут нам сделать, но и выбраться во двор таверны мы тоже не сможем.

Магнус посмотрел на него с интересом:

– А вы умеете играть в шахматы?

– А вы что думали, я только мечом махать да на зурне дудеть умею? – улыбнулся экен.

Гоблин смутился и промолчал.

– Шахматы в Экне изобрели, между прочим, – хмуро сказал Крюк.

Ундина не принимала участия в разговоре. Приподнявшись на цыпочки, ведьма пыталась рассмотреть, что же происходит во дворе – входная дверь была открыта, но в узком прямоугольнике отчетливо можно было разобрать только одно.

Темноту.

Марина успела повалиться на софе в своем номере перед тем, как идти в баню. Она поняла, что весь вечер она проведет на этой перине, достойной богов. Ведьмы ее крыла разделяли мнение звеньевой. К уже оплаченному ужину, который Сташи принесла им в номер, Марина и Инна заказали на десерт мороженое, а Тина – клюквенное желе. Сегодня им почему-то захотелось таких, детских, удовольствий вместо обычных пива и водки. Ведьмы объелись мороженым, перемазались желе и нахотались до боли в животе, после чего, усталые, но жутко довольные, легли спать. Зная по опыту, что в дверь немедленно начнут ломиться, кто в поисках штопора, кто – ласк, ведьмы набросили на вход тройной экран неслышимости и заговорили магический замок так, что Марина засомневалась, смогут ли они открыть дверь утром. Тройка ведьм занимала двухкомнатный номер, с небольшой софой в проходной комнате и роскошной двуспальной кроватью в дальней. Звеньевая загнала ведьм на двуспальную кровать, а сама легла на софе и тут же заснула.

Но, несмотря на экран неслышимости, вскоре в сон Марины начали просачиваться хорошо знакомые звуки. Ведьма долго балансировала на грани между явью и сном, не желая просыпаться. Но тут в пол прямо под ней ударили снизу чем-то тяжелым, да так, что Марину

чуть не сбросило с уютной софы.

Ведьма села, наклонила голову, прислушиваясь. Сердито цокнула языком, повела плечом, снимая экран неслышимости. И, холодея, узнала в несущихся со всех сторон звуках привычную мелодию боя. Марина ментально просканировала местность. Как оказалось, дрались не только в зале на первом этаже, но и во дворе таверны. А кто с кем дрался, и за что, это ведьме стало ясно сразу и без сканирования.

– Подъем! – рявкнула звеньевая.

Когда первый фургон поравнялся с воротами, Лайруксал крикнул:

– Вилли, сходи за Ринке! Что он так долго возится?

– Я стучал к ним, еще сразу, – угрюмо ответил Вилли. – Шиш там. Чарами оплетено все.

– Сходи и приведи его сюда! – ответил Лайруксал и вытянул лошадку вожжами.

Фургон выехал со двора таверны. Вилли направился к дому. Он миновал чью-то подводу, доверху загруженную мешками. Судя по беловатому налету на них – с зерном. Эльф увидел дрожащую на крыльце таверну черную сферу, в которой вспыхивали белые дрожащие зигзаги. Вилли решил обойти дом. Забраться на второй этаж здания не составило бы никакого труда для темного эльфа. А куда выходит окно номера Ринке, Вилли себе хорошо представлял.

Сташи сняла фартук, повесила его на гвоздь и потянулась, предвкушая отдых.

В зале негодующе заскрипело ломаемое дерево, во дворе таверны заржали лошади. Вампирка осторожно выглянула из кухни. Сташи увидела Морану. Хозяйка таверны сидела на поставленном набок столе. Как раз в тот момент, когда вампирка увидела ее, суккуб разбила кружку с пивом о голову тролля, лезущего на баррикаду.

Сташи метнулась обратно в кухню. Девушка распахнула окно и вывалилась на мокрую от росы траву. Не успев подняться, вампирка увидела темный силуэт, бегущий прямо на нее. В темноте было не разобрать, человек это или эльф. Но жест, в котором нападающий торопливо сложил пальцы, Сташи узнала. Слишком часто ей уже приходилось видеть этот жест в своей жизни. Вопреки ожиданиям всех, кто пытался применить его к вампирке, заклятие Серебряных Ресниц не ослепляло Сташи, а причиняло ужасную головную боль. Вампирка дико закричала и ударила первой. Наотмашь, вложив в удар всю свою силу, которой так сильно стеснялась и обычно старалась сдерживать. Мужчина отлетел в сторону, ударился о забор таверны и медленно сполз по нему. Сташи, словно со стороны, увидела свои руки на его горле, ощутила горячие толчки аорты под пальцами.

Все-таки она не делала этого очень давно. Сташи промахнулась и впилась в плечо мужчины, рыча и разрывая его клыками. Ощувив под зубами кость, девушка очнулась. Всклипнув, она отбросила залитое кровью тело.

Сташи кинулась бежать.

Марина осторожно приоткрыла дверь и выглянула в коридор. В нем было пусто, двери соседних номеров – распахнуты. Звеньевая никогда не любила открытых дверей, откуда, словно из внутренности из распоротого живота, на проходящего мимо обрушиваются сбитые хозяевами простыни, криво повешенные картины и висящие на люстре чулки. Но сейчас надо было заглянуть к соседям. Ведьмы бесшумно выдвинулись в коридор. Марина жестом указала Инне на номер наемников, Тине – в противоположную сторону. Сама звеньевая осталась посередине коридора. Марина держала меч наготове и поглядывала в сторону лестницы, ведущей на первый этаж таверны. Оттуда пока, слава Радагасту, никто не появлялся.

«Экены мертвы», телепатировала Инна. – «Всех зарезали во сне».

«А Чи убийцы? Мы его знаем?»

«Да», отвечала ведьма после некоторой паузы. – «Здесь везде Чи Лайруксала. И Вилли».

Марина глубоко вздохнула. В коридоре появилась Тина. В расширенных глазах ведьмы застыли огромные зрачки.

«Ирина и Стана мертвы?», спросила Марина, хотя уже знала ответ.

«Там... там только Стана. Мертвая».

«Надо проверить номер Карины», – телепатировала звеньевая. Инна присоединилась к ним и спросила:

«А может, сразу номер Ринке?»

«Ты – в номер Ринке, Тина – к номеру Карины», решила Марина.

Номер старшей крыла «Змей» находился почти у самого выхода на галерею, а Ринке разместился не в левом, как ведьмы, а в правом крыле здания. В том же крыле, как вдруг сообразила Марины, где выбрали себе комнаты Арга, Вилли и Лайруксал. Комната Карины оказалась запертой, внутри никого не было. Звеньевая и ее ведьмы вышли на галерею. Марине хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию. Хозяева таверны, оставшиеся в живых наемники и Ундина с Сабриной, которых Марина узнала по платьям, отгородили дальний угол зала столом. На импровизированную баррикаду с воем и ревом карабкались тролли. Звеньевая посмотрела вниз как в тот момент, когда на баррикаде появилась суккуб и разбила о голову тролля кружку пива.

– Вот вам и ее хваленое беспристрастие, – услышала ведьма нервный шепот. Марина перевела взгляд и увидела, что вход в правое крыло таверны перекрыт комодом. Над комодом торчали головы сидха и гнома.

– Что теперь будет с грузом? – продолжал гном. – А с нами?

Сидх молчал, но бледен был до синевы. В следующий миг оба исчезли за баррикадой.

Марина видела только один выход из ситуации, но колебалась. Первый раз в жизни ведьме приходилось принимать настолько важное решение.

В воздух с клекотом поднялась спавшая на балке Газдрубала. Горгулья обрушилась на троллей, снизу донесся вой и крики.

Марина тряхнула головой и сказала:

– Поставим магическую сеть, чтобы тролли не могли подняться на галерею и зайти к нашим с тыла. Только колдуем аккуратно, не дай Перун, нас заметят.

– Какой тип сети? – спросила Тина.

Марина лихорадочно соображала. Сеть, несомненно, надо было поставить. Но еще предстояло вылететь во двор и перегородить ворота, чтобы никто не мог покинуть таверну. Звеньевая сомневалась, что они втроем смогут сплести заклинание необходимой мощности на воротах. Число противников во дворе было неизвестно. А темные эльфы хоть и были слабейшими магами среди своих соплеменников, но колдовать они все же умели. Остаться же во время боя без запасов Чи означало резко снизить шансы самих ведьм выйти из схватки живыми.

– Ты глянь, – хихикнула Инна. – Газдрубала обосрала троллей...

Марина сморщилась и отмахнулась.

– «Розочка», третий уровень мощности, – решила она. «Розочкой» называлась простейшая, но надежная плетенка. – На счет «раз»...

Шэд ощутил, как кто-то бесцеремонно трясет его за плечо. Оборотень открыл глаза. В теплом полумраке бани он различил темную фигуру. Но к аромату березовых веников, дыма и остывающих камней, который Шэд так любил и именно поэтому расположился на ночь именно здесь, примешивался другой запах, который он сразу узнал. Да и как было не узнать. Флакон с этими духами Андерет подарил Сташи только вчера. Шэд случайно опрокинул его и разлил половину. Весь день оборотню казалось, что от его собственных рук несет «Месячными горгульи» – так он переименовал вычурное эльфийское название композиции, «Свет полумесяца на крыльях горгульи».

Но сейчас и в самом деле пахло кровью.

От Сташи...?

Он схватил ее, резко, торопливо, ища рану.

Но Сташи оттолкнула его с такой силой, что оборотень вспомнил, что перед ним вампирка, хотя и перерожденная.

– Нет, Шэд! – закричала она. – Потом! Проснись! Встань! Там, в таверне...

Альх Теом услышал над головой хорошо знакомый свист рассекающих воздух метел.

– Лайра! – рявкнул он. – Воздух!

Фургон, которым правил сидх, был уже в воротах. Но Лайруксал услышал тролля. Эльф перегнулся со своего места как раз вовремя, чтобы увидеть трех ведьм, летящих на него подобно небесному копыю.

Воздух дрожал от вибраций Чи. По характерному резонансному зубцу Лайруксал понял, что хотят сделать мандреченки. Они собирались заткнуть ворота Дугой Аэртиля. Эльф усмехнулся, встряхнул кистью и нараспев выкрикнул несколько слов. В воздухе между ведьмами вспыхнула бледная вспышка, по форме похожая на лепесток кувшинки. Лайруксал с наслаждением видел, как одна из мандреченок рухнула на крышу конюшни и пробила ее. Вторая на всей скорости ударилась о частокол, загнав рога метлы между кольями; а третья, кувыряясь, шлепнулась вниз, на двор таверны, прямо перед носом Альх Теема.

Лайруксал огрел лошадь вожжами по крупу.

Марина едва успела отстегнуться от метлы и выхватить меч из паза в спинке сиденья, а огромный тролль уже навис над ней. Ведьма ударила, ни о чем не думая, зная, что тролль примет выпад на оглоблю, которую держал в руках. В голове у звеньевой гудело, но за семь лет боевой практики у нее случались и более жесткие приземления. Тролль отступил, поднимая оглоблю, и тут метла Марины боднула его в подмышку. Противник охнул, дернулся и раскрылся. Ведьма перехватила меч обеими руками, как копье, и вогнала его в жирную волосатую грудь. Прямо туда, где под мышцами и ребрами билось сердце. Тролль осел на землю, своим весом выворачивая оружие мандреченки из собственного тела. Но к ведьме уже спешил его товарищ, размахивая огромным молотом. Видимо, этот тролль успел сходить в свой номер за оружием до того, как началась кровавая катавасия.

Марина переступила с ноги на ногу, усложняя задачу троллю и подготавливая себя к финту.

Это все было привычно и не особо смущало ведьму. А вот...

Марина украдкой оглянулась.

Фургон скрылся за воротами, и возница держал путь явно не в Бьонгард. А ведь крыло «Змей» щедро оросило путь каравана собственной кровью для того, чтобы доставить груз в столицу Лихого Леса.

Арга смотрел на лицо спящей ведьмы. Он собирался задать ей не меньше десятка вопросов и получить на них ответы, сколь угодно неприятные, но Светлана увернулась от разговора самым изящным и простым способом. Во сне с нее сошло всегдашнее кокетство, и перед капитаном мирно посапывала удовлетворенная красивая женщина. Рыжие волосы в темноте казались черными волнами на белой подушке. Ведьма хотела набросить на дверь экран неслышимости, но Арга попросил ее не делать этого.

И шум, поднявшийся в зале, капитан услышал – и верно оценил его. Арга коснулся плеча Светланы. Ведьма тут же открыла глаза, как будто и не спала.

– Твоя форма осталась в номере? – спросил он.

Светлана хотела сказать, что ее никогда еще не будили столь оригинальным вопросом, но тут услышала то же, что и Арга. Ведьма решила, что время для шуток у нее еще будет.

– Нет, – сказала она. – Мы храним форму в корзине на метле.

Она щелкнула пальцами в воздухе, призывая метлу.

– Что с Мораной? – спросил Шэд, расстегивая брюки. Эльфийскую пряжку хитрой формы заклинило. «Надо было голым спать, и чего я, придурок, постеснялся?», яростно подумал он.

– Они отбиваются от троллей в зале, – ответила Сташи.

Оборотень поднял голову:

– А тролли хотят угнать тот караван, что ведьмы привели?

– Да.

– Понятно, – произнес Шэд.

Хрустнула ломаемая пряжка. Оборотень стащил с себя брюки и пошел к выходу из бани. Сташи следовала за ним.

– Ты умеешь драться? – спросил он, когда они миновали баню.

Шэд покосился на ее блузку. «Хотя можно было и не спрашивать», мелькнуло у него. Сейчас, в лунном свете, черное пятно на груди девушки было видно во всех подробностях. Но оборотень понял и еще кое-что.

Это была кровь *не* Сташи.

Для того, чтобы выбраться на обрыв, венчавший северный склон холма, им пришлось пройти через скошенный Магнусом луг. Колочая стерня впиалась в босые пятки Шэда. Он тихо зашипел.

– Нет, не умею, – отвечала вампирка, едва поспевая за ним. – Я это случайно! Я так испугалась, когда он...

Он непроизвольным движением одернула блузку и продолжала:

– Но я буду, Шэд, я буду!

Оборотень остановился на краю обрыва.

– Не умеешь – не берись, – сказал он. – Сиди в бане. Когда все запылает, улетай в Бьонгард. Летать-то хоть умеешь?

Сташи торопливо закивала.

– Когда полетишь, держись правой стороны дороги, – добавил Шэд и поцеловал ее.

Он ощутил вкус крови на своих губах, и вслед за этим пришло чувство, которое он не хотел сейчас испытывать. Но слепую ярость драки уже разбудили уколы мертвой травы, а горько-соленый вкус крови всегда лишал его рассудка.

– Отойди... – хрипло сказал Шэд.

Вампирка отступила на несколько шагов. Он не стал смотреть вниз – высоту елочек, растущих под этим склоном, Шэд помнил всем своим телом. Он шагнул вперед. От вибраций Чи распрямился смятый в драке воротничок на блузке Сташи. Над обрывом, заслоняя звезды, взметнулись крылья. Хотя по форме они напоминали крылья чудовищно огромной летучей мыши, их обладатель не имел с маленькими пискунами ничего общего.

Кроме способности летать.

Светлана постучалась в номер Ринке. Там, как чувствовала ведьма, находилась Карина. Но пробиться сквозь опутавшие проход чары Светлана не смогла. Капитан и ведьма двинулись по коридору. В нишах между дверями номеров на эльфийский манер были расставлены статуи и высокие вазы с сухими цветами, косяки и балки украшала резьба. Взгляд ведьмы зацепился за бронзового лучника в нише. Он мечтательно смотрел в потолок и целился прямо в вырезанную на поперечной балке птицу. Сидхи Фейре обычно изображали своих героев одетыми, но этот стрелок был полностью обнажен. «Сказывается разница в климате», хмыкнула ведьма и тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Светлана увидела комод, преграждавший выход на галерею. Около комода стоял гном в одних штанах и сидх, еще менее одетый. Они заметили боевую ведьму и Аргу и молча отошли от баррикады. Капитан хотел посадить Светлану на комод. Но ведьма перемахнула через него одним прыжком, слишком непринужденным для того, чтобы в нем не были задействованы левитационные заклинания.

Арга перелез через комод и, пригибаясь, подошел к перилам галереи. Светлана уже сидела около них на корточках и смотрела вниз. Капитан глянул через ее плечо.

– Странно, что тролли до сих пор не поднялись сюда и не задавили наших сверху, – пробормотал капитан.

– А лестница закрыта магической сетью, – ответила ведьма. – И тролли это видят.

Арга облегченно вздохнул. Светлана повернулась к нему. Он увидел, как со дна ее зеленых глаз подобно огромному осьминогу, который водится в южных морях и топит купеческие корабли, поднимается бешенство.

– Я не могу никого найти, – отрывисто сказала ведьма. – Будем действовать сами. Я прощупала двор – сидхи угоняют наш обоз. На крыльце прячется Зарина, между ней и

троллями дверь в Подземный мир, открытая. Тройка Марины бьется с троллями, но остановить Ежей они не смогут.

На скулах у Арги перекатались желваки.

– Я сейчас прикажу Зарине войти в таверну и наделать столько шума, сколько она сможет, – продолжала Светлана. – Тебя я спущу вниз, к нашим, и брошу в троллей самое мощное заклинание, какое смогу. Потом будем прорываться во двор. Или есть другие предложения?

Арга отрицательно покачал головой.

– Это лучшее, что мы сейчас можем сделать, – произнес капитан.

Светлана сложила пальцы, чтобы вызвать метлу.

– Отставить, – скомандовали сзади.

Ведьма узнала голос Карины и обернулась так быстро, что с куртки отлетела пряжка.

Таверну поставили на фундаменте, оставшемся от разрушенной дозорной башни. Каменных блоков, валявшихся на холме еще с тех времен, хватило на баню и первый этаж таверны. Вилли два раза упал, порвал брюки и разодрал в кровь колени, пока старался вскарабкаться по гладкой стене. Вампирка, с которой он столкнулся по дороге, от души приложила к Чи эльфа. Много силы ушло и с кровью. Да и заклинания, обезболивающее и останавливающее кровотечение, не относились к числу экономичных заклинаний. Плечо у Вилли отзывалось болью при каждом движении рукой. И если бы эльф не знал левитационного заклинания, у него ничего не получилось бы. На втором этаже дело пошло легче – здесь стены были сложены из кирпича, и кое-где кирпичи выпали. Вилли добрался до окна, в котором неясно мерцал светильник. Магнус поставил в окна таверны не слюду и не пленку бычьего пузыря, мутную, почти не пропускающую дневной свет. Гоблин раскошелился на витражи из бoremского стекла – прочного, но прозрачного. Рама делила окно на две половинки. Шпингалет, как уже удалось нащупать Вилли при помощи ментального сканирования, находился на дальней от него половине окна. Эльф, матерясь сквозь зубы, пытался поднять шпингалет своей Чи. Когда Вилли уже решил, что шпингалет заговорен, стальной штырек поддался его усилиям. Эльф вывел его в крайне верхнее положение и торопливо толкнул раму остатками своей Чи. Хлопнула дверь номера Ринке.

Вилли торопливо просканировал комнату и понял, что из нее выбежала мандреченка, а друг остался на кровати. Эльф преобразовал и применил все запасы магической энергии, которые у него были, и теперь некоторое время вообще не смог бы колдовать, что ставило его в уязвимое положение в предстоящей драке. Но Вилли успел увидеть и кое-что еще, что заставило его броситься в окно, забыв о всякой осторожности.

Он ввалился в номер, как был, на коленях прополз к кровати и зажал рукой горло Ринке. В свете порхающих в магическом светильнике бабочек Вилли увидел, как его рука чернеет от крови. Эльф беспомощно оглянулся. Он пользовался Чи Огня, но в комнате Ринке не было ни камина, ни горящего факела, откуда можно было почерпнуть силу. Оставался только светильник, идиотская стеклянная груша с мотыльками. Втянуть уже преобразованную Чи всегда было легче, чем брать волшебную энергию из самого пламени. Но не так уж много ее и было в этой игрушке.

Светильник потух, словно задутая сквозняком свеча.

Скрепляя каналы друга, Вилли понял, что этой порции Чи ему не хватит. Рана была слишком глубокой, да и пришел он слишком поздно. Уже не меньше трети крови Ринке перекачвало из вспоротого горла на белье кровати. Но главной потерей была не кровь. Центральный канал Чи Ринке был разорван у шеи вместе с сосудами. Вилли глубоко вздохнул. Они с Ринке оба пользовались Чи Огня, что облегчало задачу. Эльф вскрыл канал собственной Чи. Вилли чуть не потерял сознание от боли и вдруг накатившей слабости, но смог замкнуть свой канал Чи на ауру Ринке. Он знал, что не сможет продержаться друга долго. Для того, чтобы объединить две ауры в одну, необходимо было принести Клятву Синергистов. Храм Синергистов находился недалеко от Бьонгарда, и когда двое знакомых Вилли решились на этот обряд, эльф сходил с ними – из любопытства. Процедура оказалась

очень сложной. Два жреца связывали все каналы Чи Синергистов полдня, используя известную только им методику. Вилли не был знаком с этим тайным знанием, но что он точно знал – теперь можно было плести заклинание, которое остановит не только кровь Ринке, но и вытекающую из друга жизненную силу. Чем он и занялся.

В окне, на миг заслонив звезды, промелькнул силуэт летающего ящера – слишком маленький для дракона, слишком большой для гросайдечи. Но Вилли не удивился. В момент раскрытия ауры можно увидеть и не такое. Он не стал отвлекаться. Еще надо вытащить друга из таверны и волоочь его через лес.

Грудь Карины занимала темно-алая клякса. Дорогое атласное платье было испорчено безвозвратно, но не это взволновало Светлану. Аура подруги сияла холодным черным светом – так всегда бывало при тяжелых ранениях, когда в каналы жизненной силы вливалась сила смерти. Ведьма попыталась привстать.

– Ты ранена? – нервно спросила целительница.

Она ощутила руку Арги на своем плече. Капитан, в отличие от ведьмы, присутствия духа не потерял, и помнил, что самое главное для них троих сейчас – не высываться.

– Нет, – отвечала Карина.

И тут Светлана увидела источник свечения. «Ёрмунганд», мелькнуло у целительницы. – «Осколок Льда! Ну конечно...».

– Телепатируй Зарине, – продолжала старшая крыла «Змей». – Как только в зале раздастся взрыв, она должна закрыть Дверь в Подземный мир, потому что вместе с осколками из таверны вылетчу я. А мне надо попасть не в чертоги Ящера, а во двор. Пусть бросит мощную порцию Чи, модификация сгустка «пентаграмма», и вызывает метлу. Как только я появлюсь, мы с ней поставим на ворота Дугу Аэретили.

Светлана кивнула, чуть запрокинула голову назад и закрыла глаза, выходя на связь с Зариной.

– Как только я сброшу бомбу, – продолжала Карина, обращаясь к Арге. – Вы со Светланой спускайтесь вниз и ведите во двор остальных наших.

Капитан кивнул.

– Зарина говорит, что она не доверяет этим эльфийским штучкам, – пробормотала Светлана, не отрывая глаз. – Она предлагает Щит Демьяна.

– Щит Демьяна так щит Демьяна, – произнесла Карина и вызвала метлу.

На севере ночи короткие. Уже начинало светать, когда таверну потряс взрыв. Две ведьмы пролетели над двором, низко, словно ласточки перед грозой. Внизу, как в ведьминском котле, червивым клубком вскипало варево боя. Однако ведьм заметили. Вслед им понеслись россыпи разноцветных искр. «Два „огненных веера“, одна „ажурная плетель“, отметила Карина. – „Среди Ежей два мага третьего уровня и один – четвертого“. Мандреченка и экенка зависли в воздухе по разным сторонам ворот. Карина увидела трех крупных черных жуков, ползущих вниз по склону холма, и стиснула зубы. Три из пяти фургонов уже были в руках партизан. И даже четыре, если считать темное пятно у самого подножия горки одним из угнанных фургонов. Но нет – пятно двигалось вверх по склону, а не вниз.

– Три! – крикнула старшая крыла «Змей», поднимая руку.

Летающую стрелу сложнее заметить, чем файербол. Но и сбить в ведьму не легче, чем поймать кусок мыла в тазу. Однако Ежи в очередной раз подтвердили, что слава лучших лучников обитаемого мира досталась им не за красивые глаза. Карина ощутила горячий толчок в плечо. Ее отбросило назад и вниз. Ведьма яростно выматерилась сквозь зубы. Ранение было не опасным, но вместе с кровью Карина потеряла способность управлять своей Чи.

И вести метлу.

Судя по гортанному крику экенки, с ней случилось то же самое.

Карина спикировала, рухнула на твердую, утоптанную землю. С трудом подняв голову, ведьма увидела Аргу. Капитан лежал на боку. Из груди его торчал хвостик стрелы с черно-

белым оперением. Кровь еще не была видна на красном мундире. Рядом с капитаном появилась Светлана. Целительница опустилась на колени перед телом, позабыв друзей и врагах, кружащихся в яростном хороводе.

– Варум... – тихо произнесла Светлана.

Мимо прогрохотал последний, пятый фургон каравана.

Целительница упала на тело Арги и зарыдала в голос.

Карина здоровой рукой переломила стрелу, торчавшую из собственного плеча. Но пошевелить раненной рукой ведьма все равно не могла, а отстегнуться от метлы одной рукой было невозможно. Светлана заметила Карину, увидела свежий потек крови на плече и прошептала обезболивающее заклинание. В двух шагах от них огромный тролль замахнулся топором на хозяина таверны. «Значит, все-таки Синие Капюшоны», подумала ведьма. Безоружный Магнус стоял на коленях, и закрыться от сверкающего лезвия ему было нечем. Да и гoblin не успел бы. Между Магнусом и троллем появилась Морана и пнула врага между ног. Тот согнулся, зарычал от боли и выронил топор. Его тут же подхватил Магнус и рубанул тролля чуть ниже колена. Тролль рухнул на хозяина таверны, заливая его своей кровью. Напарник тролля, с которым тот бился спина к спине, развернулся. В руках у него был серп такого жуткого вида, что даже не верилось, что им когда-то жали рожь. Карина поняла, что истаять, исчезнуть с места схватки Морана не успеет. Ведьма первый раз в жизни подумала, что суккубы – беззащитны. У них нет клыков, как у вампиров, они не обладают физической мощью, как гoblin и гномы. Да и магические способности суккубов лежат отнюдь не в области боевой магии. Правда, суккубы обычно в защите и не нуждаются.

С неба раздался яростный клекот. В воздухе мелькнули серые крылья. Горгулья ударила тролля клювом в шею, и его голова отлетела в сторону. Но рука уже мертвого противника, продолжая последнее движение, перерубила тело горгульи пополам.

Со стороны ворот донеслись дикие крики. Карина с трудом повернула голову.

Во двор таверны ворвалось пламя. Звезды в небе исчезли за силуэтом летающего ящера.

Светлана обняла Карину. Ведьма ощутила, как под безмолвием скованного заклинанием тела толкнулся наконечник стрелы.

– Мы не доставили груз по назначению, – прошептала Карина.

– Но и врагу он тоже не достался, – ответила Света.

Ведьмы поцеловались.

Кто-то захлопнул Дверь в Подземный мир. Резко, нимало не заботясь о том, с какой стороны Двери окажутся Квалмэхтар и Танцор Смерти. По тому, как изменились ощущения, некромант понял, что его выбросило в мир живых. Значит, Дверь закрыли мощным ударом Чи. Если бы путь в Подземный мир закрыла Морана, оба соперника остались бы там. В какой-то момент схватки Квалмэхтару показалось, что именно так и будет. В экзене, с которым бился некромант, было что-то неуловимо странное. Опасное. Как будто перед Квалмэхтару был не жалкий Танцор Смерти, а равный некроманту по возможностям Музыкант Смерти.

Но Музыкантов Смерти за всю историю мира было только двое, Лайтонд и Вахтанг. И оба они погибли. Первый – забрав с собой почти всю Армию Мандры, второй – расколов горы Экны Порисским ущельем.

Маг открыл глаза. Квалмэхтар не чувствовал тела, а, возможно, там было нечего чувствовать. Но того, что еще оставалось от его физической оболочки, хватило, чтобы удержать дух мага. Квалмэхтар не знал, надолго ли. Но это его уже не заботило. Он увидел пламя, врывающееся в ворота таверны. Узнал гросайдеч в огромном силуэте, тень от которого накрыла двор. Ему приходилось встречать в Зойберкунстшуле и химмельриттеров, и воздушных ящериц. Гросайдеч наклонил голову, разевая пасть. Зверь, как и Квалмэхтар, находился под властью бешенства боя. Таверна уже сгорела бы и так – ближайшие к воротам фургоны пылали, как смоченные в смоле факелы, а огонь гросайдечей остановить было нельзя.

Квалмэхтар увидел огромный топор, прислоненный к низкому широкому камню с плоской верхушкой. Камень был весь в темных потеках, очевидно, его использовали как разделочный стол. Взять оружие некроманту было нечем.

Но и остановить Квалмэхтара могла только смерть, а она была на его стороне. Гибель в Огне для мага, пользующегося той же стихией, можно было считать подарком по сравнению с любым другим видом смерти. Но и это мало волновало некроманта. А вот то, что Цин так же годилась для создания кинетического импульса, как и Чи, было весьма будоражающим фактором.

Приятно будоражащим.

Топор вздернуло в воздух, словно былинку. Оружие просвистело в воздухе, направляясь на встречу с бронированной шеей ящера. Эльф знал, где расположены огненные железы ящера, и хотел разбить их, лишить Шэда возможности сделать выдох. Никогда еще Квалмэхтар не испытывал такого наслаждения. Возможно, именно это и подвело мага. Или же причина была в том, что мишень хотя и была большой, но все же не была неподвижной.

Некромант промахнулся. Вместо шеи топор угодил в плечо гросайдечи. Ящер взревел.

Сложно перерубить кости дракону; но гномовский боевой топор – это как раз то оружие, которым это можно сделать.

Гросайдеч выдохнул последний раз и осел в собственное пламя.словно птица феникс, которая, по рассказам, водится в Сюркистане. Но в отличие от феникса, гросайдечи предстояло не возродиться в огне, а погибнуть в нем.

А Квалмэхтар в чертоги Ящера совсем не торопился. Губы некроманта чуть дрогнули в коротком, звучном слове. Маг успел призвать тот единственный щит, перед которым останавливается даже Огонь – потому что Огонь, как и силы других стихий, относится к силам Жизни.

Но щит из Цин не ограждал своего обладателя от действия материальных объектов. Гросайдеч раздавил пылающий фургон, и оттуда на Квалмэхтара вывалился огромный, окованный железом сундук.

Некромант на краткий миг снова ощутил свое тело – теперь это был клубок, скрученный из нитей боли – и перестал чувствовать что бы то ни было.

Пламя нежно лизнуло повозки и тела, мертвые и еще живые. Мертвым было уже все равно, а вот живым было не выдержать таких ласк. Крики сгорающих заживо троллей взмыли к небесам, серым и пустым.

Но всего каравана, фургонов, их возничих и лошадей, огню хватило только, чтобы раздражить аппетит. Тряпье тентов и дерево днищ пламя сожрало мигом. Отшатнулось от золотых слитков из рассыпавшихся в пепел сундуков, побрезговало мечами и кольчугами, скрывавшихся за мягкими боками холщовых мешков. Огню надо было набраться сил, чтобы насладиться столь великолепной, но твердой закуской. Пламя коснулось своим дыханием тел ведьм, таких аппетитных и мягких, попробовало на зуб колья забора – сухость и горечь, но чтобы оттенить вкус, сойдет. Вгрызлось в каменные ступеньки таверны и недовольно отступило – на время, не навсегда. Сначала можно было заняться телом своего создателя, в котором под жесткой броней пряталось нежное, мягкое черное мясо. Стальные ребра фургона, разорванного гросайдечью, впились в его тело подобно шампурам, и это только добавляло пикантности блюду.

Но попробовать его огню было не суждено.

На двор таверны обрушилась стужа, лютая, беспощадная стужа лихолесских зим. О, она могла не только разорвать птицу на лету. Стужа остановила веселую пляску пламени и прикончила огонь быстрее, чем Карина успела вздохнуть. Последний раз взметнулись и опали языки умирающего пламени. Под бледным от рассвета небом остались только тела, зола и пепел.

Заполучить стратегический груз Ежам не удалось.

К черному телу гросайдечи метнулась чья-то фигурка. Карина узнала Сташи.

– Нееет! – так, что стало больно ушам, закричала вампирка.

Сташи обхватила голову дракона руками.

Магнус стряхнул с себя отвратительные ошметки – все, что осталось от тролля. Гоблин сел и заморгал. Морана стояла над разорванным надвое телом горгульи. По лицу суккуба текли слезы. Рядом с Мораной обнаружилась Хэлл. Лицо гномицы толстым слоем покрывала сажа; но две светлые вертикальные дорожки от внутренних углов глаз к подбородку уже расчертили эту черную маску.

– Я видела плачущих вампиров и раньше, – пробормотала Карина. – Но я не думала, что когда-нибудь увижу плачущего суккуба...

– Я думаю, что это многие видели, – очень тихо ответила Светлана. – Как и плачущего гнома. Но подобное зрелище очень сложно пережить...

И прежде чем ведьма успела понять, о на что намекает подруга, вокруг наступила мертвая тишина. Неземной холод разлился по двору таверны. Мандреченка почувствовала, как замирает сердце в ее груди. Карина увидела, как иней покрывает ресницы Светланы, как чернеют губы подруги.

Магнус с трудом поднялся на ноги. Жуткий мороз ломал тело гоблина, но он знал, что должен встать. Магнус обнял Морану. Холод обжег его, гоблина вспомнилось, как он в детстве сдуру лизнул железное ведро, висевшее на цепи у колодца. Детское ощущение по сравнению с тем, что он испытывал сейчас, было все равно что поцелуй по сравнению с оплеухой. Магнус приблизил губы к уху подруги и, из последних сил ворочая немеющим языком и прошептал:

– Накажи меня одного, Морана, это я виноват вот всем, я же не знал...

– Но я знала, что так будет, – негромко отвечала хозяйка таверны. Каждое ее слово болезненным эхом отдавалось в груди каждого, кто ее слышал.

– Знала... – продолжала суккуб. – Ах, никого и никогда я не смогла спасти своим знанием... Газдрубала была его последним ребенком... Она единственная выжила из пятирх крылатых щенков...

Карина почувствовала, как у нее слипаются глаза. Невыносимый, жгучий холод, постепенно превращался в ласковое, приятное, но в то же время мучительное тепло...

– Они убили не Газдрубалу. Они убили его, уничтожили его последний след на этой земле, – продолжала Морана. – Он всегда **наступал** всем; но теперь он **наступил** самому себе...

– Мы живы, пока нас помнят, Морана, – ответил Магнус. – Я не был знаком с отцом Газдрубалы. Но и кроме горгульи он успел сделать многое. Многое, за что его будут помнить даже те, кто никогда его не знал...

Гоблин говорил что-то еще, но тело Карины уже проваливалось в уютный, сладкий сон, из которого возврата нет...

Морана улыбнулась.

– У нас не бывает детей от смертных, – сказала суккуб. – И сейчас я жалею об этом.

Холод внезапно отступил. Во двор таверны вернулась прохлада утра – и показалась Карине горячее крутого кипятка. Ведьма застонала и села, рывком, преодолевая себя. Старшая крыла «Змей» схватила Светлану за плечи, встряхнула. Голова подруги безжизненно мотнулась из стороны в сторону. Карина сильно ударила Свету по лицу. Глаза целительницы крыла «Змей» открылись. В посветлевших от боли глазах подруги взметнулся край широкой юбки отступающей смерти.

Гоблин окинул взглядом свои владения и произнес:

– Нда.

Карина поняла, что ошибалась, считая гоблинов тупыми. Просто эти дети Лихого Леса были самыми сдержанными в выражении чувств среди его обитателей. Ведьма поднялась на ноги. Следом за ней встала и Светлана. Целительница потянулась к ее плечу, возобновить обезболивающее заклинание. Но старшая крыла «Змей» отстранилась.

– Когда чары перестанут держать, я подойду к тебе. Осмотри всех, кому еще можно помочь, – сказала Карина. Покосившись на огромное тело, занимавшее почти весь двор,

ведьма тихо добавила:

– Разберись с гротом в первую голову...

Целительница, чуть пошатываясь, направилась к дракону. Под ногами ведьмы что-то звякнуло. В золе блестели крупинки жемчуга и бусины тигрового глаза. Гном, которого она узнала – это он стоял у баррикады, закрывшей выход на галерею – ползал по земле, собирая украшения. Светлана повернула вправо, собираясь обойти купца. Он схватил ведьму за ногу. Светлана устало подумала, что все, что она может сделать – это стукнуть его кулаком по голове, но вряд ли это произведет какой-нибудь эффект. У гномов кости толстые...

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросила ведьма. – Если нет, отпустите меня. Здесь много раненных.

Гном молча подал ей пригоршню аметистов – все, что осталось от изящного ожерелья.

– Не надо, – утомленно сказала Светлана. – Мы больше никого не тронем. Дождемся подкрепления из Бьонгарда и уйдем.

– Вы мне просто понравились, – буркнул гном.

Целительница пожала плечами, приняла подарок и ссыпала камни в карман штанов. Ведьма миновала повозку, от которой остались лишь железные оси и ступицы колес. Над ними рыдал тот самый эльф, за плечо которого целительница ухватилась вчера вечером. Огонь превратил дорогие соболиные и бобровые шкурки, которые купец вез из Бьонгарда, в черную легкую пыль.

– Кто мне теперь заплатит? – кричал эльф истерически. – Кто возместит убытки?

– Все претензии – к Ежам, – прогудел Магнус из другого конца двора.

Купец замолчал. Светлана добралась до хвоста гротом и коснулась шипов ладонью. Судя по короткому, но слабому уколу Чи, который она ощутила, Шэд был еще жив.

– Кто теперь старший по обозу? – спросил Магнус.

Карина обвела взглядом двор в поисках Рамдана. Командира экен ведьма не обнаружила, а вот Крюка, стоявшего с шапкой в руках над кучей пепла, она заметила.

– Видимо, я, – пробормотала мандреченка.

– Сообщить в Бьонгард о происшедшем? – осведомился Магнус.

– Не стоит, – мрачно ответила ведьма. – Мы получили приказ остановиться в вашей таверне от короля Моруско. Теперь мы свяжемся с воеводой Бьонгарда Алексеем Черным. Сами.

– Это ваше дело... Надо завалить ворота, на случай, если Ежи вернутся, – сказал гоблин. – Да только нечем. Вы не могли с вашими подругами опутать проход чарами?

– Это можно, – согласилась Карина.

Мандреченка откашлялась, прочищая горло, и крикнула:

– Крыло «Змей»! Перекличка! Тройка Зарины! Зарина?

– Я, – откликнулись откуда-то из-за крыльца.

Карина продолжала. Голоса ведьм отвечали ей – с забора, из опаленной конюшни, из-за гротом. Результаты проверки обрадовали старшую крыла. Погибли только Ирина и Стана, все остальные ведьмы оказались изрядно помяты, но живы. Карина отправила всех, кто еще мог держаться на ногах, к воротам – перегородить их Щитом Демьяна. Сама же старшая крыла «Змей» направилась к Моране. Суккуб все так же стояла над трупом горгульи. Ведьма остановилась на почтительном расстоянии и осторожно спросила:

– Мы не могли бы поговорить?

Хозяйка таверны устало кивнула.

– Ты знала, что это все произойдет, – произнесла Карина. – Но почему ты...

Она замолчала, опасаясь продолжать. Суккуб усмехнулась:

– Почему что? Не напустила на вас сонные чары и не дала эльфам угнать караван?

– Хотя бы, – тихо отвечала мандреченка.

– Нет, – очень спокойно сказала хозяйка таверны. – Когда человек – или эльф – должен сделать выбор, даже боги не могут выбрать за него.

- А ведь вам, богам, наверное тяжело, – задумчиво произнесла Карина.
- Не тяжелее, чем смертным, – вежливо сказала суккуб. – Но и не легче, да.

Лицо Карины дрогнуло. Ведьма подняла глаза к небу, шмыгнула носом. Затем протерла глаза и пробурчала:

- Пепел попал...

Сташи услышала над ухом мягкий голос Светланы:

- Позвольте, я посмотрю... Я целительница.

– Да чем вы можете помочь? – закричала вампирка. – Вы умеете лечить людей, но он же – дракон!

Гросайдечи могут разговаривать только мысленно, и Шэду еще хватило сил на телепатемму. «Уйдите», раздалось в головах ведьмы и Сташи. – «Дайте умереть спокойно».

– Я родилась рядом с Драконьей Пустошью и много общалась с химмельриттерами, – терпеливо ответила Светлана. – Они приезжали в магическую школу, где я училась, на спецкурс – «Врачевание огненных тварей». Я прослушала его тоже, драконы всегда нравились мне...

В безумных глазах вампирки промелькнули искорки здравого смысла. Сташи отошла от гросайдечи. Шэд тихо зарычал и хлестнул хвостом землю.

- Я училась вместе с сыном Искмерии, – тихо добавила Светлана.

Гросайдеч заметно вздрогнул. «Хорошо, приступай», телепатировал он целительнице. Она осмотрела изуродованный бок, из которого торчали оплавленные железные штыри.

– Жизненно важные органы не задеты, – сообщила Светлана. – Сломайте эти стальные полосы, Сташи, и мы вытащим их из тела. Тогда Шэд сможет превратиться обратно в человека, и вылечить его будет гораздо проще.

- А это еще не все, – угрюмо отвечала вампирка. – Вы на плече посмотрите...

- Я обязательно посмотрю, – сказала Светлана. – А вы пока сделайте, что я говорю.

Сташи забралась на бок Шэда и взялась за полосу металла. Вампирка чуть качнула ее, пытаясь согнуть. Оборотень хотел зарычать, но из его горла вырвался только тоненький всхлип. Вампирка погладила гросайдеч по закопченной чешуе и впиалась в штырь зубами. Железо хрустнуло и переломилось. Сташи отбросила огрызок и переползла к следующему штырю, торчащему из тела дракона. Светлана тем временем отогнула гибкую перепонку крыла и увидела торчащее из раны топорище. Целительница задумчиво почесала кончик носа. С другой стороны от Шэда обнаружилась Хэлл. Гномица оглядывалась по сторонам, словно в поисках чего-то. Особенно пристальное внимание она уделила обугленному сундуку, лежавшему рядом с низким, плоским камнем. Хэлл перевела взгляд на топор, засевший в ране. В глазах ее мелькнула ярость. И стыд, вдруг сообразила ведьма. Гномица заметила целительницу и спросила:

- Тоже вытащить? Вам не выдернуть будет, он глубоко сидит. Давайте я...

– Не надо, – сказала Светлана. – У Шэда перерублена ключица, разорван канал Чи. Если вытащить топор, надо сразу заклинание накладывать. А то Шэд даже превратиться не успеет.

- Так накладывайте, это же ваша профессия, – угрюмо ответила гномица.

Из-за крыла высунулась Сташи и сообщила:

- Готово.

Светлана улыбнулась и кивнула:

- Очень хорошо. Господа, никто здесь не владеет Чи Воды или Земли?

Шэд, как дракон, был воплощением Огня, а ведьма – магом Воздуха. Огонь, как известно, питается Воздухом, но не сдерживается им. Оборотень потерял много жизненной силы, и если бы целительница дала ему свою Чи, он просто втянул бы ее в себя. Для того, чтобы скрепить заклятие, нужна была нейтральная Чи, да и антагонистичная подошла бы.

– Я маг Земли, госпожа ведьма, – откликнулся высокий мужчина, сидевший на ступеньках крыльца. У него не осталось волос на голове. Кожа с правой стороны лица свисала бордовыми лохмотьями, а на лысом черепе вздулась огромным сплошным пузырем.

Острое ухо обуглилось. Светлана поняла, что перед ней сидх, только когда он повернул голову – другую сторону лица огонь почти не повредил.

– Андерет, скотина, ты жив! – с облегчением воскликнула Хэлл, увидев его.

– А я в огне не горю, – ответил сидх. – В воде тоже не тону, почему-то... Я готов отдать Шэду все, что смогу, только объясните, как, – продолжал Андерет, обращаясь к Светлане. – В той магической школе, где учился я, спецкурсов для химмельриттеров не читали...

– Но вам самому нужна помощь, – сказала Светлана.

Сидх махнул рукой.

– У меня хоть из тела ничего не торчит, кроме того, что торчит всегда, – с юмором ответил он.

– Подойдите сюда, – попросила целительница. – Руки сделайте вот так... Да, растопырьте пальцы... И призовите всю Чи, какую сможете. А теперь...

Пробитая стрелой рука почти не слушалась. Зарина с трудом отшвырнула обгорелые доски, отбросила ногой чью-то оплавленную палицу и торопливо осмотрела Гёсу. К непередаваемому восторгу ведьмы, ран на теле наемника не оказалось. Синяки и ушибы экенка считать не стала. Ведьма потрясла Гёсу, окликнула его. Экен не отозвался. Только тут Зарина заметила, что в лице наемника нет ни кровинки. Ведьма склонилась к его лицу, но дыхания не ощутила. Попыталась найти пульс, но его не обнаружилось тоже.

– Светлана! – закричала Зарина, но получился лишь полусшепот. – Карина! Кто-нибудь, помогите!

Экенка беспомощно оглянулась и увидела, что Морана и Карина идут к ней.

Мандреченка оценила всполохи в ауре Гёсы и пробормотала:

– Я что-то не пойму. Ни одной смертельной раны нет, но и духа в теле уже нет...

Зарина зарыдала.

– Он призвал больше Цин, чем смог выплеснуть и переработать, – сказала Морана. – Его каналы Чи забиты мертвой силой. На физическом уровне это означает смерть.

– Нееет! – завопила Зарина, и этот крик у нее получился уже значительно громче. – За что! Неужели никак нельзя его спасти?

Карина покосилась на суккуба.

– Можно, – ответила Морана и продолжала, обращаясь к Зарине: – Я вижу, сегодня вы уже одалживали ему свою Чи. Он смог усвоить и переработать ее. Сейчас, если вы станете его Синергисткой, отторжения Чи не произойдет. Она пройдет по каналам этого человека, вытеснит Цин. Тогда дух, скорее всего, вернется в тело.

– Вы можете сделать нас Синергистами? – спросила Зарина.

– Нет, – отвечала хозяйка таверны. – Мне подвластно только Цин. Если я коснусь вашего друга, он умрет. Вам нужен тот, кто умеет управляться и с мертвой силой, и с живой.

– Но здесь же был некромант! – воскликнула экенка. – Они танцевали на крыльце!

Карина глянула через витые перила. Если Гёсу отбросило налево от крылечка, Квалмэхтар мог оказаться справа. Сейчас там лежала голова гротайдечи. Над ней колдовали Светлана, сидх с чудовищно обгоревшим лицом, Сташи и гномица. Воздух над Шэдом задрожал, заискрился.

По знаку Светланы Сташи дернула рукоятку на себя. Топор вышел из раны и упал к ногам целительницы – вампирка не смогла его удержать.

– Перекидывайся, Шэд! – крикнула ведьма.

Над двором таверны вспыхнула и опала разноцветная сфера. Когда свечение погасло, на месте дракона обнаружился лежащий ничком обнаженный мужчина. Кровь уже запеклась на сквозных ранах в его боку.

– Все? – раздался хриплый голос оборотня.

– Ну, почти, – улыбнулась Светлана. – Вас надо уложить в постель. Я обработаю раны, наложу повязки...

Андерет и Сташи помогли Шэду подняться. Вся троица двинулась к входу в таверну. Светлана последовала за ними. Хэлл осталась во дворе. Она подняла свой топор и легким,

небрежным движением отшвырнула в сторону оплавленный сундук.

При виде гномицы губы Квалмэхтара дрогнули в улыбке.

– Туки-туки, я домике, – сказал некромант.

Хэлл замахнулась. Но опустить топор не смогла – он словно застрял в воздухе. Гномица оглянулась и увидела Карину. Ведьма держала топор в воздухе своей Чи. А Хэлл и не заметила, как ведьма подошла к ней. Мандреченка скользнула оценивающим взглядом по ауре некроманта. Мало толку было бы от заклятия, наложенного умирающим. Но судя по расцветке и насыщенности его ауры, маг чувствовал себя гораздо лучше, чем выглядел.

– Подождите немного, – сказала мандреченка гномице. – Мы его вернем.

Хэлл очень изобретательно выругалась на наречии орков и опустила топор.

– Ты наложишь временное заклятие, аналогичное Клятве Синергистов? – обратилась Карина к Квалмэхтару.

– Если мне пообещают за это жизнь, – ответил тот.

– Трус! – закричала Хэлл. – Как и все вы, охотники за падалью. На живых-то рука не поднимается, да?

– Да прекратите вы! Скорее! Пусть он уходит, шайтан с ним! – завопила Зарина. – Гёса же сейчас умрет!

Карина вопросительно посмотрела на Морану.

– Тебе оставят жизнь, – сказала суккуб некроманту. – Ты уйдешь, и тебя никто не будет преследовать.

Карина подала руку Квалмэхтару. Эльф ухватился за нее и поднялся на ноги.

– Больше никогда не приходи сюда, – дрожащим от гнева голосом сказала Хэлл.

Квалмэхтар насмешливо приподнял бровь и сказал:

– Я думаю, что запретить посещать таверну может только ее хозяйка.

– Морана, скажи ему! – яростно закричала гномица.

Некромант несколько мгновений смотрел в светлые глаза суккуба. Морана молчала.

– Пойдем, – сказала Карина Квалмэхтару.

Суккуб, некромант и мандреченка обогнули крыльцо и оказались рядом с распростертым на земле Гёсой. Квалмэхтар встал рядом с ним на колени и взял его правую руку своей левой.

– Дайте мне левую руку, – сказал маг Зарине.

Экенка поспешно повиновалась. Теперь, когда маг держал руки ведьмы и наемника, его собственные руки оказались перекрещенными.

– Заклятие, которое я наложу, – произнес Квалмэхтар. – Продержит только до тех пор, пока баланс Чи и Цин в этом теле не восстановятся.

– Если вы решите, что хотите быть связанной этой клятвой навсегда – дорогу в Храм Синергистов я вам потом покажу. Это недалеко, – произнесла Морана.

– Там видно будет. Колдуй уже! – воскликнула Зарина.

Квалмэхтар, шатаясь, брел через двор к воротам. Точнее, к тому, что от них осталось. А осталось немного – два обугленных столба. Разноцветные зигзаги защитного заклинания дрожали между ними.

Едва некромант закончил обряд, и Танцор Смерти сложно выругался по-экенски, ведьмы, охая и ахая, потащили раненного в таверну. Квалмэхтар рассудил, что и ему самое время двинуть отсюда. Некромант чувствовал тяжелый взгляд Хэлл у себя на спине, точнехонько между лопаток. Хотя самой вспыльчивой расой считались мандречены, терпение гномицы тоже не стоило испытывать. Маг был уже на полпути к выходу, когда на его пути материализовалась Морана.

– Дай-ка я тебя поцелую, – сказала суккуб. – На прощание.

Квалмэхтар вздрогнул, поняв, что это значило.

– А я думал, Морана, что подарочки – не отдарочки, – заметил некромант.

– А это был не подарок, – холодно отвечала хозяйка таверны. – Тебе дали оружие и указали цель. Ты решил, что можешь выбирать цели сам. Но на своих врагов выходи со

своим оружием.

– Но разве они – и не твои враги тоже, Морана?

– В лесу – да. Но эта земля – нейтральна, так решили мы, ее хозяева. И если вы хотите быть принятыми здесь, вам придется оставить свои дрязги там, в лесу. Запомните это все.

– Нельзя быть врагом там и другом здесь, Морана, – возразил Квалмэхтар.

Суккуб поморщилась:

– Не тебе рассуждать о верности богов.

– Я думал, что ты – наша богиня, – сказал некромант. – Ты темная, так и мы не слишком светлы. Но ты...

– Ну, ты еще заплачь, – презрительно перебила его Морана.

Квалмэхтар закусил губу и опустил лицо.

– Нет, плакать я не буду, – сказал он глухо.

– Будешь, – ласково ответила суккуб. – Я очень надеюсь, что ты умеешь делать что-нибудь еще, кроме некромантии. Силы Смерти больше не будут повиноваться тебе.

Маг дико посмотрел на Морану.

– Нет, – выдохнул он. – Нет. Как ты можешь отбирать то, что дала не ты?

– Да, не я, – вежливо ответила хозяйка таверны. – Но ты слишком вольно толкуешь приказы, Квалмэхтар. И это значит, что раньше или позже ты повернешься против меня. А ты единственный в Железном Лесу, кто может причинить мне вред, и ты об этом знаешь.

Лицо мага изменилось так, что суккуб сочла необходимым добавить:

– А когда я умру, на этот лес опустится бесконечная зима. Все живое погибнет. Или ты забыл старинные песни? Да и ты не выйдешь со двора таверны, если убьешь меня.

Она стояла перед ним, невысокая хрупкая женщина с необычно светлыми волосами, и спокойно смотрела на мага. Квалмэхтар покосился на крыльцо. Там, поигрывая топором, стояла Хэлл. Гномица не смотрела на них. Хэлл наблюдала за ведьмами, кружившими над забором. Но для того, чтобы метнуть топор, гномице не понадобилось бы призывать ни Чи, ни Цин. Хэлл смогла бы придать оружию необходимый кинетический импульс и за счет мышечного усилия.

Умирать с топором в спине не хотелось.

– Я покину Железный Лес, – сказал Квалмэхтар. – И вернусь, только если ты меня позовешь.

– Или так, – согласилась Морана. – Твой Цин останется при тебе. Но утро после Самхайна ты встретишь на чужом берегу... Однако мне было бы очень приятно, если бы ты покинул наш лес еще до осеннего равноденствия.

– Хорошо. Я двинусь по Старой Тропе сразу, как выйду отсюда, – помолчав, ответил маг. – А сейчас я прислонюсь к забору, если ты не возражаешь.

– Как тебе будет удобнее.

Квалмэхтар выбрал место около обугленного частокола, чуть в стороне от ворот. Некромант не хотел мешать ведьмам, заканчивавшим плетение магического щита. На Морану и эльфа никто не обратил внимания. Небесные воительницы очень измучились и были слишком заняты делом, чтобы глазеть по сторонам. Некромант уперся спиной в забор и сообразил, что при их в разнице в росте Моране будет просто не дотянуться до его губ. Квалмэхтар подкатил к себе ногой обугленную чурку – все, что осталось от поленицы Магнуса, – и сделал приглашающий жест. Суккуб встала на полешко.

Раньше Моране не приходилось целовать Квалмэхтара. Некромант захаживал в таверну не так уж часто и в долг ничего не брал. Она ожидала, что губы Квалмэхтара будут жесткими, напряженными. Но некромант не пытался оттолкнуть ее, смягчить боль, которая должна была последовать за этим прикосновением. Он коснулся ее языка своим. Первый раз Моране предстояло забрать у кого-либо так много; и никогда еще тот, кому предстояло отдать часть своей силы, не пытался быть нежным.

Квалмэхтар хотел, чтобы ей было хорошо.

Несмотря ни на что.

И несмотря ни на что, он ее просто хотел.

В этот раз это было его истинным желанием. Морана не желала облегчать Квалмэхтару процесс возврата оружия и его каналов чувственности не касалась.

На двор таверны начал медленными хлопьями падать снег. По цепочке женских голосов пролетели изумленные возгласы, но некромант этого уже не слышал. Он осел назад, тяжело навалившись на забор всем телом, и крепко схватился за суккуба. Но голос Мораны, несколько мгновений – или столетий – спустя выплывший из холодной бездны, он все же услышал:

– Отпусти меня.

Квалмэхтар разжал руки и увидел, что лицо у Мораны влажное. Суккуб отвернулась. Некромант взял ее пальцами за подбородок.

– Эй, – сказал Квалмэхтар. – Ну не буду я плакать. Даже чтобы доставить тебе удовольствие. Но я не хотел, чтобы ты плакала.

– Я не очень горяча, – спокойно отвечала суккуб. – Но снег от моего дыхания все же тает.

Снегопад прекратился так же внезапно, как и начался. Некромант несколько минут стоял неподвижно, глядя, как тают снежинки на полешке. Морана прыгнула на землю. Квалмэхтар, держась за забор, двинулся к воротам.

– Откройте ему проход, – сказала хозяйка таверны.

В темно-синем непрозрачном щите, заполнившем пространство между столбами, медленно проступила дыра. Некромант увидел черное пятно на дороге за воротами – все, осталось от фургона. Прежде чем шагнуть за щит, маг обернулся.

– Я слышал, что не только эльфы гибнут, когда наши боги изменяют нам, – с трудом произнес он. – Боги тоже умирают, если от них отказываются те, кто их любил!

– Вот как, значит, – спокойно ответила Морана. – Тогда послушай, и я тебе кое-что скажу. Боги любят тех, кто с ними спорит. Не все боги, но я – люблю. И мне очень жаль, что эта любовь осталась неразделенной.

Она смотрела, как его спина исчезает в овале прохода. Как затягивается отверстие в щите. Как ведьмы медленно летят над двором. Силуэт суккуба начал медленно таять. Когда первая из ведьм приземлилась на крыльце, Морана уже сидела на своем обычном месте – на барабане за стойкой.

Не в первый раз ему приходилось уходить, оставляя за спиной дымящиеся развалины.

Далеко не в первый.

Справедливости ради надо сказать, что первыми дымящимися развалинами за спиной некроманта были руины его родного села, сожженного Армией Мандры.

Но когда Квалмэхтар миновал обугленный остов второго фургона, некромант вдруг понял, со щемящей ясностью, что позади него остался не только дом, который он мог считать своим.

А вся его жизнь.

Какова бы ни была причина, он жег, убивал, предавал и мучил о с одной только целью. У Квалмэхтара было своеобразное понятие о любви, но оно у него было. А теперь у некроманта не осталось ничего.

Ни дома, ни леса, ни любви.

И тогда он развернулся и пошел обратно. Он решил сказать Хэлл, что она может сделать с ним все, что пожелает. Хоть зарубить сразу, хоть четвертовать, если ей так больше нравится. В момент смерти волшебника, владеющего Цин, открывались ворота в Подземный мир, куда затягивало все живое; ну так ведь и маг, который мог закрыть эти ворота, находился в таверне.

Точнее, находилась.

Квалмэхтар переступил через торчащую из-под обломков фургона черную руку. По лопнувшим от жара часам на запястье некромант понял, что эта рука принадлежала Лайруксалу. В этот момент маг услышал зов – слабый, но отчетливый. Квалмэхтар

остановился и прислушался. Сначала, по характерной окраске импульса, некромант понял, кто его зовет. А потом маг понял, зачем его зовут. Квалмэхтар последний раз посмотрел на темно-синий щит на воротах таверны, сошел с дороги и стал быстро спускаться по косогору. Маг чуть не сломал ногу, соскользнув с камня, который на вид казался очень прочным, но зашатался, когда Квалмэхтар наступил на него. Однако темпа не сбавил – зов был все тише.

Но ослабевал не только тот, кто позвал некроманта.

Все же, Квалмэхтар надеялся успеть.

Верховный Трибунал собрался не через четверть часа, но через двадцать пять минут.

Зал заседаний оказался небольшим помещением. Своими большими окнами, рядами деревянных скамеек и трибуной для учителя у стены он напомнил Энедике школьный класс. Стальная клетка у противоположной стены уничтожала это обманчивое впечатление. Становилось понятно, что трибуна поставлена здесь не для учителя квеньи или математики, а для президиума Верховного Трибунала. Слева от трибуны находился стол. За ним расположился щуплый человек в сером мундире. Фигурой и манерами он напоминал огромную застенчивую лягушку. Судя по стопке чистой бумаги на столике перед ним, это был секретарь Верховного Трибунала. Крон усадил Энедику рядом с секретарем, ободряюще улыбнулся эльфке и сказал:

– Отвечай на вопросы четко и спокойно. Говори правду и ни о чем не волнуйся.

Энедика хмуро кивнула. Эльфка была взвинченная беготней, примеркой нового костюма, предстоящим судом и отсутствием завтрака – а судя по золотым, косо лежащим поперек зала столбам солнечного света, они с Кроном пропустили не только завтрак, но и обед. «И почему здесь я, а не Черная Стрела», подумала Энедика с тоской. – «Та в детстве пила на золоте, ела на серебре. Уж она бы чувствовала себя здесь как рыба в воде. Глазки бы секретарю построила... А я всю жизнь по лесам и болотам, хорошим манерам не обучена».

Маг набросил на нее покрывало невидимости и добавил:

– Сиди тихо. А ты присматривай тут за ней, Эмнер, – обратился он к секретарю.

Тот нервно улыбнулся:

– Как всегда, ставите передо мной невыполнимую задачу?

Крон хмыкнул и направился к своему месту в президиуме. Искандера еще не было. Энедика от нечего делать стала рассматривать герб Мандры. Он висел на стене над трибуной. Двухголовый орел держал в лапах Эрустим. Птица была вырезана из ореха и отлакирована. Уменьшенную копию Жезла Власти с большим искусством выковали из стали и украсили гематитовым шариком. И Эрустим, и орла покрывал толстый слой пыли и мушиных какашек. «Значит, мандреченам не так уж часто приходится созывать Верховный Трибунал», подумала эльфка.

Хлопнула центральная дверь, и в зале появился Искандер. Крон и Эмнер поднялись со своих мест. Энедика хотела встать тоже, но передумала. Все равно император ее не видел. Искандер прошел к возвышению и сел рядом с Кроном.

– Заседание Верховного Трибунала Мандры объявляется открытым, – произнес маг.

Эмнер согнулся над бумагой.

– Для дачи показаний вызывается полковник Маковец, – сообщил Крон.

Энедика почувствовала, как имперский маг телепатировал стоявшей за боковыми дверями охране. Два крепких парня в форме Чистильщиков зал ввели полковника Маковца и остановились перед возвышением. Один из конвоиров оказался статный блондином – про таких говорят: «кровь с молоком». Второй был чуть поменьше ростом, черненький и глазастый. Маковец был спокоен или по крайней мере казался таким.

– Вы полковник Маковец, начальник штаба по лихолесскому фронту? – спросил Эмнер.

– Так точно, господин секретарь, – ответил тот.

Секретарь задал еще несколько вопросов о дате и месте рождения, очевидно, необходимых по мандреченским правилам для заполнения протокола.

– Полковник Маковец, – произнес Крон. – Вы обвиняетесь в том, что пытались вступить в сговор с врагами нашей родины, а именно сидхами-сепаратистами Лихого Леса.

У полковника дернулся левый глаз. Маковец пытался встретиться взглядом с императором. Искандер сцепил перед собой пальцы на столе и со скучающим видом смотрел в окно.

– С целью устроить в Куле пожар, – продолжал имперский маг нудным голосом. – Что вы имеете сказать по поводу предъявленных вам обвинений?

Маковец гордо задрал подбородок:

– Ничего, кроме того, что это клевета и ложь.

На последнем слове его голос едва заметно дрогнул.

– Хорошо, – кивнул Крон и добавил, обращаясь к Эмнеру: – Это обязательно зафиксируйте. А вы, Маковец, посидите пока.

Охранники отвели полковника к деревянной скамье, на которой все втроем и устроились.

– Для дачи показаний приглашается эльфка Ниарумо, – сообщил имперский маг и сделал небрежный жест, уничтожая покрывало невидимости.

Император чуть подался вперед. Конвоиры синхронно повернули головы в сторону появившейся эльфки. Светловолосый богатырь восхищенно присвистнул. Маковец побледнел.

Энедика поднялась со своего места. «Реверанс, что ли, сделать», подумала она мрачно. Но и в лучшие времена ее реверансы выходили больше похожими на судороги паралитика. К тому же, эльфке совсем не хотелось запутаться в свисавших с подола беличьих хвостиках и растянуться на полу под множеством устремленных на нее взглядов.

– Вы – эльфка Ниарумо, так же известная как Энедика, командирша отряда лихолесских сепаратистов? – осведомился Крон.

– Так точно, господин имперский маг, – с трудом произнесла эльфка.

– Назовите дату вашего рождения, – попросил Эмнер.

– Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос, – пробормотала Энедика.

Секретарь кашлянул. Но за эльфку неожиданно заступился император.

– Пропустите эти вопросы, Эмнер. Давайте перейдем сразу к сути, – сказал Искандер. – Женщина скорее предаст все и вся, чем сообщит свой возраст.

Эльфка благодарно и удивленно посмотрела на него.

– Вы знакомы с этим мандреченом, полковником Маковцом? – спросил Крон.

– Да, – сказала Энедика. – Незадолго до Мидаёте, это Купайло по-вашему, он и еще один мандречен искали встречи со мной. Я согласилась. Мы встретились. Имен они тогда не называли, и того, что он является полковником Армии Мандры, я не знала.

Эмнер только успевал обмакивать перо в чернильницу. По белому, как мука, лицу полковника Маковца текли крупные капли пота. Охранники смотрели на эльфку пустыми глазами профессиональных убийц.

– В чем была цель той встречи? – поинтересовался Крон.

– Маковец и его друг хотели нанять мой отряд для того, чтобы мы подожгли Кулу, – ответила эльфка. – Мы отказались.

– Почему? – спросил имперский маг.

– Сколько они вам предлагали? – почти одновременно с ним осведомился император.

Энедика беспомощно посмотрела на Крона.

– Сначала отвечайте на вопрос того, кто старше по званию, – негромко произнес секретарь.

– Триста золотых далеров, – сказала эльфка. – Доставка в Мандру и обратно, содержание моего отряда во время операции так же за счет заказчика. Мы отказались потому, что мы – не наемники. Мы работаем только на себя... И еще потому, что ходили слухи о том, что Мандра хочет прекратить войну. Вы выводите армию из нашего леса. В Трандуиловых чертогах от дивизии осталось два полка... Ой... – Энедика смутилась и покраснела.

– Сбор информации поставлен у вас хорошо, – кивнул император. – Продолжайте.

– Так вот, – вернулась к рассказу эльфка. – Нам не нужна эта война, мы устали от нее... И мы не хотели злить мандречен... ну, вас... Вы ведь вроде тоже начали подумывать о мире.

– То есть вы отказались от предложения полковника Маковца устроить пожар в Куле и он ушел ни с чем? – спросил Крон.

– Да, так все и было, – кивнула Энедика. – Эльф из отряда принца Рингринга говорил мне, что Маковец обращался и к ним. Принц тоже отказался....

– Хорошо. Присядьте, – сказал имперский маг.

Энедика опустила на скамью, прислонилась к стене. Голова у нее гудела, ноги дрожали. Полуденное солнце наливалось силой и злостью, и эльфке было жарко и душно.

– Полковник Маковец, подойдите сюда, – сказал Крон.

Его слова отдались в ушах Энедики болезненным гулом. Стальные набивки на каблуках конвоиров зацокали по каменному полу. Эльфка поморщилась – ей в голову словно вколачивали раскаленные гвозди. Эмнер нагнулся, вытащил из ящика стола оплетенную соломкой бутылку и незаметно протянул Энедике. Она сделала пару жадных глотков. Вкус напитка оказался странным, но приятным. Эльфка благодарно улыбнулась и спросила шепотом:

– Что это?

– Квас с изюмом, – тихо ответил секретарь.

Энедика вернула бутылку.

– Что вы теперь можете сказать по поводу предъявленного вам обвинения? – спрашивал тем временем у полковника Крон.

– Ничего, – хрипло сказал тот. – Это все клевета и ложь.

– Вы вынуждаете Верховный Трибунал применить к вам Заклятие Правдолюбца, – сказал Искандер. Энедика слышала об этой разработке мандречен, но никогда не видела ее в действии. Эльфка с большим интересом посмотрела бы, как плетется это заклятие.

– Ты же не боевая ведьма, Ярек? – добавил император.

– Моя жизнь в руках вашего величества, – обморочным голосом ответил полковник.

– Приступай, Крон, – сказал Искандер.

Маг извлек из складок своего плаща деревянную чашу и несколько пузырьков с разноцветным содержимым, а так же столь хорошо знакомый Энедике предмет, как мерная ложка. Крон откупорил один из пузырьков – по залу разнесся запах шафрана. «Добавлен, чтобы забить аромат основы», сообразила эльфка. Маг сосредоточенно наполнил ложку ярко-синей жидкостью и вылил ее в чашу. Крон покосился на эльфку. Заклятие Правдолюбца было изобретением мандреченского мага Константина, и люди вряд ли не хотели делиться своими секретами с эльфкой. Энедика подвинулась поближе к Эмнеру и прошептала:

– А при чем здесь боевые ведьмы?

Секретарь покосился на нее, потом на императора.

– Расскажи ей, Эмнер, – добродушно сказал Искандер.

Эмнер откашлялся и начал:

– С позволения его величества, я расскажу вам о Казусе Свиригайло. После поражения при Пориссе, а это было, признаем, положив руку на сердце, одно из самых страшных поражений, какие только знала в своей истории армия Мандры, военная контрразведка стала искать виновных. Утечка информации была очевидна...

В следующие полчаса, пока в чаше Крона смешивались дурно пахнущие жидкости, эльфка с большим интересом выслушала историю о том, почему боевые ведьмы у мандречен не подлежат пыткам во время дознания. То есть даже Заклятие Правдолюбца к ним применять нельзя. Энедика разыграла этот небольшой спектакль для того, чтобы Крон не думал, что она не сводит глаз с его рук, запоминая каждый жест. И мандречены охотно поддерживали игру. Первую за последние двести лет игру мандречен и темной эльфки, приятную обеим сторонам.

Эмнер поведал, что командующий наголову разбитой дивизии чудом уцелел. Его звали генерал Свиригайло. В качестве предателя генерал указал на ведьму Катерину, старшую

крыла «Мертвая рука». Катерина доставила пакет с инструкциями к битве. Кроме нее и генерала, тот пакет никто и в руках-то не держал. Катерину забрали прямо перед вылетом на патрулирование. Одного не учли имперские мастера заплечных дел. Целительница крыла была не только возлюбленной Катерины, но и ее Синергисткой. Когда Катерине начали рвать грудь раскаленными щипцами, «Мертвая рука» неожиданно вернулась в расположение войск. Запах паленого мяса привел боевых ведьм в неистовство. Разъяренные ведьмы разнесли фургон, в котором размещалась походная пыточная камера, убили палача и скучающего секретаря. Он должен был протоколировать допрос. Но мага, который должен был допрашивать ведьму – а это был сам Крон, – там не оказалось.

– Крона незадолго до появления ведьм вызвали в палатку императора по срочному делу, – деликатно сообщил Эмнер.

– А я в том фургоне был и не нужен, пока шел «разогрев» перед допросом, – лениво вставил имперский маг – он тоже прислушивался к рассказу.

– Крыло «Мертвая рука», теперь уже в полном составе, смерчем прошло по армейскому лагерю, – продолжал Эмнер. – Генералу Свиригайло вдруг захотелось покинуть ставку.

Энедика хихикнула и слушала дальше:

– Но ему это не удалось. Ведьмы вынули его из стремени и бросили его к ногам императора.

– Я был сильно озадачен таким размахом дела, – признался Искандер.

На столе перед Кроном что-то громко зашипело. Маг негромко выругался.

– Ведьмы потребовали, чтобы имперский маг применил к Свиригайло Заклятие Правдолюбца, – произнес Эмнер. – Искандер согласился, разбудил господина имперского мага, и господин Крон наложил чары.

– Свиригайло такое рассказал! – добавил Искандер. – Я пожалел, что гвардия не пропустила ведьм в мою палатку.

– На зрелище собрался посмотреть весь лагерь, – рассказывал секретарь. – Солдаты узнали не только о том, кто на самом деле передал содержание секретного пакета противнику. Но и куда уходит большая часть выделяемого войску пайка... Где, в каких банках крутится их жалование, которые части под началом Свиригайло не получали уже больше года... Генерала казнили на месте.

– А я оглядел руины общеармейского бивака и понял, что еще одной облыжно обвиненной ведьмы моя армия не переживет, – сообщил император.

– После чего его величество и подписал указ о неприкосновенности боевых ведьм во время дознания. Впоследствии этот закон называли Казусом Свиригайло, – закончил Эмнер. – Но полковник не является боевой ведьмой, и поэтому Заклятие Правдолюбца можно применять к нему...

Крон сделал последний пасс рукой и сказал:

– Готово.

Маг сошел с возвышения и поднес чашу к губам Маковца. Тот дернулся. Конвоиры отработанным движением схватили его за руки с двух сторон. Полковник попытался отвернуться. Светловолосый богатырь свободной рукой схватил его за голову. Второй охранник ловко зажал нос полковника. Маковец открыл рот, и Крон тут же влил туда содержимое чаши. Полковник поперхнулся и стал отплеиваться. Темно-зеленая струйка потекла от угла губ к подбородку, брызги упали на мундир Маковца. Глаза мандречена закатились, он повис на руках охранников.

Больше всего Энедику впечатлило то, что вся процедура проходила в полной тишине. Ни полковник, ни имперский маг не произнесли ни слова. Ни мольбы, ни ответного оскорбления.

Крон отступил от обмякшего Маковца, вернулся на свое место и собрал пузырьки. Рассовав их по карманам, имперский маг сказал:

– Приведите его в чувство.

Блондин ухватил полковника подмышки и повернул лицом к своему напарнику. Тот отвесил Маковцу звучную затрещину. Голова полковника дернулась, как на веревочке. Маковец с трудом открыл глаза. Энедику чуть не стошнило. Эльфка даже удивилась – она давно потеряла чувствительность к таким мелочам. «Это квас, наверное», подумала Энедика, прислушиваясь к своему желудку. Собственные ощущения заинтересовали ее гораздо больше показаний Маковца. Полковник тихим голосом ребенка, который изо всех сил хочет быть послушным и старается обрадовать своих родителей, рассказывал, как ездил в Лихой Лес вместе со своим хорошим другом, Малютой Старгородским... Крон очень ласковым голосом расспрашивал его. Эльфка же думала только о том, разрешается ли свидетелям покидать заседание Верховного Трибунала для отправления естественных надобностей. В какой-то момент ей показалось, что вопрос сейчас решится сам собой. Одорическая атака на окружающих началась без предупреждения и всякого на то желания эльфки. Вслед за газом в ход обычно вступала тяжелая артиллерия. Энедика стиснула зубы. Ей совсем не хотелось, чтобы в Куле, да и во всей Мандре потом рассказывали о том, как темная эльфка обделалась от страха, представ перед очами Верховного Трибунала. Эмнер покосился на соседку, не отрываясь от своей писанины. По непонятным причинам бурчание у нее в желудке прошло так же внезапно, как и началось.

– Ну, ясно, – произнес Искандер. – Но почему ты сделал это, Ярек?

– Я хотел стать генералом. Я хотел командовать войсками в Лихом Лесу, – доверчиво глядя на императора, отвечал Маковец. – Если бы война закончилась, меня уволили бы по сокращению. Я ж кадетских корпусов не кончал, звание на войне получил... Да и господин Хляндик как раз жил в Приморском квартале. Он погиб, и я думал, а может меня теперь назначат начальником...

– Хорошо, я понял тебя, – ничего не выражающим голосом ответил Искандер. – У меня больше нет вопросов.

– Будем приговор выносить? – осведомился Крон.

Император кивнул. Охранники снова устроились на лавке вместе с Маковцом. Полковник болтал ногами, как маленький ребенок, смотреть на это было жутко. Энедика отвернулась и прислушалась, как переговариваются Искандер и Крон.

– Четвертовать его, и всего делов, – говорил император Мандры. – А подходящую статью Эмнер найдет потом в Уложении.

Лицо Маковца сморщилось, когда он услышал эти слова.

– Я огорчил императора! – зарыдал полковник.

Блондин погладил его по голове.

– Да нет, что ты, – сказал он. – Император доволен тобой. Ты рассказал ему всю правду.

– Да? – обрадовался Маковец.

– Конечно, – сказал светловолосый охранник.

Его напарник извлек откуда-то леденец на палочке и протянул полковнику.

– На, – сказал охранник мягко. – И посиди тихо, будь хорошим мальчиком.

Маковец, судя по всему, уже забыл, что этот человек ударил его по лицу полчаса назад. Полковник взял леденец и стал сосать, причмокивая. Энедику пробрал озноб. Эльфка отвернулась.

– Статьи... это не так важно. Но четвертовать... все-таки, дворянин в третьем колене, – сомневался Крон. – Это подорвет уважение к знати, думается мне. Ну что такое, как простого конокрада. Я советую отрубить голову. Чинно, благородно...

– Да срал я на эту знать, – ответил Искандер. – Ублюдок заслужил четвертования!

– Значит, он будет четвертован, – отступился маг. – Но срать на знать я бы тебе не советовал... – добавил он так тихо, что эти его слова услышали только император и эльфка.

Искандер поднялся с места, и вслед за ним встали и все присутствующие.

– Оглашается приговор, – церемонно произнес Крон.

ЭПИЛОГ

Волхв Степан был старшим причетником Ящера вот уже пятнадцать лет. Пятнадцать лет он прожил в уютной комнате под самой крышей башни. Окна комнаты выходили на тот берег острова, что был обращен к морю. Когда солнце село и ушла дневная духота, сонная, ленивая, Степан попытался поработать над отчетом. Главный волхв Ящера, Дренадан, уже несколько месяцев хотел его прочесть.

Но вскоре по железной крыше башни цепями яростных струй замолотил дождь. Чернушка, кошка причетника, мяукнула и забилась под кровать. Дождь бил усердно, как старательный крестьянин. Причетник при каждом ударе грома подпрыгивал в кресле. Чернушка нервно мяукала в своем укрытии. Поняв, что сегодня у него ничего не получится и он только напортит, Степан отложил отчет. Причетник решил выманить кошку и успокоить ее, но Чернушка орала из-под кровати дурным голосом и выходить не собиралась. Волхв выглянул наружу и застыл у окна, замороженный мрачной красотой и силой грозы.

Ветер выл, загоняя воду обратно в устье Нудая. Океан ревел, распарывая свою грудь об острый, как спица, утес. Бледные кривые сабли молний полосовали брюхо туч. С земли, навстречу стрелам Перуна били рукотворные стрелы – алые, синие, золотисто-коричневые и голубые. Это послушники Радагаста, будущие боевые маги, развлекались на утесе. Если, конечно, можно назвать развлечением отработку приема «Отдача», военной разновидности Зеркала Анцира.

«Надеюсь, это последняя гроза в этом году», подумал Степан. Он всегда любил тепло и покой. И, находясь под крепкой крышей в моменты неистовства стихий, старший причетник Ящера испытывал острое наслаждение. Причетник понял, что кружка грога сейчас будет очень кстати, и сделал шаг к камину, где тихонько потрескивали дрова.

В этот момент Степан понял, что в дверь его комнаты стучат, стучат требовательно и, судя, по всему, давно.

– Кого там Позвизд принес? Я же просил! – зарычал причетник, поспешно раскладывая на столе бумаги. – Никогда не дадут поработать! Что у вас опять?

Стук повторился. Для убедительности засунув перо за ухо, Степан подошел к дверям и открыл. Увидев, кого ему принес ночной ветер, старший причетник от изумления несколько секунд не мог вымолвить ни слова. Незнакомая эльфка в роскошном, но насквозь мокрым сюрко была последним живым существом, которое он ожидал увидеть на пороге своей комнаты. Причетник всплеснул руками – и эльфка ловким движением надела на запястье волхва четки.

Четки из обсидиана редкого цвета – черного в белых снежинках.

– Проходите, – промямлил Степан.

Эльфка вошла в комнату. Волхв увидел за ее спиной Дарика, одного из послушников Радагаста. Форменный плащ юноши потемнел от воды. Лицо послушника пересекал лиловый зигзаг. Степан хмыкнул. Очевидно, столкнувшись в ночи с невесть откуда появившейся эльфкой, Дарик попытался ударить ее своей Чи. После чего прочувствовал на своей собственной шкуре, как работает Зеркало Анцира.

– Ну, я пошел? – буркнул юноша и, не дожидаясь ответа, стал спускаться по узкой винтовой лестнице.

– В следующий раз сначала поздоровайся, прежде чем лезть в драку, – бросила эльфка ему вслед. – Драться с незнакомцем – это верх неприличия.

Обернувшись, причетник увидел, что гостя успела произвести множество весьма практичных действий. Эльфка сбросила сюрко, повесила его на приколотенные к стене рога и поставила у стены свою огромную сумку. Сейчас она сушила оранжевый кертль на себе заклинанием – гостью окутывало облачко пара.

– Присаживайтесь, – указывая на кресло-качалку у камина, дружелюбно произнес Степан.

– Напоминает пыточное кресло, – подозрительно ответила эльфка.

Волхв уселся в него и качнулся туда-сюда, продемонстрировав, что конструкция рассчитана не на причинение мук, а как раз наоборот. Эльфка, все еще колеблясь, осторожно присела. Степан прошел к резному поставцу в дальнем углу комнаты, по дороге стыдливо набросив покрывало на разворошенную постель. Волхв собирался угостить гостью вином. Но кинув взгляд на лужу, которая натекла с ее сюрко, изменил свое решение. Причетник извлек из прохладных глубин поставца бутылку с водкой, два стакана и полпалки славной колбасы, которую неречь называют «вайсфляйш». Эльфка с ногами забралась в кресло. Сбросив мокрые сандалии, она чуть покачивалась в нем, глядя на огонь. Кошка уже как-то очутилась у нее на коленях. Степан заметил, что глаза гостьи сузились точь-в-точь как у Чернушки, и понял, что перед ним авари, дитя Лихого Леса. Волхв пристроил стаканы на каминной полке и разлил.

– Это чтобы вы не простудились, – сказал он, подавая стакан гостье.

Причетник опасался, что эльфка презрительно сморщит носик. Но та лихо опрокинула стакан, даже не моргнув глазом – своим чудным глазом с желтой вертикальной трещиной зрачка. Степан тут же заботливо протянул ей колбасу. Эльфка впилась в нее зубами. Отломив кусочек колбасы, она подала его Чернушке – как ревниво заметил Степан, угощение было принято с благодарностью. Остатки палки гостья вернула волхву.

– Со знакомством, – сказал Степан, выпил и закусил.

Эльфка чихнула.

– Не помогает ваше лекарство, – сказала она мрачно.

Голос у нее оказался мелодичный, богатый обертонами, как вечерний перезвон колоколов.

– Ну, не все сразу, – ответил волхв.

Придвинув к камину стул, Степан сел рядом с гостьей. Сняв с запястья четки, он задумчиво перекинул несколько бусин.

– Я обязан предоставить вам отдельную комнату, – сказал волхв после непродолжительного молчания. – Но честно признаюсь вам, что могу сделать это, только предоставив вам свою.

– Я согласна на общий барак, – пожала плечами эльфка.

– Ну, барак – не барак, – смутился Степан. – Поживете пока в соседней башне, в комнате с двумя соседками. Одна из них тоже эльфка, так что вы не будете чувствовать себя одиноко. А после Коляды у послушников Авсеня выпускные экзамены пройдут, разъедутся по храмам, мы вас и расселим...

– Пойдет, – бодро откликнулась гостья.

– На ваше содержание в Капище Всех Богов из имперского бюджета будет выделяться тринадцать гривен в месяц, – продолжал причетник. – Примерно столько же, сколько уходит на содержание одного воспитуемого в воспитательном лагере. Вы хотите, чтобы мы вас кормили-одевали на эти деньги, или чтобы эти деньги переводились на счет в банке? Но тогда вам придется участвовать в работах в капище.

Гостья поразмыслила с минуту.

– Я не привыкла сидеть без дела, – ответила она. – Я бы лучше поработала. Но ни в каких ритуалах участвовать не буду.

– А к мандреченским ритуалам сидхи и не допускаются, – кивнул Степан. – В случае, если между нашими народами будет заключен мир, в тот же день вам будет оплачен из имперской казны бросок через телепорт до Келенборноста.

Эльфка покачала головой и восхищенно присвистнула.

– Что же, добро пожаловать к нам, уважаемая....

Волхв запнулся – он еще не успел узнать эльфки.

– Энедика, – лениво сказала гостья и протянула стакан. – Налейте мне еще, я промокла как лягушка...

– А у нас говорят – как собака, – заметил Степан, наполняя ее стакан. Подумав, он налил и себе. Волхв и эльфка чокнулись.

– За собак и лягушек! – мрачно сказала Энедика.

Башня содрогнулась от очередного удара грома. Чернушка мякнула. За окном светящимся ветвистым деревом взметнулась к небу совместная рукотворная молния послушников Радагаста.

Перед Храмом Синергистов находилась небольшая площадка, в центре которой стоял дуб. Это было очень старое дерево. Морана телепортировалась в храм Зарину, Сабрину, двух экен и старшую крыла «Змей» а так же целительницу, но обхватить этот дуб они не смогли бы – даже если бы суккуб встала в их круг. Под дубом находился фонтан с круглой чашей. Вода в фонтане лилась из кувшина, который держала в руках мраморная статуя женщины. Взглянув на статую, Карина поняла, что скульптор был лично знаком с Матерью Рябиной – лет двести назад.

Светлана сидела на бортике фонтана и пристально смотрела на воду, словно надеялась увидеть там самого Ёрдмунганда. Карина же принялась разглядывать дуб. Все равно больше делать было нечего.

Жрец Храма Синергистов был первым толстым темным эльфом, которого увидела мандреченка. «Кому война, а кому мать родна», неприязненно подумала ведьма. Клятва Синергистов пользовалась большой популярностью среди боевых магов. Она позволяла в бою пользоваться всей Чи партнера, что улучшало положение волшебника в схватке.

Неприязнь оказалась взаимной. Выяснив, что только Крюк с Сабриной и Гёса с Зариной собираются связать себя Клятвой, жрец потребовал, чтобы все остальные, то есть Карина и Светлана, убирались вон. Причина была проста. Полностью убрать чужие Чи и Цин, которая в момент смерти переходила от жертвы к убийце, мог убрать только волхв Ящера. Светлана подчистила ауру Карины, как смогла, но часть жизненной энергии Ринке еще крутилась по каналам Чи мандреченки. И эльфийский жрец это видел. Старшая крыла «Змей» ответила, что не намерена оставлять двух лучших своих воительниц в самом сердце Лихого Леса одних. Неизвестно, что ответил бы ей сидх – губы его начали нервно подергиваться, но Морана не дала ему вымолвить ни слова. Суккуб сказала, что, конечно, во время ритуала посторонним нечего делать в храме. Но они вполне могут подождать во дворе.

– Долго придется ждать, – заметил второй жрец.

– Ничего, нам последнее время очень не хватало этих спокойных минут, когда можно просто сидеть и ничего не делать, – ответила Светлана.

Темные эльфы разом посмотрели на Морану. Суккуб рассеянно разглядывала причудливую лепнину на потолке.

– Храм основан мандреченкой, – произнесла Морана, не отрывая глаз от фигуры огромного зверя – то ли волка, то ли пса. – Я думаю, что если две ее соплеменницы посидят во дворе, это не будет святотатством.

Таким образом Светлана, Морана и Карина очутились под дубом. Плитки, которыми была выложена площадка перед храмом, во многих местах вздыбились, поднятые мощными корнями дерева. Выглядело это так, словно дорогим, в алых прожилках, голубоватым истинским мрамором прижало огромных змей. Перед тем, как застыть в каменном плену, они извивались и бились в последней попытке сопротивления. Еще одна змея – змея чудовищной, глубокой трещины, расколовшей дерево до самой сердцевины – петляла по коре самого дуба. Карина осторожно коснулась краев. Ведьма поморщилась, почувствовав под рукой противную мягкость гнили.

– Сидхи бы дуб хоть побелили, что ли, – сказала мандреченка рассеянно. – Или подкормили чем. Он же за века высосал всю почву вокруг, да на полверсты вглубь...

– Скажи, Карина, – осведомилась Морана. – Когда ты видишь в зеркале морщины на своем лице, разве ты накладываешь пудру на зеркало?

Мандреченка смутилась и замолчала.

– Вы уверены, что хотите подождать своих подруг здесь? – спросила суккуб.

Ведьмы кивнули.

– Я вернусь за вами к закату, – вежливо сказала суккуб и поставила на бортик фонтана объемистую корзинку. Карина сначала думала, что в ней – подношения для жрецов. Но те, как выяснилось, брали только деньгами. Правда, они принимали любую валюту, имеющую хождение в обитаемом мире. Цена ритуала оказалась вполне приемлемой для ведьм. Глава отряда, присланный воеводой Бьонгарда за остатками груза, щедро расплатился с небесными воительницами. Он предлагал доставить ведьм в город, но Карина отказалась. Старшая крыла «Змей» не хотела перевозить еще не пришедшего в себя Гёсу. Да и мандреченка знала, что в таверне они будут ничуть не в меньшей безопасности, чем в столице Лихого Леса.

А возможно, и в большей.

– Здесь пирожки с рыбой, вино, немного строганины, – сказала Морана. – «Порох с перчинкой», яблоки, помидоры, огурчики малосольные...

– Ой, спасибо, – обрадовалась Светлана.

Карина протянула руку к поясу, за кошельком, но суккуб сказала:

– Это вам привет от Сташи.

Хозяйка таверны сплела руки в сложном жесте. Суккуба охватила черная сфера. Когда она беззвучно лопнула, Мораны внутри уже не оказалось. Светлана присела над корзинкой, сняла крышку и запустила руку внутрь.

– За пирожки Сташи можно родину продать, – заявила целительница, доставая два аппетитных пирожка – себе и подруге.

– Я не хочу пока, – сказала Карина и прислонилась спиной к дубу. – А ты ешь.

Некоторое время они молчали. Света уплетала пирожок, Карина смотрела на воду, льющуюся из кувшина Матери Рябины.

– Этот лес, это лето дали нам многое. Зарина нашла себе Синергиста, Сабрина – тоже, а я... – тихо сказала мандреченка.

Светлана перестала жевать.

– Что – ты? – мягко спросила она.

Номер Ринке оказался залит кровью, словно в нем разделявали свинью. Но тела сидха в комнате не было. Целительница до сих пор не понимала, что Карина сделала с любовником. Ведьма не рассказывала, а спрашивать Света не рискнула.

– Я убила мужчину, который меня любил, – ответила Карина.

– Тела не нашли, – произнесла Светлана осторожно. – Кто-то вытащил Ринке из таверны... Может, его спасут. У Ежей сильные маги.

Карина грустно улыбнулась:

– Не надо меня утешать, Светик...

Мандреченка отошла от дуба, развела руки, словно собираясь сплести заклинание. Но целительница поняла, что Карина подыскивает слова. Возможно, впервые в жизни, потому что подруга была очень остра на язык.

– Ты знаешь, это было странно, так необычно, – с трудом начала Карина. – Это совсем не походило на роман. Но только теперь, когда все кончилось, я поняла, что это была любовь.

Светлана смотрела на нее и думала, что еще никогда еще не видела у подруги такого лица.

Это было неудивительно – подруги говорили о многом, но никогда – о любви. Об игре с мужчинами, которой Карина научила свое крыло – да. О наслаждении, которое дает секс – тоже. Но не о любви.

Этим боевые ведьмы не занимаются.

– Мы привыкли, что у любви есть схема, – продолжала Карина. – Знаки внимания, более или менее материальные, тщательно высаживаются на холмах чувств и пересчитываются, как елочки вокруг капища Ящера. Взвешиваются – придиричиво, как рыба на базаре. Затем идут слова любви, а потом и сам акт. В супружеской жизни, как известно, не до любви. Но мы перестали видеть лес за деревьями. А рыба, которую мы так тщательно взвешиваем, давно протухла. Отблески той самой сильной магии, что зовется любовью,

остались лишь на чешуе, разметанной под ногами покупателей вместе с кровавой требухой.

Светлана поежилась.

– Сильный образ, – пробормотала она. – Тебе надо сложить песню.

Всех боевых ведьм учили пению – это было одним из способов овладеть Чи Воздуха.

– Я не смогу петь об этом, – ответила Карина.

Мандреченка присела на бортик рядом с подругой.

– Я думала, что знаю любовь, – сказала Карина. – Когда еще была жива моя наставница, станичная ведьма Кертель, к ней в избушку часто приходил один... маг. Мне Тенквисс казался очень красивым, да и вообще он был солидным мужчиной. Он оказывал мне знаки внимания, и он был щедр на них. Кертель его резко осаживала. Я думала, что старуха ревнует меня к своему давнему ухажеру. И мне было очень приятно. А потом, когда Кертель умерла в старом капище, Тенквисс приполз в избушку. Его здорово отделали... А Кертель успела меня многому научить. Я воображала себя принцессой, которая ухаживает за раненым рыцарем... В этом не было любви. Была жажда обладания, гордость оттого, что мой первый любовник – благородный господин, а не Ясек, парнишка из станицы. Фантазии Ясека хватало только на то, чтобы опрокинуть меня на сеновал, тогда как Тенквисс был весьма оригинален в выдумках. И Тенквисс был, я думаю, тоже очень доволен. Потому что он хотел сыграть со мной именно в такую игру.

Здесь все было иначе, – продолжала мандреченка. – Нам с Ринке некогда было флиртовать, ну, разве что самую малость. Сидхи, они такие – они скажут пару комплиментов самой Моготе, когда она за ними придет. Что-нибудь вроде, «как вам идет черное с серебром...».

Карина невесело улыбнулась:

– У меня в ногах валялись маги, герцоги и только что не императоры, и я думала, что я знаю любовь и что я пресыщена ею, как... Но я ошиблась. Я совсем не знала любви, Света, и поэтому не узнала ее, когда она пришла.

– Так что же, по-твоему, любовь? – спросила целительница.

– Может быть, воевать вместе?

– Возможно, – задумчиво ответила Светлана. – Наконец-то это случилось и с тобой. Ну почему наша первая любовь всегда несчастная?

– Прости меня, Светик, я так упивалась болью, что даже не подумала, что ты тоже страдаешь, – сказала Карина. – Так и Арга... ну... не просто нравился тебе? Ты его любила?

На глазах целительницы выступили слезы. Светлана всхлипнула. Карина обняла ее.

– Но если бы не Ринке, – мокрым голосом сказала Света. – Я не смогла бы заниматься сексом с Аргой, несмотря на то, что я очень его хотела. А ведь сидх не любил меня. Ринке играл со мной, потому что тебе это было приятно.

– Поэтому я могу представить, хотя и отдаленно, как хорошо с ним было тебе, – добавила она более твердым голосом.

– Давай тогда помянем их, Ринке и Аргу, – сказала Карина и достала из корзинки вино.

Светлана подумала, что капитанов Армии Мандры редко поминают вместе с Ежами, но ничего не сказала. Карина заметила вдруг, что тесто на пирогах сверху замято в косичку, как это делалось на поминальных пирогах мандречен. Вампирка, как выяснилось, была знакома с обычаями людей и, как и Морана, обладала некоторым даром предвиденья. Карина открыла бутылку, отхлебнула, протянула подруге и откусила от пирога. Сташи, несомненно, была гением кулинарии. Пирог был именно таким, каким должен быть поминальный пирог – сочным, но немного соленым и горьким. Светлана сделала большой глоток из бутылки и спросила:

– Но почему же ты убила Ринке? Он на тебя напал? А почему не отравил, как это сделали другие Вилли и Лайруксал? Или ты поняла, что Ринке должен убить тебя, прочла его мысли?

– Помнишь, ты думала, что я издеваюсь над мужчинами в силу проклятия, которое лежит на мне? – сказала мандреченка. – Ты была права, это все из-за него. Оно, это

проклятие, набирает силу. Мне захотелось не ругаться с Ринке, а убить его. Это было не отвращение, как обычно, а мучительное желание, понимаешь? Честно скажу тебе, Света, я боюсь самой себя теперь. Боюсь того, что во мне... Меня еще не охватывала жажда убийства после занятий любовью. Это в первый раз. Что же будет дальше?

Целительница хотела спросить, почему же тогда проклятие не действовало во время похода, но вспомнила более важную мысль.

– На тебе Проклятие Ледяного Сердца, Карина, – сказала Светлана. – Оно наведено с помощью Цин, и я ничего не могу здесь сделать. Где-то в твоём теле есть артефакт, наполненный мертвой силой. Осколок Льда. Я видела искривление каналов в твоей ауре, когда ты появилась перед нами в ту ночь, и узнала его. Просто не успела сказать, столько было хлопот с ранеными... А снять чары может тот, кто тебя проклял.

– Знать бы еще, кто это, – мрачно ответила мандреченка.

Светлана кашлянула, отвела глаза.

– Пожалуйста, не обижайся на мой вопрос, – сказала целительница. – А что это за старое капище, где умерла твоя наставница? Ты была там с ней?

– Это было капище Ящера. Да, мы были там вместе, – кивнула Карина. – Она умерла у меня на руках. Подожди! Ты думаешь, что это она...?

– Ящер управляет мертвой силой, и проклятие закреплено именно ею, – ответила подруга.

Поняв, что Карина все еще не верит ей, Светлана добавила:

– Если не передать кому-то проклятие, наведенное с помощью Цин, дух проклятого не сможет перейти мост между миром живых и мертвых. Он будет вечно скитаться по нашей земле. Кстати, расскажи мне, что за обряд Кертель совершила над тобой.

– Понимаешь, у меня врожденно очень слабая способность управлять Чи, – пробормотала мандреченка. – Кертель пообещала передать свои способности мне, а она была могучей колдуньей. Что она один раз сделала со сборщиками податей...

– А не могло быть так, что эта могучая колдунья подавила твои способности, чтобы ты попросила у нее поделиться ее силой? – спросила Светлана.

Мандреченка озадаченно посмотрела на подругу.

– Мне подобное не приходило в голову, – сказала Карина. – Кертель хорошо ко мне относилась. По крайней мере, мне казалось, что она ко мне хорошо относится, – добавила она уже менее уверенно.

– Что значат чувства, когда можно навеки застрять в мире живых? – возразила Светлана. – Продолжай.

– Да я уже почти ничего не помню, – пробурчала подруга.

... Огромные медвежьи челюсти, вбитые в дуб на развилке... алая полоска неба над лесом, стремительно сереющая... холодное, гнилое дыхание болота, тропки, которые выдержали старуху и подростка, черная вода, заполняющая их следы...

...Суровый голос Кертель: «По доброй ли воле ты принимаешь мой дар?». Девушка была в полусне, в полубреду, под влиянием трав, что дала ей выпить старая ведьма, но помнила, что нужно ответить «Да». Карина так сказала. Грудь и низ живота пронзила обжигающая боль. Карина начала задыхаться и одновременно испытала могучие позывы к тошноте. Тогда в жертвенник ударила молния и расколола его. Гроза собиралась еще с вечера. Ведьмам пришлось переждать ее в контине, которую Кертель назвала храмом Отчаявшихся. Утром, когда девушка проснулась, тело наставницы было уже холодным. Карина заплакала. Она любила старую, ворчливую Кертель. Карина с трудом разжала руку – умирая, наставница держалась за ладонь своей воспитанницы. Но измученная девушка не почувствовала этого. Юная ведьма знала, зачем Кертель искала ее руку в миг расставания с этим миром. Кертель не хотела остаться одна. За вторую руку старую ведьму держала сама статуя Моготы. В этой части своих воспоминаний Карина была уверена меньше всего. Когда

девушка взглянула на идола, в глазах у нее все поплыло. А когда взгляд Карины прояснился, статуя уже стояла в той позе, которую ей когда-то придал скульптор. Но в тот же миг с глухим стуком рука Кертель ударилась об пол. Карина отнесла тело наставницы на кладбище. Кертель не обманула ученицу. С той ночи дар в Карины расцветал все пышнее...

– Да, так и есть. Этот вопрос, согласна ли ты принять ее дар – вот тут ты и попала, – сказала Светлана. – Твоя наставница прокляла тебя. Тебе надо вызвать ее духа и поговорить.

Карина покачала головой:

– У меня не осталось вещей, в которых была бы запечатлена Чи Кертель, а без этого ритуал не проведешь. Хотя можно поискать в избушке. Кертель тоже оставила мне, я там теперь живу зимой...

– Поищи, – сказала Светлана. – По крайней мере, теперь ты знаешь, что искать. И даже знаешь, где.

Карина посмотрела на лес, обступавший храм со всех сторон. Сюда не вело ни одной дороги – гости приходили в храм только через телепорт. Осень уже щедро разбросала золото и бронзу по скромным зеленым платьям деревьев. Лес принаряжался перед тем, как сменить яркое разноцветье на пышную, но однотонную зимнюю шубу.

– Мы многое потеряли здесь, – сказала мандреченка. – Но многое и нашли. И мы хотим сказать спасибо богам Лихого Леса за все их дары. И за боль, и за знание.

Целительница засмеялась:

– А одно без другого не бывает.

Светлана наклонилась и наудачу вытащила что-то из корзинки. Это оказался бутерброд с маслом и строганиной.

– Не знаю, как тебя, – произнесла целительница. – А у меня все беседы за жизнь вызывают дикий аппетит.

Карина усмехнулась.

– Оставь хоть немного девочкам, – сказала она. – Такие мощные магические ритуалы, как Клятва Синергистов, должны пробуждать аппетит ничуть не меньше бесед за жизнь.

Светлана отломилла подруге половинку бутерброда, подала ей. Карина откусила.

Так они и сидели, мандреченка и оборотень, старшая крыла «Змей» и целительница. Солнце рассыпалось бликами от бронзовых заколок в рыжих волосах Светланы и тонуло – в черных волосах ее подруги.

Императорский дворец был расположен на холме. Искандер стоял на балконе, курил, и смотрел на раскинувшуюся внизу Кулу. Ночная столица казалась неведомым чудовищем, покрытым колючей шерстью башен, замков и храмов, со светлой проплешиной на месте торговой площади и черной – на месте выгоревшего Приморского квартала. На пепелище тут и там теплились огоньки костров, разведенных погорельцами – слабая замена домашнего очага.

Искандер никогда не любил Кулу.

Этот город был слишком старым, слишком помпезным, слишком крикливым и вычурным. Меж каменных стен и дощатых заборов император чувствовал себя зверем, попавшим в ловушку. В лабиринт, построенный хитроумным охотником специально для столь умного и опасного противника. Иногда Кула напоминала императору ярмарочную карусель. Но эта карусель была сделана сумасшедшим. Вместо лошадок и лебедей на стальном кругу были только острые, изголодавшиеся по крови мечи и косы, насаженные торчком. Искандер знал, всегда знал, что он может спрыгнуть с карусели.

Но он хотел не этого.

Император Мандры хотел остановить это безумное вращение. Он думал, что нашел людей, которые мечтают о том же. Он понял, что ошибся, и теперь страдал.

На балкон вышел Крон. Маг обнял Искандера за плечи, заглянул в лицо императору и увидел, что по щекам Искандера текут слезы. Крон опустил руки и отошел от императора.

Некоторое время они оба молчали. Искандер курил, выпуская колечки дыма. Маг ковырял ногой мраморный пол балкона.

– Дело не Энедике, насколько я понимаю, – сказал Крон наконец. – Но почему же ты тогда плачешь?

Искандер потер переносицу.

– Я никак не могу понять, почему... – сдавленным голосом сказал он. – Если бы сидхи прихватили Маковца на компромате; если бы он сделал это из-за денег; но...

Маг тихо засмеялся. Император обернулся к нему. Крон обнял Искандера и поцеловал.

– Вот поэтому ты стал маршалом, – сказал маг. – А Маковец так и не стал даже генералом.

Светлана зашила раны Шэда и оставила немного снадобий. Путешествие по Лихому Лесу опустошило ларчик целительницы с декоктами и травами. Также целительница объяснила, что еще может понадобится раненному. Магнус съездил за остальными лекарствами в Бьонгард.

Первый раз Шэд поднялся с постели незадолго до Альбан эилер. А накануне Самхайна Сташи уговорила его устроить праздничное представление. Оборотень не смог отказать вампирке, которая, как выяснилось, родилась именно в эту ночь.

Вечером того дня, когда зима вступает в свои права, украшенные цветами и лентами grosайдеч и вампирка поднялись над таверной. Шэд показал парочку классических приемов воздушной охоты. Сташи, разойдясь, так и крутила «мертвые петли» и «бочки» вокруг оборотня. Маневры закончились «пике смерти», которое вампирка и grosайдеч выполнили синхронно. Когда стемнело, в небо запустили множество брызжащих разноцветными искрами петард. Шэд огонь выдыхать не стал. Не потому, что не мог. Оборотень не хотел снова испытывать неконтролируемую ярость, что охватывала его, когда он дышал огнем.

На следующий день после празднества Шэд сказал Магнусу:

– Ты самый смелый гоблин из всех, кого я видел. Как ты можешь жить без ворот? Ведь в нашем лесу идет война.

– Я живу без ворот, потому что у меня нет денег заплатить лесорубам и плотникам, – ответил гоблин. – Мне хватило лишь на лицензию для вырубки.

– Дай ее мне, – сказал Шэд. – И я отнесу тебя туда, где растут отличные дубы.

Вздохнув, оборотень добавил:

– Я их цеху бьонгардских столяров хотел загнать, да уж ладно...

– Ты знаешь, я не романтик, – доверительно сообщил Магнус. – Небо никогда не манило меня... Мне не усидеть на драконе, тем более, у нас и упряжи для тебя нет.

Оборотень потемнел лицом и ответил:

– Я не беру всадников. Никогда. Запомни это. Ты будешь сидеть в корзине, которую я понесу.

На это Магнус согласился. С ними напросился и Андерет, крича, что с такой мордой, как у него сейчас, только лесовичек и соблазнять, а места в корзине для него хватит. Пока эльф и гоблин валили лес, дракон гордо сидел в сторонке. Перекидываться, равно как и брать в руки топор, Шэд отказался. Оборотень напомнил, что ему еще тащить обратно все, что они сейчас нарубят. Как и дракон, гоблин и эльф все время чувствовали на себе пристальные взгляды с соседних ветвей. С той особой их пристальностью, которую дает только необходимость смотреть поверх оперения стрелы. Магнус и Андерет спилили два мощных дуба и повалили топорами еще три дерева поменьше, хотя по лицензии были оплачены всего три дерева. Но гоблин решил в случае появления Ежей напомнить, по чьей вине он лишился ворот. А в присутствии дракона вряд ли бы партизаны стали спорить. Но Ежи никак не обнаружили себя. Магнус и Андерет обвязали срубленные деревья веревками, и Шэд отнес все на холм, где стояла таверна.

Ранним утром, когда в воздухе уже чувствовалось дыхание наступающей зимы, гоблин сидел во дворе, верхом на бревне. В руках у него был острый клин – Магнус искал

подходящий паз, чтобы расколоть кряж повдоль. Под нос себе хозяин таверны мурлыкал старую гоблинскую песню, сложенную в одну в из особенно суровых зим:

Голод по лесу гуляет,
Голод жертвы собирает.
Шевельнулся, глянь, медведь
И как начал он реветь:
"Ой, зверюшки, помираю,
Съел сейчас бы караваю,
Сделал бы из вас рагу,
Да подняться не могу"²⁰...

Магнус поежился от холодного ветра, поднял голову и увидел Морану. А гoblin и не заметил, когда суккуб материализовалась рядом с ним. Суккуб молча слушала – ей всегда нравилась эта песня. В последнее время Морана оживилась, стала более доброй и веселой – как и всегда при приближении зимы.

Но еще ни разу с той памятной ночи Магнус не слышал ее смеха.

– Поддай-ка мне топорик, вон там, – сказал гoblin.

Морана протянула ему инструмент. Магнус легонько вколотил клин в паз и слез с бревна.

– Ты думаешь о нем? – спросил гoblin.

Морана молча кивнула. Магнус отметил про себя, что она даже не переспросила, о ком «о нем».

– И что ты о нем думаешь?

– Я думаю, что Квалмэхтар должен был родиться богом, – ответила суккуб. – Я даже знаю, кто мог бы быть его отцом...

Магнус ударил топором по клину. Бревно с тяжким стоном распалось пополам.

– Тогда он был бы горгульей, но не богом, – сказал гoblin, не глядя на Морану.

– Я испытываю к нему совсем другие чувства, – рассеянно произнесла хозяйка таверны.

Магнус несколько мгновений смотрел на отблеск тусклого зимнего солнца в стали топорика.

– Почему же тогда ты прогнала Квалмэхтара? – поинтересовался гoblin.

– Небо должно отражаться в земле, а не в огне, – ответила Морана. – Иначе Железный Лес сгорит.

Магнус криво усмехнулся, но промолчал.

– Одно время Пес жил с Лилит, – продолжала суккуб задумчиво. – Их ребенок был бы богом, и одним из сильнейших богов... Как это потом и случилось с другим ее сыном. Но Лилит тогда не хотела детей. Она хотела Пса целиком, для себя. А теперь-то уж что. Но есть и другие боги. А Квалмэхтар почему-то родился смертным.

– А ты не думаешь, – сказал гoblin. – Что эльфам... да и мандреченам... пора уже стать богами для самих себя?

Морана засмеялась. Магнус хмуро посмотрел на нее.

И вдруг почувствовал, что тоже улыбается.

– Посмотрим, Магнус, посмотрим, – ответила Морана. – Суккубы – да и гoblinы тоже – живут долго.

²⁰ «Песня гoblinов» (с) Евгений Гирный»